

И. Крупеникова

С Е М Ь С Т И Х И Й

книга 2

ВЫЧЕРКНУТЫЕ ИЗ СУДЬБЫ

Тверь

1997

ГЛАВА 1

СЕДЬМАЯ СТИХИЯ

— Блестящая победа, герцог! Все получилось в точности, как вы предвидели. Мосты разрушены у самого основания, и лазутчики Великих не скоро решаться вновь заговорить в нашей Структуре. Первый Экзистедер вне опасности. Но, прошу вас, откройте свой секрет, почему вы ни на мгновение не усомнились в поражении Дьербрука?

— Информация и логика, мой мальчик. Идея сотворить Счастье была слишком неестественная для Судьбы, где правит дух Семи Стихий — основа основ.

— А каким образом вы безошибочно заранее определили источник потока, метод переноса Сил Созидания? Вы даже...

“Как присуще всем им, отдаваясь чувствам, усложнять события. И ничто не изменишь — такими мы создали их, и Космос, консолидированный с Жизнью, не остудил рассудок даже внемиренцев. Они не понимают, что победа была слишком легкой. Но следующий шаг будет серьезным. Куда более серьезным, чем они способны вообразить. Надеюсь, у меня еще есть время выстроить защиту...”

— Вы чем-то озабочены, герцог?

“Во внимательности ему не откажешь. Когда огонь юности угаснет и уступит место жару зрелости, из него получится хороший помощник”.

— Отчасти. Я подумал о тех Мостах, которые наши друзья заметили в недрах Судьбы. Впрочем, об этом рано беспокоиться.

“Проблема на сегодняшний момент не конкретна. Однако, голоса из-за границ Судьбы научили Несуществующих помнить — то доподлинный факт. Пустота, дыра, чужак, Кочевник — здесь им дали имя, а имя есть образ, и образ существует. Мне следовало бы элиминировать их у самого истока. А теперь они помнят, а значит — эволюционируют”.

— Старглайдер приземлился.

— Спасибо, мой мальчик, я слышал. Любопытство твое давно терзает определенный вопрос, не так ли? Задай его, не стесняйся.

— От вас ничто не скроется! — юноша звонко рассмеялся. — Я вот что не могу объяснить: почему Волк принял именно этих внемиренцев? Серафима Каляда, Оливул Бер-Росс и Грег-Гор Гай-Росс, Иолория Аз-Брук — наследная княжна нашего Лучезарного Мира-Спутника, Данила Гаюнар — вы ведь не очень привечали его отца, и, наконец, призрак Пэр. Почему именно они?

— Так пожелали Стихии.

— Не понимаю. Твердь, Вода, Огонь, Воздух, Космос, Жизнь и Смерть — это абстракция. Как абстракция может чего-либо желать?

— Не старайся понять, молодой человек. Прими, и логика сама найдет отображение в твоём рассудке.

“Увы, иногда приходится скрывать правду за правдой. Да, Стихии пожелали. И все же в первую очередь они доверились моему Разуму, указавшему на избранных. Никто не знает эту Судьбу лучше меня”.

— Герцог, а как быть с седьмым? Кого изберет Седьмая Стихия?

— Терпение, мой друг, немного терпения. Смерть не спешит сказать свое слово.

По террасе застучали тяжелые шаги. Прибывший быстро раскланялся и без предисловий заговорил:

— Все подтвердилось, милорд Ортский. Мосты заняли Кочевники.

Впереди показались огромные белые ворота, опутанные замысловатым узором. По мере того, как Крылатый Волк приближался, они отворялись, являя удивленным взорам широкую дорогу, устеленную искрящимися звездами.

— Основу этому Миру заложил герцог Ортский, — сказал Оливул, — а я достраивал его на протяжении многих лет. Надеюсь, вам понравится здесь, и Белый Мир станет нашим домом.

Волк окунулся в белизну. Шасси распрямились и сами нашли опору. Двигатели смолкли, и звездолет застыл в наступившей облачной тишине. Внемиренцы поднялись на открытую палубу.

— Какой густой туман! — воскликнула Юлька.

— Это занавес, — улыбнулся Оливул и взмахнул рукой.

Клубы тумана стали плавно утекать прочь, и величественные деревья с серебристой кроной поднялись ровной аллеей, уводящей вглубь парка. Проявился горизонт, где нежно-голубое небо встречалось с землей на живописных холмах, покрытых блестящей накидкой снега. Слева из-за деревьев весело подмигнуло озеро, чью зеркальную гладь разбудил налетевший бриз.

— Почему тут всё стало белое и серебряное? — удивились Грег и Гор в один голос.

— У каждого свой доминирующий цвет. И когда человек попадает во власть одиночества, его цвет заполняет всё. Аллею я сделал не так давно, но в доме и в парке остались цветные острова — память моей юности. А теперь каждый из вас может материализовать здесь свою палитру.

Друзья пошли за Оливулом по мощеной дорожке. Кроны деревьев расступились, и прекрасный белокаменный терем приветствовал внемиренцев радужными переливами витражей на многочисленных окнах. Два рослых пса, казавшиеся издали каменными, вдруг соскочили с пьедесталов и трусцой побежали навстречу гостям. Юлька на всякий случай придвинулась к Оливулу. Не то чтобы она боялась собак, но внушительный рост этих двух заставлял подумать об осторожности.

— В этом Мире ничто не может причинить нам вред, — шепнул ей Бер-Росс.

— Ты уверен? — с сомнением переспросил Данила, поскольку животные целенаправленно двигались именно к нему. — Фу, псина! Фу!

Но успокоить псов оказалось не так просто. Они посчитали своим долгом окружить Гаюнара повышенным вниманием, чуть не сбив при этом с ног, а один, встав на задние лапы, беззастенчиво лизнул его в лицо. Опомнившись, парень оттолкнул зверя и удержал за холку второго, намеревавшегося последовать примеру собрата.

— Ты излучаешь энергию, которая дает им силы, — сказала Каляда. — Пожалуй, они признали тебя своим хозяином.

— Замечательно, — Данила вытер рукавом подбородок. — Оливул, они настоящие или экзорные?

— Насколько я помню, я создавал статуи собак. Наверное, ты их оживил. И, кстати, раньше они никогда не убегали.

— Ты... Ты... И ты спокойно мне такое сообщаем?! —

Оливул пожал плечами, а остальные рассмеялись.

Миновав сумрачные сени, от стен которых пахло смолой и свежим деревом, внемиренцы вошли в передний зал. Он был невелик, но многократно отражаясь в зеркалах, красующихся в узких промежутках между окнами, казался необъятным, как целый мир. Но и это не было венцом творения экзистора. Подчиняясь Белому князю, медленно раскрылись двустворчатые двери, и перед друзьями предстал главный зал. Мозаика рассыпалась по гладкому полу многоликой картиной, и каждый, ступая на нее, чувствовал, как окунается в море теплых грез. Грაციозные колонны, обвитые сложным орнаментом, подпирали высокий потолок, где цветы и ветви чудных деревьев, нарисованные рукой таинственного мастера, представлялись живыми: бутоны готовы были распуститься и наполнить воздух нежным ароматом своих лепестков. Каждый предмет мебели занимал строго определенное место. Весь интерьер воспринимался настолько гармонично, что никому не пришло бы в голову сдвинуть даже подсвечник на огромном деревянном столе.

Монументальные кресла и канделябры, великолепные гобелены и посеребренные рамы зеркал наполняли зал духом романтики. И лишь очень внимательный взгляд мог отыскать ту путеводную ниточку, по которой пробрался в терем вездесущий рационализм: между двумя резными лавками в нише притулился компьютерный терминал, одно из зеркал в полутемном углу уступило место аккуратному экрану, рядом с бронзовой люстрой с сотней восковых свечей дежурил неоновый осветитель, под маской сервировочного столика, остановившегося за портьерой, прятался робот-официант.

Оливул не без гордости наблюдал, как друзья любят его детищем.

— Здесь нечто вроде приемного зала, — пояснил он. — Есть также библиотека, музыкальный салон, несколько уютных террас, и много свободных комнат. Я покажу вам, где можно устроиться, а после обеда мы все вместе пойдем к павильону Семи Стихий.

“Куда, куда?” — удивился Пэр.

— Ортский называл это свое творение храмом Стихий. Оно, по сути, явилось началом Белого Мира. Внутри его, как я думаю, герцог оставил ответы на многие наши вопросы.

За столом царил всеобщее оживление. О проблемах постарались временно забыть, и основной темой разговоров стал Мир Оливула.

— Это похоже на место, где сбываются мечты, — сказала Серафима. — И где, как во сне, мы можем сотворить себя по-своему.

— Не знаю почему, — начал Данила, покосившись на Бер-Росса, — но все изображения животных, к которым я подходил, оживали ни с того ни с сего. Я, признаться, с детства хотел иметь какую-нибудь зверюшку. Но не в таких же количествах!

“А вы заметили, что и цветы на потолке стали настоящими? — Пэр выделял замысловатые кульбиты под сводами зала. — А воздух! Вы бы знали, какой свободный тут воздух!”

— И вода удивительно ласковая, — подхватила Юлька, которая целый час перед завтраком провела в озере. — Смотрите, она помогла мне даже переделать одежду!

На девушке сейчас красовался аккуратный голубенький комбинезон, вместо серого неуклюжего летнего костюма.

— А мы обернулись драконом совсем без усилий! — похвастались близнецы. — И птицы над парком нас даже не испугались.

— Я рад, что вам хорошо в Белом Мире, — сказал Оливул.

“Твой Мир полон доброты и обьят жизнью!” — воскликнул Пэр.

— Теперь этот Мир принадлежит всем нам. Открою маленький секрет: птиц тут не было вовсе, и их появление — заслуга Данилы. Озеро я всегда считал самым холодным местом в парке, а воздух был надменным и несговорчивым. Воистину, Стихии находят избранных, как и предрекал герцог Ортский. И нам пришла пора прикоснуться к творению его мысли, друзья мои.

Они молча шли через парк. Гомон птиц растаял в пугающей тени деревьев, и опустившуюся вдруг тишину нарушал лишь приглушенный звук шагов да частое дыхание собак, бежавших по обе стороны от Данилы. Дорожка неторопливо вела вперед...

— Вроде бы уже близко, — обронил Оливул, когда Юлька собралась спросить, где же конец тропы.

— Ты никогда не ходил туда? — насторожились Грег и Гор.

— Никогда. Ортский не оставил дороги, но сказал, что для тех, кого Семь Стихий изберут плотью и кровью своей, путь будет открыт. И мы идем этим путем.

Тень расступилась, и перед друзьями возникла белая крытая ротонда, украшенная многочисленными барельефами и позолотой. Тропа оборвалась.

“И ни намек на дверь”, — мысленным шепотом изрек Пэр.

Серафима приблизилась к стене, из которой выступал блестящий диск с изображениями символов Семи Стихий. Скала и чаша озера, горящий факел и закрученная лента воздушного вихря, стальной клинок и тонкая ветвь дерева воссоединялись в круге, обозначенном кометой. Помедлив, женщина-Посредник опустила руку на застывшую в каменном покое композицию. Раздался мелодичный звук, похожий на далекий колокольный звон, поверхность стены замерцала и растворилась, раскрыв внемиренцам неширокий вход. Каляда первой шагнула в темный круглый зал под величественным куполом, изображавшим вселенную. В бездонной пучине, озарив просторный павильон, зажглись сотни огоньков близких и далеких звезд.

— Тебя приветствует твоя Стихия, — тихо сказал Оливул. — Космос.

“А я — Воздух! — сообщил Пэр, растекшийся о всему залу. — Я знал и раньше, но теперь я чувствую его, я принадлежу ему и могу его направлять!”

Юлька присела возле родничка, тонкая струйка которого вытекала из-под стены. Вода восторженно брызнула ввысь, окропив избранницу жемчужным дождем, и притихла в углублениях гранитного пола.

— Так вот оно что! Вода моя Стихия! — обрадовалась девушка и бережно прижала к лицу мокрые ладони. — Я тебя всегда, всегда любила!

“На твоих руках отображение, так сказать — физическое воплощение! — пояснил призрак, скользнув над подругой. — А как грандиозна Вода в Мироздании!”

Под сводами арки похожей на грот Грег и Гор осторожно разравнивали тлеющие угли. Вдруг огонь взметнулся, обняв обоих языками буйного пламени, но, будто одумавшись, поник и послушно затаился возле ног Гай-князя.

— Ты — Огонь, Грег-Гор, — Оливул любовался юношами. — Могучий в своем потенциале, непредсказуемый, изобретательный и отважный. Он будет твоим мечом и щитом. Крепче держи его, брат.

“Данька! Вот это да! Вы только посмотрите на него!” — восхищенно воскликнул Пэр.

Данила стоял возле могучего дерева, выросшего в считанные секунды посреди зала. Стройный ствол его тянулся вверх, а крона норовила коснуться незримого купола и звезд, рассеянных в бездне.

— Это — Жизнь, Данила, — улыбнулась Каляда. — У нее нет своей формы, зато она всюду! И Воздух всегда готов сопровождать ее в Мирах.

Юлька робко приблизилась к Бер-Россу.

— Остались Смерть и Твердь, — сказала она. — Оливул, какая же из них выбрала тебя?

Белый князь неуверенно посмотрел вокруг.

— Очевидно... — начал он.

Но тут каменный пол загудел, как будто в недрах земли зарождалась буря. Пэр мгновенно очутился в воздухе над головой Гаюнара. Друзья затаили дыхание, а Оливул опустился на одно колено и коснулся ладонью холодной твердыни.

— Я не смел мечтать о такой чести, — проговорил он. — Клянусь, я не подведу тебя, Твердь.

Юлька с откровенным облегчением вздохнула. Пэр, как ни в чем не бывало уселся на нижней ветке дерева.

“Значит среди нас нет Смерти, — подытожил он. — Ну и отлично!”

— Но разве без Смерти имеет смысл Жизнь? — насторожился Данила.

— Нет, так устроена наша Судьба, — откликнулась Каляда и бережно сняла со стены огромный двуручный меч с черным витым эфесом. — Смерть и Жизнь самые молодые Стихии. Нет ничего более противоречивого, чем они, но нет ничего и более близкого. Они начинают и замыкают круг природы. Бессмертный не живет, безжизненный не умирает. И Смерть присоединится к нам. Этот меч — образ Стихии. Мы возьмем его с собой, чтобы передать тому, кто призван стать его Витязем.

— Почему образ? Ведь Стихии не подчинены Экзистедеру, — удивился Гаюнар.

— У Смерти, как и у Жизни, нет своей формы. Воплощением ее служит сталь клинка.

— Я, наверное, могла бы попросить Воду разлиться в реку, — заговорила Юлька, — позвать дождь и даже ливень. А что в таком случае сотворит Смерть?

— Да уж! — поддержали близнецы. — Если она достанется сумасброду вроде Доная — жди беды.

— Смерть избрет достойного, — ответил Оливул задумчиво и еле слышно добавил. — Знать бы — кто он?

— Всеу свое время, — подытожила Каляда. — Павильон Ортского исполнил свою роль, мы открыли часть себя.

Вшестером они вышли наружу. Собаки, дожидавшиеся людей возле входа, вскочили и дружно завиляли хвостами. Данила потрепал их по холкам и вслед за всеми пошел вглубь парка. Псы потрусил рядом с ним, но через несколько шагов остановились и ошетинившись зарычали. Внемиренцы оглянулись: белой ротонды более не существовало. На ровном лугу не осталось ни следа какого-либо строения.

— Узнаю почерк Ортского, — усмехнулся Оливул. — Его реквизиты никогда не переходят из действия в действие.

➤2<

Волею творящей Мысли пустота раздвинулась, и зародилась Судьба. Единый в вечном противоречии истока и завершения Первый Мир ступил на Путь под неусыпным оком Творцов. Шесть Стихий были допущены в юную Судьбу. Твердь и Огонь, Воздух и Вода приняли ипостаси, врученные Великой Игрой; Жизнь примкнула к Воздуху, Смерть облачилась в образы Тверди. Шесть Стихий определили основу Сущего.

Игра набирала мощь. Из Истока к Завершению в Судьбу шагнул второй Мир, следом другой, третий, четвертый... И вот несметные караваны заполнили пространство. Миры текли, пересекались, рушились и восставали из праха. Цепочки их дальше и дальше отодвигались от стержня; охваченные бунтарским духом закручивались в спирали и, не достигнув цели, гибли. Остальные же неслись по Судьбе навстречу Завершению.

Завершение принимало под свою покойную сень отыгравшие роли образы, а Исток выводил в Структуру новые и новые. Как две бойца спиной к спине, два полюса Судьбы стояли на рубежах Мироздания...

Игра завершена.

Великие взирали на Судьбу, где Добро спорило со Злом, не ведая, что, подобно Первому Миру, является оборотной стороной своего антипода, где шутила над логикой Удача, где страдало Одиночество — нежданное дитя Великой Игры, где умы мирян трудились в поисках несуществующего Идеала.

Последняя оценка. Последний взгляд на Творение. И вот Зеркало Судьбы раскрывает перед ними врата.

Они уходили, чтобы начать следующую Игру в беспредельных Пустотах. Они уходили, а из белесого тумана в Структуру вступали их отражения. Репликанты — бессменные наблюдатели, неподкупные судьи, посредники, вечные тени Великих.

Пути определены, Миры рождаются, живут и умирают, Судьба существует по установленным законам. Ничто не нарушит правила Творцов.

Но...

Серафима отвела взгляд от гобелена на стене библиотеки. Какие-то едва ли различимые детали рисунка пробудили далекие ассоциации и подняли из глубин памяти знания Посредника. Факты и события происшедшие или запечатленные вставали в стройные ряды, пока не обрушилось это особое “но”.

Никто не знал — как, откуда, почему воссоздалась в глубинах Завершения неведомая этой Судьбе Стихия. Космос. Он принес в Миры дух творчества, жажду открытий и поиска нехоженных путей; и Силу Созидания. Рожденные Семейю Стихиями, дерзкие, сильные, отважные смешали порядок, установленный Изначальной Игрой. Первый Экзистедер отныне не был единственным, и не только Исток порождал теперь цепи новых Миров. Воля и сознание новых демиургов вмещались в Судьбу, стянув ее жгутами собственных Путей.

Сколько их бродит в Судьбе? Сколько создали свои Миры? Сколько нашли пристанище среди мирян и вручили Космос своим детям? Даже Посредники не могли дать тому ответ.

Серафима знала многих — и одиночек, и навечно сомкнувшиеся пары, и семьи, и целые кланы. Внемиренцы старались поддерживать связи друг с другом, чтобы не потеряться на лоне Судьбы. Даже те, кто каким-то образом оказался лишен Стихии Смерти — Обманувшие Смерть, как их называли — время от времени появлялись в центральных Мирах, и Серафиме однажды довелось общаться с представителями этого странного Ордена. Она встречала и Архивариусов — уникальное сообщество внемиренцев, обладавших Стихией Космоса в такой степени, что поговаривали: а не станут ли они рано или поздно творцами какой-нибудь Судьбы. Архивариусы собирали наследие Великих, изучали историю Структуры, исследовали трудно доступные Миры. Их планетоид видели и возле Истока, и в области Завершения, и не существовало, наверное, такого Пути, который был бы им заказан.

Еще совсем недавно Серафима определяла свою миссию в Структуре как “познай и охраняй”. Рожденная человеком, она не считала себя вправе претендовать на посредничество как таковое, хотя дважды за свою долгую жизнь выступала судьей в спорах Миров.

И вот ее избрал сам Космос. В какой-то миг, стоя под бесконечным куполом храма Стихий, она ощутила Космосом себя. Более, чем понимание, более чем единение, чувство это шло из самых тайных глубин души и пугало своей естественной неподдельностью...

Мягко шаркнула по ковру приоткрывшаяся дверь.

— Оливул? — близнецы один за другим заглянули в библиотеку и, увидав Каляду, нерешительно остановились. — Он вроде бы поднимался сюда, — пояснил Грег.

— Мы беседовали недолго, затем он ушел, — ответила Серафима. — Уютно здесь, не правда ли?

Юноши охотно приняли приглашение к продолжению разговора, тем более, и женщина это заметила, им не терпелось поделиться с кем-нибудь скопившимися впечатлениями.

— Он многое переделал, — произнес Гор, пока Грег озираясь проходил вдоль книжных стеллажей. — Нам в детстве казалось, что библиотека необъятна...

— ...и из конца в конец надо идти, а не шагать, — закончил фразу Грег. — Свечи!

Взгляд четырех голубых глаз как по команде перемерцнул на восковые пирамидки в серебряных плафонах. И тут же на острие каждой заколыхалось пламя.

— Игра? — Серафима с интересом наблюдала за близнецами.

— Нет! — воскликнули оба. — Представляешь, огонь зарождается сам собой, стоит нам пожелать! И это не Сила Созидания!

Оставляя в Судьбе свои тени, Великие не дали им и толики созидательной мощи, поэтому Каляда не чувствовала присутствие Экзистедера. Получив в наследство от матери сенсорные способности,

она могла так или иначе определить особенность мыслей человека, но распознать Игру — никогда. За последние несколько дней, общаясь с Оливулом, она научилась выделять косвенные признаки Силы Созидания и отличия образов от естественных объектов. Сегодня в павильоне Ортского она искала какие-либо проявления Игры и не нашла. Тогда же родился вывод: Стихии принадлежат Миру и Мир принадлежит Стихиям, следовательно, всё, сотворенное волей Стихий, есть Естество.

— Серафима, как думаешь, что нам предстоит? — задал вопрос Гор.

Каляда встрепенулась. Юноши испытующе смотрели на нее, ожидая ответа. Она медлила.

— Всё слишком логично, правда? — продолжал Грег. — Ортский создал Крылатого Волка для семерых человек, и Пэр, первый избранник, многие годы призван был опекать звездолет. Потом этот Мир с Храмом Стихий. Герцог будто бы планировал наше появление тут с самого начала. И еще мы подумали...

Гор торопливо подхватил:

— ...что всех нас Ортский хорошо знал чуть ли ни с раннего детства: и Оливула, и Пэра, и нас, и Данилу, наверное. А про наследную княжну Лучезарного Мира мы своими ушами слышали от герцога.

— Когда? — обронила Каляда.

— Давным-давно! — воскликнул Гор.

— Но помним-то мы его слова отлично, — уверил Грег. — Он сказал об Аз-князе: строки жизни, начертанные судьбой, не переписать, и, как бы он ни противился, Жезл из рук его все равно примет дочь.

— Серафима, может быть и наша судьба определена однажды и бесповоротно? Как Игра, которую никто кроме экзистора не может изменить.

Вопрос застыл в умиротворяющей тиши библиотеки, но ни ласковый уют, ни сонные тени не могли бы укротить беспокойный ум, и Каляда, встретившись с тревожным взглядом юношей, заговорила быстрее, чем всегда:

— Даже образы, рожденные Экзистедером, находят собственную жизнь. А человек ежедневно, ежечасно и ежеминутно сам создает свою судьбу. И нет такой Игры, которая бы диктовала судьбу Стихиям. Я не исключаю, что Ортский так или иначе подготовил нас к будущей миссии. Попытка Диербрука возродить Первый Экзистедер и с его помощью построить Счастье, побудила Стихии определить избранников и объединиться с человеческим разумом, для того чтобы оградить Структуру от повторной Великой Игры. Вы не хуже меня знаете, ребята, что произойдет, если Сила Созидания оживит Экзистедер Великих.

— Тотальное перестроение, — вставил Грег.

— Разрушение, — поправил Гор.

— Да, именно. И чтобы этого не произошло, Экзистедер Великих должен быть уничтожен, а как мы это сделаем, зависит от нас. Нам предстоит еще многому научиться прежде, чем мы почувствуем в себе истинную силу Стихий. А сводить ее к формуле “щит и меч” уже сейчас видится мне серьезной ошибкой.

На смену ночной мгле пришла тягучая чернота Структурного пространства.

— Оливул, я не понимаю, что ты задумал, — зашептала Юлька. — Вернее, я догадываюсь, но они же так далеко!

— Не старайся мерить Структуру расстояниями, это ошибка, — улыбнулся Белый князь. — Домой мы вернемся с рассветом, не волнуйся. И обещаю: в первый же подходящий момент я научу тебя находить Путь, где угодно.

Девушка с готовностью кивнула. Она уже знала, что друг хочет показать ей свою Родину, и от предвкушения встречи с таинственными, порождающими массу предрассудков, Темными Мирами захватывало дух.

Путь утонул в пуще Надмирий. Юлька привыкла, что Миры в Структуре видятся подобно ярким звездам в ночном небе, но здесь ей стало казаться, будто чья-то властвующая рука свалила все сущее в один огромный фантастический котел и без устали размешивает образовавшееся варево. Миры нависали над головой, стелились под ногами, переплетались и наплывали друг на друга, и каждый при этом являл свою неповторимую гамму цветов.

Нужно было обладать особым чутьем, чтобы найти в этих изменчивых джунглях какой-либо Путь. Юлька не сомневалась, что Белый князь знает дорогу, однако даже рядом с ним ей становилось жутко, когда тропа неожиданно обрывалась, опоры уносились вместе с оторванным облаком Надмирья или прямо перед внемиренцами вздымались мифической формы протуберанцы.

Путь утонул в Мире, окруженном узорным ореолом.

— Прибыли! — провозгласил Оливул.

Окно Структуры исчезло бесследно.

— Какое чудо! — ахнула Юлька.

Они стояли в искрящемся заснеженном поле. Солнечные лучи раскрашивали в позолоту редкие снежинки, кружащие в морозном воздухе, и радужными бликами играли на насте. А вокруг, насколько хватало глаз, царило белое безмолвие.

— Это Темный Мир? — зачарованно пробормотала девушка.

— Один из многих. Я любил бывать здесь. Особенно, как сейчас — зимой.

— Я никогда не видела так много снега! А что там вдали?

— Лес. Зима накрыла его своей мантией. А вот там, — Оливул показал в другую сторону, — река. Сейчас она спит подо льдом.

— Но зимой должно быть холодно! — вспомнила Юлька и удивленно вскрикнула, обнаружив, что на ней поверх голубого костюмчика надета длинная шуба из теплого серо-белого меха, на голове красуется такая же шапочка, а ноги обуты в мягкие уютные сапожки.

— Осталась маленькая деталь, — сказал Оливул и, пока подруга рассматривала новую одежду, оформил контур образа и протянул ей аккуратную пуховую муфту. — Спрячь сюда руки. Это согреет лучше перчаток или рукавиц.

— Как в сказке! — ее глаза блеснули восторгом. — А ты... Ой!

Бер-князь стоял перед ней в коротком белом тулупе, подпоясанном расшитым серебряной нитью кушаком, в сапогах с меховыми отворотами и в пушистой светлой шапке.

— Это наш с тобой Мир, Юля, — сказал он. — Здесь Вода и Твердь воплощаются в одно целое. И в нашем распоряжении вечность!

— А что мы будем делать?

— Разбудим ветер!

Оливул взмахнул руками, и откуда ни возьмись появилась кибитка, запряженная тремя великолепными скакунами. Юлька потеряла дар речи. Она, наверное, так бы и смотрела на коней в немом восхищении, но Белый князь взял ее за руку, подвел к упряжке и помог забраться вовнутрь. Девушка сразу погрузилась в мягкие шкуры, устилавшие низкое сидение. Оливул вскочил на козлы и подхватил вожжи. Чудо-кони восторженно встрепенулись, почуяв хозяйскую руку, заржали и под удалый клич возницы помчали вперед.

Юлька визжала и хохотала, когда кибитку заносило на поворотах, а встречный ветер, подхватывая хлопья снега, бросал их в лицо. Бубенчик под дугой сходил с ума от бешеного аллюра, а Оливул продолжал подстегивать неугомонных скакунов и то и дело весело оборачивался к подруге. В глазах ее бушевало счастье. И он с упоением вдыхал полной грудью свежий морозный воздух, наполняющий сладостью жизни и неистовством молодости.

Бер-Росс остановил кибитку на берегу замерзшей реки. От лошадей валил пар. Возбужденные, они храпели и били копытами по жесткому насту, но хозяин подошел к ним, погладил каждого по покрытой пеной морде, и кони замерли, будто вкопанные. Юлька тем временем подхватила полные ладони снега, подбросила его ввысь и закружилась под маленьким снегопадом. Оливул коснулся взглядом редких снежинок, и над землей заиграла озорная метелица.

— Как тебе все это удается? — восхищенно воскликнула девушка. — Признайся, ты ведь самый настоящий волшебник!

— В Темных Мирах, пожалуй, да, — согласился Белый князь. — Ты каталась когда-нибудь на коньках?

— На чем?

— Смотри! — он щелкнул пальцами, и припорошенный снегом лед на реке засиял, как чистейшее зеркало.

Оливул стоял на сверкающей недвижимой воде, а на его ногах поблескивали легкие металлические полоски с узорными завитками на носках.

— Я видела такие же на картинах! — обрадовалась Юлька и подбежала к другу.

Стоило ей ступить на лед, как и на ее сапожках появились коньки. От неожиданности девушка потеряла равновесие, но Оливул мягко подхватил ее под руку.

Не прошло и четверти часа, а Юлька уже свободно скользила по зеркальной реке. Ветер свистел в ушах, мелькали замерзшие камыши и голые ветви плакучих ив, а она неслась вдоль заснеженного берега рука об руку и другом и взахлеб хохотала, просто так — от счастья.

Они давно скинули шубы, и кататься было легко и свободно. Оливул чувствовал себя на льду не хуже, чем на земле. Он успевал несколько раз проехать вокруг подруги, пока та тормозила и осторожно разворачивалась, подхватывал под плечи, когда она, слишком увлеченная, неудачно проскальзывала вперед, и вот в один из таких моментов все же не удержался и бухнулся вместе с ней в береговой сугроб.

Отсмеявшись, оба сели в снегу отдыхать. На Юлькиных плечах тут же появилась предусмотрительная шубка.

— Я велел ей заботиться о тебе, — пояснил Оливул.

Девушка с наслаждением зарылась лицом в невесомый мех.

— Смотри, уже темнеет, — она показала на небо. — Куда мы поедем теперь?

— Это сюрприз.

Ее глаза заискрились.

— Сюрприз в этом Море? Здесь? А это далеко?

Оливул легко поднялся и протянул подруге руку.

— Первая дорога всегда кажется долгой.

— Только когда она скучна. Но до сих пор с тобой скучать мне не приходилось. Догоняй!

И она побежала к кибитке.

Тройка легкой трусой несла сани по лесной дороге. На этот раз Оливул не сел на козлы, а, создав образ невидимого возничего, устроился рядом с девушкой. Массивные лапы елей, склонявшиеся под тяжестью снега к самой земле, образовывали тенистый свод. Солнце садилось за лес, и на дороге было сумрачно и тихо. Юлька слушала тишину, тесно прижавшись к другу и положив голову на его плечо.

— Как тут хорошо, — прошептала она. — Оливул, я никогда еще не чувствовала себя так прекрасно.

— Я тоже, — отозвался он. — Тебе не холодно?

— Нет, — она подняла голову и заглянула ему в глаза. — Я сгораю от любопытства: куда мы направляемся?

— Терпение, моя княгиня, терпение... А впрочем, мы уже приехали.

Юлька выглянула из кибитки. Ели расступались, открывая перед путешественниками полянку с аккуратной избушкой в центре. В окне домика горел свет, а из трубы лениво поднимались над крышей клубы дыма.

Оливул прыгнул в снег и подхватил подругу на руки.

— Этот дом ждет нас всегда. Добро пожаловать, любимая.

В большой белой печи горел огонь. Пламя многочисленных свечей озаряло маленькое помещение. Вдоль стен тянулись широкие лавки, в дальнем углу возвышалась постель, сложенная из кипы мягких шкур, а возле окна с мутным стеклом стоял дубовый стол. Ветер свистел и подвывал за стенами избушки, норovia проникнуть вовнутрь, по крыше то и дело прокатывались комья снега, сброшенные с раскидистых еловых лап, слышался храп коней на коновязи, а в горнице было тепло, уютно и тихо. Только поленья потрескивали в печи.

— Это нам снится? — проронила изумленная Юлька.

— Все здесь наяву, Юля. Мы дома.

Девушка быстро освоилась. Обнаружив в печи горячую еду, она живо накрыла стол, расставила приборы и притушила свечи. Оливул принес из сеней кувшин и, пограв его на огне, разлил по кубкам темно-бордовый напиток.

— Старое вино, — пояснил он. — Баба всегда говорила мне — береги для особого случая. И вот такой случай представился.

Они сели трапезничать. Девушка как-то незаметно преобразилась. В ее степенном спокойствии, овеванном торжественной аурой, в глубоком добром взгляде, ласковой тонкой улыбке угадывалось поистине княжеское величие. Оливул любовался ею и чувствовал, как безбрежные просторы ее существа проникают в душу, уводят в свои непознанные дали.

— Огонь, воздух, жизнь, — Юлька разглядывала пламя свечи, — земля и вода; космос, который всюду с нами. Я никак не могу привыкнуть к мысли, что среди Семи Стихий должна быть Смерть...

— Посмотри за окно. Видишь, вся природа уснула, чтобы набраться сил и возродиться по весне. Было бы так без Смерти?

— Наверное, нет. Но Смерть, она такая... холодная, пустая, — девушка поежилась. — Сколько же мужества потребуется тому, кого она избрет своим Витязем! Кто будет этот человек?

Оливул задумчиво вертел в руках пустой бокал.

— Я видел его во сне, — сказал он тихо. — Богатырь в синем. Он сказал: "Ты знаешь меня". А я продолжаю теряться в догадках.

— Давай доверимся судьбе, — Юлька встала и подошла к другу. — Сегодня наш день — Тверди и Воды. Я люблю тебя, Оливул, и хочу принадлежать тебе.

Солнце поднялось над Белым Миром и засияло в голубом куполе небес. С первыми его лучами раскрылись бутоны цветов, прятаясь от ночной прохлады в глубине листы, защебетали птицы, проснулся легкий ветерок в роще над прудом.

Данила лежал, закинув за голову руки, и любовался утренней идиллией за распахнутым окном. Ему давно не приходилось так вот отдыхать, и он с наслаждением ловил каждое мгновение безмятежного покоя.

Пэра в комнате не было, зато собаки, которых призрак впустил еще ночью — Данила слышал его возню сквозь сон — растянулись на ковре и жмурясь подставляли морды солнечному свету. Обнаружив псов, занявших весь плацдарм возле кровати, Гаюнар слегка ткнул ногой в бок первого попавшегося.

— Эй, форма Жизни, не изволите ли подвинуться?

Животные встали. Один отошел к стенному шкафу и принялся начесывать задней лапой за ухом, другой грациозно потянулся и встряхнулся, распространив вокруг себя тучу мелких ворсинок и клочья вылинявшего подшерстка.

— Надеюсь, я не оживил вместе с вами блох, — проворчал Гаюнар.

Из-под портьеры зеленой стрелой вынырнул Пэр.

“Оливул и Юля пропали!” — обрушилось на сознание Данилы.

Ласковое голубое небо за окном, звонкие песни птиц, приветствующих новый день. Он никак не мог взять в толк, почему друг так напуган.

— Что? — переспросил он.

“Грег и Гор слышали их зов о помощи! Случилась беда!”

Идиллия и спокойствие рассыпались вмиг, как разбитый калейдоскоп. Одевшись в считанные секунды, Данила побежал за призраком в гостинный зал.

Серафима стояла возле окна. Ее фигура, оттененная светом восходящего солнца, показалась пилоту божественным изваянием, которое не смог бы повторить резец самого великого мастера. Холодный собачий нос уперся в бедро, и Данила опомнившись перешагнул через порог гостиной. Грег и Гор возбужденные и одинаково встрепанные сидели на диване.

— Рассмотрим ситуацию еще раз, — Каляда говорила размеренно, без тени напряжения, призывая тем самым юношей следовать своему примеру. — Доброе утро, Данила. Пэр сказал тебе о возникшей проблеме?

— Я пока не всё понял, — Гаюнар приблизился к друзьям.

Близнецы переглянулись. Гор заговорил первым.

— Мы слышим Игру Оливула, и главная тема ее — поиск выхода. Он и Юля блуждают по горным тропам, по лесному лабиринту — и всюду их подстерегает смертельная опасность! — он перевел дух; Грег подхватил: — Они зовут нас. Зовут на помощь! Нельзя медлить ни секунды!

Строгий взгляд Серафимы удержал юношей на месте, хотя оба готовы были вскочить и броситься в Структуру прямо из зала.

“Я не могу поверить, что Белый князь попал в западню! — воскликнул Пэр. — Он не пошел бы в рискованное путешествие без должной подготовки и не предупредив нас. Может быть вы все-таки ошиблись?”

— Оливул — наш родной брат! Мы знаем все тона его экзорного потока, он сам учил нас строить Экзистедер и вести Игру. А теперь мы нужны ему!

— Да что вы переполошились? — Данила скроил недовольную гримасу. — Я своими ушами слышал вчера вечером, как Оливул и Юлька обсуждали под моими окнами какую-то прогулку. Не знаю точно, о чем шла речь, но, кажется, Бер-князь повел девчонку в Темные Миры. Подождем, скоро явятся.

Гай-Россы в отчаянии посмотрели друг на друга.

— Вы не понимаете! Он послал поток сюда, чтобы мы смогли найти Мир, где настиг их враг.

— Кто именно? — быстро спросила Каляда.

— Ну... — начал было Грег, но высказался Гор: — Хотя бы Донай! Он ушел битым, но непобежденным.

— То есть вы не можете точно определить ни характер нападения, ни непосредственного противника? — уточнила Серафима.

— Чтобы передать такой полный образ, нужен мост, — ответил Грег. — Но когда мы выйдем в Структуру и начнем свою Игру, станут видны все детали.

“Серафима, мне кажется, надо поискать Белого князя и Юлю, — вмешался Пэр. — Я сам с Экзистедером почти не работал, но ты-то сильный внемиренец, ты способна подчинить себе любую Игру”.

Каляда обернулась к призраку. Даниле показалось, что она слегка вздрогнула.

— Увы, мне играть не приходилось. Грег, Гор, вы уверены, что совладаете с Игрой в условиях живого Мира?

— Конечно!

Юноши были настолько искренни в своей решимости, что ни у Пэра, ни у Данилы не возникло никаких сомнений. Серафима приняла ответ сдержанно и молча пошла к дверям.

— Взлет через четверть часа, — обронила она на ходу.

Грег, Гор и Пэр давно заняли свои рабочие места на Волке, а Гаюнар все стоял на смотровой площадке, с тоской глядя на собак, скулящих возле шасси. Два создания, волею судьбы и случая вобравшие в себя его Стихию, преданно следовали за ним до самого трапа, не желая верить, что их оставят в опустевшем Мире.

— Что ты ждешь? — мягко спросила Серафима.

— Жаль псов. Я не знаю, как у меня получилось оживить их, но теперь они никогда не станут статуями и, если мы не вернемся сюда, наверное, погибнут.

— А что тебя заставляет с ними расставаться?

— Но мы внемиренцы, разве можно... — пилот оторопело поднял взгляд на Каляду.

— Они — твои спутники, как меч, который принадлежит седьмому из нас, как воздух, как вода, как огонь. Веди их на борт, нам пора лететь.

— Я мигом, капитан! — воскликнул Данила и, перемахнув через перила, оказался на подъемнике.

Собаки неистово завияли хвостами и бросились облизывать хозяина. Приласкав животных, он завел их на открытую площадку лифта и поднял на палубу. Псы были не в восторге от крутой лестницы, ведущей внутрь корабля, но безропотно преодолели спуск и потрусили за Гаюнаром в кают-компанию.

— Вот тут будет ваше место, — Данила показал на ковер около дивана. — А теперь — сидеть! Посмотрим, как вы перенесете взлет.

Ворота Белого Мира остались позади, и Крылатого Волка приняла тьма Структурного пространства.

— Грег-Гор, мы ждем тебя в кабине, — сказала Каляда в микрофон селектора. — Пэр, пока дистантера нет в башне, ты будешь контролировать внешние системы. Функции бортинженера я перевожу на себя.

Близнецы подошли к капитанскому мостику.

— Мы готовы дать направление, — сообщили они в один голос.

— Ребята, — Серафима еще раз внимательно оглядела обоих, — если у вас есть хоть капля сомнения...

— Никаких сомнений! Оливул зовет на помощь!

— Вводи координаты, Пэр, — распорядилась капитан.

Данила, сидевший к мостику в пол-оборота, видел краем глаза напряженное лицо женщины. Он подумал вдруг, что все они — и Каляда, и Пэр, и он сам — оказались сейчас в роли слепцов, которых ведут по пересеченной местности. Отважившись идти, они стали полностью зависимы от остроты зрения своих проводников, то есть от умения Грег-Гора управлять Экзистедером.

Близнецы быстро рассчитали время Пути, воспользовавшись линией бортинженера, и сообщили, что до прибытия на место на борту пройдет около десяти минут.

— Установи автопилот, Данила, и отправляйся вместе с Пэром в арсенал. Нам понадобится портативное оружие.

— В Игре действует только то, что создано внутри нее экзистором, — напомнил Грег.

— Надеюсь, эта Игра не настолько глобальна, чтобы захватить Мир целиком, — ответила Серафима и, когда Данила и Пэр покинули кабину, встала и приблизилась к близнецам. — Грег-Гор, ты знаешь, что я Посредник. Посредник не обладает Силой Созидания. Гаюнар не играл никогда, Пэр тоже. Ты остаешься один. Я тебя прошу, будь предельно осмотрителен и осторожен. И помни: ты — Огонь. Найди контакт со своей Стихией, поверь, это надежнее, чем полагаться на экзорную энергию.

— Мы никогда не обращались к Огню, — юноши синхронно пожали плечами, — а с Экзистедером занимались успешно. Не сомневайся, капитан, мы сыграем так, что даже экзистор не заметит! Вытащим наших и дернем оттуда в Структуру. А потом вместе с Оливулом зададим автору западни хорощую взбучку!

Каляда покачала головой. Воинственность Грег-Гора ее явно не убедила.

Крылатый Волк пересек область Надмирья и сразу же угодил в плотные слои атмосферы. Благодаря искусству пилота корабль не пострадал в условиях жестокой турбулентности, но защитный экран довольно долго вынужден был работать в режиме перегрузки.

— Следующий раз внедряться в Мир будем в открытом космосе, — сказала Серафима, когда состояние систем стабилизировалось. — Грег-Гор, есть следы Игры?

Через динамик селектора, включенного на полную мощность, друзья услышали ответ:

— Экзистедер живет, но мы еще не определили место нахождения источника. Можно пролететь прямо над планетой?

— Пэр, проверь ландшафт и скорректируй курс. Идем на крыльях.

Штурман оперативно выполнил команду и появился над терминалом в виде зеленого тумана.

“Не нравится мне этот Мир, — сказал он. — Он не похож на все те, где мне приходилось бывать”.

— Что именно тебя беспокоит? — заинтересовалась Каляда.

“Да так, ощущения, — смутился призрак. — Наверное, из-за Игры”.

— Атмосфера дурацкая, — бросил Данила, обернувшись к капитанскому мостику. — Может быть это покажется странным, но все тут напоминает дырку от бублика: вроде есть, а по факту нет. И, кстати, слышите, как ворчат собаки?

— Да, пока мы двигались по Пути, они вели себя не столь воинственно, — подтвердила Серафима. — Грег-Гор, есть новые данные?

Техотсек молчал.

— Грег-Гор! — Каляда привстала.

Близнецы один за другим зашли в кабину. Данила и Пэр переглянулись, старательно скрыв друг от друга облегченный вздох. Капитан вновь опустилась в кресло.

— Есть информация? — спросила она Гай-князя.

— Мы должны начать собственную Игру, тогда проявятся образы чужого экзистора.

— Вы хотите сломать направляющий поток энергии?

— Как такого потока нет, на Мир наложена плотная вуаль. Все, что мы видим, мнимое! Помнишь, когда мы выбирались из корабля-крепости Оливула? Нам казалось, будто вокруг темнота коридоров, а на самом деле мы двигались по обычному каньону. Здесь использован аналогичный прием. Мы видим лесной массив, но под ним могут скрываться города, дороги, заводы, машины — все, что угодно. Когда наша Сила Созидания пробьет существующий фон, мы станем участниками Игры, повернем ее в свое русло и найдем Оливула и Юлю. Мы начнем прямо сейчас!

➤5◀

Солнце заглянуло в окно. Лучик робко проскользнул по столу, застеленному льняной скатертью, пробежал по лавке и запутался в белых искрящихся волосах Оливула. Бер-Росс приподнялся. Юлька зашевелилась, рефлекторно натянула на плечо край мехового одеяла, несколько минут полежала, в надежде поймать хвостик сна, и, наконец, открыла глаза.

— Рассвет?

Белый князь наклонился к подруге.

— Позднее утро, — ласково шепнул он. — Пора просыпаться.

Юлька потянулась.

— Пойдем домой? — спросила она.

— Да, а не то нас потеряют.

— Чур, дорогу буду искать я!

Бер-Росс был застигнут врасплох.

— В общем, это неплохая мысль, но...

Девушка возражений не допустила:

— Ты обещал меня тренировать! Не всегда же я буду ходить с тобой за ручку.

Они покинули гостеприимный дом и вместе открыли окно в Структуру. Обратная дорога среди Надмиррий Темных Миров оказалась на удивление коротка, зато, встав на развилке Путей, Юлька слегка растерялась. Оливул в двух словах пояснил ей, как определять направления, и предложил принять решение самостоятельно. Поразмыслив она бойко объявила:

— Начнем отсюда!

После трех или четырех ответвлений и нехотая подвернувшегося канала, девушка опять призадумалась. Белый князь молчал и подсказывать на сей раз не собирался.

— Ну-у... — протянула Юлька, — нам туда!

— Мне кажется, ты ошибаешься, — предупредил ее наставник.

— Сам учил: если сомневаешься, иди туда, где чувствуешь что-то родное. Вот я и иду. Не мешай.

Оливул неопределенно качнул головой. Он редко бывал ведомым в Пути и сейчас не мог с уверенностью сказать, одинаково ли видят дорогу ведущий и его спутник.

Юлька распахнула ворота в Мир.

— Прибыли! — подражая другу, воскликнула она. — Ой!.. Не то.

Вместо знакомого белого тумана внемиренцев принял тоскливый склон холма, поросший тщедушными деревцами и густым кустарником.

— Ничего. Попробуем еще раз, — успокоил девушку Бер-князь.

Они опять шагнули в Структуру. Цепочка, которой принадлежал этот Мир, держалась особняком, и пространство просматривалось на много Путей вокруг, что и позволило Оливулу заметить приближающийся энергетический смерч.

— Сейчас идти опасно, — сказал он. — Не пугайся, такое часто встречается, но лучше это переждать.

Путешественники вернулись на пыльный неприветливый холм.

— Не нравится мне здесь, — поежилась Юлька, оглядев гористую местность. — Холодно и сухо. И земля какая-то жесткая.

— Ничего не поделаешь — климат предгорья. Прогуляемся?

Двоем они медленно пошли вниз по тропинке, петлявшей между молодых деревьев редкого лесочка.

— И все же я до сих пор чувствую здесь что-то родное, — с нотками оправдания в голосе сказала девушка.

Тропа потерялась в колючем кустарнике. Пробившись сквозь заросли, внемиренцы вышли на каменистую поляну, обрывающуюся неровной чертой откоса. Юлька, крепко держась за Оливула, заглянула вниз.

— Бр-р-р, как глубоко! Когда можно будет выйти на Пути?

— Через четверть часа проверим Надмирье.

Сверху по склону посыпались мелкие камешки. Оливул резко обернулся.

— Не может быть! — вырвалось у него. — Донай?!

Ви-Брук стоял, прислонясь к низкорослому дереву, его излюбленный красный цвет неизменно доминировал в одежде, а тяжелый меч с багровым эфесом приплясывал в ловких сильных руках.

— Какая теплая компания! Вот не ожидал увидеть вас так скоро! — воскликнул он.

— Так это ты заманил нас сюда?

— Заманил? — Донай сделал несколько шагов навстречу кузену. — Нет, братец, само проведение подготовило нашу встречу. Или ты полагал, что покончил со мной?

— Ты, наглый бездушный мальчишка! — выскочила вперед Юлька. — Неужели ты настолько глуп, что даже не понял: Оливул спас твою дрянную шкурку!

— Не надо, Юля, — шепнул Бер-Росс.

— Пусть поговорит, — великодушно разрешил Донай. — Приятно иногда послушать такой милый вразумительный писк.

Оливул стиснул зубы.

— Ты знаешь, кто перед тобой? — тихо спросил он.

— О, только не говори мне, что это наследная княжна Иолория Аз-Брук, — хмыкнул Ви-князь. — Я и без тебя догадался. Хотя на мордашку она не очень уродилась в нашу породу.

— Отец изменил мою внешность, когда бросил в Структуру на произвол судьбы, — Юлька сжала кулачки, — зато тебе, я вижу, он сумел изменить душу!

— Да помолчи ты! Тоже мне, старшая сестрица объявилась. С тобой я меньше всего желаю общаться, — и в упор посмотрел на Оливула. — К оружию, братец!

Его клинок блеснул на солнце кроваво-красным заревом. Бер-Росс не двигался.

— У нас нет причин для дуэли, — произнес он.

— Струсил, Белый князь?

Тот не поддался на провокацию.

— У нас нет причин быть врагами, — внятно повторил он. — А если ты знаешь хоть одну — назови.

— Ты полагаешь, я забыл, как ты заставил медведя разорвать мне лицо?

Над левой щекой Ви-Брука заколыхалась тень экзорной маски, и проявились глубокие шрамы, оставленные когтями зверя. Юлька тихонько ахнула. Из памяти неожиданно ясно поднялось: пещеры, материализованный шип-дротик в груди Оливула, и проклятие, брошенное в сердцах. Она пожелала коварному экзистору пасть жертвой своего же образа, не ведая, что экзистором этим был ее родной брат.

— Ты хочешь свести со мной счеты? — спокойно спросил Бер-Росс. — Прекрасно. Начинай.

— Создай меч!

— Нет, Донай. Я не направлял образ медведя, однако я нанес тебе рану в поединке. Если ты хочешь отвечать кровью на кровь, действуй.

— Как обычно благороден, спокоен и великодушен, — прокомментировал Красный князь. — С каким удовольствием я всадил бы тебе нож в сердце!

— И что тебе мешает? В твоих руках меч, — пожал плечом Оливул.

Донай побагровел от бессильной ярости.

— Негодяй! Ты знаешь, что я не ударю безоружного!

— Я знаю, что ты не убил бы меня даже вооруженного!

Юльке показалось в какой-то момент, что Ви-Брук все же бросится на кузена. Но он лишь выругался и что было сил отшвырнул клинок далеко в сторону. Меч ударился о камень, торчащий из земли. Звона не последовало, зато вся площадка дрогнула, будто ее встряхнула невидимая рука, и по ровной лужайке поползли трещины. Повинуясь инстинкту самосохранения, Донай во мгновение ока оказался на склоне холма, но грохот, вдруг поглотивший безмятежное спокойствие полусонной природы, пригвоздил его к месту. Эхо разбросало отголоски обвала по предгорью, и как ни в чем не бывало воцарилась тишина.

Красный князь медленно обернулся. Там, где только что стояли Оливул и Юлька, пыль вяло оседала на рассеченную посередине поляну.

— Эй! Куда вы провалились? — крикнул Донай и тут же осознал жестокую точность своего вопроса.

Ответа не последовало. Он собрался с духом и осторожно приблизился к краю.

Юлька, когда земля ушла из-под ног, на несколько мгновений потеряла способность к ощущениям. Очнувшись она от того, что Оливул схватил ее за руку и сильно дернул вверх. Сама не понимая как, она очутилась на ступеньке, чудом уцелевшей на откосе.

— Аккуратно повернись и найди щель, за которую можно ухватиться! — Белый князь старался перекрычать повисший над ними гул обвала. — Я подсажу тебя. И сохраняй спокойствие!

Юлька немедленно сделала все, как ей было сказано. Она не видела Бер-Росса из-за густых клубов пыли, поднятой камнепадом, но чувствовала руку, обхватившую ее за талию.

— Оливул!

— Все в порядке. Я держусь. Вставай сюда... Так, молодец, теперь рывком вверх! Молодчина!

Юлька поднялась выше на целый метр. Теперь она могла бы сама дотянуться до края пропасти, но рыхлая порода под ногами вдруг поползла вниз. Девушка визгнула, отчаянно уцепилась пальцами за предательские выступы. Мгновение она балансировала на сомнительной опоре, камень рассыпался пылью, но... Юлька осталась висеть в воздухе. Богатырская рука в красной перчатке держала ее за шиворот, как котенка. Раз! И она шлепнулась на жухлую траву.

Донай бросил на сестру короткий взгляд.

— Руки, ноги целы?

— Я не...

— Значит целы. Сиди тут.

Он лег на живот и опять подполз к обрыву.

— Руку давай! — крикнул он вниз, разглядев белый плащ кузена. — Что ты там возишься?!

Оливул более не медлил. Подтянувшись, он поймал запястье Красного князя. Борьба с притяжением продолжалась недолго, и Бер-Росс с помощью брата выбрался на поверхность. Юлька подскочила к нему и судорожно обняла — молча, ибо говорить не было сил. Он прижал ее головку к груди, и благодарно посмотрел на Доная, остановившегося в стороне.

— Ты нам жизнь спас, — произнес Белый князь.

— Только не воображай, что я сделал это из большой любви к тебе. Благодарю лучше свою девочку. Она все-таки моя сестра... Что ты тут смешного нашел?

Оливул скрытал улыбку.

— Так, ничего, — он встал и поднял дрожащую всем телом девушку. — Все в порядке, Юля.

— “Все в порядке” я слышала и там! — она указала на обрыв.

Донай расхохотался.

— Наслаждайтесь свежим воздухом, — бросил он. — Случай представится — свидимся.

— В Структуре гуляет смерч, — предупредил Оливул, заметив, что Красный князь готовится открыть врата Надмирья.

— Знаю, прорвусь как-нибудь, — отозвался тот, не оборачиваясь.

— Знаешь? — Белый князь насторожился. — Постой, Донай. Уж не смерч ли заставил тебя завернуть в этот Мир?

Ви-Брук нехотя вернулся на шаг назад.

— Ну да, а что ты так перепугался? Забыл, как по Структуре пешком ходят?

Юлька испытующе смотрела на друга.

— Ты думаешь, нас троих заманили сюда? — шепотом спросила она.

Оливул взглядом дал понять, что думает именно так, и опять обратился к кузену.

— Как давно ты здесь?

— А какая разница! Я намереваюсь пробиться сквозь смерч, и если я не сделал это раньше, то только потому, что был не в форме. А сейчас — счастливо оставаться!

Белый князь отрицательно качнул головой, когда Юлька хотела было окликнуть брата еще раз, и направился к оборванному краю площадки.

Донай пошел вдоль кустарника, подыскивая место, где бы без помех открыть окно в Структуру, как вдруг его внимание привлек отблеск солнца, мелькнувший в листве. Он замедлил шаг, разглядывая предмет. Догадка переросла в уверенность: между ветвей прятался невидимый с поляны стрелок с арбалетом и со стрелой, готовой сорваться с тетивы. Красный князь обернулся. Оливул изучал камни возле края обрыва, Юлька стояла в метре от него также спиной к зарослям. Донай проследил за направлением прицела: мишенью был избран Бер-Росс. Еще не успев осознать, что делает, он в три прыжка оказался возле брата и сбил его с ног. Щелкнул затвор, тетива пропела короткую противную ноту. Что-то врезалось в грудь. Падая, он подумал, что всего-навсего споткнулся, но под правым плечом хрустнуло и по телу прокатилась боль.

➤6◀

Оливул вскочил, в одно мгновение материализовал образ меча и кинулся за арбалетчиком. Все произошло настолько стремительно, что Юлька, обернувшись, застала уже последствия случившегося: Белый князь осторожно осматривал заросли, держа оружие наготове, а Ви-Брук неуверенно поднимался с земли.

Измученная и настороженная, девушка приблизилась к брату.

— Донай, что ты еще придумал?.. Донай!

Под его лопаткой показался наконечник толстой стрелы, с которого вяло капала на камни темная кровь.

— Я в седле, — пробормотал Красный князь и потянулся к древку, торчащему из груди.

Сестра схватила его за руку.

— Не смей! Ты истечешь кровью!

— Без тебя знаю, — он высвободил запястье, быстро обломил оперение и тяжело выпрямился.

— Не надейся, убить меня не так просто.

Подбежал Оливул.

— Что с тобой, Донай?

— Не видишь? — усмехнулся тот. — Стрелу словил. А ты со снайпером познакомился?

— Поблизости никого нет. Донай, это серьезная рана, и...

Красный князь отпрянул, когда брат хотел взять его за плечо.

— Сам справлюсь, не впервой.

Вдруг земля под ногами внемиренцев дрогнула, угрожая новым обвалом.

— В Надмирье! — крикнул Бер-Росс.

Юлька не медля распахнула Структурный вход и окунулась в иное измерение, уверенная, что братья последуют за ней, но Донай спастись бегством не собирался. Он демонстративно отступил от черного зигзага и был несказанно удивлен, когда Оливул, отложив всякую дипломатию, быстро сформировал рядом с ним новые ворота и бесцеремонно втолкнул его на Путь.

— Какого черта?.. — прохрипел Ви-Брук, уставившись на кузена.

— Молчи, — жестко велел тот, продолжая держать упряма за руку, и громко позвал: — Юля!

Его зов пролетел по Структуре. Ответа не последовало, девушка была далеко.

— Отпусти, — Донай попытался вырваться. — Что ты от меня хочешь?

Белый князь наклонился к его лицу.

— Я хочу, чтобы ты остался в живых. Мне безразлично, кем ты меня считаешь — главным своим врагом, воплощением зла или самым дьяволом... Юля!

Он разглядел ее в трех Путих от себя.

— Я иду! — донеслось в ответ.

Оливул оглянулся. Тот самый вихрь, который вынудил их завернуть в пустынный Мир, неукротимо приближался. Ни ускользнуть от него, ни спрятаться теперь возможности не представлялось. Воспользовавшись последними мгновениями порядка, Белый князь вновь послал свой голос к подруге.

— Нет, Юля! Найди Волка, приведи помощь!

Услышала она или нет, Бер-Росс не узнал, поскольку бунтующий хаос обрушился на Путь. Структурные силы захватили внемиренцев и понесли по пространству. Каналы, Миры, дыры, воронки — все смешалось в неразделимый ком. Исчезли направления и опоры, целостность канула в рой мелочей, понятия тела и сознания — и без того весьма условные в Структуре — перепутались окончательно, и чтобы сохранить свое “я”, требовалась сильная воля и упорное стремление к обозначенной цели. Оливул знал это теоретически, но ориентир в пространстве заранее определить не успел. Единственной его мыслью было: любой ценой удержать брата. Какое-то время Донай боролся с вихрями сам, но вдруг его тело обмякло, и Белый князь с ужасом понял, что теряет его.

— Нет! — крикнул он и, попавший в объятия страха, не услышал сам себя.

Голос, слух, зрение, чувства отказывались подчиняться, натянулась и готова была лопнуть тонкая нить, соединяющая рассудок и сущность.

Но накотившаяся паника неожиданно сменилась уверенностью, будто сошедшей свыше. Оливул сконцентрировал силы. Как ему удалось встать на Путь и втащить за собой раненого, он не помнил, но упругий поток подтолкнул обоих к границе Мира и бросил в тьму земной ночи. Промозглый ветер обволок пришельцев тучей мелких льдинок, беспощадно хлеставших по лицу. Структурный вихрь сделал последний виток, и внемиренцы очутились на мраморном полу холодного зала. Не медля ни секунды, Оливул вскочил и приказал высоким двустворчатым дверям затвориться. Заскрипели век не смазанные стальные петли, ворота качнулись раз, другой и, сражаясь с бураном, потянули навстречу друг другу массивные створы. Гулкий удар возвестил о выполнении приказа, и в зале стало тихо.

Бер-Росс некоторое время стоял не шевелясь. Силы Созидания дремали в глубинах сущности, и тем не менее между ним и гранитными стенами незнакомого замка каким-то образом установилась незыблемая связь, а кто-то или что-то упрямо искало его понимания. Не успев обдумать свои действия, Оливул устремился навстречу, и в ответ лавина ни с чем не сравнимой мощи ворвалась в тело. Сотни беззвучных голосов и тысячи новых образов предстали перед ним. Ему открылось то, что испытывает камень, вросший в землю; он услышал далекий гул скал и восторг закаленного металла, шепот вездесущего песка и плач разбитых плит.

Наваждение растворилось в густом сумраке.

— Твердь, — прошептал Белый князь и почувствовал, что Стихия готова выполнить любое его веление.

В его руках находились легионы войск Тверди, способные разрушать и созидать. Усилием воли Белый князь поднял в своем сознании прочный заслон, чтобы случайное желание в одночасье не превратилось в губительный приказ.

— Нет, не сейчас, — медленно проговорил он вслух, стараясь преобразовать слова в нечто, понятное Стихии.

Мощь медленно отступила, но рядом осталась невидимая, неосоздаваемая опора. Оливул стряхнул со лба холодные капли пота и обернулся в поисках Ви-Брука.

— Донай, — позвал он и, рассмотрев в темноте лежащего, присел возле. — Донай, ответь!

Тот был без сознания. Проведя рукой по его груди, Бер-Росс не нашел древко стрелы, зато обнаружил, что одежда обильно пропитана кровью. При отсутствии освещения нечего было и думать об осмотре раны, и внемиронец приготовился призвать Силу Созидания, как вдруг сквозь полумрак пробился лунный свет. Мгла растеклась по углам, и в зале прозвучало:

— О, как давно сюда не заходили путники!

Оливул круто повернулся на голос.

— Кто здесь? — спросил он негромко, и пустота услужливо повторила его слова.

— Я Дымиус, смотритель замка, — на лестнице, ведущей на окутанный тенью этаж, просматривался серый силуэт, не то женский, не то юношеский. — Слава всевышнему! Ко мне заглянули гости!

Белый князь внимательно следил за приближающимся человеком. Чутье экзистора подсказывало, что на этом месте велась или до сих пор ведется Игра, но смотритель, без сомнения, не являлся представителем плеяды образов. Это был невысокий, удивительно хрупкий мужчина неопределенного возраста, и только его утомленные глаза выдавали груз прожитых годов. Одетый во все серое, он выглядел как посох, обвешанный пылью и паутиной.

Смотритель подошел к Бер-Россу, остановился на почтительном расстоянии и церемонно раскланялся.

— Добро пожаловать, господин.

— Мое имя Оливул Бер-Росс. Почему вы назвали меня господином?

В глубоких черных глазах под клочьями бровей вспыхнуло удивление.

— Как же иначе? Вы повелеваете камнем и металлом!.. Что это? Кровь? — в скрипучем голосе появилось плохо скрываемое возбуждение. — Вы ранены?

— Не я. Мой брат.

Оливул показал на Доная, лежащего на полу, и тихо ахнул: стрелы не было, а кровь беспрепятственно струилась из груди и расплзалась по плитам.

— О, нет, — в отчаянии прошептал Белый князь.

Он опустился рядом с кузенком на колени в надежде как-то остановить кровотечение, но быстро понял, что без образа это не удастся. Однако, создать даже самую элементарную клеящую мазь оказалось нелегко. Раскрыв экзорный потенциал, Оливул наткнулся на сотни различных тонов, которыми кишело здешнее пространство. Забытые Игры, брошенные Игры, текущие Игры плавали вокруг, оставляя неизгладимые следы. Это было все равно что петь собственную песню в какофонии неуправляемых мелодий. Смотритель не мешал, но когда внемиронец закончил перевязку, приблизился к нему и, не сводя странно горящих глаз с Красного князя, сказал:

— Ему нужны тепло и покой. Слишком много крови потеряно. У меня есть удобные комнаты на втором этаже. Оставайтесь в замке, сколько посчитаете необходимым. Я буду рад быть полезным.

Оливул окинул смотрителя замка внимательным взглядом. Мог ли он доверять этому существу в полужекзорном полуреальном Мире? Если бы не Донай, он не остался бы здесь ни на час. Но смертельная угроза нависла над жизнью брата, и Белый князь принял решение.

— От всей души благодарю вас... Если вас не затруднит, помогите мне уложить его.

Дымиус с готовностью наклонился к раненому и прежде, чем Бер-Росс успел продолжить, легко поднял богатырское тело на руки.

— Идите за мной... Пустяки, — он поймал на себе изумленный взгляд гостя, — я легко донесу его один. Идите за мной, Оливул Бер-Росс.

В коридоре, уходившем вглубь второго этажа, было еще более мрачно, чем в холодном зале. Белый князь с радостью создал бы сейчас меч, но нельзя было обидеть хозяина недоверием, тем более — и Оливул это чувствовал — тот предложил помощь со всей искренностью, на которую только был способен.

Какое-то создание, вышедшее из темного угла, бесшумно открыло дверь в одну из комнат.

— Не волнуйтесь, — предупредил вопрос Дымиус, — это мои безмолвные слуги. Они преданы моим гостям так же, как мне. Вот здесь будет удобно.

Он бережно опустил Доная на низкую кровать. Оливул спешно восстановил пошатнувшийся образ повязки, поскольку удержать его при перемещении среди чужих экзорных струй было практически невозможно. Смотритель тем временем затопил камин и зажег несколько толстых свечей. Огонь нехотя озарил небольшое помещение, оформленное под гостевую комнату, с огромным узким окном во всю высоту стены, которое закрывали тяжелые бардовые гардины.

Скрипнула дверь. Нечто, похожее на движущийся студень, вползло на порог и, приподнявшись, подало смотрителю кувшин. Тот поднес сосуд к камину и подержал над огнем, затем осторожно поставил на столик.

— Если позволите, я помогу обработать его рану, — произнес он.

Оливулу не понравился этот вкрадчивый тон, но от помощи он не отказался, только более внимательно стал наблюдать за действиями сторожа замка. Смывая кровь с груди Доная влажным полотенцем, Бер-Росс мимоходом обнаружил прилипшие к его телу белые хлопья, похожие на пух. Точно такие он видел на листьях кустов, когда искал пропавшего арбалетчика. Впрочем, выяснять их природу мысли не возникло. Просчитав пульс раненого, Оливул с тяжелым вздохом отошел от кровати.

— Возле вас много смерти, господин, но еще большее ее возле вашего брата, — произнес Дымиус, поглядывавший на гостей издали после того, как его участие стало необязательно.

Белый князь не ответил. Он прекрасно понимал, что если сейчас же не восполнить потерю крови, Донай до утра не доживет. Восстановить поврежденные ткани с помощью образа было не слишком трудно и основную часть этой работы он уже сделал, но без Экзистедера смоделировать кровообращение не мог.

— Ему необходима кровь, — медленно произнес Оливул, не отрывая взгляд от бледного лица Ви-Брука.

— Я доставлю вам кровь любого сорта, вкуса и цвета, — оживился Дымиус.

— Она должна быть настоящей, — уточнил Бер-Росс. — Все, что находится в замке, несет на себе печать Игры.

— Я знаю, — вздохнул Смотритель. — Тут часто происходят перемены. Я уже привык. Но вокруг много деревень. Одно ваше слово, господин, и я принесу столько крови, сколько потребуется!

Внемиронец в упор посмотрел на странное существо.

— Вы убиваете мирян? — спросил он.

— М-м, — замялся Дымиус, — не часто, но, должен признаться, да. Я же упырь, — он застенчиво склонил голову на бок.

— Я догадался.

— Ради вас и вашего брата я готов...

— Нет, — отрезал Оливул и расстегнул манжету на левом рукаве. — Лучше помогите мне провести небольшую операцию.

Смотритель замка опешил.

— Вы доверяете мне?

— Доверяю.

Оставив упыря в благолепном недоумении, Оливул пододвинул кресло ближе к тахте и, опустившись в него, сосредоточился на образе элементарной системы для прямого переливания крови. Дымиус нерешительно мялся поодаль, и, наконец, решился заговорить.

— Господин, даже у братьев бывает разная кровь. И если это так, он, — упырь показал на Доная, — погибнет.

— Я знаю, — обронил Белый князь.

На столе перед ним прямо из пустоты материализовалась легкая конструкция с ручным движком и двумя трубками, каждая из которых заканчивалась длинной иглой. Когда образ окончательно воплотился в предмете, Бер-Росс взял одну из трубок, быстро ввел иглу в вену на предплечье брата и без колебаний повторил ту же процедуру на своей руке.

— Пожалуйста, подойдите сюда, — обратился он к смотрителю, и когда тот с готовностью приблизился, продолжал. — Начинайте медленно вращать ручку. Моя кровь будет перетекать по трубке к брату. Я скажу вам, когда закончить.

— Вы рискуете, господин? — осторожно спросил упырь.

Оливул откинулся в кресле.

— Нет, Дымиус, — ответил он тихо, — я не рискую: так однажды уже было.

Оливул наблюдал за алой струйкой, ползущей по прозрачной трубке. Вспомнился тот, первый случай...

Донай был мальчишкой-подростком, задиристым, безрассудным, отчаянным. С кузеном он не ладил, при каждой встрече норовил излишне вольно пошутить, петушился и старался доказать свое превосходство. В один из таких спектаклей лошадь, которую пацан объезжал на виду у старшего брата, понесла. Он сорвался с седла где-то на лесной дороге и, напоровшись бедром на острый сук, потерял сознание. Оливул отыскал его, почти бездыханного, спустя полчаса и, плохо отдавая себе отчет, что делает, с мальчишкой на руках бросился по Структурному мосту в Мир Ортского. Однако герцог только взглянул на Доная и спокойно сказал: “Ты сам излечишь его. Ты достаточно силен, чтобы уверовать и действовать”. Бер-Росс попытался возразить, напомнить учителю, что существует лишь благодаря искусственной жизни и его тело наполнено смертью. Ортский не дослушал: “Верь”, — обронил он и ушел.

И вот по велению рока все возвратилось. Но теперь Донай был взрослым, детские злые шутки, неприязнь, соперничество, дуэль прошли чередой и канули в прошлое, а Оливул, навсегда расставшийся с мертвой жизнью, на сей раз сам себе сказал — “Верь”.

Белый князь пришел в себя, когда какой-то горький настой просочился в горло.

— Пейте, господин, — проскрипел над ним Дымиус, — и к вам вернутся силы.

— Что это? — выговорил Оливул.

— Древний эликсир. Вы потеряли сознание, и я осмелился завершить операцию сам, — он показал на сосуд и трубки с иглами, лежащие на столе.

— Спасибо.

Оливул уронил голову на высокую спинку кресла и перевел взгляд на Доная. Внешних изменений в состоянии раненого не наблюдалось, но он угадал вдруг, что брату легче. Уверенность эта пришла через новое чувство, сродни тому, что испытал он, услышав голос Тверди.

Время в замке текло по собственным законам. Здесь не существовало ни ночи, ни дня, их место занимал постоянный сумрак. Из окон не видно было небесных светил, а луна, хоть и выплескивала изредка свой безрадостный блеклый свет, ни разу не показалась из-за туч. Странные слуги Дымиуса периодически меняли свечи в комнате, где лежал Донай, не угасало пламя в камине, распространяя умиротворяющее тепло. Но за дверью господствовали мрак и холод, скрипели половицы под тяжелой поступью невидимых монстров, и иногда из недр замка доносился леденящий душу вой, приглушенный толстыми стенами.

Оливул не мог сказать, как долго продолжалось его бдение. Он не позволял себе спать, ибо подпустив сон однажды, едва не потерял экзорный образ, благодаря которому Донай держался сейчас

за жизнь. В сознание раненый не приходил, но периодически принимался бредить. Несколько раз Бер-Росс расслышал среди бессвязных слов свое имя. Оно звучало, как слабый крик о помощи.

Смотритель замка заботливо приносил еду. Чаше, поставив поднос на стол, он молча удалялся, но иногда задерживался, чтобы поговорить, безошибочно определяя настроение гостя. В ходе этих коротких разговоров Оливул узнал, что в подвалах и на подземном этаже старой башни, постоянно происходят непредсказуемые пространственные изменения, а диковинные создания время от времени навешают замок.

— Некоторых я приручил, — гордо добавил Дымиус.

— Не сомневаюсь, что вы тоже внемиренец в глубоких корнях и владеете Силой Созидания, — сказал ему Оливул. — И вы сможете в один прекрасный день уйти в другие Миры.

— Если только кто-то сжалится и даст мне Жизнь, — тяжело вздохнул упырь. — Из всех Стихий, как вы это называете, тут присутствуют только Твердь и Смерть.

— Я знал немало внемиренцев, которые пробивали себе дорогу в Миры. Вот увидите, придет время, и вы найдете свой Путь, — ответил Белый князь.

По тому, как прекратилось действие бритвенного крема, Оливул определил, что с момента его ухода из Белого Мира прошло шесть дней, и пять из них Донай находился в бессознательном состоянии. Слегка рассеяв образ заживающей раны, наложенный вначале, Бер-Росс осмотрел реальную и остался удовлетворен. Дело без сомнения шло на поправку. Укрепив экзорную накладку вновь, он расслабился, дав себе несколько минут отдыха, но из долгожданной дремы его выдернул шорох, послышавшийся со стороны кровати. Раненый пришел в себя и, стараясь оглядеться, делал слабые попытки приподняться.

— Какого дьявола?... Откуда взялся этот склеп? — с трудом выдавил он, увидав кузена. — Куда ты меня притащил?

— Молчи, тебе не нужно пока говорить. Нас любезно приютил упырь, смотритель замка. Это реальный Мир, на котором развлекаются с полсотни экзисторов сразу. Но пусть тебя это не беспокоит. Лежи, скоро все будет хорошо.

Донай брезгливо поморщился в ответ на последнюю фразу и принялся устраиваться на тахте. Оливул поддержал его, но Ви-Брук только разозлился.

— Отстать. Я сам.

Очень скоро Белый князь прочувствовал, что ему было гораздо спокойнее, когда Донай лежал в забытии. Парень упрямо норовил встать, ругался, грубил и стремился доказать, что в состоянии двигаться самостоятельно. После одной из таких неудачных демонстраций он упал без чувств. Оливул уложил его на тахте и остался рядом. Очнувшись, Красный князь увидел над собой бледное осунувшееся лицо брата.

— Ты сидел здесь сутки напролет? — изумленно спросил он.

— Это было необходимо. И я тебя прошу: еще два дня в постели и без фокусов. Тогда я сниму наложение и передам его тебе. Договорились?

Донай отвернулся. Оливул предпринял новый заход:

— Послушай меня: я лишь хочу, чтобы ты выздоровел как можно быстрее, и рана не дала бы осложнений.

— Да, хватит. Понял уже, — огрызнулся Ви-Брук.

Донай уговорился, и Оливул смог, наконец, подумать о проблемах, которые временно ушли на второй план: где Крылатый Волк, где Юлька? Как добралась девушка до Белого Мира? Что предпринимает Серафима, узнав о случившемся? Не однажды Бер-князь порывался уйти в Структуру, но всякий раз, взглянув на брата, останавливался. Непонятная сила удерживала его возле Доная, и сила эта исходила от Ви-Брука, будто он, сам того не осознавая, отчаянно искал у Оливула поддержки.

Два дня минули незаметно.

— Ты будешь убирать свою игрушечную нашлапку или нет? — спросил Донай, едва открыв глаза после беспокойного сна.

— Может быть еще рано? — предположил Оливул.

— Мы договорились! Давай живее, мне надоело висеть у тебя на шее.

Бер-Росс удивленно приостановился: из уст Красного князя эти слова прозвучали по меньшей мере необычно.

— Если ты чувствуешь себя готовым, начнем, — медленно ответил он.

Силы Созидания братьев сплелись в общий поток. Синхронизация прошла значительно быстрее, чем предполагал Бер-Росс, и Донай без особого труда принял образ заживающей раны в собственную локальную Игру.

— Твой стиль Игры изменился, — заметил Оливул, проследив, как брат управляет наложением.

— Было бы чему меняться, — проворчал в ответ Донай. — Можно подумать, меня играть учили... Готово. Теперь, надеюсь, я могу встать?

— Я бы этого не делал.

— К счастью, я — не ты.

С этими словами Ви-Брук стал осторожно подниматься с тахты. Пройдясь по комнате, он все же благоразумно вернулся к постели и, покосившись на Оливула, который стоял у окна, делая вид, что перемещения кузена его не тревожат, объявил:

— На первый раз достаточно. Слышишь? Можешь не волноваться.

— С чего ты взял, что я волнуюсь?

— У тебя на затылке прочел... Дымиус сказал, будто ты за всю неделю ни разу не отошел от меня.

Это правда?

— Пожалуй. Что он еще рассказал?

Оливул взял со зрителя слово держать в тайне факт переливания крови, и теперь по реакции Донай хотел определить, выполнил ли тот обещание.

— Кое-что рассказал, — Ви-Брук прислонился к стене, возле которой стояла тахта. — Про замок, про то, как ты меня сюда притащил, как управлял камнем. И еще о том, что во мне якобы много смерти.

Белый князь поднял на Донай взгляд. За его спиной на граните маячила иссиня-черная бесформенная тень. Потухла забытая свеча, тень колыхнулась, преобразившись в силуэт, который нельзя было не узнать.

Смерть выходит из Тверди и возвращается в ее форму. Догадка, мигом переросшая в уверенность, полосонула Оливула.

— Эй, Бер-Росс, что с тобой? — Донай подался вперед.

— Что? — рассеянно переспросил тот.

— Приехали! Ты, братец, сейчас похож на покойника больше, чем обычно. Во-он там, — он кивком показал на противоположный угол комнаты, — есть удобный диван. Я уже в сиделке не нуждаюсь, можешь смело заваливаться спать.

— Не сейчас. Мне нужно убедиться, что Юля добралась до Волка. Потом мы приведем сюда корабль.

— Ты что, никогда не слышал как закрутить Надмирье и приостановить Мир в Структурном времени? — изумился Донай. — Куда ты гонишь? Ты в таком состоянии в какую-нибудь дыру попадешь, а не к Юльке под крылышко!

Оливул сделал вид, что последнее не расслышал.

— Насчет времени ты прав, но это отнимет много сил, — сказал он и продолжал рассуждения вслух. — Впрочем, если подождать здесь еще несколько дней, твоя рана окончательно заживет, и мы сможем отправиться на поиски Волка вместе.

— Вот еще новости! Это почему я должен с тобой идти?

Белый князь невольно обратил взор туда, где привиделась ему тень седьмой Стихии. Слово вырвалось, опередив рассудок:

— Потому что ты — Смерть.

Ви-Брук вздрогнул, но тут же скроил насмешливую гримасу:

— Слушай, братец, кто из нас неделю в жару провалялся: я или ты?

Бер-Росс уже жалел о своей поспешности. Донай не готов был воспринять рассказ о Стихиях, поэтому он, выдержав паузу, перевел разговор на другую тему.

— Зачем ты выдернул стрелу, когда нас несло по Черноте? Только не говори, что не подумал о последствиях.

— Я выдернул стрелу? — чуть не подскочил тот. — Я похож на самоубийцу, по-твоему?

В искренности его ответа сомневаться не приходилось.

— Ты видел стрелявшего?

— Нет, только арбалет. Да в чем дело? Ты выглядишь так, будто с минуты на минуту грянет всемирная катастрофа!

Бер-князь не мог сказать, в чем именно дело, однако чувство опасности вдруг приняло жесткие, хотя и скрытые, контуры. Энергетический вихрь в Структуре, землетрясение, арбалет без стрелка, исчезнувшая стрела — все было связано в какую-то логическую цепь с точно установленной целью, и ничему хорошему не предшествовало.

— Я должен найти Крылатого Волка. Немедленно. Оставайся здесь, Донай, я вернусь за тобой.

Серафима, Грег-Гор и за ними Пэр поднялись на открытую палубу. Волк парил над макушками гигантских елей, и вокруг, насколько хватало глаз, перекачивались живые волны зеленого океана.

“Какая красотища!” — восхитился призрак.

— Это ненастоящее, — отозвался Грег. — Кто-то закрыл картинкой свою Игру. Сосредоточься. Неужели не чувствуешь, как кругом витает творческая мысль?

Пэр неуверенно передернул плечами.

— Будьте наготове, — предупредил Гор. — Начинаем.

Близнецы придвинулись друг к другу. На идентичных лицах застыло одно и то же напряженное выражение. Таинственная Сила Создания, направляемая волей внемирнца, медленно раскинула над несуществующим лесом невидимую тень.

— Что он делает, Пэр? — Каляда была чем-то встревожена.

“Наверное, строит антиобраз, который позволит нам увидеть реальную обстановку. Оливул так поступал, насколько я знаю”.

— Произошло столкновение двух чужеродных сред, — женщина следила за Грег-Гором. — Когда играл Белый князь, ничего подобного я не замечала.

“Ты думаешь, Гай-Росс что-то не учел?”

— Он мог переоценить свои возможности — вот чего я боюсь.

“Серафима, смотри!”

От волнения призрак вытянул руку раза в два длиннее, чем следовало. Тень Крылатого Волка, распластавшаяся на густой кроне деревьев, колыхалась так, будто над лесом гулял ураган. Спустя еще несколько секунд ели начали таять, открывая взору людей хитроумный узор, сложенный из огромных плит. Над ним плясало марево, готовое оформиться в образ низкого здания с плоской крышей и чередой одинаковых узких окон.

“Нам придется спускаться, — сказал Пэр, перекинувшийся через перила смотровой площадки. — Отсюда Оливула и Юлю мы не найдем... Что случилось, Серафима?”

Каляда застыла, не спуская взгляда с близнецов. Призрак ахнул. Человеческие фигуры их медленно расплывались, но облик дракона не находил своего воплощения и как мутное изображение закрывал тающие тела.

“Что с ним?”

— Я не понимаю... — Серафима тщетно пыталась найти путь к сознанию Черного князя. — Он далеко, он почти не контролирует себя.

“Оливул говорил, Экзистедер может поглотить создателя! Серафима, сделай что-нибудь!”

Каляда молчала.

“Серафима, ты же сенсор! Скорее!”

— Ментальное проникновение не помогает.

В ее обычно спокойном голосе сквозило отчаяние. Но призрак испугался по-настоящему, когда увидел растерянность на лице капитана.

Раздался тихий хлопок — превращение все же завершилось. Дракон качнулся, обе головы его склонились, и тело повалилось на гладкую поверхность палубы. В этот момент вокруг друзей неуловимо изменилось пространство. Волк вздрогнул, будто от попадания торпеды, гравитационный якорь неожиданно вышел из строя и корабль потащило к земле, при этом Серафиму бросило на поручни, а призрак успел прилипнуть к крышке люка.

— Данила, взлет! — крикнула Каляда, сопроводив голосом мощный сенсорный сигнал.

Палуба накренилась.

“Грег-Гор!” — Пэр увидел, как дракон соскальзывает за борт.

Не помня себя, он метнулся к другу и нырнул в его тело. Окутанный зеленой дымкой Гай-Росс раскрыл крылья. Серафима ухватила за сознание Черного князя, но удивленно отпрянула: его место занимал Пэр.

Царящий кругом хаос неумолимо вел к катастрофе, и вдруг...

— Космос! — призыв женщины-Посредника распахнул Вселенную.

Великая Стихия окутала внемирнцев, порвав сеть экзорных потоков, сковавших несчастный Мир. Воспрянула освободившаяся от чужого влияния природа. Дрогнул воздух, потянулись к земле седые облака, сильный порыв ветра ударил в борт корабля и рассыпался в тот же миг хлопьями мнимого снега.

— Пэр, уводи Грег-Гора в ангар! — крикнула Каляда и, когда дракон, ведомый призраком, скрылся в шахте, через которую обычно покидали корабль катера, спрыгнула в люк.

На линиях в кабине управления мониторы дружно демонстрировали перегрузку систем. Завывали сигнальные сирены двигательного отсека, сквозь нарастающий шум прорывался истошный лай запертых в спальне собак. Данила решил про себя, что Волку приходит конец. Показатели гравитации перескочили все мыслимые отметки. Звездолет потянуло вниз, будто чья-то гигантская рука старалась

вдавить его в землю. Минимально допустимую высоту пилот удержал ценой большой потери энергии. Задействовать дополнительные ресурсы он не мог, поскольку коррекция энергопотоков проводилась только с линии бортинженера и с капитанского мостика. Ему ничего не оставалось, как маневрировать незначительными перемещениями, меняя угол наклона плоскостей корпуса к вектору давления.

Каляда ворвалась в кабину внезапно и, успев за доли секунды прочесть данные компьютера о состоянии корабля, частично восстановила баланс энергий.

— Идем в Структуру! — скомандовала она. — Даю курс...

— Цепь вывода на двигатели перегорела!

— Вижу, — Серафима ввела параметры в программу ремонтников-манипуляторов.

— Где Пэр?

— В ангаре. Внимание, встаем на Путь!

С горем пополам Крылатый Волк дополз до какого-то Мира. На свой страх и риск Каляда посадила корабль, не запросив предварительно данные сканнера. К счастью, атмосфера и ландшафт планеты оказались пригодны для людей.

Звездолет встал среди гигантских папоротников, заметно пострадавших от аварийной посадки невиданного здесь объекта. Двигатели отключились, успокоились мониторы, а Данила все еще сжимал пальцами тумблера своего терминала.

— Ты первоклассный пилот, Гаюнар, — услышал он за спиной голос капитана. — Ты спас корабль.

— Что произошло? — выговорил Данила.

— Экзистедер оказался сильнее Грег-Гора... Как ты?

Он вздрогнул. Каляда задала вопрос с такой неподдельной теплотой, что сердце пилота зачастило в волнении.

— Никаких проблем, — постарался ответить он как можно спокойнее, хотя у самого до сих пор плыло перед глазами от напряжения и горячие струйки пота ползли по вискам.

— Отлично, — капитан встала. — Очень надеюсь, что Гай-Росс и Пэр не пострадали.

Призрака нашли в ангаре рядом с лежащим без сознания Грег-Гором, обе чешуйчатые морды которого старательно вылизывали собаки. Пэр висел над полом в виде зеленого шара и казался невменяем. Гаюнар несколько раз сильно встряхнул приятеля, тот растекся по помещению и стал складывать себя в человеческий вид.

— Очухался? — поинтересовался пилот.

— “А что со мной было?”

— Понятия не имею. И убери бога ради вторую башку, с нас одного двуглавого хватает. Капитан, как дела у ребят?

Серафима держала ладони на лбах дракона.

— Глубокий шок вследствие большой потери жизненных сил. Приблизительно так выглядели сенсорные токи Оливула, когда его вытащили из Структуры после боя с Диербруком.

— Приблизительно — это в плюс или в минус?

Каляда вздохнула.

— Грег-Гор очень молод и как экзистор намного слабее брата.

— Почему он стал драконом?

— “Его истинный облик — вот этот, а то, к чему привыкли мы, только устойчивое наложение, созданное в Темных Мирах, — отзывался Пэр. — Он потерял весь собственный потенциал в борьбе с Экзистедером”.

— Он что, так и останется... этим? — растерялся Данила.

Ему не ответили.

— “Что делать, капитан?” — призрак с надеждой взирал на Серафиму.

— Искать Оливула и Юлю, — глухо ответила женщина. — Хотя, как я теперь вижу, мы допустили непростительную ошибку: нам не следовало выходить в Пути порознь.

— “Но Белый князь не знал про западню!”

— Я думаю, Белый князь не только про нее не знал, но никогда в нее и не попадал. Почему его брат решил, будто поймал зов о помощи, остается только гадать. Но он ошибся, это очевидно. И теперь надо сделать так, чтобы эта ошибка не стала роковой.

Гаюнар вскинул голову.

— Я сын внемиренца, вышедшего из княжеской семьи Лучезарного Мира. Я буду играть.

— Нет, Данила. Экзистедер не помощник нам. Стихии — вот на что мы должны полагаться. Сейчас Космос направил меня в Структуру и показал Путь. Вам обоим должно быть понятно, о чем я говорю. Вы ведь тоже испытали чувство единения со Стихией: ты, Данила, когда поделился Жизнью с собаками, цветами и птицами в Белом Мире; ты, Пэр, когда направлял Воздух, влившись в тело Грег-Гора.

“Я не заметил, что обратился к Воздуху, — призрак поежился. — Но зато я был драконом! Только вот сейчас помню одно: страх!”

— Почему? — искренне удивился Данила.

“Не знаю. Может быть это был страх Гай-князя?”

— Тише! — Каляда подняла руку, призывая к молчанию. — Кто-то открыл ход из Структуры.

Данила инстинктивно потянулся к пистолету, висевшему на поясе. Собаки навестили уши и в унисон зарычали.

— Ищите! Ищите чужака! — скомандовал им пилот.

Псы рванули вверх по лестнице. Люди побежали за ними, но в кают-компании остановились. Собаки, заметно успокоившиеся, обнюхивали столик под барельефом Семи Стихий. Пока Данила и Пэр тревожно оглядывались по сторонам, Серафима подошла к животным.

— Меч Смерти исчез, — сказала она.

Путь в Белый Мир Оливул отыскал не сразу. Оказалось, что пространственный вихрь забросил внемиренцев в область, полярную Темным Мирам и близкую к периферии. Выбраться оттуда было нелегко. Но вот Пути остались за спиной, а впереди высились ворота Белого Мира. Первое, что бросилось в глаза Бер-князю — отсутствие звездного блеска на знакомой дороге. Тревога за друзей притупила осторожность, и Оливул стремительно шагнул в туман.

По велению экзистора мутная мгла нехотя рассеялась. Крылатого Волка на взлетной площадке не было. Бер-Росс оглянулся вокруг и застыл, пораженный увиденным. Деревья в парке сбросили листву, и она, некогда сияющая, лежала на земле серой слипшейся массой. Голые черные стволы обозначали аллею, и понурая громада терема была целиком видна от самых ворот. Строение потеряло прежнее изящество, и тоскливо белело на фоне неприветливого мрачного неба.

Придя в себя от потрясения, Оливул коснулся мыслью Экзистедера. Энергия его жила, но создатель заметил отчетливые чужие следы, будто кто-то, попытавшись захватить управление, не справился с инородной силой и в спешке отступил.

Белый князь медленно пошел к терему. Тени Игры-оккупанта встречались то тут, то там, но активных участков он не обнаружил. Лишь белокаменное здание, накрытое грубой экзорной вуалью, не поддавалось зондированию. Обдумывая план дальнейших действий, Оливул невзначай бросил взгляд на сверкающее голубизной озеро. В промозглом воздухе, среди голых деревьев оно выглядело удивительно живым и теплым. Свернув с дорожки, Бер-Росс осторожно приблизился к пологому берегу.

— Юля, — неуверенно позвал он.

Волны неторопливо поплыли прочь, в нескольких саженях от земли открылась небольшая воронка с серебристо-голубыми краями, и показались ступени крутой прозрачной лестницы, уводившей в подводную светелку на глубине озера. Белый князь отчетливо различил Игру, созданную подругой.

— Юля!

Бледная, с искрящимися каплями в волосах, она взбежала по ступеням и бросилась к нему в объятия. Вода едва успела отхлынуть от берега, предоставив ей сухую тропинку.

— Юля... Юля, — Белый князь нежно прижал ее к груди. — Я не надеялся встретить тебя здесь. Слава богу, ты невредима!

— А я знала, что ты придешь! Я так тебя ждала!

— Что случилось? Почему ты не на Волке? — Оливул бережно приподнял ее головку.

— Я не нашла корабль. Я долго искала, но не нашла. Вернулась сюда, а тут такое! — она боязливо поежилась. — Оливул, ты один? А где Донай? Он...

— Нет-нет, он жив, — поспешил успокоить сестру Белый князь. — Я оставил его в замке. Он еще не совсем оправился от раны.

— Ты выглядишь очень усталым, — забеспокоилась Юлька. — Вода дала мне убежище, когда я осталась одна. И она с радостью возьмет под свои волны нас обоих. Ты должен отдохнуть.

— Нет времени, Юля. На моем Экзистедере играли, и я хочу выяснить, кто. Боюсь, у нас появились враги.

— Послушай меня, Оливул. На Волке что-то узнали. Что-то важное. Иначе бы Серафима не увела корабль, правильно? А теперь они вчетвером разыскивают нас, — девушка с надеждой смотрела на друга. — У нее наверняка уже есть какой-то план. Если мы начнем действовать вдвоем, мы все испортим!

Белый князь опустил взгляд, не решившись высказать ей застрявшую в сознании мрачную мысль. Весь ход событий говорил за то, что тайные противники, облик которых представлялся ему весьма

неясно, вполне могли захватить друзей в плен и подготовить какую-то изощренную ловушку для оставшихся на свободе.

— Экзистедер все еще подчиняется мне, — сказал Оливул после тяжелой паузы и оглянулся на терем. — Я воспользуюсь его силой, если потребуется.

Юлька угадала его намерения.

— Не ходи туда, — проговорила она, еще крепче сжав его руку. — В здании поселилось что-то чужое, я чувствую!

— Тем более надо знать, с кем имеем дело.

Девушка вздохнула.

— Это неоправданный риск. Пока не определена наша главная цель, пока Седьмая Стихия не сделала выбор...

— Выбор сделан, — тихо сказал Белый князь.

— Как? — ахнула Юлька. — Ты нашел его? В замке, где оставил Донай?

— Донай — Седьмая Стихия.

Она отшатнулась.

— Смерть выбрала Красного князя? Это же катастрофа!

— Мы должны верить Стихиям, милая.

Юлька чувствовала себя так, будто тонет в шквале собственных мыслей.

— Да, но Донай хотел тебя убить, — вздохнула она. — Он вызвал тебя на поединок, он...

— Спас нас из обвала и принял на себя удар, предназначавшийся мне, — закончил Оливул.

— Ладно, — обезоруженная, Юлька символически подняла руки. — Тогда вспомни сон, который ты рассказал мне в избушке. Витязь Седьмой Стихии был одет в синее, верно? А мой несносный братишка носит исключительно красный цвет!

— Не все сны сбываются, — обронил Бер-Росс, отошел на шаг и оформил образ меча.

— Ты все-таки идешь в терем? — с безысходностью в голосе спросила девушка.

— С Белым Миром враг не совладал, но терем — единственное место, где возможно локализовать Игру. И если воришка до сих пор там, он крупно пожалеет о содеянном. Не беспокойся, Юля, — добавил Белый князь, заметив, как помрачнела подруга, — я буду очень осторожен.

Они вместе вышли на аллею и направились к зданию. Вдруг Юлька остановилась и быстро оглянулась назад.

— Оливул, там кто-то живой, — зашептала она.

Вслед за ней и Бер-Росс разглядел на дорожке темный силуэт.

— Закрыв себя образом невидимки, — прокомментировал он и аккуратно направил свой поток в эпицентр чужой Игры.

Синее пятно растаяло, и на аллее проявилась фигура человека. Оливул изготавился к бою.

— Эй, полегче! А то, чего доброго, пришибешь сгоряча.

— Донай? — изумленный, Бер-Росс приблизился к кузену. — Как ты тут оказался?

— Элементарно, — ответил тот и своим мечом, который держал в левой руке, отвел клинок Оливула. — Я с тобой драться не собираюсь.

Белый князь поспешно убрал оружие.

— Я знаю, Донай. Но что означает твой вид? Почему на тебе... — тут только он осознал, по какой причине сразу не узнал брата. — Почему ты в синем? Ты же Красный князь. Нельзя так опрометчиво изменять цвету!

Ви-Брук посмотрел на Юльку, недоверчиво взвизгивающую на него издали, на кузена и ответил:

— Красный князь умер.

Наступившее молчание нарушил Оливул.

— Зачем ты отправился за мной?

— Я заметил, ты последнее время мастерски попадаешь в переделки, и решил, что лишние полторы руки тебе не помешают. Дымиус любезно показал мне канал, по которому иногда улепетывали несостоявшиеся игроки. И вот он — я! Что, сестренка, не веришь своим глазам?

— Глазам-то я верю, а вот ушам — не очень, — заявила Юлька.

Оливул угадал ее намерение напомнить Донаю о его прежних выходках, и остановил подругу взглядом.

— Как ты нас нашел? — он обратился к Ви-Бруку.

— Глупый вопрос. Ты сам оставил метки на Путиях!

Белый князь изменился в лице, но ответил.

— Да, я забыл.

— А как это называется? — продолжал Донай, кивнув на тоскливый парк. — Не похоже на твои декорации.

— Мой Мир изменили, и я хочу серьезно поговорить с автором новой картины. Кажется, он в доме.

— Прекрасно. Я с удовольствием разомнусь после недельного безделья, — Синий князь ловко перекинул из руки в руку меч.

— А что если в тереме именно вас и ждут? — вмешалась Юлька.

— Его, — Донай ткнул пальцем в Оливула, — может и ждут, но я буду приятным сюрпризом. Не часто все-таки встречаешься со Смертью!

Девушка демонстративно отвернулась и уселась на поваленное дерево.

— Вот это я и назвала катастрофой, — многозначительно пояснила она Бер-Россу, кивнув на брата.

➤10<

Поднимаясь по ступенькам на высокое крыльцо, Оливул чувствовал на себе тревожный взгляд подруги.

— Насчет засады Юля права, — сказал он в полголоса. — Будь начеку.

— А то я сам не догадался! — хмыкнул Донай и спросил. — Что у тебя с метками получилось? Слабо верится, будто ты про них забыл.

— Я не оставлял никаких меток. Разве что Смерть шла по следу Тверди. Потом обсудим эту тему, — добавил Бер-Росс и толкнул увенчанные искусной резьбой дверные створы.

Тишина. Братья осторожно пошли вдоль стен переднего зала, где красовались некогда яркие панно и мозаика. Зеркала, покрытые густым слоем пыли, нехотя демонстрировали людям их отражения.

— Здесь чужака нет, — шепнул Оливул, оглядевшись. — Идем дальше.

— Кого мы все-таки ищем?

— Если б я знал! Одно могу сказать с уверенностью: изменения в моем Мире сделаны не Экзистедером. Здесь что-то иное.

— Стрела, с которой я близко познакомился, ария из той же оперы?

— Возможно.

Они зашли в гостинный зал, и опять же ничего подозрительного Бер-Росс не обнаружил.

— Не понимаю, что происходит, — признался он, опуская меч, который держал наготове.

— Как думаешь, братец: вампиризм — качество приобретенное или наследственное? — вдруг спросил Донай.

— Крайне неподходящее время для шуток.

— А я не шучу. Смотри, наши отражения начисто отсутствуют.

Синий князь говорил серьезно и слегка испуганно, и даже Оливулу стало не по себе, когда он посмотрел в зеркало: оно показывало часть зала во всех деталях, краешек серого неба за окном, стеклянную дверь музыкального салона, но людей не было.

— Что скажешь? — от обычной бравады Ви-Брука не осталось ни следа.

Оливул сохранял спокойствие.

— Реальное объяснение одно, — проговорил он. — Это не зеркало.

В качестве иллюстрации к своим словам он отодвинул от стола массивное резное кресло. В таинственном стекле никаких перемещений не произошло.

— Нам надо убираться отсюда. И чем быстрее, тем лучше, — подытожил Бер-Росс.

— Может быть объяснишь сначала, что за бес здесь завелся?

Ответить Белый князь не успел. Тяжелая портьера ни с того ни с сего рухнула на пол вместе с карнизом, пролетевшим на вершок от головы Доная.

— Дьявольщина! — гаркнул тот и наугад махнул мечом.

— Стой! — Оливул отдернул его в сторону, но поздно: клинок попал прямо в центр псевдо-зеркала.

Вместо звона разбитого стекла раздался гул, который едва ли можно было сравнить с каким-либо земным звуком. Просуществовав не более секунды, он утонул в опустившейся вдруг тишине, и в воздухе закружились крупные белые хлопья.

— Назад! — крикнул Бер-Росс.

Донай бросился за ним, споткнулся и падая ударился плечом о колонну. Оливул подхватил его и увлек к выходу. Оба были уже на середине зала, когда покрытые росписью плиты на потолке задрожали и одна за другой начали падать вниз. Путь к отступлению оказался отрезан, и братьям ничего не оставалось как укрыться от неестественного камнепада в декоративной нише.

— Как это у него получается? — пробормотал Ви-Брук, силясь справиться с болью в потревоженной ране. — Черт!

Он увидел, что массивный подсвечник самостоятельно спрыгнул с каминной полки и ринулся в их сторону.

— Сюда! — Белый князь толкнул брата к полуоткрытой двери музыкального салона.

Подсвечник описал баллистическую дугу, но цели не достиг — лишь вскользь задел Бер-Росса по руке, и с грохотом рухнул на пол. Донай рефлекторно отпихнул оживший предмет, вслед за братом вбежал в салон и захлопнул вход.

Тяжело дыша, оба прислонились к стене.

— Ты что-нибудь слышал о Кочевниках? — спросил Оливул.

— Это те уроды, которые выгоняют души людей?

— Приблизительно так. Они занимают место человека в пространстве и времени, вытесняют его сущность и присваивают оболочку, мысли, чувства — словом, становятся этим человеком на определенный период.

— Понял, понял. А при чем тут Кочевники?

— Кажется, они научились замещать и неодушевленные предметы.

— Забавно. А какие именно предметы?

— Любые, — Оливул не заметил, что Ви-Брук с опаской разглядывает настенный ковер, где располагалась коллекция холодного оружия.

— Скверно, — попытожил Донай и показал на два легких меча, медленно ползущие по стене. — Фехтовальщик без сабли — полбеда, а вот сабля без фехтовальщика!

— Лучше подумай об обороне, — Оливул, наблюдая за перемещением клинков, поднял меч.

Однако атака неожиданно обрушилась с другой стороны: великолепный рояль сорвался с места и стремительно покатился на людей.

— Берегись! — Синий князь повалил брата на пол.

Благородный инструмент пронесся над их головами и с грохотом разбился о косяк запертой двери. Отчаянный перезвон порванных струн сменился уже знакомым тяжелым гулом, и хлопья мнимого снега посыпались на ковер.

Оливул и Донай вскочили без промедления, но враги, ставшие саблями, рапирами и кинжалами, уже взяли их в плотное кольцо. Клинки метнулись на внемиренцев все разом, и часть их достигла цели. К счастью, сила ударов была невелика, и братья получили лишь легкие царапины. Им удалось расстроить ряды разумных орудий убийства, и пока те собирались для следующего штурма, оба выбежали на балкон.

— Высоко, — сообщил Синий князь, заглянув вниз, и предложил: — Как насчет ползать по деревьям?

— Не вздумай! — воскликнул Оливул. — Если Кочевники научились взаимодействовать с предметами, не имеющими собственных механизмов передвижения, завладеть растениями для них не составит труда!

Его опасения незамедлительно получили фактическое подтверждение: длинная ветка изогнулась и хлестнула по перилам. В этот момент закрытая в комнате коллекция напомнила о себе, разбив балконное стекло. Ви-Брук отразил серию прямых ударов, чем уберег кузена и себя от лишних царапин, и повернулся, чтобы выяснить обстановку на “древесном” фронте. Здесь его ожидал очередной неприятный сюрприз: несколько рядов крепких, как на подбор, острых суков и веток выстроились прямо перед балконом, готовые в любой момент оторваться от ствола.

— Они накапливают потенциал энергии. Их удары будут сильнее, нежели наскоки коллекционных клинков, — в полголоса объяснил Оливул.

— Утешил, — Ви-князь перехватил меч. — ...Что это? Ураган?

До слуха донесся странный шум. И прежде, чем внемиренцы успели определить его природу, над теремом поднялась гигантская водяная волна. Свирепый поток обрушился на псевдо-деревья. Первое же из них было выдернуто с корнем из земли и кануло в бурлящей лавине. Секунду спустя балкон, где стояли Оливул и Донай, захлестнуло той же волной...

Бер-Росс не помнил, как его вынесло на твердую почву. Очнулся он на дорожке, сплошь устеленной водорослями, илом и грязью. Донай сидел тут же и недоуменно оглядывался по сторонам. Рядом очутилась Юлька.

— Оливул, что с вами произошло? Что было в доме?.. О, мой бог! Да у тебя кровь! Донай, и ты ранен!

— Хватит верещать, — поморщился Ви-Брук. — Царапин не видала?

— Откуда взялась вода? — поинтересовался Белый князь, вставая.

— Я попросила озеро вам помочь, когда услышала драку на балконе, а что?

— Ты ничего почище придумать не могла? — Донай вслед за братом тяжело поднялся на ноги.

— А что тебе не понравилось? — искренне изумилась Юлька.

Он брезгливо смахнул сгусток ила со своего плеча и, взглянув на Бер-Росса, присвистнул:

— Вот это номер! Как ты умудрился остаться совершенно чистым?

— Все-таки здесь живет моя Игра, — ответил Оливул и тихо добавил: — но с ней придется расстаться навсегда.

— А Кочевники? — насторожился Донай.

— Я знаю одно средство.

— Ты хочешь уничтожить свой Мир?

— Другого выхода я не вижу, — Белый князь скрыл удрученный вздох. — Поспешим.

Юлька до последнего момента надеялась, что истолковала его слова неверно. Она терпеливо ждала каких-либо объяснений, пока шагала за другом по аллее. Но аллея закончилась полукруглой площадкой, где несколько дней назад приземлился Крылатый Волк, а Бер-Росс так и не проронил ни слова.

— Я не понимаю, что происходит! — возмущенно воскликнула девушка. — Оливул, неужели ты действительно решил разрушить Белый Мир?

— Так надо, Юля. Мне очень жаль, но Белый Мир стал нашим врагом. Открывайте Структуру и вставайте на ближайший Путь.

— А ты? — вопрос из уст брата и сестры прозвучал одновременно.

— Я присоединюсь к вам как только оживлю Игру.

Бер-Росс подождал, пока они сформируют Структурный вход, и открыл себя для контакта с Силой Созидания.

Синий князь наблюдал за кузеном. Тот начал играть, но невидимый фронт невещественной чужеродной массы подступал к экзистору со всех сторон, и его губительное давление ощущалось даже в Надмирье.

— Не отходи далеко, — шепнул Донай сестре.

— Куда ты?

— Спокойно, еще ничего не стряслось, но не угодил бы наш колдун в новые неприятности. Постою-ка я рядом с ним.

С этими словами он вернулся в Мир. Юлька, не закрывая ворота, осталась на Пути, во все глаза следя за братьями.

Донай, приблизившись к Белому князю, убедился, что его опасения не излишни. Атмосфера Игры была накалена до предела. Экзистедер противился приказам создателя, ставил заслон за заслоном, и, пройдя некоторые из них, экзистор рисковал оказаться запертым внутри собственного детища.

— Завершай немедленно! — Ви-Брук схватил кузена за плечо. — Ты его теряешь!

— Экзистедером управляет созданный им же поток, — быстро ответил Оливул. — Он не позволяет разрушить Игру.

— Держись, я войду за тобой...

— Нет! — Бер-Росс с трудом перевел взгляд на брата. — Зови Стихию.

От лица Синего князя мигом отхлынула кровь. Смерть расплывчатым призраком возникла перед ним, окатив холодом и пустотой. Ви-Брук поспешно стряхнул с себя видение.

— Донай! Оливул! — это кричала из меркнувшего Пути Юлька. — Ворота закрываются, я не справлюсь с напряжением Структуры!

Донай прикрыл глаза. Образ Смерти вновь появился в сознании, но на сей раз он бесстрашно принял его.

— Ну давай же, давай сюда, — шептал он, пытаясь найти нечто, позволившее бы вызвать силу Стихии. — Да как же тебя подцепить?

Белый князь пошатнулся. Отчаянно вскрикнула Юлька. Невидимый фронт навис над внемиренцами.

— Смерть!

Донай так и не довел до ума, что именно он сделал, но рядом гулко лязгнул о камни тяжелый клинок. Рука сомкнулась на эфесе, и Стихия обняла Витязя Меча. Холод, онемение и темнота стремительно пронеслись над ним и улетели прочь. Мрачный туман сочился сквозь плиты и медленно растекался по площадке, поднимаясь выше и выше. Влияние противоборствующей субстанции ослабло, и Экзистедер, оставшийся один на один с создателем, безропотно принял образ своего конца. Игра оборвалась, а разбушевавшаяся Смерть, набирая мощь, поднялась в небо и накрыла растворяющиеся в пустоте терем, аллею и парк черным крылом небытия. Меч тянул Витязя в бой, будто ретивый пес, взявший след добычи. Остановить его казалось уже невозможно, и Донай охватил панический ужас.

— Твердь! — в зов этот Бер-Росс вложил все оставшиеся силы.

Каменные плиты дрогнули и застыли в величественном покое — Смерть нехотя приняла форму старшей Стихии. Буйство ее угасло.

— Кончено, уходим, — проговорил Оливул. — Помогите мне...

Ви-Брук подхватил брата, едва державшегося на ногах, и вместе с ним ввалился в пятно черноты. Юлька захлопнула вход и, прильнув к Белому князю, крепко обняла его. Донай тихо чертыхнулся, ибо ему пришлось стать ведущим в компании, когда внемиренцев потянуло в пустоту Структурного пространства.

— Найди опору, — подсказал Бер-Росс. — Все в порядке, Юля, сейчас выберемся.

— Мне бы твою уверенность, — буркнул себе под нос Донай.

Меняя вектора и огибая куски каналов, он повел друзей к Миру, куда влекла его иссиня-черная нить.

— Донай, — заволновалась Юлька, — посмотри на свой меч! Он оставляет след на Пути.

— Этой тропинкой никто пользоваться не рискнет, сестричка, — пробормотал Синий князь. — Нас ведет Смерть.

Путь неожиданно оборвался фейерверком из разноцветных огней. Тревожная тьма Структуры отпустила внемиренцев и растаяла в своем измерении, а Донай, Юлька и Оливул остались одни на берегу глубокого ручья среди высоких растений с сочными мясистыми листьями.

— Вот это занесло! — Ви-Брук с досадой воткнул клинок во влажную землю. — Много я повидал, но в доисторических эпохах еще ни разу не был.

Оливул тем временем с помощью Юльки лег на траву.

— Дайте мне час, а потом мы найдем новый Путь, — произнес он.

— Мне очень не нравится твое состояние, — девушка покачала головой.

— Пустяки. Борьба с Экзистедером отняла много сил. Это поправимо.

— Ты еще вспомни, сколько суток не спал, — как-то виновато вставил Донай. — Говорил же тебе — приостанови время!

— Потом, — механически отозвался Бер-Росс.

— Оливул? — Юлька наклонилась к другу.

— Отстать от него, пусть отдохнет.

Девушка колебалась.

— Он меня десять суток выхаживал, — тихо продолжал брат. — А я — дурак — только сейчас начал соображать, каково ему пришлось... Никогда мы не были врагами, это я всё придумал. Правда, Юлька?

— Не только придумал, но и разыграл, — сурово подтвердила та и смягчившись продолжала. — А ведь Оливул знал это давным-давно и никогда не злился на тебя. Не бойся помнить. Считай, что чувства-образы ушли, как болезнь, как дурной сон. И мне кажется, — она нежно взглянула на брата, — сегодня родилась самая большая и крепкая дружба на всем свете.

Ее слова каплей доброго янтарного вина согрели беспокойную, покрытую шрамами душу. Донай посмотрел в большие серые глаза сестры.

— Я и представить себе не мог, какая ты отличная девчонка, — тень улыбки скользнула по его лицу. — Жаль, что мы мало общались.

— Вот уж проблема! Будет время наверстать!

➤11<

Солнце палило нещадно. Богатая крона гигантских кустарников спасала от зноя, но воздух, пропитанный влагой и жарой, безжалостно давил на уставших людей. Юлька не выдержала.

— Сидеть возле речки и не искупаться в такую погоду! Жди тут, я мигом. Потом можешь сам освежиться, если хочешь.

Донай покосился на заросший незнакомыми растениями ручей, и усмехнулся.

— Ну нет, спасибо!

— Твое дело, — Юлька направилась к воде.

— Передай привет динозаврам! — крикнул ей вслед брат.

Юлька не остановилась, как он ожидал.

— Непременно, — она скрылась за зарослями, но секунду спустя выглянула из-за широких листьев. — Не забудь привести себя в порядок!

— Зачем?

— Как зачем? Получив твой привет, динозавры наведаются к тебе с поклонами!

И пока Донай искал ответ, Юлька исчезла в камышах.

— Вот ненормальная! — он поднялся и не без опаски огляделся.

Ни шороха. Даже ветер потерялся где-то в папоротниках. Синий князь не мог объяснить, что его тревожит, но сестру он отпустил напрасно, это он уже понял. Плеск воды со стороны ручья и шелест травы с другой раздалась почти одновременно. Донай почувствовал на себе взгляд живого существа.

Прислушался. Из-за кустов, окаймляющих береговую полосу, донесся приглушенный рык. Стараясь не делать резких движений, Синий князь поднял меч и встал над спящим братом.

— Оливул, — позвал он одними губами. — Оливул!

Тот не проснулся. Донай тронул его концом клинка в надежде, что Бер-Росс среагирует хотя бы на это.

— Ты, негодяй! Брось оружие и отойди от него!

Ви-Брук вздрогнул и как на пружине повернулся на голос. Данила Гаюнар одной рукой сжимал пистолет, дуло которого смотрело в грудь врага, а другой держал за ошейники двух оскалившихся собак.

— Брось меч! — грозно повторил пилот.

— Эй, подожди минутку, я все объясню, — попытался вступить в переговоры Синий князь.

Но тут псы сорвались с ремня и бросились на незнакомца. Донай успел только отшвырнуть клинок, чтобы не поранить животных. Он был уверен, что справится с ними голыми руками, но и этого не потребовалось. От одного пса он увернулся, второй остановился сам и принялся обнюхивать человека. По мере того, как завилал саблевидный хвост собаки, стало ясно, что до зубоприкладства дело не дойдет. Данила в свою очередь решил, будто Ви-князь околдовал животных, чертыхнулся и, демонстративно бросив на землю пистолет, двинулся на противника, сжав кулаки.

— Угомонись, Гаюнар, послушай меня! — начал Донай.

— Зря стараешься, — оборвал его Данила. — Со мной колдовские штучки не пройдут. Ты мне сейчас за многое ответишь, — он быстро, не теряя из виду противника, глянул на Белого князя. — И за Оливула тоже.

Ви-Брук отскочил, и удар пилота пришелся по левой руке.

— Псих! Успокойся! — опять крикнул он и тут уже схлопотал в челюсть.

Вопрос о компромиссе был исчерпан.

— Ну, держись, коротышка!

Данила глазом моргнуть не успел, как получил здоровенным кулаком в ухо, однако в долгу не остался и что было сил саданул Доная в грудь. Тот отшатнулся, побелел, как мел, и согнувшись упал вперед на колени. Гаюнар намеревался закрепить успех, но в этот момент над ручьем прокатился пронзительный Юлькин крик:

— Эй! Прекратите немедленно!

Собаки, создававшие драке звуковое сопровождение, сменили лай на радостный визг и помчались к девушке. Приподнялся и, увидав “поле-боя”, вскочил Оливул.

— Данила? — Белый князь изумленно смотрел на друга. — Как ты здесь оказался?.. Донай, что с тобой?

— Ничего, не смертельно, — прохрипел Ви-Брук.

— Опять ты затеял потасовку? — заранее возмутилась Юлька, подбегая к брату.

— Я затеял? Нет уж. На сей раз все претензии к этому психованному! — Донай подполз к дереву и сел, прислонившись спиной к стволу.

Оливул помог ему расстегнуть рубашу.

— Ты сам-то в порядке? — осторожно спросил Синий князь, пока Бер-Росс осматривал его потревоженную рану.

— Не вижу оснований для вопроса.

— По-моему, в таком гвалте мог спать только убитый.

— Реальная опасность разбудила бы меня мгновенно, — уточнил Оливул и, поправив повязку на груди брата, добавил. — Как, впрочем, и случилось.

Данила растерянно смотрел на друзей.

— Бер-Росс, объясни хоть ты, наконец, что все это значит?! — воскликнул он.

Оливул подошел к пилоту.

— Донай избрала Седьмая Стихия.

— Что? — тот перевел взгляд на своего недавнего неприятеля. — Та-ак. Вот теперь жди стихийного бедствия.

— Да кончай ты, Данила! — нетерпеливо отмахнулась Юлька. — И вообще, помиритесь сейчас же!

— Да ладно, квиты, — отозвался Донай. — Я ему, помнится, тоже мордашку разукрасил в прошлый раз.

Заметив, что Гаюнар приготовился продолжать пикирование, Оливул поспешил повернуть разговор в другое русло.

— Где Крылатый Волк? — спросил он.

Пилот нахмурился.

— Тут, рядом. Сели прямо в долине. Удивляюсь, как еще шасси не переломали! Вы-то с Юлькой на прогулку отправились, а твой меньшей братец панику поднял в обе глотки, мол, вы в ловушке. Каляда пошла по его фарватеру. В результате — влипли.

— Что с Грег-Гором? — внутренне похолодел Бер-Росс.

— С чужим Экзистедером поцарапался, да не очень неудачно. В целом обошлось, но... короче, сам увидишь.

Оливул подавил тяжелый вздох и оглянулся на кузена.

— Донай, идти можешь?

— Спрашиваешь!

Синий князь bravо встал на ноги и подобрал меч. Гаюнар покосился на клинок.

— А-а, вот куда он провалился! — сказал он и пояснил. — Исчез прямо из кают-компания часа три назад.

— Он нашел Витязя, — Юлька с гордостью посмотрела на брата. — Данька, а откуда псы взялись? Неужели — те самые?

— Они. Каляда говорит, что это законные спутники Жизни, — и погрозил собакам кулаком.

— Чтoб без команды у меня ни шагу!

— Никудышная дрессировка, — не удержался Донай.

— Заткнись ты, — процедил Гаюнар сквозь зубы.

— Извини, — после короткой паузы обронил Ви-Брук. — А бобиков своих не ругай. Они быстрее узнали во мне Смерть... Оливул, куда ты так торопишься?

— Братишку в чувство приводить, — объяснил Данила. — Добро, живой остался. Хотя я бы ему обе башки открутил за его игрушки.

Серафима ничуть не удивилась, увидав Доная, поднимавшегося на борт Крылатого Волка.

— Мы ждали тебя, — сказала она, встретив Синего князя на площадке перед люком. — Теперь все Семь Стихий дома.

— Ты знала, что я стану избранником Смерти? — Донай смерил женщину недоверчивым взглядом.

— По-моему, иные варианты отсутствовали. Оливул, Грег-Гор был в чужой Игре.

— Данила рассказал.

— Он на нижней палубе. Идем.

Друзья стояли над Черным князем — двуглавым драконом, лежащим на полу между припаркованными катерами. Оливул еще раз погладил покрытые чешуей одинаковые головы с поникшими блестящими гребнями и подошел к Каляде.

— Мне необходим устойчивый фон, чтобы восстановить его Экзистедер. Энергия Созидания была собрана внутри Грег-Гора, и это поддерживало его человеческий облик и его силы.

— Что я могу сделать, Оливул?

— Боюсь, ничего. Сенсорные воздействия пока не помогут. Необходима Игра.

— Оливул, — Донай перевел взгляд на кузена, — Юлька мне говорила по дороге, но я хочу услышать от тебя: этот дракон — твой единокровный брат Гай-Росс?

— Да.

— То есть получается, что ты одним боком из Темных Миров?

— Да, но это неважно. Тем более сейчас.

— Может быть я не специалист по Играм в центре Структуры, но в Темных Мирах я втихую от папочки шлялся довольно много и их особенности знаю. Короче, строй основной поток, я поддержу фон.

— Ты только-только пришел в себя после ранения, Игра требует полной отдачи...

— Забудь. Ему хуже, чем мне. Начинай.

Каляда сделала знак Юльке и Даниле отойти к стене ангара, а предусмотрительный Пэр разместился в перилах лестницы заранее. Оливул несколько раз глубоко вдохнул и замер над братом. Медленно-медленно стала оформляться струя его Силы Созидания.

Донай первые несколько минут никак не мог нащупать подход к искусному переплетению образов, творимых Белым князем. Игра разрасталась с каждым новым витком, как сложная мелодия, как многоголосый хор, как органная кантата. Поделки экзорных мечей, каменных стен и прочей мелочи показались такими примитивными, что Ви-Брук подумал, не переоценил ли свои силы, когда последовал за братом в его виртуозную Игру. Впрочем, беспокоился он напрасно. Потoki синхронизировались сначала на периферии, затем потекли вместе вглубь вновь создаваемого локального Экзистедера.

Рядом возникла тень Смерти. Металлические конструкции ангара удержали ее в себе, и образ Стихии неспеша пополз по полу и корпусам флаэров, приближаясь к Грег-Гору. Слух уловил

равномерный звук капли: вода просачивалась из надтреснувшей трубы и крупными каплями падала вниз. Подул пробившийся через полуоткрытый люк ветер и вместе с ним в помещении появился запах озона и живой травы.

— Вводим потоки, Донай, — тихо произнес Оливул.

Экзистедер проник в тело дракона. Грег-Гор вздрогнул. Блеснули поникшие гребни, по черной чешуе прокатились искры, и вдруг в ангаре взвился столб рыжего огня. Друзья невольно отпрянули. Пробужденная необузданная Стихия, как шаловливый и фантастически сильный ребенок, восторженно ринулась на свободу, призывая за собой хаос и разрушение.

Космос!

Не голос — гром раздвинул границы Мира. Пространство Структуры сковало едва не разгулявшееся пламя. Огонь, обиженно шипя, собрался в большой костер. Буйный пыл его сменился мирным теплом, а грозные сполохи пожара превратились в ласковые лепестки огромного алого цветка. В центре костра появились две одинаковые человеческие фигуры. Близнецы шагнули к друзьям, и языки пламени растаяли, оставив в ангаре незатейливый дух домашнего очага.

— Грег, Гор! — Оливул опустил руки на плечи юношей. — Очнитесь, ребята!

В блеклых невидящих глазах вспыхнуло сознание.

— Оливул... Мы...

— Все в порядке, — он прижал братьев к себе. — Теперь все в порядке.

➤12◀

Алое зарево заката над долиной сменилось лиловой полосой, а затем и вовсе исчезло, уступив место черному куполу ночи. Каляда установила защитный экран над корпусом корабля и вернулась в кают-компанию.

— На нас объявлена охота. Так ведь, капитан? — не оборачиваясь глухо спросил Оливул, задумчиво рассматривая барельеф Семи Стихий.

Серафима молча подошла к друзьям, собравшимся вокруг большого стола в центре каюты. Пэр клубился над столом обширным зеленым облаком. Рассказ Белого князя, законченный несколько минут назад, не только не прояснил причин ошибки Гай-Росса, а напротив, поставил массу новых вопросов.

— Слишком мало мы знаем о себе и о Семи Стихиях, — сказала Каляда. — Но очевидно одно: порознь мы слабы, и это использовали наши враги.

— Серафима, — Юлька подняла голову, — кому мы помешали? Кто заинтересован в нашей гибели? Неужели Диербрук организовал новый поход к Первому Экзистедеру?

— Это исключено, — быстро ответил Оливул. — Для Игры Диербрука нужны два сильных экзистора, причем состоящие в близком кровном родстве. Один накапливал Силы Созидания в Экзистедере, другой направлял и строил мост в следующий Мир. Фарватер для прохода вычислил я, и результаты в единственном экземпляре хранились у Аз-князя. Теперь, когда его Экзистедер уничтожен, и ни я, ни Донай не поддержим его Игру, он бессилен что-либо предпринять в глобальных масштабах.

— Он найдет партнеров, если захочет. У нас родственники в каждом приличном Море, — вяло возразил Ви-Брук, полулежавший в глубоком изрядно потрепанном кресле.

— Донай, как думаешь, почему он взял тебя в помощники?

— Ну-у, — тот был застигнут врасплох, — не знаю. Он вообще-то меня на-дух не переносил.

— Вот именно, и тем не менее все логично. Диербрук рассчитал, что если я при подходе к Изначальной Точке не выдержу нагрузки, и моя искусственная жизнь прекратит существование, то он передаст мою роль тебе, поскольку другой кандидатуры у него просто не было.

— Старый хрыч... Когда же это до тебя дошло?

— Прежде, чем мы приступили к Игре, — невесело усмехнулся Бер-Росс.

“Мне кажется, — мысленный голос Пэра неуверенно тронул сознания друзей, — все наши неприятности происходят исключительно от великой ненависти Кочевников к Крылатому Волку”.

Взоры обратились к призраку. Он, старательно преобразовавшийся в человеческую фигуру, продолжал:

“Я, правда, не знаю, как именно Александр Гаюнар насолил им, но угроза мести висела над нами постоянно. Однажды мы даже ударили от них без оглядки. Бесформенные твари завладели эскадрилей военных старглайдеров и гнались за Волком по Структуре. Александр потом часто напоминал мне: мол, держись от Кочевников подальше”.

— Так. Мы весь вечер говорим о Кочевниках, и теперь может быть кто-нибудь объяснит популярно, что они такое? — вмешался Данила.

— Вряд ли кто-либо даст исчерпывающий ответ на твой вопрос, — произнес Оливул. — А о свойствах Кочевников я могу кое-что сказать. Они способны находиться в один момент времени и в одной точке пространства вместе с человеком или, как теперь выясняется, с предметом. Они полностью замещают избранный объект, присваивая себе его место в Структуре. Разрушение одного приводит к появлению белых рассыпчатых хлопьев.

— В сущности Кочевников нет отображения Стихий, — подхватила Каляда. — То есть материя, из которой они состоят, не способна к оформлению в наших Мирах. Когда чужак занимает место живого или неживого объекта, он полностью, как ты верно заметил, Оливул, присваивает себе его внешние характеристики. Но стоит ему покинуть тело, на данном конкретном месте ничего не остается, так как истинная сущность уже вытеснена и возвращению не подлежит. Белые хлопья — это попытка заполнить образовавшуюся пустоту. Наша Природа, как известно, пустоты не терпит.

Юлька поежилась.

— Надеюсь, они к внемиренцам не пристают? — уточнила она.

— Нет, Космос им вытеснить не удастся, — уверила Серафима и после недолгого раздумья, возобновила разговор. — В качестве информации я расскажу сейчас случай, окончательные выводы из которого не могу сделать до сих пор. Я работала психоаналитиком в транспортной компании, и один молодой пилот пришел ко мне с странной жалобой на память: он помнил то, что с ним никогда не происходило. Я заинтересовалась и провела исследование недоступным людям способом. Результаты были по меньшей мере необычными. Его сознание, оставаясь совершенно нормальным, вмещало в себя множество “знаний”, наработанных посторонним разумом. Никаких следов имплантации, никаких сенсорных насаждений. Человек совершенно не изменился, однако это был уже не тот человек, который родился в данном Мире в данное время.

— Замещенный Кочевником? — вставил Оливул.

— И да, и нет. Позднее я сталкивалась с настоящими замещениями. Ментального контакта со мной не выдерживал ни один субъект. Таким образом, первый случай я могу охарактеризовать как “устойчивое замещение”. Как будто Нечто нашло свое потерянное место в нашей Структуре. Я намеревалась проследить судьбу того молодого человека, но это мне не удалось, к сожалению.

— Про замещение мирянина чужаком-соседом известно давно, — начал Белый князь. — Но “оживление” стрелы, зеркала, арбалета, части горного плато можно объяснить лишь четким взаимодействием группы Кочевников, создававшей соответствующую среду вокруг предмета. Посудите сами: рояль не мог тронуться с места спонтанно — толчком послужил перепад давления, изменение гравитации и тому подобное. И тогда мы должны признать, что Кочевники, во-первых, научились “работать в команде”, и, во-вторых, нашли способ использовать любую форму материи.

— Ты имеешь в виду и поле тоже? — уточнил Гор.

— Да. Более того, из нашего собственного опыта следует, что их влиянию подверглись даже Структурные явления, к примеру, энергетический вихрь, благодаря которому мы встретили Доная.

— А твой Экзистедер? — подсказал Ви-Брук. — Как-то очень самостоятельно он себя вел последний раз.

Белый князь нахмурился.

— Чтобы управлять Силой Созидания надо иметь Космос. У Кочевников его нет.

— Значит кто-то приручил Кочевников и заставил их работать на себя, — предположил Гор.

Грег запоздало кивнул и добавил.

— Этот же “кто-то” смоделировал твой поток, Оливул, и ввел нас в заблуждение, чтобы выманить из Белого Мира.

Ни новых идей, ни возражений не прозвучало.

— Утром оттестируем основные системы, — подвела черту Каляда. — Какие бы препятствия нам ни ставили, нашей главной целью остается Изначальная Точка. А сейчас идите отдыхать. День был тяжелый.

Донай потрепал пса, устроившегося возле кресла.

— Брысь на место. Я уже давно изображаю для тебя подушку.

Собака недовольно засопела, подняла голову с колен Ви-Брука, сонно взглянула на него и водрюзила массивную морду на его руку.

— Эй ты! Как там тебя? — возмутился Донай. — Гаюнар, убери отсюда своего пса.

— Зачем? Ты ему очень нравишься, — весело откликнулся Данила.

— Ну ладно. Я с ним сам поговорю. Как его зовут?

Вопрос озадачил всех.

— А мы как-то и не думали, — растерялся пилот.

— Давайте назовем их Шариком и Бобиком, — хихикнув, предложила Юлька.

“Не солидно как-то. Они же такие большие. Пусть будут Рексом и Барбосом”, — высказался Пэр.

— Лучше уже Чертяга-1 и Чертяга-2? — засмеялись близнецы.

— Бросьте валять дурака! Имя — это вам не шутки, — одернул их Данила.

В последнюю фразу он вложил излишне много пафоса и тут же пожалел. Такой дешевый ход не привлек бы к нему внимание Серафимы, скорее наоборот, но капитан просматривала отчеты охранных зондов на мониторе и в “крещении” участия не принимала.

— А что если их назвать Кастор и Полидевк, — сказал Донай.

— Как-как? — удивилась Юлька.

— Кастор и Полидевк. Так звали героев-близнецов в каких-то легендах.

“Отличная идея!” — поддержал зеленый призрак.

Остальным имена тоже понравились, но неожиданно все испортила Каляда.

— Красиво, конечно, — сказала она, обернувшись через плечо, — но вы не учитываете маленькую деталь: одна из собак женского пола.

Данила, переварив сообщение, накинуд на Оливула.

— Предупредить не мог, что ли?

Бер-Росс изумленно смотрел на животных.

— Я здесь не при чем. Статуями они были абсолютно одинаковыми, могу поклясться.

Данила вздохнул.

— Надеюсь, девица — та, что облюбовала Доная.

Пэр, летавший вокруг псов, принял облик человека.

“Как раз наоборот, — сообщил он. — И, кажется, это даже логично: мужское начало выбирает смерть и разрушения, а женское — жизнь и созидание”.

Данила кисло взглянул на собаку. Сучка, бодро виляя хвостом, преданно смотрела ему в глаза. Донай играючи козырнул Гаюнару.

— Наше вам с кисточкой!

— А как быть с именами? — напомнил Грег.

— У Кастора и Полидевка не было нечаянно сестры? — поинтересовался Гор.

— Нет, — ответил Оливул, — но зато есть легенда о других близнецах — брате и сестре. Их звали Аполлон и Артемида. Он был божеством Солнца, гармонии и красоты, а она — владыкой леса, повелительницей животных и богиней Луны.

— Браво, Бер-Росс, — провозгласил Донай.

Оливул пожал плечами.

— Я всего лишь развил твою мысль.

“Прекрасно придумано! — поддержал Пэр. — Никто не возражает? Тогда будем звать их Аполлон и Артемида!”

Синий князь сидел один в кают-компании. Друзья давно ушли спать, только Оливул оставался в кабине управления; после короткого совещания с Калядой он обронил, что хочет восстановить формулы треков, по которым Диербрук намеревался достичь Изначальной Точки. Донай время от времени смотрел на закрытую дверь, за которой начинался коридор в “голову” Волка. Хронометр на стене показывал час ночи. Час ноль-одна... час ноль-две... Ви-Брук решительно поднялся.

Оливул слышал шаги за спиной, но будучи уверен, что вошла капитан, не оглядываясь продолжал работать. В черном стекле экрана мелькнула тень.

— Это ты, Донай? — удивился Белый князь. — Как ты себя чувствуешь? Серафима провела с тобой реабилитационный сеанс?

— Еще бы! Гипнозом она владеет классно: я как новенький! А тебя она назвала гением экзорной медицины.

— Она преувеличивает.

— Не скромничай! Ты сделал для меня больше, чем я вообще заслуживал... Не знаю, уместно ли говорить о прощении...

— Донай.

Оливул медленно встал из-за терминала. Синий князь избегал встречаться с ним взглядом.

— Я же всерьез желал твоей гибели, — продолжал он быстро. — Осознанно, четко представляя, что делаю, я строил тебе ловушки в пещерах, и был откровенно рад, когда нашел и разбил кристалл.

— Донай, это уже прошлое, как старая Игра, не получившая развития.

— Игра? Нет, — в его голосе зазвучал надрыв. — И чувства, и мысли были реальны!

— Так ли, брат? Не думай, что я предлагаю тебе пойти на сделку с совестью. Просто давай больше не будем оглядываться назад.

Ви-князь поднял на кузена глаза.

— Ты прощаешь меня?

Оливул улыбнулся, привлек его к себе и крепко обнял.

— Судьбе угодно было сделать нас братьями, а друзьями, — он отступил на шаг и протянул Донаю руку, — мы стали сами.

Синий князь сжал ладонь брата. Как бессмысленный груз, треснул и превратился в прах многолетний панцирь, которым он закрывался от себя и от людей. Оборванная дорога канула в мглу прошлого.

➤13◀

Проснувшись утром, Донай был несколько смущен, обнаружив, что встает последним. Ни в спальной каюте, ни в тамбуре никого не было. Заглянув в кабину, он увидел Юльку и Оливула, оживленно беседовавших перед фронтальным иллюминатором. Он бесшумно прикрыл раздвижную дверь и вернулся в кают-компанию. Взгляд остановился на огромном мече с черным витым эфесом. Синий князь заворожено приблизился к образу коварной Стихии и взял его в руки. По клинку прокатилась гроздовая синева.

— Ну-ну, малыш, — проговорил Донай, — уймись. Драться будем с врагами. А пока пойдем разомнемся. Мне тренировка не помешает, да и ты залежался, дружок.

Выбрав полянку пошире, Донай скинул жилет и рубаху и поднял свой новый меч. Ему давно не доводилось фехтовать с мнимым противником, поэтому первые выпады получились неуклюжими и бессистемными. Но вскоре он освоился. Эфес, балансировка, длина клинка были будто специально сделаны для его рук. Меч пел в прозрачном воздухе долины, с жадным урчанием норовил добраться до зарослей диких сочных трав, поднимавшихся в человеческий рост, и несогласно гудел, как только Витязь опускал клинок к земле.

Грег и Гор застали Ви-Брука как раз во время передышки, когда он стоял, опершись на меч, посередине поляны. Почувствовав на себе взгляд, Синий князь обернулся.

— Вы что тут делаете?

Юноши нерешительно мялись на месте.

— Мы подумали, может быть тебе партнеры нужны, — ответил Грег.

— А-а, развлекаться друг с другом надоело! — хохотнул Донай.

— Вдвоем тренироваться нам Оливул запретил, — вздохнули оба одновременно. — Ведь правая рука никогда не научится драться, если противником будет левая.

— Забавная ситуация. Черт с вами, делайте мечи, попробуем. Но учтите, я игровую страховку на ходу строить не умею. Так что подумайте, как будете работать в защите.

— О защите лучше побеспокоиться тебе! — воскликнул Гор.

Близнецы создали образ меча. Изображение тут же раздвоилось, и форму обрели уже два предмета.

— Ну как, начнем? — раззадорившиеся, юноши направили оружие на кузена.

Донай легко, будто невзначай, проделал несколько жонглерских приемов с огромным двуручным мечом. Самонадеянности у его новоявленных партнеров заметно поубавилось.

Первые минуты тренировочного боя Грег и Гор наскakивали на Доная по очереди, и однажды Гор даже столкнул его за пределы расчищенной площадки. Страхнув с рейтуз колючки, которыми изобиловали кусты, расположенные по периметру полянки, Ви-Брук взялся за дело всерьез, и теперь уже его партнеры один за другим бухнулись в заросли. После этого поединок принял более обдуманый характер. Гай-Россы старательно применяли все, чему научились у Оливула, а перед Синим князем встала нелегкая задача не пропустить ни одного удара. Он держался уверенно, несмотря на усиливавшуюся боль в груди, пока не подвела мокрая трава возле заросшей заводи. Под натиском близнецов он отступил, неаккуратно взмахнул мечом, поскользнулся и плашмя грохнулся в грязь.

— Здорово, — проговорил Донай, восстановив вертикальное положение. — Обычно я садился в лужу по собственной инициативе и не буквально.

— Нас все-таки двое, — виновато заметили юноши. — Считай, что ты дал нам фору.

Грег протянул ему руку. Ви-Брук поднялся.

— Продолжим! — провозгласил он.

— А ты в состоянии?

— Дурацкий вопрос. На позицию!

Поединок возобновился. Теперь близнецы атаковали не так рьяно, как раньше. Донай решил подзадорить их и прибавил темп. Правое плечо ныло от напряжения, каждый вздох тупой иглой отдавал в грудь, однако он не унимался.

— Постой! Твоя рана кровоточит! — крикнул ему Гор и вместо того, чтобы отбить уже занесенный над собой клинок, опустил оружие.

Донай не рассчитывал, что напарник прекратит бой так неосторожно и не успел изменить направление удара. Меч просвистел над головой юноши и опустился на его плечо. Последовала вспышка, вскрикнул Грег. Синий князь в ужасе смотрел на брата. Гор стоял перед ним белый, как снег, но без единого следа раны на теле.

— А я цел, — выговорил он, как только к нему вернулся дар речи.

Грег подскочил к близнецу, а Донай уставился на свой меч.

— Смерть не может причинить вред Огню! — воскликнул Гор и одернул Грега, которые судорожно ощупывали его руку. — Перестань! Ты же ничего не почувствовал, значит, все нормально. Донай, что с тобой?!

Ви-Брук слышал голоса братьев как их глубины пересохшего колодца. В глазах маячили темные пятна, и он вдруг подумал, что именно так приближается смерть. Меч тянул к земле, но не позволял ослабить руку, сжимающую эфес. Тяжесть становилась невыносимой. Деревья, небо, поляна закружились в бешеном хороводе и вдруг мгновенно сменились незыблемым широким коридором с серыми совершенно гладкими стенами. Начало и конец его терялись в темноте, а вместо потолка нависал космос.

— Никогда не думал, что смерть приходит так, — пробормотал Донай.

— Это не смерть, мой мальчик, — теплый голос Серафимы прозвучал рядом. — Я привела тебя сюда, в твоё сознание.

Он оглянулся и вздрогнул. Каляда стояла возле в гладком темном комбинезоне, обтягивающем гибкое стройное тело. Фигура показалась Донаю несколько необычной для человека.

— Твоя Стихия коварна, — продолжала женщина. — Тобой овладел страх за жизнь брата, и она воспользовалась этим, чтобы захватить тебя в рабство.

— Я умираю? Это дорога в небытие?

Каляда отрицательно покачала головой.

— Нет, всего лишь муляж, который Смерть выдает за реальность. Прислушайся к себе. Чувствуешь боль?

— Да.

— Это Жизнь и Смерть в одной форме. Кровь, она подчиняется Стихии Воды. Ты дышишь, значит Воздух наполняет тебя жизнью.

Глаза Доная вдруг заволокла тьма.

— Я ничего не вижу! — испуганно воскликнул он.

— Смерть слепа, — спокойно продолжала Серафима, — но в тебе Огонь.

Мрак рассеялся. Синий князь вновь увидел тот же коридор и необъятный простор над ним.

— Твердь составляет основу, из нее ты берешь силы, и твоя Стихия принимает ее форму. Космос дан тебе при рождении и останется с тобой навсегда — ты внемиренец. Видишь, Смерть не способна стать владыкой над тобой. В тебе все Семь Стихий, как в каждом из нас.

Стены коридора начали таять. Силуэт Серафимы мелькнул вдали.

— Кто ты? — успел крикнуть ей вслед Донай.

Звездный свет прокатился по медной чешуе...

Ветер бросил в лицо запах влажной травы. Синий князь открыл глаза и встретил внимательный взгляд Каляды.

— Кто ты? — повторил он вслух.

— Я — Посредник.

— Нет.

— Я Посредник, — грустно улыбнулась Серафима.

Донай растерянно посмотрел на Грег-Гора.

— Он знает, — пояснила женщина. — Равно как Оливул и Юлия. Придет время, я раскрою свою тайну и Даниле, и Пэру, но пока они не готовы... Нам лучше вернуться на корабль. Когда приведешь себя в порядок, Донай, заходи в медицинскую каюту, я посмотрю, что можно сделать с раной. Ты сам, как я вижу, содействовать ее заживанию не стремишься.

Серафима пошла вперед.

— Это вы ее позвали? — тихо спросил Ви-Брук кузенов.

— Нет. Мы даже не поняли, откуда она взялась, когда с тобой это началось, — близнецы покосились на Меч Смерти. — Давай следующий раз фехтовать на экзорных клинках.

— С Оливулом теперь будете фехтовать, а меня увольте, — бросил Синий князь и быстро зашагал к кораблю.

Каляда провела еще один реабилитационный сеанс и оставила Донай в “лазарете” — так окрестили крошечную комнатенку рядом с кладовыми, заставленную медицинской аппаратурой. Под действием гипноза он проспал ровно четверть часа, а когда открыл глаза, на краю узкой койки сидел Оливул.

— Тебя-то какой черт сюда принес? — недовольно буркнул Ви-Брук и, сообразив, что фраза получилась слишком грубой, нерешительно покосился на кузена.

Белый князь едва заметно усмехнулся.

— Надо понимать, ты в порядке?

— Ну, да, в целом, — Донай медленно сел на топчане. — Могло быть значительно хуже: я чуть не убил Грег-Гора.

— Меч Смерти никогда не пойдет против твоей воли. Ты не желал гибели брата, следовательно, он не посмел оставить на его теле даже легкий порез.

Синий князь удивленно поднял голову. Оливул продолжал.

— Считаю, что состоялось твое близкое знакомство с формой Стихии. Ты первый, кому довелось увидеть обратную сторону медали.

Ви-Брук со вздохом встал и принялся застегивать рубашу.

— Я больше этот меч в руки не возьму, — сказал он, помедлив.

— Смерть выбрала тебя своим Витязем. Будь же достоин ее силы и преодолей ее слабость.

Донай замер на секунду, но на брата не оглянулся, быстро набросил жилет и шагнул к двери.

— Подожди, — нагнал его голос Белого князя, — нам надо поговорить.

— Экзистедер? — бог знает как догадался Донай. — Опять Игра?

— Да. Не хотел я ворошить старое...

— Я где-то наследил?

— Пока не знаю. Скажи откровенно: ты когда-нибудь доставал из моих баз данных информацию?

— Из твоих достанешь, пожалуй!

— Донай, это серьезно.

— Нет, Оливул, клянусь. Ни экзорным, ни каким-либо другим способом. Что случилось?

— Кто-то движется по проложенному мной фарватеру.

— Сейчас?!

— Да.

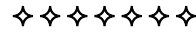
— Не может быть! Твои расчеты остались только у Диербрука, а его Экзистедер ты разрушил!

— Вот именно, — Оливул вздохнул. — И ошибки нет. Игра живет и мосты переносят потоки. Стартовой точки я не нашел, но в качестве источника в одной из Игр пытались использовать мой Белый Мир. Экзистору помешали либо моя защита, либо Кочевники.

— Ты знаешь, где сейчас наводят мост?

— Я вычислил координаты. Мы летим туда, чтобы встретиться с экзистором.

ГЛАВА 2

ПО СЛЕДУ ЭКЗИСТОРА

Из рощи доносился разноголосый детский смех. На сияющую в лучах веселого солнца лужайку выкатился и поскакал к розовым кустам пестрый надувной мяч. Следом за ним из рощи выпрыгнул волчонок. На четырех лапах, потом на двух, и к игрушке подбежал большеглазый смуглый мальчишка. Он схватил мяч в охапку и, бросив озорной взгляд на балкон, скрылся в роще.

— Ваши крестники раз от разу все более удивительны, герцог.

— Что есть более удивительное и прекрасное нежели жизнь? Я люблю их всех, люблю смотреть, как они резвятся. Откровенность и чистота. Надеюсь, повзрослев, они сохранят в душе то, что приобретают здесь.

— Бер-Росс, Гай-Росс, Пэр — они прошли вашу школу.

— В той или иной степени...

“Люди. Какие бы ни родились — все равно люди! Как трудно прогнозировать ваши поступки!”

— Вы не довольны экипажем Крылатого Волка?

— Что? А, вы про инцидент в Белом Мире. Да, признаюсь, Белый князь смешал мои планы, когда направился в Темные Миры.

Время над балконом стянулось тугим жгутом. Секунды без мыслей, без образов. Великий размышлял в глубине себя.

— Я попрошу вас об услуге, дорогой Алексий.

— Все, что угодно, милорд.

— Найдите того, кто покинул Лучезарный Мир. Его вы знали как Небесного Оборотня.

Скрипнуло кресло. Недоуменное молчание.

— Я полагал, он мертв.

— В скитаниях он потерял свою Смерть.

— О, понимаю. Что я должен передать ему?

— Пусть Крылатый Волк будет допущен к Зеркалу Судьбы, и как можно скорее. Кочевники должны быть уничтожены все. Именно все до единого. Они опасны для Судьбы, особенно сейчас, когда стали проводниками Мостов. Да, еще одно, — узкая рука с тонкими прямыми пальцами поставила на край стола матово-зеленый кристалл в форме шестигранной пирамидки. — Это для Пэра.

— Я вручу его избранникам немедленно, герцог.

— Не вы. Наш общий знакомый.

Мир встретил Волка россыпью равнодушных звезд. После пылающих ореолов Надмирий, их холодный блеск казался унылым и пустым.

— Источник экзорного потока в области действия наших визоров, — Оливул еще раз проверил результаты, предоставленные центральным аналитическим процессором.

— Сигналы локализованы? — задала вопрос Каляда, не отрываясь от мониторов капитанского мостика.

— Да. Скоро мы будем видеть планету на экране радара.

“Может быть я и ошибаюсь, — появился Пэр, — но это похоже на Солнечную систему — один из первых домов человечества. Смотрите, девять планет, звезда класса “желтый карлик”, астероидный пояс. Мы несколько раз бывали тут с Александром! Слышишь, Данька?”

— Разошелся, — поморщился Гаюнар. — Система как система. Куда курс держать, капитан?

— Третья планета. Ты прав, Пэр. Это Земля.

Знакомство с цивилизацией мирян началось у Волка несколько раньше, чем планировалось. Под вой сирен автодиспетчера Даниле пришлось спешно выводить корабль из пояса искусственных спутников.

— Не такая уж примитивная у них техника, — заметил один из близнецов через селектор машинного зала.

— Я похожие конструкции видела на голографических стендах в музее, — вспомнила Юлька.

— Зато похожих на нас они видели только в фантастических фильмах, — не преминул вставить Донай. — А не внести ли нам коррекцию в представление людей об инопланетянах?

“Как можно! — Пэр возмущенно заклубился над штурманской линией. — Мы не в праве нарушать уклад живого Мира! Мы вообще обязаны сделать вид, словно нас тут нет”.

Ментальные слова призрака отпечатались в сознании так, будто рядом прозвучал громкий голос, и Синий князь недовольно потряс головой.

— Зачем же сразу вопить. Я пошутил, — отозвался он.

— Я подготовил зонды дальнего действия, — сказал Оливул. — Миряне их не обнаружат.

— Запускай, — распорядилась капитан. — Пэр, передай пилоту параметры для выхода на орбиту. Подождем результатов сканирования.

По мере того, как поступала информация, Бер-Росс сообщал сведения о планете:

— Телепортационных трасс нет... Гиперускорителей нет... Судя по загрязненности атмосферы, материальное производство и транспортные средства работают на сгораемом топливе. Не видно никаких информационных линий, кроме электрических. Эфир заполнен радиоволнами...

— С каждой минутой мне этот Мир больше и больше нравится! — хмыкнул Данила.

— Имеется атомное оружие, — Белый князь расшифровал очередной сигнал зонда-разведчика. — Зафиксированы точки военных действий, около десятка. Безумие какое-то, — не удержался он от комментария.

— Дай мне координаты истока Экзистедера, — сказала Каляда и добавила задумчиво. — Парадокс цивилизации: научились создавать, но не умеют использовать.

— Точка определена, — доложил бортинженер.

— Большая поправка, — Серафима с первого взгляда оценила информацию.

— Лучше не получается, мы слишком далеко.

— Хорошо. Пэр, рассчитай траекторию посадки. Дистантеры, зафиксируйте визоры так, чтобы получить стабильную картинку местности.

На мониторах появилось изображение редкого леса, подернутого желтоватой дымкой. Бер-Росс сверился с показаниями на инженерной линии.

— Мы видим место предполагаемого приземления, — сообщил он, — а это, — экраны высветили контур-карту, — прилегающие объекты: дорога с твердым покрытием, жилой массив — похоже на деревню. Далее, — карта поплыла влево, — город. Игра берет начало приблизительно здесь, — пульсирующий квадрат обозначил городской район. — Ее техника предусматривает длительный перенос потока — мост, другими словами.

— Спасибо, Оливул, — кивнула Каляда. — Техотсек, заглушите все внешние системы. Дистантеры, наведите на поверхность корпуса экран “хамелеона” и после приземления синхронизируйте его с окружающей средой. Нас не должна видеть ни одна живая душа. Внимание, входим в плотные слои атмосферы.

Крылатый Волк, поломав несколько молоденьких деревьев, встал в рыхлую землю. Не успели смолкнуть двигатели, а дистантеры по команде бортинженера выпустили в воздух еще четыре автоматических искателя. Через несколько минут начала поступать информация о местности, и экипаж дружно обратился к экранам.

Два аппарата плыли над сосновым лесом и ничего интересного не транслировали, зато другая пара повисла над дорогой. Машины, прародители знакомых Даниле и Юльке аэробусов, мчались по мокрому шоссе. К крошечному строению, открытому всем ветрам, подкатил неуклюжий вагон на четырех колесах. Толпа людей в грубых одеждах высыпала на дорогу и потекла к массиву маленьких преимущественно одноэтажных домиков, а колымага заколесила дальше.

— Я знаю, что это такое, — раздался в динамике голос Донай из дистантерской башни. — Я как-то раз торчал в похожем Мирке, когда удрал из-под бдительного ока папани.

— Будем готовить разведывательную группу, — распорядилась Серафима, поднимаясь с капитанского кресла. — Система охраны задействована. Собираемся в кают-компанию.

— Тактика действий такова, — заговорила Каляда без предисловий, когда Грег и Гор последними вбежали в зал, — проводим подробное исследование местности с целью определить непосредственный источник потока. В благоприятном случае было бы неплохо встретиться с экзистором.

— Хорошо вооруженными, — тихо добавил Донай.

— Кстати о вооружении, — подхватила Серафима. — Оно должно быть настоящим, реальным, а не воплощением образа. Иначе наше присутствие сразу обнаружит игрок. Это относится и к другим объектам, с которыми придется оперировать. Помните, друзья, Силу Созидания использовать нельзя.

— А зачем нам сдался этот экзистор? — Грег и Гор посмотрели на старшего брата. — Фарватер известен, источник обнаружен, самая часть двигаться к Первому Экзистедеру и уничтожить его.

Оливул покачал головой.

— Вы забываете о главном в теории построения моста: следующая точка становится доступна, когда на нее направлен поток из предыдущей. Можно, конечно, подойти напрямую, но в таком случае вы увидите обычный предмет — мнимую форму Экзистедера, или не увидите ничего, ведь Экзистедер — Игра, а Игра не существует для постороннего зрителя. В нее надо войти, прожить и закончить.

— А кто будет искать экзистора? — спросил Данила.

— Донай, — Серафима повернулась к Ви-Бруку, — ты сказал, что знаешь этот Мир?

— Не конкретно этот, может быть, — замялся он.

— Капитан, — заговорил Белый князь, — Донай и я без проблем отыщем источник потока.

Серафима бесстрастно отвергла идею:

— Один экзистор должен остаться на корабле, — сказала она. — Получить информацию — необходимое условие задачи. Но есть и достаточное условие: правильно ее истолковать. В группу вместе с Донаем целесообразно включить Юлию и Данилу.

— Почему?! — воскликнули Грег и Гор.

“Я могу влезть в любую щель, из меня получится отличный разведчик!” — призрак взметнулся к потолку.

— Пэр, твоя кандидатура, к сожалению, отпадает сразу, — ответила капитан, — поскольку удалиться от Волка надолго ты не можешь. Грег-Гор, ты владеешь навыками Игры, но твой человеческий облик создан с помощью Силы Созидания, и неизвестно, как воспримут тебя миряне на этой планете. А Донай, Юлия и Данила выглядят вполне обычно и легко смешаются с толпой. Ваша задача, — капитан обратилась к выбранной тройке, — определить точку Экзистедера и передать ее координаты на Волка. Не обнаруживая себя, следить за игроком и ждать нас. Далее поступать будем по обстоятельствам. Оливул, ты хотел что-то сказать?

Белый князь медлил с ответом. Ему казалось, что, формируя разведывательную команду, Каляда не учитывает особой производительности язычка Юльки, не всегда уместной отваги Доная и скрытого авантюризма Данилы. Однако, взвесив “за” и “против”, Бер-Росс решил не возобновлять спор и отрицательно качнул головой.

На основе данных, полученных от поисковых зондов, компьютер смоделировал внешний облик типичного мирянина этой местности, и Юлька быстро подобрала для себя и друзей соответствующую одежду в обширном гардеробе Волка. Пэр тем временем отвел мужчин в арсенал, устроенный в углу мастерской на нижнем ярусе корабля. Данила, не пожелавший расстаться со своим старым добрым пистолетом, входившим в снаряжение пилота, снисходительно наблюдал, как Донай пристраивает на левом предплечье автоматический нож.

— Ты бы еще свой меч прихватил, — заметил он, когда Ви-Брук проверил оружие и аккуратно застегнул манжету куртки.

Синий князь на мгновение изменился в лице.

— В другой раз, когда придется нанести визит инквизиторам римского папы, — натянуто отшутился он.

Грег и Гор снабдили группу индивидуальными пеленгаторами, а Оливул, помедлив, вручил Донаю портативный терминал.

— Надеюсь, ты будешь осторожен, — напутствовал он кузена. — И помни, Юле и Гаюнару во многом придется полагаться на твои знания.

— Да не маленькие, справимся, — махнул рукой Ви-Брук.

— Вот уж точно! — бойко поддержала Юлька.

Данила рассовал по карманам снаряжение и деловито заявил.

— Так. Сборы закончены.

Серафима критично осмотрела друзей.

— Есть одна большая просьба: не пытайтесь захватить экзистора, если его обнаружите. Засеките координаты и вызывайте нас.

— Когда мы его найдем, — Данила выделил это “когда”, — мы непременно свяжемся с Волком, капитан.

Каляда, Оливул, Грег-Гор и Пэр смотрели вслед братьям и сестре, скрывшимся в редком осеннем лесу. Аполлон и Артемида, следуя инстинкту сторожевых псов, остались в коридоре под люком и на смотровую площадку не вылезли. Грег и Гор вскоре ушли в техотсек, вместе с ними исчез в стенах

звездолета Пэр. Подождав, пока последняя зеленая струйка скроется, Бер-Росс повернулся к Серафиме.

— Мы только что запустили волков в овчарню, — с нескрываемым сожалением сказал он. — Два Брука и Гаюнар. Ты не представляешь, что эта компания может натворить в живом Мире!

По губам Серафимы скользнула улыбка.

— Они найдут Экзистедер, — ответила она. — Я не исключаю излишней героики с их стороны, но, думаю, разум и чувство команды возьмут верх.

Белый князь вздохнул.

— Хотел бы я с тобой согласиться.

➤2<

Прошло не менее получаса, прежде чем внемиренцы выбрались на проселочную дорогу. Донай раскрыл терминал и установил связь с зондом. На маленьком экране появилось изображение шоссе и кучки людей, стоящих под дырявым навесом.

— Нам туда, — сообщил Синий князь, указав пальцем направление. — В город поедем на общественном транспорте.

— Эй, ребята, а как мы пойдем, о чем говорят вокруг? — вдруг спохватилась Юлька.

Гаюнар сплюнул.

— Так. Прибыли. Ты, знаток ранней цивилизации, про переговорный адаптер не подумал!

— Эта техническая шушара нам не нужна, — безмятежно отозвался Ви-Брук.

— Слабо верится, что ты знаешь их язык.

— Внемиренцу язык — не проблема. Главное, не старайтесь понять слова. Бери по крупному: фразу, образ — тогда мирянам будет казаться, что твоя речь не отличается от их речи.

— Не очень убедительно, — проворчал Данила. — И, кстати, у них есть какая-нибудь служба охраны порядка?

— А, пустяковая!.. Почему ты спросил?

— Да при встрече с тобой у них сразу появится желание проверить документы.

— С чего ты взял?

Гаюнар неопределенно усмехнулся и пошел вперед. Донай осмотрел свой костюм и, не обнаружив ничего из ряда вон выходящего, вполголоса обратился к сестре:

— Как думаешь, чем ему мой вид не понравился?

Юлька с ответом не задержалась.

— Знаешь, было бы куда лучше, если бы ты не замазывал гримом шрамы на физиономии.

— Что делать! — Ви-Брук со вздохом развел руками. — Экзорные приемы применять нам запретили. Следующий раз пудры наложу побольше.

— Следующий раз твоим макияжем займусь я, — отрезала Юлька безапелляционно.

Начал накрапывать мелкий дождик. Люди на остановке забились под навес, а внемиренцы остались на обочине в обществе нескольких мужчин с массивными тюками. Ви-Брук непринужденно подошел к ним и что-то спросил, те ответили. У Юльки дух захватило от мысли о назревающем провале, но брат как ни в чем не бывало вернулся к друзьям, регулируя хронометр на манжете.

— Я время уточнил, — пояснил он. — Три тридцать после полудня.

— Ты предупреждай, что делаешь, — сердито посоветовал Данила, отводя руку от пистолета, спрятанного под ремнем.

Толпа неожиданно пришла в движение.

— Вот это таранас! — вырвалось у Юльки при виде подкатившего к остановке автобуса, обшарпанного и грязного.

— Не зевай! — Донай ловко подтолкнул ее к дверям.

Видывала Юлька давки, то такую! В автобус, казалось, втиснулось вдвое больше народу, чем он мог вместить. Многие остались под дождем дожидаться следующего рейса, но друзьям повезло: Донай штурмом взял дверь и, невзирая на ругань и пинки, прокладывал дорогу на заднюю площадку. Сестра спряталась за его мощной спиной и неотступно продвигалась следом. Данила замыкал таран. Машина, свирепо затарахтев, резко тронулась с места, заставив пассажиров волей-неволей утрамбоваться.

Неприятное путешествие продолжалось довольно долго. Юльке даже стало казаться, что оно вообще никогда не кончится. Фургон подбрасывало на многочисленных колдобинах, запах пота и сырой одежды доводил до одурения, а когда кто-то догадался приоткрыть люк в крыше, ко всем неудобствам прибавился противный мелкий дождь, незамедлительно закрапавший в салон.

Но вот, наконец, машина остановилась, и пассажирская масса дружно выдавилась из дверей на тротуар.

— Начало неплохое, — сказал Гаюнар, когда друзья оказались на свежем воздухе. — Доставай планшет, Донай, будем ориентироваться.

— Не здесь, — Юлька удержала брата за руку. — Сквер, видите? Чем меньше на нас будут обращать внимания, тем лучше.

Внемиренцы устроились на скамейке, убедились, что вокруг никого нет, и включили позывные.

— Добрались без приключений? — спросил Оливул и, услышав утвердительный ответ, продолжал: — Отлично. Источник потока пока живет. Эпицентр его находится в северной части города. Грег и Гор нашли доступ к информационному модулю на орбите планеты, и у нас появилась подробная карта местности. Переходи на прием, я выведу данные на локальный процессор.

Донай, Юлька и Данила рассмотрели на крошечном дисплее детальную схему города. Розовым фоном был помечен район экзорных сигналов. Гаюнар включил свой пеленгатор, и на карте обозначилась отчетливая синяя точка.

— Мы недалеко от игрока, — сообщил Синий князь брату. — Что-нибудь еще хорошего ты нам расскажешь?

— Пока нет. Хотя некоторые признаки потока говорят за то, что Игра проходит не в этом Море, а на другом конце моста.

— Это ж какой силы должен быть источник! — насторожился Донай.

— Источник слаб. Я не могу определить, откуда поступает дополнительная энергия. Будьте предельно осторожны. Найдите точку и исследуйте ее зондом так, чтобы не спугнуть экзистора. Возможно мы имеем дело с непростым внемиренцем.

— Люди идут, — предупредила Юлька, глядя вглубь аллеи.

— Донай, ты понял? Без отсебятины! — предупредил напоследок Бер-Росс.

— Понял, понял. Конец связи, — Синий князь захлопнул крышку терминала, сделанного в виде книги небольшого формата, и небрежно бросил его на лавку.

Мимо прошли мужчина и женщина. Чуть только они удалились, Гаюнар взял прибор и вызвал на экран схему города.

— Так. Три квартала на север, затем мост... Отлично. Всего полчаса пути. Выйдем в фонащий район, а там будем действовать по обстановке.

— Ты хочешь сказать, что запомнил весь маршрут? — усомнился Донай.

— Парень, мне эти вещи три года долбили в училище, а после я пять лет бороздил космические трассы, пока не нарушил бестолковый приказ. Уж поверь, по карте я черта в раю отыщу!

— Какие таланты! — хохотнул Донай. — Ладно, шутки в сторону. Трогаем.

Данила не хвастал, когда говорил о своих навыках. За двадцать минут он привел друзей к подозрительному кварталу, сверившись с картой всего раз, и то по вине нерадивых дорожных строителей, разворотивших улицу до неузнаваемости.

Начинало смеркаться. Маломощные фонари силились разогнать сумрак, но ночь стремительно накатывалась на город. В темнеющем небе появился серебряный диск.

— Полнолуние, — Ви-Брук показал на небо. — Время колдовства.

— Нас же велели не применять Силу Созидания, — укоризненно напомнила Юлька.

— Как ты называл этот спутник? — переспросил Гаюнар. — Луна? Странно, я всегда считал это именем нарицательным.

— Ты разве на Земле ни разу не бывал?

— А что я тут забыл? Торговых трасс рядом нет, и патруль в эту часть галактики никогда не посылали.

— Говорят, Земля — колыбель человечества, — задумчиво сказала девушка. — А ведь давно доказали, что это был только перевалочный пункт в развитии цивилизации.

— Не забывай, что у Миров разные судьбы, — заметил Ви-Брук. — История еще нигде не повторилась буквально, хотя все нам подобные жили в похожих условиях и на похожих планетах. Имя планетам было — Земля. Немного внемиренцев найдешь среди негуманоидов, зато среди людей — преобладающее большинство.

— Нас дело ждет, между прочим, — перебил Данила. — Предлагаю разойтись в трех направлениях. Тогда кто-то один наверняка сумеет определить, где окопался игрок.

— Договорились, но с маленьким уточнением, — Донай кивнул на Юльку: — она пойдет с тобой.

— Это еще почему? — подскочила девчонка.

— Знаешь, что здесь может случиться с одинокой женщиной?

— А знаешь, как я обходилась с пижонами в училище?

— Ай-ай, я-то думал, ты хорошей девочкой была, — насмешливо бросил Донай и показал Гаюнару на узкий переулок. — Топайте туда. Юлька, — он остановил сестру от новых

возражений, — ты хоть раз Силу Созидания призывала? Да. А Данила? И как, позволь спросить, он разберется, где есть Игра, а где нет? Считаю дальнейшие обсуждения неуместными. Все. По коням.

И Синий князь быстро зашагал вдоль по пустой улице.

— А он старается подражать Оливулу, — с удовольствием заметила Юлька, глядя брату вслед.

— Лучше бы поучился у него выдержке, — поморщился Данила. — Пошли, а то он раньше нас с тобой источник найдет.

Они исходили три квартала вдоль и поперек, но фон присутствовал везде и интенсивность его оставалась постоянной.

Людей на улицах становилось меньше и меньше, в окнах домов, поднимавшихся безликими коробками в звенящее чистотой осеннее небо, зажигался электрический свет. Темным оставался лишь третий этаж здания, выделявшегося из общего массива надменной официальностью. Юлька остановилась перед его фасадом и, задрав голову, принялась изучать ровные ряды окон.

— Данька, где по-твоему удобнее установить Экзистедер? В жилом помещении или в казенном?

— Если Экзистедер выглядит как кухонный комбайн, то в жилом, — сострил Гаюнар.

— У Оливула Экзистедер был похож на зеркальную комнату. У Диербрука, судя по рассказам, на огромный доисторический компьютер. У Доная — на энергетическую башню. Если экзистор женщина, ее аппарат может быть представлен в форме печки, но я уверена, что в нашем случае это не так. И я чувствую: он рядом. Может быть даже в этом здании.

Что-то твердое с приглушенным звуком шмякнуло Данилу по спине и отлетело на газон.

— Черт, — он оглянулся. — Надеюсь, здесь нет крупных насекомых.

Юлька была занята своими мыслями.

— Он в этом доме, я уверена, — медленно повторила она.

Камень побольше ударил пилота по руке.

— Я сейчас за такие шутки!.. — разозлился Гаюнар.

— Тише! — испугалась Юлька. — В чем дело?

И, получив ответ, принялась разглядывать крышу пристройки, вплотную прилегавшей к зданию.

— Донай, — она увидела брата.

Разведчики обогнули дом и через полуоткрытые ворота пробрались на внутренний двор, где возле грязных контейнеров, распространяющих неприятный запах, притулилась одинокая автомашина. Ви-Брук помахал друзьям сверху. Юлька поискала лестницу или что-то в этом роде, таковой не обнаружила и, недолго думая, полезла на забор. Данила на всякий случай выглянул на улицу, но во всем квартале не было ни души, и он уверенно последовал за подругой.

— Если еще немножко постараться, мы заберемся и вовнутрь, — шепотом сообщил Донай.

— Как думаешь, что здесь расположено? — Данила кивком головы показал на темные окна третьего этажа.

— Офис фирмы или что-то подобное. В любом случае мы экзистора возьмем тепленьким!

— Эй, подожди, — Юлька для пущей убедительности ухватила брата за край куртки, — нас просили только обнаружить источник.

— Но надо же убедиться!

— Мы с тобой независимо друг от друга пришли к одному и тому же месту. Разве этого не достаточно?

В разговор вступил Данила.

— У нас нет ни точного спектра энергии, ни данных об игроке, и вообще — ничего!

— Во, слышала, — оживился Ви-Брук. — О чем мы доложим капитану?

— Но здание наверняка охраняют люди, — неуверенно продолжала Юлька.

— Усыпим бдительность!

Девушка смирив брата неодобрительным взглядом.

— Не вздумай применять кулаки, по крайней мере, — предупредила она. — А то усыпишь не только бдительность. Кстати, как мы будем добираться до окна?

Пристройка была сделана как-то непутево, будто каменщики не достроили второй этаж: ближайшее окно от крыши отделялось тремя метрами ровной бетонной стены. Донай, впрочем, это не остановило.

— Полезай ко мне на плечи, — скомандовал он к сестре и, опершись о стену, подставил ей колено. — Данила, подсади ее.

Гаюнару идея понравилась, а Юльке не очень, поскольку она оказалась в весьма шатком положении. Тем не менее до подоконника она дотянулась.

— Запор примитивный, — шепотом сообщила девушка, — но я вижу какие-то провода. Похоже на охранную систему.

— Так. Это по моей части, — сказал Данила. — Донай, ты не будешь возражать, если я сменю Юльку?

Ви-Бруку возражать не пришлось, ведь иного варианта в запасе не было. Правда, через полторы минуты его терпение стало иссякать.

— Тебе не надоело танцевать на моих плечах?.. Ты булжников в карманы набрал, что ли?.. Стой спокойно, а то рухнем!

В любой другой ситуации Юлька давно бы давилась от смеха, но сейчас напряжение было слишком велико, и все ее внимание концентрировалось на угрожающем спокойствии улицы и мерном покачивании экзорного фона, висевшего над зданием. Далекие шаги в вечерней тишине в первый миг показались самым страшным предвестником опасности. Юлька осторожно выглянула из-за угла и сразу заметила в переулке двух мужчин в полувоенной форме.

— Прячьтесь! — визгнула она и сжалась в комочек за кирпичным выступом.

Данила резко обернулся, потерял равновесие и поспешно прыгнуть на крышу. Донай отскочил в противоположную сторону и притаился возле стены. До слуха доносились отдельные реплики людей, однако слов разобрать не удавалось. Послышался треск, характерный для плохо настроенного переговорного устройства, и вскоре удаляющийся звук шагов возвестил о том, что патрульные ушли.

— А что кроме офиса может здесь находиться? — поинтересовался Данила, садясь возле шершавой стены.

— Институт, контора, может финансовое учреждение. Какая разница! — отмахнулся Донай.

— А посты охраны ты учиываешь? — вызывающе спросила Юлька. — Или ты считаешь, что миряне с их уровнем технологий ограничатся одной электроникой?

— Да ладно тебе! Подумаешь, патруль прошел. Их в городе, как грязи!

Настаивать на повышенной осторожности было бесполезно в обществе Ви-Брука и Гаюнара, поэтому Юлька приняла их степень риска и молча последовала за Данилой в открытое им окно.

Стараясь не шуметь, разведчики друг за другом двигались по темному коридору, с обеих сторон которого тянулись закрытые двери.

— Нам повезло, что они не запирают туалеты, — шепнул Донай. — А то мы еще минут десять пребывали бы в том очаровательном оазисе комфорта.

Данила сердито засопел. Окно, которое он так старательно освобождал от электронного сторожа, вело как раз в указанное помещение.

Убедившись, что на этаже никого нет, друзья осмелели. Рассредоточившись по всей длине коридора, они скрупулезно исследовали каждую дверь в поисках каких-либо признаков Игры. И когда надежды на успех почти растаяли, Данила подозвал друзей к угловому кабинету.

— Я не знаю, как именно определяют Экзистедер, — вполголоса сказал он, — но мне кажется, будто за этой дверью совершенная пустота.

— Как это? — удивилась Юлька.

— Сейчас выясним, — браво пообещал Донай. — Гаюнар, вскрывай замок!

Механическая защелка сдалась без сопротивления. Ви-Брук отставил в сторону сестру и первым вошел в кабинет. Никого. Данила шагнул вслед за другом. Бесформенное, ничем не заполненное пространство стремительно исчезло с его появлением, и не оставалось ничего лучше, как сказать себе — ерунда, почудилось.

Комната представляла собой нечто среднее между ремонтной мастерской и технической лабораторией. На две неравные части ее разделял огромный верстак, где нашли пристанище наполовину разобранные агрегаты. Вдоль стены тянулись столы, заваленные какими-то приборами, инструментами и бумагами. Чуть в стороне стояли три вычислительные машины, отдаленно похожие на терминалы аналитической системы Крылатого Волка. Одна из них бездействовала, а мониторы двух других светились, озаряя сумрачное помещение тревожным мерцающим светом.

— Есть! — победно воскликнул Синий князь и сел к дисплею, на котором замерла картинка из плоской графической видеоигры. — Позвольте представить вашему вниманию случай, давным-давно ставший притчей во языцех: один умник с периферии увлекся созданием компьютерных игр и не заметил, как смастерил собственный Мир. Его отблеск так разлетелся по Структуре, что теперь в каждом Мире можно встретить сотню фантастических версий на заданную тему.

— Черт с ним, — нетерпеливо бросил Данила. — Где здешний игрок?

— Ушел в Игру, — Донай развалился в кресле. — Чему ты удивляешься? Обычно экзисторы среднего пошиба только так и делают: отправляются в свой экзомир, чтобы сопровождать образ. Подождем, он скоро вернется.

— Стоп. Сначала свяжемся с Волком, — заявила Юлька.

— Ты с ума сошла! — подскочил Ви-Брук. — Тут открытый экзорный поток! Если мы сейчас начнем применять наши коммутаторы, сигнал прорвется в Структуру, и его поймает любой, в том числе и тип, которого мы ищем.

— Почему ты раньше не предупредил?

— Забыл, — Донай отвернулся.

— Так я тебе и поверила! Герой-одиночка!

— Ты несправедлива, сестренка. Прошло время героев-одиночек. Сейчас нас трое, и налицо отличный шанс изловить изобретателя с поличным.

Данила охотно поддержал товарища.

— Точно. Когда нас посылали сюда, никто не предполагал, что мы легко приблизимся к экзистору. Зачем будоражить наших на Волке, прорабатывать планы захвата, если мы уже устроили ему засаду и с минуты на минуту возьмем голыми руками.

— Кого возьмем? Ты знаешь, кто вылезет из Экзистедера? А вдруг это будет Кочевник? — не унималась Юлька.

— Кочевников-экзисторов не бывает, — отмахнулся Донай. — И вообще, дыши глубже и ничего не бойся. Ты же с нами!

— Это я по-твоему боюсь?! — рассердилась девушка.

— Эй, подожди, я не хотел тебя обижать, — привстал Синий князь.

— Если вы закончили свои любезности, — заговорил Данила, разбиравший завал на инструментальном столе, — ответьте мне на один маленький вопрос: на Экзистедере могут одновременно играть два человека?

— Нет, — Донай обернулся к нему вместе с винтовым креслом.

— Тогда как это объяснить? — Гаюнар показал на две чашки с остатками кофе, стоявшие на столе.

— Один ушел домой.

— Ничего подобного, — Юлька извлекла из стенового шкафа две куртки разных размеров.

У Ви-Брука, впрочем, ответ был уже готов.

— Значит, экзистор имеет ведомого напарника. Но даже в этом случае повода для опасений нет. Неужели мы с тобой, Гаюнар, не скрутим двоих прохвостов!

— Какой разговор! — поддержал Данила.

Юлька вздохнула. Теперь ей становилось понятно, почему Оливул был так мрачен, когда провожал их в разведку: Донай и Данила стоили друг друга.

➤4◀

Возбужденное ожидание сменилось вялой дремотой. Юлька подтянула второе кресло поближе к Донаю, по-кошачьи свернувшись в нем и положила голову брату на колени. Он снисходительно улынулся, обнял сестру свободной рукой и опять принялся отстукивать сложный ритм по краю клавиатуры. Данила, подставив под щеку кулак, бесцельно изучал беспорядок на столе.

Юлька проснулась неожиданно, будто от толчка. В комнате стояла неестественная тишина.

— Донай, — позвала она.

Брат вздрогнул.

— А?.. Черт, уснул.

— На монитор взгляни! — глаза Юльки расширились от изумления.

Картинка на экране изменилась. Каменный бункер уже не казался обычным плоским изображением: стены приобрели оттенок материальности, а из глубины нарисованного коридора повеяло холодом подземелья и затхлостью.

— Это они? — поднял голову Данила.

В недрах экрана появились два нечетких силуэта.

— Исчезаем! — Ви-Брук, оттолкнув кресло, вскочил и сиганул за огромный технический верстак.

Юлька юркнула в шкаф, а Данила вспрыгнул на подоконник и задернул шторы.

Экран монитора замерцал, проецируя на противоположную стену человеческие фигуры. На мгновение свет померк, и в комнате возникли экзисторы. Один в изнеможении шагнул к креслу и упал в него совершенно обессиленный. Другой, повыше и покрепче, прислонился к столу, растирая ладонями виски.

— Еще чуть-чуть, и нас бы сожрали взаправду, — пробормотал сидящий, глядя прямо перед собой невидящими красными от усталости глазами.

— Не дрейфь. Зато мы определили противника. В следующий раз победим!

— Следующий раз? — первый нервно вскинул голову. — Завтра нас спросят, чем мы занимались в воскресенье на работе. Что мы ответим?

— Успокойся, мы почти у цели. Твоя штукавина работает!

— Но монстры были настоящие! Посмотри, он схватил меня за ногу! И вообще, эта игрушка ни к чему хорошему не приведет. Не может быть, чтобы весь наш чудовищный мир растворился, чуть только мы выключили машину! Он же где-то существует! Что если в один прекрасный момент сюда вывалятся все уроды и упыри, которых мы запрограммировали?

— Так бывает только в дебильных видиках. Забудь. Наш мир электронный. Видишь, я выбираю “exit” и...

Данила услышал стук клавиатуры и осторожно отодвинул штору, чтобы взглянуть на дисплей, но подоконник заскрипел, и оба экзистора резко обернулись к окну.

— Слышал? Здесь кто-то есть.

— Они пришли в наше измерение!

— Замолкни.

Шаги в направлении окна. Тут Донай решил, что пора захлопывать ловушку.

— Доброе утро, — бесшумно поднявшись из-за своего укрытия, объявил он.

Последовала немая сцена.

— Присаживайтесь, — предложил Синий князь. — У нас есть несколько вопросов к вам, господа.

Юлька включила свет. Лица людей исказились гримасой ужаса. Оба, как околдованные, не отрываясь взирали на Доная.

— В чем дело? Вас не уведомили о нашем визите? — спросил тот и, непринужденно перепрыгнув через стол, двинулся к игрокам.

— Нет, только не так, — прошептал сидящий, впившись побелевшими пальцами в подлокотники.

Вдруг он вскочил и ринулся к окну. Данила преградил ему путь.

— Тихо! Сядь, мы ничего вам не сделаем.

Но человека это обещание не успокоило. Он закричал, шарахнулся в сторону, споткнулся о кресло и падая чуть не врезался лбом в приборный стол. Гаюнар успел предотвратить несчастный случай, профессионально скрутив обезумевшего от животного ужаса игрока. Донай изумленно смотрел на людей, не находя объяснения столь бурной реакции. Его заминкой воспользовался второй мирянин. Он подскочил к компьютерам и ударил по клавиатуре. Монитор расцвел калейдоскопом разноцветных узоров.

— Экзистедер! — вскрикнула Юлька и прыгнула на человека сзади.

Он легко отбросил девчонку и, сорвав крышку с агрегата, похожего на трансформатор, передернул несколько тумблеров. Экран ожил. Стены подземелья двинулись в комнату, вместе с ними из заточения вырвался устрашающий вихрь, разом поглотивший людей и предметы. Донай попытался бороться с воздушным омутом, но тщетно. Он лишь успел схватить за руку сестру прежде, чем их обоих втянуло в холодный мрак. Данила, выпустив своего пленного, отпрянул от засасывающего потока и замахнулся, чтобы врезать по заслугам автору воцарившегося безобразия, но сзади раздался звон вдребезги разбитого стекла. Гаюнар обернулся. Первого экзистора в кабинете не было. Мысль о высоте здания и твердости площадки внизу не успела за действиями, поскольку Данила метнулся к окну раньше. В утреннем сумраке он увидел то, что и должен был увидеть: человек неподвижно лежал на дорожке.

Данила вспомнил о втором игроке и о включенном аппарате. Экзистора в комнате он не увидел, зато на экране монитора среди хаотичных пятен и линий маячили какие-то тени.

— Юлька! Донай! Где вы?

Ответа не последовало.

Гаюнар растерянно смотрел на Экзистедер под личиной компьютера. Недавний опыт Грег-Гора наглядно доказывал, что для Игры мало быть просто внемиренцем и владеть теорией построения образа, необходим навык, нарабатываемый годами тренировок. А Данила даже не представлял себе, с какой стороны следует начинать. Однако зародившаяся в отчаянии мысль вызвать Волка захлебнулась, стоило ему представить, как выслушает его покаяния Каляда.

Что-то предпринять. Что угодно, лишь бы не стоять на месте, как истукан. Безжалостно обругав себя, пилот решительно приблизился к компьютеру-Экзистедеру. Картинка на дисплее почти рассеялась, оставив вместо себя блеклые разводы.

— Я просто войду в его поток, — сказал Данила сам себе и тут вспомнил, что еще ни разу в жизни самостоятельно не вставал даже на Путь.

Вдруг дверь содрогнулась от сильнейшего удара, из коридора раздался крик, а это означало, что потревоженные шумом охранники приступили к своим обязанностям. Решение пришло мгновенно. Гаюнар подскочил к окну, задернул шторы, чтобы разбитое стекло не попало на глаза сразу, задвинул под стол какое-то пыльное барахло, подвернувшееся под ноги, и походя набросил на плечи куртку одного из программистов. Защелку он отодвинул в момент, когда дверь немилостиво встряхнули еще раз. Двое молодцов ввалились в кабинет.

— Эй-эй! Вы что?! — заорал на них пилот, изображая возмущенного сотрудника.

Результата он добился: слегка озадаченные, охранники нерешительно опустили оружие.

— Ребята, что это вы? Вы же знаете, что я здесь работаю! — продолжал он.

Ему задали вопрос. Данилу прошиб холодный пот, когда он сообразил, что совершенно не понимает речь мирянина. Вопрос повторили, усилив смысл взмахом руки. На счастье вспомнилось наставление Доная: “Не пытайся понять слова. Бери по-крупному: фразу, образ”. И Гаюнар достаточно успешно пользовался этим принципом, пока не задумался о действующем механизме. Вернуться к интуитивному восприятию удалось не сразу, и с большим опозданием он уловил суть сказанного: охранник интересовался, почему вокруг беспорядок и кто поднял шум.

Пока пилот искал ответ, в дверях появился третий человек, и его суровое “Кто это?” прозвучало как сигнал гонга. Разыгрывать спектакль дальше уже не было смысла. Свалив стоящего на дороге одним бесцеремонным ударом в живот, Данила бросился в темноту коридора. Расстояние до поворота на лестничную клетку он преодолел в считанные секунды, но вспыхнул включенный свет и раздался два выстрела. Его качнуло в сторону. Боль в правой руке он почувствовал сразу, но успел сконцентрироваться и, завернув за массивный косяк железной двери, выстрелил в ответ. Парализующая волна захватила одного охранника. Двое других спрятались в кабинете. Прекрасно осознавая, что рано или поздно они вызовут подмогу, Данила взбежал на следующий этаж и затаился. Погони не было. Он вытащил из кармана пеленгатор, включил маяк и кинул приборчик в подвернувшийся рядом ящик. Затем выпрямился и заставил себя сосредоточиться на мысли о Структуре.

Почувствовать новое измерение. Его никогда не учили искать Пути, но знания предков, сохраненные глубоко в генах, дали свои ростки. Он видел перед собой темноту помещения, стену, перила лестницы. В груди шевельнулось и защекоталось. Темнота плавно поплыла вперед, вглубь, в бездну, а вместо нее начал расцветать черный цветок — выход в Структурное пространство. Молча торжествуя, Данила встал на Путь.

➤5<

Юлька вскрикнула, больно ударившись о каменный пол. Следом за ней в Мир ввалился Донай.

— Берегись! — громыхнул он.

В тот же миг Юлька оказалась зажатой в мощных лапах. Синий князь вскочил и ринулся на обидчика сестры. Девушку отшвырнули в сторону. Она шлепнулась в отвратительно пахнущую лужу и проехала до противоположной стены на боку. Склеп потряс холодающий душу рык. Краем глаза Юлька успела заметить нечто огромное, возвышавшееся над Ви-Бруком. Последовал глухой удар. Она испуганно села, вжавшись в покрытые слизью камни. Брат лежал в нескольких метрах правее без сознания. Она медленно перевела взгляд на то, с чем вел неравную борьбу Синий князь. Чудовище в полтора человеческих роста, покрытое грязной свалывшейся шерстью стояло посередине подземелья. Юлька, не спуская с него глаз, осторожно поползла к Донаю, как вдруг цепкие шестипалые руки обвили ее плечи, камни превратились в вязкую массу и начали засасывать в бездонное чрево. Девушка завизжала так, что завибрировала жижа, наполняющая углубления в полу. Вздригнул монстр и стал поворачивать оскаленную морду к источнику звука, а Юлька, продолжая вопить, отчаянно пинала руками и ногами схватившее ее нечто. Вырвалась она чудом и уже не помнила, как очутилась возле Ви-Брука.

— Донай!

Она поскользнулась и навалилась на него всем телом. Он застонал. Не заметив, что брат пришел в себя, девушка принялась судорожно дергать его за плечо.

— Донай! Очнись! Очнись, пожалуйста! Скорее!

— Успокойся, это всего лишь нокдаун, — Ви-Брук медленно сел, растирая рукой рубец, оставшийся от злополучной раны. — Ну ты и орать! Покойника поднять из могилы можешь... Осторожно! — он увидел застывшего на месте монстра.

— Он образ, — Юлька со вздохом опустилась на пол возле брата. — Я заметила, если не вступать в его зону — не тронет.

— А, ну да, правильно. Так устроены многие видеоигры, — Донай с опаской смерил взглядом расстояние до экзорного чудовища и повернулся к сестре. — Ого! В чем ты перемазалась?

— К той стене лучше тоже не приближаться, — Юлька кивнула на ловушку, из которой вырвалась с таким шумом. — Как думаешь, где мы?

— Не бойся, это еще не ад. Хотя что-то очень близкое к нему. Пошли, не век же тут торчать.

— Куда?

— Насколько я знаю такие штуки, здесь есть один вход и один выход, причем взаимно незаменимые. Нас кинули в начало, следовательно, требуется дойти до конца.

— Как фигурки в игре?

— Вроде.

— Ну уж нет! Чтобы меня использовали в роли фишки?!

— А что ты предлагаешь?

— Ты — Витязь Смерти, а я подруга Воды. Объединив наши силы, мы здесь камня на камне не оставим!

Донаю идея понравилась, но обсудить ее в деталях брату и сестре не довелось, так как в этот момент с потолка начала быстро спускаться белесая дымка.

— Привидение, — констатировал Ви-Брук и прежде, чем Юлька успела его остановить, зычно крикнул. — Смерть!

Как и первый раз, когда Меч Смерти оказался в его руках, Стихия торжественно поднялась вокруг Синего князя. Готовая услужить, она текла из камня, из земли, из спертого воздуха и мертвой воды, набирая мощь с каждым мгновением. Склеп окунулся во мрак. Когда же вновь вспыхнул огонь за закопченными стеклами хилых фонарей, Ви-Брук понял, что поспешил с действиями: вместо одного призрака их окружали шесть, из глубин подземелья надвигались полчища летучих мышей, а затхлость и сырость отступали перед смрадной могильной духотой.

— Они питаются силой твоей Стихии, — прошептала Юлька.

— Ошибочка вышла. Давай-ка ходу отсюда.

Они бросились прочь из склепа, перепрыгивая через разверзшиеся могилы и бурлящие гнилые лужи, а вдогонку им несясь вой пробудившихся мерзких созданий. В довершение всех бед внемиренцам пришлось карабкаться по изощренно крутой лестнице на открытую площадку неимоверно высокой башни. Когда кончилось и это испытание, оба по велению экзистора во мгновение ока угодили в просторный зал, заполненным холодным, но, к счастью, чистым воздухом.

— Здорово, правда? — спросил Донай, переводя дух.

— Твой юмор начинает мне надоедать, — откликнулась Юлька.

— Про Смерть и Воду не я придумал, кстати, — напомнил ей брат.

— Но я не могла предположить, что ты так быстро воплотишь мой замысел в жизнь, то есть — в Смерть. Что еще случилось?

Синий князь беспокойно озирался по сторонам.

— У меня такое чувство, будто я уже был здесь, — проговорил он. — Эти двери, лестница, плиты на полу — все знакомо до одурения!

Неожиданно одна за другой начали вспыхивать кривые оплавленные свечи, гнездившиеся в пыльных канделябрах. И когда последняя из них затрепетала слабым огоньком, в зале прозвучал скрипучий голос:

— О, как давно сюда не заходили путники.

— Кто здесь? — Юлька прильнула к брату, ища глазами говорившего.

В центре освещенного круга стала материализовываться фигура статного широкоплечего человека в длинном плаще. Донай быстро, но ненавязчиво, отодвинул сестру за спину как раз в тот момент, когда хозяин замка проявился окончательно.

— Граф Влад, к вашим услугам, — окинув гостей хищным взглядом, он чинно раскланялся.

Ви-Брук хмыкнул.

— Дракула, если не ошибаюсь? — уточнил он. — Ну и занесло же этих горе-экзисторов! Вот, Юлька, познакомься, — он наклонился к сестре, — перед тобой самый замечательный вампир за всю историю Игр. Эй, граф, а куда подевались Франкенштейн, Вервольф и Мумия? Разве ваша “теплая” компания развалилась?

Кроваво-красные глаза впились в лицо Синего князя.

— Что ты на меня вылупился? Кусаться собираешься?

Вампир оскалил огромные белые зубы, взмыл в воздух и ринулся на насмешника. Донай ловко увернулся.

— Первая попытка, — весело прокомментировал он. — Продолжать будем?

Полагая, что образ Дракулы атакует по одному сценарию, Ви-Брук крупно ошибался. Тот изменил тактику: черная тень его плаща нависла над девушкой. Увидав перед собой оскаленные клыки, Юлька сорвала с пояса первое, что подвернулось, и запустила вампиру в морду. Отчаянно запищал поврежденный пеленгатор. Не совладав с гравитацией, чудовище рухнуло на пол.

— Пригнись! — крикнул Донай.

Она шлепнулась под ноги брату. Щелкнула пружинка, и нож вылетел из рукава. Брызнула темно-бардовая кровь, вампир надрывно взвыл: клинок торчал в его горле.

— Это не образ! — ахнула Юлька, уставившись на странное существо.

На Ви-Брука, впрочем, сей факт впечатления не произвел. Он схватил сестру в охапку и, не дожидаясь, когда обитатель замка восстанет, бросился вверх по узкой лестнице. Отшвырнув с дороги слизняка на шести лапах, он вышиб плечом дверь и толкнул Юльку в темную галерею.

— А полегче нельзя было? — тяжело дыша, спросила девушка, потирая бок. — Ты мне чуть ребра не переломал!

— Нечего зевать по сторонам, — бросил Синий князь и проверил, надежен ли засов. — Теперь можешь не волноваться, я начинаю кое-что соображать.

— Слава богу! Лучше поздно, чем никогда.

Ви-Брук сердито глянул на сестру.

— С роду такой колючки не видел! — воскликнул он.

— А в зеркало ты разве не смотришься? — съехидничала Юлька и, выждав пару секунд, примирительно добавила. — Ладно, ладно, не дуйся.

Донай принял предложенный мир и в качестве жеста доброй воли продолжил начатую ранее мысль.

— Я знаю, где мы. Это тот самый замок, куда меня раненого принес Оливул. Надеюсь, запасный выход экзисторы не заметили. Топаи за мной, скоро будем дома.

— Подожди! Тебя разве не беспокоит, почему Дымиуса здесь нет?

— А чего беспокоиться? Он давным-давно существует между Игр сам по себе, и этот дешевый спектакль для него не новость.

Они поднялись на следующий этаж. Донай отодвинул дряхлую портьеру и приоткрыл грязную обшарпанную дверь, за которой начинался Путь. Протиснувшись между оборванных потоков, брат и сестра вышли в Структуру.

Миры далекие и близкие кружились, текли, скользили, мчались каждый по своей цепочке. И не было им числа.

— Куда нам идти? — осторожно спросила Юлька.

— Как? Ты дорогу не запомнила? — Донай разыграл испуг, но тут же понял, что пошутил неловко, и, бережно сжав ладошку сестры, виновато заглянул ей в глаза. — Не обиделась? Знаешь, у меня какая-то дурная болезнь: только соберусь сказать что-нибудь путное, а ляпну — хоть стой, хоть падай!

Юлька вздохнула.

— Понимаю. Что делать, черта семейная! Ну, пойдем наугад?

— Однажды я нашел дорогу отсюда в Белый Мир, найду и сейчас. Потом по следу Смерти доберемся до Мира, где мы встретили Волка. А дальше — по абрису.

— Слишком долго! Минутку, пеленгатор Данилы!

— Умница! — Ви-Брук торопливо достал портативный терминал. — Ага, это мой сигнал, а это... Черт, параметры стационарные: он не двигается.

Юлька, встав на цыпочки, заглянула на экран.

— Может быть он лежит раненый. Или... — пробормотала она.

— Или прибор потерял, — успокоил ее Синий князь. — Стоп. Да вон же он. Гаюнар!

Девушка проследила за взглядом брата и увидала на фоне бледно-серой трубы Структурного коридора удаляющуюся знакомую фигуру.

— Данила! Подожди!

Тот продолжал скользить по верху Пути. Брат и сестра поспешили за ним, искусно огибая воронки и меняя направления опор.

— Странно, что он нас не слышит, — забеспокоилась девушка.

— Еще более странно, что мы не можем его догнать, — Донай остановился, изучая пространство.

После происшествия в Белом Мире и нападения Кочевников, заместивших стрелу и площадку над пропастью, оба невольно стали осторожничать, хотя Ви-Брук и не желал показать даже самому себе, что поддался нерешительности.

— А что если Гаюнара взяли в плен? — прошептала Юлька.
 — Да ладно — плен! Он же без Пути идет!
 — Где? Где? Я не вижу.
 Она тщетно искала только что мелькавшую впереди фигуру.
 — Я тоже, — Донай был мрачен. — Доберусь до этих фокусников...
 — Смотри! — перебила Юлька. — Данила!
 Пилот в раздумье стоял на соседнем Пути.

➤6<

Гаюнар блуждал вокруг Мира до тех пор, пока Путь не начал двоиться перед глазами. Удивленный, он шагнул на другой, затем на третий и, таким образом, сверкающая пелена Надмирья заметно удалилась. Данила не чувствовал особой усталости, пуля, застрявшая в мышце предплечья, серьезных неприятностей не доставляла, и тем не менее вместо одной Структурной дороги он видел две. Решив, что причина аномального явления все же объективна, он стал всматриваться в странную тень. Она текла сама по себе вдоль Пути, оставляя неясный след, похожий на размазанное чернильное пятно. Рискнув приблизиться к нему, Данила вдруг понял, что пятно просто не содержит в себе какой-либо материи. То была пустота, дыра, ничто. Похожее ощущение он испытал, когда обнаружил в чередѐ закрытых дверей одну, за которой скрывался Экзистедер. “Ничего себе совпадения, — подумал Гаюнар, сторонясь подозрительной струи. — Кочевников, помнится, тоже сравнивают с пустотой”.

Возле витой трубы канала он встал на новый Путь, оттолкнулся от опоры, наслаждаясь открывшейся свободой, позволил себе проплыть вдоль цепочки Миров, а когда опомнился, обнаружил, что свою стартовую точку потерял. Не было больше и “чернильного пятна”, вытекавшего из Мира, где остался Крылатый Волк.

— Так. Кажется, влип, — подытожил Данила вслух и тут увидел над ближайшим Надмирьем Донай и Юлька.

Для надежности он несколько раз сморгнул, но друзья не пропали из поля зрения подобно призракам, а повернули к нему.

Радость встречи была бурной, особенно со стороны Юльки, и Гаюнару пришлось сознаться, что одна пуля его все-таки нашла. Убедившись, что рана пустяковая, девушка успокоилась, а Донай, который сам не терпел повышенного внимания к болячкам, постарался побыстрее перевести разговор на другую тему.

— А теперь, дружище, объясни популярно: кой черт ты от нас улепетывал пять Путей к ряду?

— Я улепетывал от вас? — удивился Данила.

Донай и Юлька переглянулись.

— Ты здесь никого не встречал? — осторожно уточнила девушка.

— Нет. А что?

— Не важно. Главное — нашлись, — подытожил Ви-Брук.

— Но... — начала Юлька.

— Мы могли и обознаться, — перебил ее брат. — Мало ли какой народ тут шляется. Давай, Гаюнар, твоя очередь: куда держать путь?

— Я пеленгатор оставил в Мире, — с напускной невозмутимостью сказал Данила, хотя был очень доволен своей предусмотрительностью.

По сигналу маяка друзья без труда определили, откуда велась Игра. Точку входа относительно пеленга они намеренно сместили и вышли из Структуры на крыше пристройки, где начали свою авантюру.

Приветствовал внемиренцев оглушительный вой сирен, разносившийся по всей улице, окутанной предраассветными сумерками.

— Что это? — Юлька закрыла ладонями уши.

— Полиция или милиция, а по сути — один черт: охрана порядка, — пояснил Ви-Брук. — Так что — ноги в руки и за мной!

И он недолго думая сиганул на внутренний двор. Раздался глухой удар, возня и короткий болезненный крик.

— Донай!

— Спускайтесь, я с ним уже договорился, — сообщил тот снизу.

Гаюнар и Юлька спрыгнули, причем девушка, потеряв равновесие при приземлении, упала прямо на лежащего возле стены человека. Данила помог ей подняться.

— Да, бьет твой братик от души, — он сочувственно посмотрел на пострадавшего.

— Сюда! — позвал Донай из автомобиля.

— Ты умеешь этим управлять? — изумилась сестра.

— Баловался, было дело, — Ви-Брук замкнул два проводка на приборной панели, с которой предварительно содрал кожу.

Мотор зачихал.

— Влезайте в машину, пока нас не заловили!

Девушка забралась на заднее сидение, а Данила сел рядом с водителем.

— Ты уверен, что знаешь, как это работает? — недоверчиво спросил он, когда Донай начал дергать все рычаги подряд.

— Конечно знаю! — оскорбился тот. — Смотри: зажигание, сцепление...

Мотор громко фыркнул.

— А может быть наоборот, — Ви-Брук передернул плечами под выразительным взглядом товарища.

С четвертой попытки двигатель завелся. Автомобиль бодро ринулся вперед и въехал прямехонько в мусорный бак. Под грохот жести об асфальт и расцветающий букет неповторимых ароматов, Ви-Брук дал задний ход. Затем Даниле и Юльке пришлось пережить еще несколько неприятных минут, пока водитель вспоминал, как следует обращаться с позаимствованным у мирян транспортным средством. Поцарапав левое крыло о забор и отважно выбив полуоткрытые ворота двора, машина вырвалась-таки на свободу. Два тупорылых фургона с разноцветными вращающимися фонарями на крышах не помешали Донаю вырулить на дорогу. Но лишь после того как последний из столбов, мелькнувших в опасной близости от капота, остался позади, Данила и Юлька вздохнули облегченно.

— Показательное выступление высшего пилотажа. Жалко, жюри во дворе осталось, — мрачно прокомментировал Гаюнар, наблюдая за действиями новоявленного шофера.

— К каждой машине надо привыкнуть, — заявил Донай и, пошарив по неказистой панели управления, включил передние фары, а заодно и боковые сигнальные огни.

— Куда мы едем? — Юлька облокотилась о спинки передних сидений.

— Отправляемся в бега. Нас только что приняли за грабителей, — весело объявил Ви-Брук.

— Точно. За нами погоня, — сказал Данила, взглянув в зеркало заднего обзора.

— А ты как думал? Не только космический патруль борется за порядок во вселенной. Кстати, что ты сделал с экзисторами?

Гаюнар нахмурился.

— Ничего. Этот псих из окна выбросился. Естественно — сразу к праотцам.

Юлька ойкнула.

— А второй? — Синий князь мгновенно отбросил шуточный тон.

— Он же окупился в поток вместе с вами, — осторожно ответил Данила и почему-то вспомнил о Кочевниках, имеющих обыкновение бросать тела людей, обращая их в белый прах.

— Так я и знала! — подскочила Юлька. — Донай! Это был не образ, а экзистор, игравший роль вампира!

— Где он сейчас? — быстро спросил Гаюнар.

— Там же, где и его приятель. Я ему кинжал в глотку всадил, — вздохнул Ви-Брук. — Здорово. Два трупа на нашей совести.

Машина выскочила на широкую улицу, и Донаю пришлось максимум внимания уделить дороге, которая, несмотря на раннее утро, кишела проворными автомобилями и неуклюжими кузовами общественного транспорта.

— Ты идешь на встречную трассу! — Данила готов был сам схватить руль, но вовремя остановился: мешать другу сейчас значило бы только усугубить аварийную ситуацию.

— Все под контролем! — уверил Синий князь, вырулил на рельсы, выложенные по центру улицы, и прибавил скорость. — Возьми у меня терминал, — продолжал он не оборачиваясь.

Это относилось к Гаюнару. Данила нашел в боковом кармане куртки товарища прибор, но тут машину сильно трянуло на колдобине. Портативный компьютер он удержал, а пеленгатор вывалился под ноги шоферу.

— Черт с ним, главное — работает, — бросил Донай и кивнул на локальный процессор. — Схему города давай! Нам сматываться пора.

Данила взял на себя обязанности штурмана.

— Сворачивай налево!.. Теперь правый поворот. Осторожно, сейчас будет мост через реку.

— За нами четыре патрульные машины! — крикнула Юлька, уткнувшись в заднее окно салона. — Пока не оторвемся, к Волку ехать нельзя.

— Это и кобыле понятно, — огрызнулся Ви-Брук. — Ты сядь, веретено! А то мы костей твоих не соберем!

Машину подбросило пару раз и чуть не швырнуло на пустой тротуар.

— Направо, — вдруг скомандовал Данила.

Синий князь ни спорить, ни уточнять не стал. Доверившись штурману, он выполнил самый сложный поворот, не сбавляя скорости, и, таким образом, автомобиль оказался на полупустом шоссе.

— Загородная окружная дорога, — пояснил Гаюнар. — По крайней мере люди целы будут.

— Люди — да, а мы — не знаю.

— Почему?

— Здесь легче всего устроить западню. Установить преграду из каких-нибудь вагонов, например. Ага, а вот и разведка с воздуха. Видите вертолет? Это тоже по наши души.

— К лесу гони, — Данила показал на ответвление трассы.

Свернули. Шоссе превратилось в ухабистую дорогу с неглубокими кюветами по краям. Вдоль нее поднимались высокие сосны с голыми стволами и с густой кроной далеко от земли.

— У нас бензин скоро кончится, — сказал Донай, постучав по циферблату измерителя.

— Всё. Полиция отстала, — Юлька отвернулась от окна и уселась на жестком диване. — Данила, до Волка далеко?

— Мы движемся точно в обратном направлении.

— Машину надо бросать, — Ви-Брук снял руки с руля и с наслаждением потянулся, — бортовой номер уже знают все дорожные посты. Сейчас загоним ее куда-нибудь... О, черт!

На дорогу откуда ни возьмись вынырнул мотоциклист. Донай схватил руль и что было сил вдавил тормозную педаль. Мотоциклист завилал, но равновесие удержал и поддал газу. А Синий князь с управлением не справился. Машина сорвалась в заросший травой кювет, только чудом не перевернувшись, вынырнула на поляну и понеслась прямо на деревья. Юлька соскочила на пол и сжалась в комочек между сидениями, Данила уцепился за петлю над дверцей кабины. Это мало уберегло бы его при аварии, но ничего лучшего пилот не нашел. И когда прямо перед ветровым стеклом стремительно вырос здоровенный ствол сосны, Ви-Брук одной рукой резко крутанул руль влево, а другой обхватил товарища и прижал к себе.

В столкновении пострадал правый борт автомобиля. Данила значительно позднее понял, что Донай спас ему жизнь: ведь вместо неизбежного удара о стекло, он всем своим весом, многократно увеличенной инерцией, навалился на друга. Очнувшись от шока первым, Гаюнар с ужасом обнаружил, что место, где только что сидел, сплющено в гармошку.

— Юлька! — он оглянулся.

Девушка, бледная как мел, подняла голову из-за спинок кресел. Данила тронул за плечо товарища.

— Ты там живой?.. Донай!

Тот лежал на руле, и Гаюнару в первый момент показалось, что друг не дышит.

— Донай, только без глупостей! — он приподнял его и усадил в кресле.

Юлька оттеснила Данилу, увидела брата и ойкнув принялась торопливо расстегивать на нем ворот рубахи. Ви-Брук шевельнулся.

— Из машины... вон, — пробормотал он, не открывая глаз.

— Что он говорит? — переспросил Гаюнар.

— В автомобиле осталось горючее. Сейчас оно взорвется! — перевела Юлька.

Друзья вытащили Синего князя из покореженной кабины, отвели в сторону и опустили на жухлую траву. Он закашлялся, оттолкнул руку сестры и самостоятельно принял сидящее положение.

— А, команда в сборе. Привет.

— Что с тобой? — на всякий случай спросил Гаюнар.

— Странный вопрос. Насколько я знаю, нас всех слегка встряхнуло.

Данила смерил товарища испытующим взглядом и, убедившись, что дела у него обстоят не так плохо, как показалось сначала, сказал:

— Посадка замечательная. Но знаешь, друг мой, где тебя никогда не будет?

— Я уже догадался, — кивнул Донай. — На линии первого пилота.

— Молодец, соображаешь, — похвалил Гаюнар.

Он хотел продолжить свою мысль, но слова внезапно утонули в грохоте, обрушившимся на лес. Внемиренцы бросились ничком на землю, а Синий князь для надежности прикрыл плечом сестру. Столб пламени и черного дыма устремился в небо.

— А вот и сигнальная ракета патрульным службам, — Данила с досадой посмотрел на остатки автомобиля, над которыми гудел пожар. — Пора сматываться отсюда. Донай, сам встанешь?

— У-у, чтобы меня выбить из седла надо сорок таких ударов! — уверил друзей Синий князь и осторожно поднялся.

— Нам в какую сторону? — спросила Юлька, опасливо смерив взглядом расстояние до горящей машины.

Данила схватился было за терминал, как вдруг изменился в лице.

— Процессор был у меня на коленях, когда мы впечатались в дерево.

Друзья переглянулись.

— Здорово. А мой пеленгатор валялся под педалью газа, — сказал Ви-Брук. — Юлька, где твой маяк?

— Я его использовала в качестве кастета, когда отбивалась от вампира, — вздохнула та.

Наступившее обескураженное молчание нарушил Гаюнар.

— Так. Без связи, без транспорта и без каких-либо сведений об Экзистедере. Плюс два трупа. Представляю, что подумает о нас капитан.

— Ага, — согласился Донай. — Но меня больше заботит, как расценит наше “рукоделие” Бер-Росс.

— Прекратите вы хныкать! — взорвалась Юлька. — Какие молодцы! Расписались в собственном бессилии! Нет уж! Во-первых, марш вперед. Во-вторых, по дороге придумать способ связи с Волком. А в-третьих, зарубите себе на носах оба: не бывает худа без добра. Гибель экзисторов означает прерывание моста. Понятно?

И она бодро зашагала в лес. Донай и Данила растерянно посмотрели друг на друга.

— Да-а, — протянул Ви-Брук, — опасно обсуждать поражение при женщинах. Они после этого так и норовят взять власть в свои руки.

Минут десять друзья шли за Юлькой по сырому сосновому лесу, периодически огибая заросли кустарника и стряхивая с одежды прилипшую паутину. Наконец, Данила решил приступить к переговорам.

— Юль, стой! — он догнал подругу. — Нам надо направление выбрать, и вообще: успокоиться и поговорить.

— Лично я абсолютно спокойна, — заявила девушка. — Направление мной давно определено. Не забывай, что не только ты специалист по картам. Меня в классе штурманов тоже кое-чему научили.

— Напрасно ты злишься, сестренка, — мягко сказал Донай. — Сама же говорила: нет худа без добра.

Юлька подняла на брата глаза. В его словах не было и толики иронии.

— Положение у нас незавидное, это точно, — продолжал он, — но знаешь, одна голова хорошо, а три лучше. Давайте сейчас выйдем в Структуру и...

— Подождите! — вдруг перебил Данила. — Слышите?

Медленно, но неумолимо на величественный шелест леса накатывался механический рокот.

— Вертолет, — помрачнел Донай. — Быстро они нас засекли.

Он собрался открывать Структурные ворота, но Гаюнар остановил.

— Вертолет сзади нас, а ты послушай вперед!

— Как будто крылья разрезают воздух, — пробормотала Юлька, глядя на небо, теряющееся за макушками деревьев.

— Ребята, это Волк, — сказал Данила, еще не совсем веря самому себе.

Тень исполинских крыльев накрыла внемиренцев. Звездолет чинно проплыл над лесом и замер, как орел в поднебесье. Вместе с ним с другой стороны в поле зрения друзей появился желтый с синей полосой летательный аппарат мирян. Он завис перед звездным кораблем, будто остолбеневший от изумления прохожий. Противостояние продолжалось не более двух секунд, и вертолет, совершив отчаянно крутой вираж, на полной скорости помчался прочь.

Аполлон и Артемида встретили разведчиков в ангаре, куда доставил их катер-челнок. Следом за собаками в открытый люк втек Пэр.

“Слава создателю! Нашлись! — воскликнул он, облив друзей струями зеленого тумана. — Донай, как ты? Юля, всё нормально?”

— Лучше своим любимцем займись, — Ви-Брук показал на Гаюнара, вылезавшего из кабины. — Из него пулю достать надо.

Призрак испуганно метнулся к Даниле. Пока пилот убеждал друга, что причин для беспокойства нет, вниз по лестнице стремительно спустился Оливул.

— Донай, какого дьявола ты вмешивался в Игру? — в его сильном и обычно спокойном голосе звучал металл.

Юльке стало не по себе — она ни разу не видела Белого князя таким разгневанным. Ви-Брук опешил.

— Оливул, клянусь, никто из нас не призывал Силу Созидания! — воскликнул он.

Девушка поспешила поддержать брата.

— Нас забросило в Игру, когда экзистор включил свой аппарат!

Данила тоже хотел вставить слово в защиту Синего князя, но Пэр в этот момент как раз принялся вытаскивать застрявший в его предплечье кусочек свинца, и Гаюнару пришлось уделить внимание ране.

Оливул протер ладонью лицо.

— Прости, — проговорил он и быстро пожал плечо кузена.

Юлька украдкой облегченно вздохнула. Ее друг вновь был таким, как она знала его с самой первой минуты встречи: строгим, рассудительным, выдержанным.

— Что произошло? — осторожно спросил Донай.

— Кто-то утащил на себе Экзистедер, — развел руками Белый князь.

— Шутишь! — вырвалось у Ви-Брука.

— Какое там, — отозвался Оливул с грустной улыбкой и нежно обнял Юльку. — Мы очень беспокоились за вас.

— Стоп, объясни, — вмешался Донай. — Как это — “утащил на себе”?

— Игра перетекла в другую точку пространства вместе с Экзистедером, сформированным в этом Мире. Параметры ее незначительно изменились, но цель осталась: наведение следующего моста.

— Этого не может быть! — воскликнула Юлька. — Оба экзистора мертвы. Один выбросился в окно, другого... — она замялась.

— Я нечаянно прирезал, — продолжил брат.

Оливул нахмурился.

— Кто-то из нас ошибается с выводами. Но как бы то ни было Путь Волка лежит в точку новой Игры. Данила, что с рукой?

Гаюнар подошел к друзьям, на ходу закатывая промокший от крови рукав.

— Ерунда, — он показал на небольшой рубец, оставшийся на предплечье.

“Стихия Жизни сильна в нем!” — гордо объявил Пэр и в виде густой стрелы полетел в кабину управления.

Данила проводил его взглядом. Не выходил из головы странный след пустоты, замеченный в Структуре. Сейчас, когда Пэр втек в его руку, чтобы извлечь пулю, рядом мелькнуло нечто подобное. Или ему показалось?

Волк двигался по Структуре проложенным курсом. Путь неумолимо подгонял время вперед, и цель путешествия быстро приближалась. И хотя автопилот добросовестно нес вахту, капитан предложила выслушать разведчиков прямо в кабине управления.

Рассказывать взялась Юлька. Она изложила ход событий полно и лаконично, опустив, впрочем, детали замечательной гонки на автомобиле по городским улицам. Затем Данила добавил факты, свидетелем которых оказался один. О пустом пятне в Структуре он упомянул вскользь, так как ничего кроме собственных ощущений описать не мог. Донай вставил слово всего однажды, уточнив что-то про экзорный поток, куда бросился вслед за сестрой, а в остальное время наблюдал за Оливулом. На лице Белого князя сохранялось напряженное выражение, но осуждения в его глазах брат не нашел.

Когда друзья закончили, Серафима выдержала паузу и задала первый вопрос.

— Донай, ты стремишься вызвать у людей панику, ужас, когда появился перед ними в кабинете?

— Даже не думал! — воскликнул Синий князь. — До сих пор в толк не возьму, чего они так перепугались.

— А куда в этот момент была направлена Игра?

— В Мир Дымиуса, наверное.

Каляда встала и в задумчивости прошла по кабине.

— Пока мы ждали вас на Волке, — заговорила она, — Оливул и Грег-Гор определили, что обнаруженный экзорный поток во много раз сильнее обычного. Смотрите, что получается: Смерть в той или иной форме была главным персонажем в Игре, и в подтверждение тому попытка защититься с помощью Стихии возымела полярное действие. Основной поток перемещался по мосту в экзорный Мир, и в то же время его остаточная часть противовесом текла в обратную сторону, причем сохраняя силу для спонтанного создания образа. Стихия Смерти, незримо сопровождающая Витязя, всего лишь подготовила благоприятную почву, чтобы подсознательные страхи экзисторов нашли воплощение в образе. Они увидели не Дою. Его облик под действием отраженной Игры преобразовался в нечто, напугавшее людей до помешательства. Итак, Оливул, ошибки в твоих расчетах нет. Сила Созидания здесь действительно велика настолько, что позволяет Игре укрепиться на обоих концах моста, и тем самым делает Экзистедер подвижным.

Бер-Росс сосредоточено смотрел на экран дисплея, где светились ровные ряды формул.

— Бесконечная Игра, — произнес он. — Перемещения Экзистедера вместе с экзистором. Бред какой-то! Где в таком случае источник?

— Оливул, послушай, Экзистедер и есть источник! — воскликнули Грег и Гор.

Эта идея предлагалась, по всему видно, не в первый раз, и Бер-Росс лишь мимоходом обронил:

— Тогда пусть кто-нибудь попробует вытащить себя за волосы из болота.

Юлька хихикнула, а Белый князь продолжал.

— Получается избыточная система: Экзистедер — конденсатор Сил Созидания, мощнейший поток, сила “зеро”, как активный двигатель, и два экзистора.

— Сила “зеро”? — встрепнулся Данила.

— Я условно обозначаю ее нулем, как нереальную, несуществующую в нашей логике.

Гаюнара бросило в жар. Сумасшедшая догадка пронеслась в голове, как ветер, вмиг расставивший все на свои места.

— Кочевники, — выговорил он и с надеждой обратил взор на капитана. — Экзистедер двигают Кочевники. Я видел их. Я видел, как они утекали из Мира!

Серафима скрестила руки на груди.

— Кажется невероятным. Но я готова согласиться, — медленно сказала она.

— В таком случае остается открытым один вопрос: кто руководит Кочевниками? — торопливо вставила Юлька. — Ведь просто так им не пришлось бы в голову или в что-у-них-там-есть заниматься с Экзистедером!

— По-моему, руководить Кочевниками невозможно, — вступил в разговор Пэр. — Скорее уж им что-то пообещали в награду за работу. И я боюсь, это “что-то” — наши жизни”.

— Зачем же так мрачно? — поежились близнецы одновременно.

— Слабо верится, что кто-то из недотеп, с которыми мы столкнулись, способен был договориться с Кочевниками, — возразил Донай.

— Один из них в состоянии истерии выбросился в окна, — напомнила Каляда, — другой наложил на себя образ вампира и остался в экзорном Мире. И если второй безусловно внемиренец, личность первого остается под вопросом. Не мог ли он быть замещенным Кочевником?

— Я видел его труп, — уверил Данила. — В целости и сохранности.

Серафима бесстрастно согласилась с несостоятельностью предложенной версии и собиралась продолжить обсуждение, но тут Оливул с нетипичной для него поспешностью подался вперед.

— Донай, ты утверждаешь, что экзистор сам исполнял роль Дракулы? — быстро спросил он. — Но ведь вы с Юлией были далеко от эпицентра, в подземелье, значит он не имел возможности руководить Игрой и одновременно в ней участвовать в качестве персонажа, поскольку Игра разворачивалась на реальном Мире.

Ви-Брук озадаченно потер макушку. Белый князь откинулся в кресле.

— Что сказал вампир, когда появился в зале?

Брат и сестра переглянулись. Юлька пожала плечами, Донай сморщил лоб.

— То ли “как я рад путникам”, то ли...

— “Как давно сюда не заходили путники”, — произнес Бер-Росс.

— Точно, — удивился Синий князь.

— Это был Дымиус. А экзистор устроился неподалеку и успешно вел Игру на множественном объекте. Да, он силен. Наложить образ на внемиренца очень нелегко. И кстати, Донай, твой нож не причинил Дымиусу вреда, ведь под образом скрывался настоящий упырь.

— “Мы приближаемся к Надмирю”, — сообщил Пэр, проверив показания радара.

— Отлично, — спокойно ответила Каляда. — Атаку начнем сразу, как только приземлимся. На Волке за капитана — Данила, с ним Юлия и Пэр. Ваша задача обеспечить прикрытие. Целью остальных будет экзистор. Средства воздействия любые, но с условием: все должны остаться в живых, наш противник в том числе.

— Идем ва-банк, капитан? — оживился Донай.

— Используем преимущества внезапности, — улыбнулась Серафима.

>8<

Волк окунулся в беззвездную ночь. Шепот двигателей смолк и его сменил протяжный вой, долетевший с вершины горы. Ударились друг об друга камни, перевернутые нервной волной мелкой речушки. Гулко хлопнул люк на смотровой площадке корабля. Затем последовала короткая вспышка, и двуглавый дракон воинственно расправил огромные крылья.

— Садись, — Оливул взглядом показал Донаю на Грег-Гора. — Он выдержит нас обоих, не сомневайся.

Одна из голов утвердительно кивнула. Ви-Брук поправил ремни заплочных ножен и полез на драконью спину. Белый князь вскочил следом.

“Держитесь крепче”, — предупредил Гай-Росс и оторвался от площадки.

Внизу мелькали тени сухих жалких кустов. По едва заметной тропинке, петляющей между бугров и оврагов, стремительно перемещался гибкий нечеловеческий силуэт. Невозможно было уследить за движениями женщины-Посредника, и казалось, что сама тропа с ухабами и рытвинами, как укрощенный дикий конь, выносит ее вперед и вверх — туда, где черным монументом утвердился заброшенный замок.

“Мне за ней не угнаться”, — пожаловался дракон.

— Не выкладывайся раньше времени, — сказал ему Оливул. — Нам понадобятся силы для сражения.

Дракон перевалился через широкую стену цитадели и неуклюже приземлился на двор. Серафима ждала друзей возле гигантских дверей замка. На ее голове, закрывая виски, шею и верхнюю часть лица, просматривался клиновидный шлем.

“Сознание экзистора присутствует всюду, — мысленно сообщила Каляда. — Однако он один. Если замок и охраняют, то только образы. Кочевников я различить пока не могу, но это не означает, что их здесь нет, поэтому будьте предельно осторожны”.

Сделав всем знак молчать, женщина-Посредник приоткрыла ворота и бесшумно скользнула вовнутрь.

Застывший в вечном покое зал освещала трепещущая лунная дорожка, пролившаяся на гранитный пол из высокого окна. Ветер, последовавший за людьми, замер на пороге, не тронув даже грозди паутины, окаймляющие вход, а звуки шагов, не родившись, погасали в остановившемся воздухе. Пока глаза братьев привыкали к полутьме, Серафима успела внимательно осмотреть помещение и, тронув близнецов за плечи, показала на лестницу, уводившую на антресоль.

Юноши скрылись в тени массивной колонны. Оливул, обнажив узкий меч, который выбрал в арсенале Волка, двинулся за ними. Он хорошо помнил это место. Там, за пыльной портьерой, начинался темный коридор со множеством комнат. В одной из них он и Донай провели десять тяжелых для обоих дней и ночей. Пройдя по антресоли дальше, можно было попасть в другие такие же коридоры, расходившиеся как лучи от центра замка. Самый широкий из них вел на внутренний двор к покосившейся башне, венчающей мрачное строение.

Испуганный возглас Грега и Гора прорвал глухую тишину, на мгновение опередив грохот, прокатившийся по замку. Бер-Росс метнулся к братьям. Гигантское существо, похожее на каменную колонну, отделившись от стены, поднимало над Гай-князем неохватные кулачищи.

— Ко мне! — крикнул Оливул.

Великан с проворностью, неожиданной для его габаритов, обернулся к новому противнику. Юноши немедля выхватили мечи и бросились на могучего стража с двух сторон. Гулко лязгнула о камень каленая сталь. Монстр махнул руками, будто отгонял назойливых мух, и близнецы кубарем покатались вдоль по открытой антресоли, а исполин обрушил свой раж на Белого князя. Тот увернулся от первого удара, от второго его уберег Донай, втолкнувший кузена в боковой коридор. Чудовище двинулось за ними, но вдруг качнулось вперед и рассыпалось, подняв тучу едкой пыли. Когда белесый прах осел, братья увидели Серафиму.

— Никто не ранен? — спросила она.

— Что ты с ним сделала? — Ви-Брук изумленно смотрел на место, где только что высился свирепый каменный гигант.

— Попросила посторониться, — походя ответила Каляда.

Оливул тем временем поднял с пола несколько белых хлопьев.

— Кочевник занял место образа, — пробормотал он. — Невероятно!

— Покажите нам, где находится создатель этого безобразия, и мы его с удовольствием поджарим, — заявили близнецы, потирая один шею, другой плечо.

— Где бы он ни был, — откликнулась Серафима, оглядываясь по сторонам, — наше присутствие до сих пор не замечено, иначе одним стражем дело бы не ограничилось.

— Экзистор занят мостом, — сказал Оливул, — но лучше поспешить. Фон Игры слишком ровный, похоже, что Экзистедер с минуты на минуту начнет удаляться. Давайте поделимся и начнем поиск.

Друзья намеревались последовать предложению Белого князя, но тут Донай осенило:

— Башня! — воскликнул он. — Башня возвышается над замком в самом центре цитадели, вот почему Сила Созидания разливается равномерно.

— Правильно, — без промедления поддержал Бер-Росс.

Внемиренцы бесшумно прошли по пустому коридору к воротам на внутренний двор. Сонные образы чудовищ не препятствовали незванным гостям, а два паука, размером со сторожевых псов, завидев пришельцев, расплзлись по углам. Каляда не воспользовалась выбитой в стене узкой лестницей и, прыгнув на двор с высоты в три сажени, пересекла его за доли секунды. Донай, сбежавший вниз первым, бросился было за ней, но, услышав нестройный перепев тетивы, отскочил под прикрытие груды камней. Оливул, Грег и Гор оказались в зоне обстрела, освещенные предательской луной.

— Сюда! Живо! — заорал им Ви-Брук.

Над его головой вдруг разлилась чернота, и несколько стрел ударились о естественную броню дракона.

“Я им покажу, как устраивать засады!” — гневно объявил Черный князь и ринулся на противоположную стену, где прятались невидимые лучники.

Полыхнуло пламя. Две струи огня разбили о покрытые мхом плиты, загорелась деревянная крыша навеса, сооруженного над бойницами. Атака стрелков захлебнулась, и внемиренцы получили несколько секунд, чтобы беспрепятственно добраться до башни.

— Нас обнаружили, — предупредила Серафима, ожидавшая друзей возле выбитой двери. — Там, — она показала на смрадную дыру подземелья, — что-то движется. Я задержу это, чем бы оно ни было. Найдите экзистора. Торопитесь!

Оливул кивнул и побежал вверх по крутым ступеням с мечом в руке. Донай последовал за ним, но Меч Смерти оставался в ножнах — Синий князь не признавался себе, что после эпизода с Гором боится поднимать его вновь.

Последняя площадка. Братья ворвались в комнату. Никого.

— Экзистедер совсем близко, — проговорил Оливул, профессионально оценив силу экзорного фона. — Проверь, нет ли еще одного уровня выше.

Донай подошел к окну, высматривая какой-нибудь лаз на потайной этаж, но, услышав за спиной сдавленный хрип, круто обернулся. Широкий лоскут занавеса, только что закрывавшего нишу, обвинил шею Белого князя и ожесточенно затягивал петлю. Ви-Брук бросился к брату и схватил “ожившую” ткань. Несмотря на внешнюю ветхость, гардина оказалась крепка, как сталь, и о том, чтобы порвать ее голыми руками, нечего было думать. Второй конец портьеры хлестнул Доная по лицу, заставив отшатнуться. Бер-Росс задыхаясь силился сбросить с себя удавку, и в его глазах брат прочел отчетливое — “помоги”.

Синий князь выхватил из-за спины Меч. Клинок взметнулся ввысь, и Витязю показалось, что он сам ищет цель. Оливул почти лишился сознания. Донай взмахнул мечом, намереваясь разрубить псевдо-занавес, но вдруг перед глазами как наяву промелькнул удар, чудом не погубивший Гора. Память, потакая Стихии, перевернула давно закрытые страницы: вызов кузена на бой в безлюдных холмах; поединок в зале, залитом алым светом; образ летающей твари, посланный на убийство. Что для Смерти прошлое — тень или действительность? Меч выполняет волю Витязя. Меч занесен над Белым князем.

— Эй ты! Проснись!

Бесцеремонный пинок опрокинул Ви-Брука навзничь.

— Где ты потерялся, растяпа?! — Грег приподнял его за грудки.

Шальной взгляд Доная уперся туда, где Гор приводил в чувство Оливула. Вокруг на полу шевелилась от ветра белесая пыль.

— Из-за тебя он едва не погиб!

Грег встряхнул кузена еще раз и приготовился отвесить ему для ясности новую оплеуху, но Оливул, чуть только открыл глаза, поборов приступ кашля, выговорил:

— Остановись...

Юноша выпустил Доная и подскочил к старшему брату. Сквозь нарастающий гул в голове Ви-Брук слышал властный голос Белого князя:

— Спрячь меч.

Донай поспешно вернул клинок в ножны.

— Оливул, я... — начал он, но встретив яростный взор двух пар голубых одинаковых глаз, поблдевел; слова застыли на губах.

Бер-Росс тяжело поднялся, опираясь на братьев.

— Усмирите гнев, — строго сказал он. — Здесь нет ничьей вины. Все в порядке, Донай.

Синий князь отвернулся и, вытирая холодный пот со лба, заметил, как дрожит рука.

На пороге появилась Каляда. Ее гладкое темно-коричневое трико было покрыто грязью и слизью, а на шлеме — преобразованных в крепкие роговые наросты волосах — виднелись следы крови.

— Против нас подняты все образы, существующие в этом замке, — возобновив приглушенное до сего момента дыхание, сказала она. — Где игрок?

— Совсем близко. Но проход с свою цитадель он хорошо спрятал, — произнес Оливул.

— Так я и думала. Я найду его сознание и отвлеку от Игры. А вы постарайтесь как-то остановить Экзистедер. У нас всего три минуты, пока армия чудовищ и зомби из подземелья штурмует лестницу.

Лицо Серафимы, закрытое поврежденным в нескольких местах панцирем, окаменело, лишь в глазах остался глубокий живой блеск. Грег и Гор повернулись к Белому князю, ожидая указаний.

— Будем играть, — ответил он на взгляд юношей. — Держите мой фон и прикрывайте, если Экзистедер попытается меня захватить. Донай, брат, ты нам нужен, очнись.

Ви-Брук взял себя в руки.

— Я здесь. Начинай.

Окунувшись вслед за Оливулом в бурлящий поток Сил Созидания, Синий князь испытал на себе мощное противодействие. Игра преградила путь, опутав чужаков растущим с каждым мгновением коконом, но струя Бер-Росса внедрялась в плотную оболочку, упрямо сохраняя собственный мотив. Донай неотступно продвигался рядом, поддерживая и усиливая образ. Грег-Гор широким фронтом закреплял отвоеванные у экзистора участки Игры. Неожиданно строй потока обмяк, и Экзистедер, как оркестр, повернувшись к новому дирижеру, заиграл другую пьесу. Сменилась мизансцена: помещение преобразилось, стены раздвинулись, и под низкой аркой внемиренцы увидели экзистора, застывшего над столом с разложенными на нем общепринятыми колдовскими атрибутами.

— Не дайте ему уйти, — произнесла Каляда глухим напряженным голосом.

Грег и Гор кинулись в потайную комнату.

— Поток слабеет, — пробормотал Оливул. — Надо завершать, Донай!

Синий князь сделал попытку сформировать образ конца, хотя уже видел, что Игра потеряна. Обрывок ее оторвался от Мира и исчез, подхваченный незримой волной. Остатки экзорных струй впились в экзистора, жаждая восполнить потерянную стабильность. Бер-Росс качнулся, но, ухватившись за стену, устоял на ногах. Помощь не потребовалась: последний всплеск Экзистедера потух, подчинившись непреклонной воле Белого князя.

— Оливул, — Донай остановился возле кузена, — это еще не поражение. Местного умельца ребята скрутили, а без него Кочевникам не продолжить Игру.

Бер-Росс выпрямился и, кивком дав понять, что слышал его слова, приблизился к Каляде.

— Серафима, Экзистедера здесь больше нет.

— Они опять унесли потенциал Сил Созидания, — произнесла Посредник одними губами. — Кочевники вместе с Игрой ушли по мосту в следующий Мир, — сморгнув, она посмотрела на друзей. — Давайте послушаем, что скажет экзистор.

Грег и Гор стояли над лежащим ничком человеком в черном балахоне.

— Живой? — спросил Донай и одной рукой поднял его за шиворот.

Накидка соскользнула с тощих костлявых плеч. Остатки образа колдуна рассеялись, и перед друзьями предстало хрупкое серое существо, похожее на жалкую кучу пыли.

— Дымиус?! — в один голос воскликнули Оливул и Донай.

Ви-Брук от неожиданности выпустил упыря, и тот опять плюхнулся на пол.

— Я в вашей власти, — пробормотал он и поднял полные страдания глаза. — Вы победили.

— Дымиус, ты не узнаешь нас? — Белый князь наклонился к зрителю замка.

— Оливул Бер-Росс? Донай Ви-Брук? — удивленный не менее внемиренцев, упырь переводил взгляд с одного на другого. — Как вы... О, тысяча демонов! Посредник!

Он ползком попятился назад, пока не уперся в ноги близнецов.

— Не пугайся, — с неподдельной теплотой сказала Серафима. — Мы должны были остановить Игру, поэтому я сковала твой мозг.

Смотритель замка, недоверчиво покосившись на Гай-Россов, встал.

— Значит, я не пленник? — осторожно спросил он.

— Ни в коей мере, — уверила Каляда.

Дымиус отошел к окну, за которым господствовала мрачная беззвездная ночь, и уставился в темноту, будто забыл о присутствии внемиренцев. Серафима сделала друзьям знак не нарушать его уединения. Их терпение вскоре было вознаграждено.

— Я долго жил в этом замке, видел, как возникали и исчезали существа, предметы, люди, — негромко заговорил смотритель. — Но однажды все вокруг изменилось настолько, что я перестал понимать, где нахожусь. То был кошмар наяву.

— На тебя наложили образ вампира, — не удержался от подсказки Донай.

Дымиус нервно обернулся.

— Я ничего не помню, я не знаю, что делал и кем был!

— Это не повторится больше никогда, — произнесла Серафима, и по тому, как пылал скрытым жаром ее взгляд, друзья определили, что к словам присоединено ментальное убеждение.

Смотритель успокоился, однако по лицу его проползла горькая усмешка.

— Точно то же мне сказали, когда мой сон оборвался. Мне пообещали дать силы жизни для путешествия в другие Миры, если я сыграю новую Игру. Вы, кажется, тоже говорили об Игре? — он тревожно оглядел Оливула и Доная с ног до головы. — Я хочу вам доверять, как вы однажды доверились мне, Оливул Бер-Росс. Ответьте, ведь не вы дали мне в руки ту ужасную мощь, которая чуть не погубила меня? Не вы?

— Нет, Дымиус, клянусь, — твердо произнес Белый князь.

Упырь облегченно вздохнул и, значительно смелее оглядев гостей, продолжал.

— Трое были возле меня, когда я очнулся. Трое мужчин, которых я не мог разглядеть. Они сказали, что я должен провести среди звезд летучий корабль без парусов и мачт. Они дали мне силу повелевать людьми на корабле. Я пытался приказывать им, но они все равно затеяли бой в безводном океане. Было много страданий и крови... Мне обещали, что, как только все кончится, мне вручат могущество Жизни, чтобы я мог вкусить очарование странствий, так знакомое истинным внемиренцам. Я поверил, — он развел тощими руками, — и вот я здесь, все по-прежнему, разве что я понял, каково близко узреть конец собственного существования.

Наступило молчание. Донай больше не рисковал встречать с вопросами, хотя его очень интересовало: “они” — говорившие с Дымиусом, и “они” — напавшие на звездолет, одни и те же лица или нет. Гай-Россы тоже придержали любопытство при себе.

— Наш друг, Хранитель Стихии Жизни, поможет тебе, — заговорила Каляда, убедившись, что упырь закончил свой нестройный рассказ, похожий на сумбурный полузабытый сон. — Судьба откроет тебе Пути, я обещаю, Дымиус, — она повернулась к юношам. — Грег-Гор, приведи сюда Данилу. Юлия пусть останется с Пэрмом. Хотя реальной опасности нападения Кочевников уже нет — они ушли из Мира — осторожность не помешает.

Близнецы дружно кивнули.

— Мы мигом, капитан!

Оба вскочили на окно и, крепко обхватив друг друга, прыгнули вниз. В следующую секунду ввысь величественно поднялся черный двуглавый дракон.

Данила вошел в кабину управления. Юлька, устроившаяся в кресле бортинженера, обернулась на звук шагов.

— Все спокойно, — ответил на ее взгляд Гаюнар. — Собак я оставил возле люка, если что-то произойдет снаружи, они поднимут лай.

— А где Пэр?

— В твоей дистантерской башне. Убежден, что собственные глаза лучше охранных зондов. Чудик! Можно подумать, он умеет различать Кочевников, когда они сидят на каком-то объекте.

Он придвинул кресло к левому краю пилотской линии и занялся корректировкой курса запущенных маяков. Юлька улыбнулась: что бы Гаюнар ни говорил о призраке, в голосе его появлялись еле уловимые ласковые нотки, которые он всякий раз, опомнившись, старался заглушить. “Добрый он, — подумала девушка. — А корчит-то из себя этакого толстокожего! И кого обмануть старается?”

— Досадно как-то, — вновь заговорил Данила.

— О чем ты?

— Отец летал на этом корабле много лет, но я не могу найти ни одной детали, которая напоминала бы о нем и о матери. Обычно люди оставляют после себя какие-то записи, дневники, да просто вещи, наконец! А здесь — ничего. Оружие, одежда, приборы — все безликое... А иногда мне кажется — даже приготовленное для нас.

Юлька с готовностью кивнула. Ее до сих пор удивляло, откуда на Волке появился гардероб, где каждый сразу находил для себя одежду по размеру и вкусу. Даже Грег и Гор нарядились так, что сохранили полную идентичность.

— Банк памяти старого компьютера, не подключенного в бортовую сеть, — продолжал пилот, — и тот оказался пуст. Чем отец занимался? За что его преследовали Кочевники?

— Что бы там ни было, он хранил это в тайне, — вздохнула Юлька.

— Тут кругом одна большая тайна! У меня не выходит из головы, с кем ты и Донай могли меня спутать в Структуре, да еще так удачно, что в результате мы столкнулись нос к носу.

— И, кстати, он двигался без Пути, — напомнила девушка. — Серафима объяснила мне, что так перемещаться способны только те, в чьей сущности преобладает Космос: Посредники, Архивариусы и Обманувшие Смерть.

— И кто из них столь любезно устроил нашу встречу?

Она пожала плечами.

— Вот и я не знаю, — поддержал пилот. — А психованный экзистор, чтоб ему перевернуться! Ну испугался, понимаю. Но зачем же в окно-то прыгать?

— Он решил, что перед ним стоит Смерть, — рассеяно вставила Юлька, всматриваясь в темноту бесконечной ночи, растекавшуюся за центральным иллюминатором.

— А башку разбить не смерть, по-твоему? Не вяжется как-то, — Гаюнар проследил за тоскливым взглядом подруги. — За наших беспокоишься?

— Да так, — она откинула за спину наспех заплетенную косичку. — С ними Каляда, зачем попусту беспокоиться.

Последовало обескураженное молчание, и Юлька с опозданием вспомнила, что Данила не подозревает об истинной природе и обо всех способностях Серафимы.

Не скрывая негодования, пилот воскликнул:

— Ну ты даешь, однако! Я вижу, все привыкли, что Каляда взвалила на себя гору проблем. Она и капитан, и стратег, и врач, и техник, и инженер, и даже повар! Когда ты, Оливул и Донай болтались где-то у черта на куличках, а Грег-Гор отлеживался в ангаре, она взяла на себя весь ремонт корабля. Мне стыдно признать, но мы с Пэром не успевали сделать и десятой доли того, что делала она. А теперь все преспокойно складывают ручки и заявляют — зачем волноваться, ведь там Каляда!

— Не накручивай виражи, — решительно перебила Юлька. — Серафима имеет знания, опыт, и мы все доверяем ей. Она наш авторитетный лидер!

— Она — женщина, — тихо сказал Гаюнар, всячески скрывая не к месту появившуюся дрожь в голосе. — Мы ушли из Белого Мира четыре дня назад по времени Волка, а она так ни разу и не отдыхала с той поры. Она провела с каждым из нас гипнотический сеанс, чтобы погасить нашу усталость, а о себе даже не подумала!

— Вообще-то, женский организм более вынослив по сравнению с мужским, — заявила Юлька, вставая. — Пойду проверю дистантерские башни. А насчет капитана ты переживаешь напрасно: уж кто-кто, а она может о себе позаботиться.

И она вышла с нарочито деловым видом — продолжать разговор не стала во избежание какой-нибудь новой ошибки, но отметила про себя, что чувства Данилы, случайно всплывшие сейчас на поверхность, таят в себе нечто большее, нежели общепризнанная дружба.

Когда за Юлькой с глухим стуком сомкнулась дверь, Гаюнар откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Серафима Каляда. Ее прекрасное лицо стояло перед ним, будто наяву. Бережное, мягкое прикосновение при осмотре раны, зажившей как на зло слишком быстро; тепло сенсорного проникновения, в один миг освободившее от усталости. Данила боялся и надеялся одновременно, что Серафима прочтает его мечты и вдруг посмотрит на него по-иному — так, как он много раз видел в своих снах. Но чуда не произошло.

Пилот вздохнул. Капитан. Лидер... С Оливулом она была по-деловому внимательна, и он отвечал ей тем же. Нежность, с которой она обращалась с Грег-Гором, Данила относил на ее возрастное старшинство. К Пэру она оставалась всегда добра, как заботливая мать, и призрак прямо-таки обожал ее. Вот Донай с его колкостями и не всегда разумным языком доставлял Гаюнару определенное беспокойство, от которого надсадно дребезжали самые потаенные струны души. Каляда прощала Синему князю излишне вольные высказывания, и искорки улыбки в уголках ее странно раскосых глаз нередко возникали в ответ на его словесные кульбиты. «А я для нее всего лишь пилот звездолета, — подумал Данила и от жалости к себе к горлу подкатился горький комок. — У меня нет ни элегантности и интеллекта Оливула, ни изобретательности и многообещающей юности близняшек, ни остроумия и ловкости Доная. Даже Пэр обладает обаянием, которое мне и не снилось. И чем я прогневал свою судьбу?»

На плечо опустилась женская рука. Гаюнар дернулся от неожиданности, а сердце в груди зачастило так, как будто собиралось вырваться наружу. Юлька попятилась.

— Ты что? — спросила она испуганно. — Данька, ты себя нормально чувствуешь?

— Нормально, — буркнул пилот, усаживаясь в кресле, и добавил. — Не слышал, как ты вошла.

Она прислонилась к краю вспомогательного пульта и нервно поежилась.

— Аполлон сидит в тамбуре, Артемида — на диване в каюте. Оба совершенно спокойные. Но мне постоянно кажется, что за мной наблюдают.

“Мне тоже, — прозрачная голова Пэра появилась из выключенного монитора. — Данька, давай усилим защитное поле”.

— Так. Первые признаки клаустрофобии, — усмехнулся Гаюнар.

Только он закончил фразу, по корпусу корабля что-то громко проскрежетало. Друзья притихли. Шум повторился.

— На смотровой площадке, — пояснил пилот, невольно снизив голос до шепота.

“Я посмотрю, что там”, — предложил Пэр, но с места не тронулся.

— Сиди, на это визоры есть, — Данила перешел к капитанскому мостику и взглянул на мониторы. — Черт! Темно, хоть глаз выколи, — он потратил еще полминуты на активизацию дополнительных систем. — Тьфу!

Раздосадованный возглас вмиг остудил накал нагнетаемых неведением страстей.

— Грег-Гор вернулся, — пояснил Гаюнар и пошел открывать парадный вход.

Диафрагма люка разомкнулась, и одна голова дракона нетерпеливо просунулась в тамбур.

“Не достучишься до вас! Данила, вылезай сюда, дело срочное есть”.

— А почему ты один? — насторожилась Юлька, выбравшаяся из корабля следом за товарищем. — Что произошло?

“Некогда, потом расскажу. Гаюнар, нужна сила твоей Стихии. Капитан послала за тобой”.

Девушка похолодела.

— Кто-то ранен? Оливул? Донай? — проговорила она.

“Не бойся, сестренка, все живы-здоровы! Экзистора тоже нашли, но, правда, не того, которого искали. Данила, собирайся скорее, тебя ждут!”

Проводив друзей, Юлька и Пэр вернулись в кабину. Время потащилось дальше, как старая кляча, запряженная в тяжелую скрипучую телегу. Усталая луна мерцала из-за свинцовых туч, ползущих над землей несметными полками... Вдруг по небу пронеслась стрела света.

— Пэр, ты видел?! — воскликнула Юлька.

Оба пристыли к иллюминатору.

Черный небосвод треснул, разбитый сияющим золотым лучом, и на нем начал стремительно расцветать величественный цветок солнца.

“Это Стихия Жизни! Это Данила! Пойдем, пойдем!”

Призрак суетливо собрался в шар и скользнул сквозь потолок и бортовое покрытие наружу. Юлька побежала в тамбур к люку, где Аполлон и Артемида, нетерпеливо поскуливая, царапали нижние ступени лестницы. Чуть только раскрылся вход, собаки бросились на палубу.

В Мире пробуждалась Жизнь. Мрачный лес преобразился, нарядившись в ярко-зеленый фрак, в горной речке заискрилось лазурное небо, полный живительной влаги и запахов листвы ветер вытеснил промозглый дух тленности. Громада замка не казалась больше зловещей и мертвой, подступы к его стенам покрылись молодой травой с робкими вкраплениями цветов, а башня, освещенная солнцем, приобрела неуловимую легкость и доверчиво потянулась к проплывавшим над ней облакам.

— Неужели всю эту красоту создал Данила? — ахнула Юлька, восхищенно взирая на преобразованный Мир.

“По его велению Стихия Жизни пробудила всё, где нашла свое отображение! — воскликнул призрак. — Взгляни на наших собак!”

Псы вытянули морды в сторону замка и замерли, как вросли, в палубу. Над ними метались разноцветные блики. Юлька проследила взглядом за тонкой радугой, начинавшейся над спинами животными. Второй ее конец терялся далеко в темных, покрытых мхом, каменных стенах замка.

“Мост Жизни! Они дают Даниле энергию, которой он когда-то поделился с ними. Они помогают ему оживить Мир”, — продолжал Пэр.

Юлька уважительно посмотрела на Аполлона и Артемиду, повернулась лицом к восходящему солнцу и вдруг заметила на лужайке отчетливую тень человека в длинном плаще и широком капюшоне. Затаив дыхание, она медленно шагнула к перилам. Поляна была пуста. Тень не двигаясь лежала на траве.

— Пэр, осторожно подойди сюда, — шепотом позвала Юлька.

“А? Что?”

— Быстро!

Она схватила призрака за руку, подтащила ближе и показала на лужайку.

“Я ничего особенного не вижу”, — удивился он.

Девушка растерянно озиралась: тень исчезла, не оставив ни следа странного визитера.

— Наверное, показалось, — неуверенно пробормотала она и, оглянувшись на собак, не проявивших признаков беспокойства, повторила. — Да, показалось.

Возможно, Пэр и усомнился бы в выводах подруги, но в этот момент над замком в небо поднялся черный дракон.

“Наши возвращаются!” — радостно сообщил он.

➤10◀

Дневной свет озарял Мир, вырванный из бесконечного потока жестоких Игр. Но буйство ярких красок и цветочных ароматов оставалось за бортом Волка: опасаясь коварства Кочевников, друзья сочли благоразумным установить вокруг корабля защитный экран, прежде чем позволили себе несколько часов отдыха.

Полуопущенные жалюзи на иллюминаторах кабины, мерное гудение дежурных приборов, ненавязчивые матовые лампы вдоль каждой функциональной линии навевали сон, но Оливул встрепенувшись в очередной раз согнал дремоту и вновь обратился к экранам. Факты говорили сами за себя, и все точки были расставлены: Кочевники, заняв место Экзистедера, в каждом следующем Море искали нового игрока, который бы построил мост и направил сгусток возросшей Силы Созидания дальше по фарватеру к выбранной цели. Другими словами, не создатель творил Игру, а Игра управляла создателем. Общепринятые понятия, методы, правила, незыблемые как сама Структура, вдруг потеряли однозначность и отчасти оказались ложны.

“Еще несколько дней назад я бы в это просто не поверил, — подумал Белый князь, просмотрев окончательные результаты теста. — Ошибка исключена. Кочевники меняют параметры потока по своему уразумению. Серафима верно заметила: мы слишком долго прятались за ширмой привычных аксиом, считая, что всё, противоречащее им, не существует. А Игра — гибкий предмет, и ее, как нашу жизнь, нельзя ограничить рамками условностей”.

Он медленно встал и отключил терминал. В погасшем экране остался тусклый отблеск лампы, как далекая звезда в пучине космоса. Приблизительно так виделось Оливулу и будущее. Друзья решили двигаться по траверсу и перехватить экзорный поток в Море, куда неизвестный, принявший Игру Дымиуса, наводил мост. Дальнейшие действия детально не планировались, хотя окончательная задача была поставлена: следовало убедить или вынудить очередного избранного Кочевниками экзистора прекратить Игру и тем самым оборвать поток. Но как найти среди сотен людей одного внемиренца? И сможет ли тот, кому вручили великую мощь Сил Созидания, накопленную множеством Игр, совладать с нею вопреки воле хозяев?

Тревожные мысли продолжали роиться в закутках сознания, когда Белый князь покидал кабину управления. В задумчивости он прошел по кают-компании и уже положил руку на управляющую панель двери в тамбур, за которым располагалась спальная комната, но почему-то обернулся. Меч Смерти поблескивал на полке под барельефом Семи Стихий. Взгляд остановился на стальном клинке, и в давящей тишине Бер-Росс услышал тяжелое дыхание брата.

Красный свет заливал широкую площадку, похожую на гладиаторскую арену. Донай стоял, сжимая витой эфес, и смотрел на человека, с трудом поднимавшегося с колена. Белые одежды были покрыты алой кровью. Меч потянул руки на взмах. “Нет! Я не сделаю этого!” — хотел крикнуть Ви-Брук, но клинок сам ринулся в бой, и в следующее мгновение раздался глухой удар. Синий князь близко-близко увидел окровавленный мертвый лик Бер-Росса.

“Нет!!” — беззвучный вопль сковал пересохшие губы.

— Донай, проснись! Проснись!

Кокон кошмара лопнул.

Бледное обеспокоенное лицо, тревожный взгляд. Донай сморгнул мутную пелену. Оливул стоял над ним живой и здоровый.

— Слава создателю, я не убил тебя... — прошептал Синий князь, откинувшись на жесткий валик дивана.

— Все в порядке, Донай.

Бер-Росс отошел вглубь кают-компании и быстро вернулся со стаканом воды. Живительная влага коснулась горячих губ. Рассудок, блуждающий между сном и явью, вернулся в реальность, прогнав остатки видений.

— Что это было? — потрясенный до глубины души, Донай поднял глаза на брата.

— Обычный кошмарный сон, я полагаю.

— Обычный? Меч моими руками убил тебя в этом сне!

— Тише, тише. Пойдем-ка на палубу. Тебе необходим свежий воздух. И его тоже захвати с собой, — Оливул показал на Меч Смерти.

Ви-Брук вздрогнул.

— Ну нет! С меня довольно чертовщины!

— Твой страх дает ему власть. Возьми Меч. Ты должен командовать им, а не он тобой.

Донай повиновался. В последнее время он замечал, что как-то иначе стал чувствовать себя рядом с двоюродным братом. Состояние было непривычно и не поддавалось описанию. Но сейчас, поднимаясь вслед за Белым князем по крутой лестнице, он вдруг нашел слово, характеризующее это отношение — доверие.

Оливул закрыл люк и, приблизившись к орудийному стенду, остановился в пол-оборота к кузену. Молчание затянулось, и Донай хотел уже задать вопрос — “что мы делаем здесь?”, как вдруг Бер-Росс повернулся к нему с мечом в правой руке.

— Мы теряем форму, когда клинки ржавеют в ножнах, братец. А нам есть чему поучиться друг у друга. Защищайся!

Донай опешил. Он готов был и на взбучку, и на назидательную беседу, но такого демарша от Оливула никак не ожидал.

Выпад Синий князь парировал с излишней поспешностью и рефлекторно занял оборонительную позицию, хотя был уверен, что бой продолжения не получит. Но Бер-Росс шутить не собирался. Он вынудил брата отступить к самому краю площадки, и тому ничего не оставалось, как попытаться перейти в наступление. Его вялый выпад был незамедлительно отражен.

— Ты ведешь себя, как неопытный мальчишка, — бросил Оливул, переходя на середину палубы. — Еще раз!

Он вновь атаковал. Донай увернулся и крикнул:

— Зачем ты это делаешь?!

— Сражайся, или сложи оружие раз и навсегда!

Свистнул белый клинок. Ви-Брук отбил его, но на тыльной стороне кисти осталась саднящая боль. Он взглянул на свою руку. Темно-бардовая горячая кровь выступила из глубокой царапины и, собравшись в большую безвольную каплю, упала на пол. Донай опомнился. Нерешительность и страх померкли перед вспыхнувшим вдруг негодованием. Он расправил плечи. Оливул улыбнулся и сделал выпад. На сей раз партнер ловко парировал и провел контратаку. Поединок возобновился в новом качестве. Пассивность Синего князя сменилась буйным напором, и Бер-Россу стоило усилий избежать ловушки, не нанеся при этом брату случайной раны.

Закончилась тренировка без специальных соглашений.

— В атаке работаешь отлично, — подытожил Оливул, откладывая оружие в сторону, — но все-таки не забывай о защите.

Донай мрачно рассматривал Меч Смерти.

— Зачем ты заставил меня драться с тобой?

— Ты должен верить в то, что способен контролировать силу Стихии.

— Да? — Ви-Брук усмехнулся. — А я думал, тебе нравится выкручивать мне уши.

Он тут же пожалел о своих словах, но брат не обиделся.

— Когда-то давно у меня был учитель, — Белый князь присел на лафет вибрационной установки, взглядом пригласив Доная последовать примеру. — Он знал, что я — живой мертвец. Однажды после серии неудач, я сказал ему, что все равно я не жилец на этом свете и что учиться мне бессмысленно. Он промолчал, а утром вывел меня из пещеры, сам превратился в огромного орлана, впился когтями мне в плечи и поднял над скалами. Мне было ужасно больно, а когда он разжал лапы, и я полетел вниз с огромной высоты, я испытал такой страх, что врагу не пожелаю. Я кричал, пытался создать образ крыльев, но мне не хватило сил. Он поймал меня у самой земли и опустил на камни. “Ты жив до тех пор, пока борешься за жизнь, — сказал он мне. — Ты должен разбудить свою волю и не поддаваться предательскому желанию покоя”. Я был обижен и зол. Я не понимал, как он мог умышленно причинить мне боль. Он угадал мои мысли. “Иногда наука жестока. Так прими же страдание от тех, кто любит тебя и желает тебе добра. Тогда в душе твоей не поселится ненависть к людям”.

Они помолчали.

— А что было дальше? — тихо спросил Донай.

— Это уже не важно. Но мне очень жаль, что я однажды забыл урок моего учителя и чуть было не шагнул в могилу, прекратив борьбу за жизнь.

— Оливул, — Ви-Брук нашел в себе мужество посмотреть брату в глаза, — как получается, что ты всякий раз наделяешь меня силой? Всякий раз! Даже когда я, как дурак, кусаю дающую руку?

— Смерть уходит в Твердь, принимая ее форму. Она делает живое неживым, превращает органическую материю в частицы камня, земли, металла.

— Это означает, что нас с тобой избрали две самые близкие Стихии?

— Да, наверное.

— И так было задумано с самого начала?

— Не знаю, Донай. Я не знаю, кто и по какому принципу сделал нас избранныками Стихий Мироздания. Это похоже на тайную Игру, в которой нам отрядили роли...

Донай смотрел, как Белый князь идет к входному люку.

— Клянусь, — прошептал он, — что бы ни случилось, я буду следовать за тобой, я буду сражаться рядом плечом к плечу, я отдам за тебя жизнь, брат, — он обратил взор к своему мечу. — Ты слышал меня.

Сталь на мгновение полыхнула синим заревом — Смерть засвидетельствовала клятву Витязя.

➤11◀

Поздний обед за круглым столом в кают-компании напоминал тихую семейную трапезу. Разговор об Экзистедере не начинали: каждый старался временно забыть о волнующих проблемах. Данила с радостью последовал бы общему настроению, но впечатления минувшего дня укрепились в сознании настолько основательно, что справиться с ними оказалось непросто. Полет на драконьей спине, мрачный замок, странное серое существо, бывшее упырем и вдруг превращенное им, Данилой, в человека, неиссякаемая сила Стихии Жизни — все представлялось теперь ярким, близким к действительности видением.

Когда Каляда сказала, чего от него хотят, у Данилы вырвалось невольное — “но я не могу!” В тот момент он отчетливо вспомнил себя до службы в отряде сопровождения на спутнике Альционы. Он был хорошим, может быть даже отличным пилотом, честно выполнявшим свою работу, простым парнем, которому не исполнилось и тридцати, не избалованным везением, нетерпимым к подлости и несправедливости, резким на язык и уверенным в себе. И вдруг он — внемиренец, пилот Крылатого Волка, хранитель Стихии Жизни, и его просят наполнить жизнью затухающий Мир. Оливул попытался объяснить, как обращаться к Стихии, но у него не нашлось подходящих слов. Донай невесело усмехнулся и, опустив подбородок на руки, сложенные на эфесе Меча, опять задумался о своем. Серафима ожидающе молчала. Грег и Гор наперебой твердили об Экзистедере. А Данила силился понять, что же сейчас отделяет его от друзей. Он видел их рядом, он слышал их голоса, мог дотронуться до каждого, но тем не менее все пятеро оставались безмерно далеки. “Как в Игре, — мелькнуло у Гаюнара. — Пространство одно, а условия разные”. И тут его осенило. “Вера! Они верят в Силу Стихий, а я нет”.

То была спасительная мысль. Данила не рискнул бы сейчас описать свои ощущения, но отчетливо помнил молящий взор серого упыря и одобряющую улыбку Серафимы, когда взывал к Стихии. Желание сделать Мир красивым, радостным, живым, чтобы в холодный замок ворвались лучи солнца, чтобы тщедушный человечек обрел силу бытия, чтобы вдоль дороги поднялись травы, а в лесу расцвели цветы и запели птицы, чтобы люди этого Мира смогли вдохнуть сладостный аромат весенней природы. И Стихия Жизни последовала за мечтой Хранителя, облачая ее в реальные формы...

Беспокойное и требовательное “Гав!” вмиг развеяло мирные грезы. Данила от неожиданности чуть не уронил чашку, которую давно уже держал в руке. Артемиды стояла подле, глядя на хозяина черными немигающими глазами.

— Я их покормила, — предупредила Юлька, слегка оправдывающимся тоном.

Серафима вслушивалась в эхо свершенного из глубины корабля. Собака, заметив, что осталась непонятой, зарычала и, вцепившись в рукав Гаюнара зубами, настойчиво потянула его за собой.

“Аполлон в машинном отделении, — сообщил Пэр. — Боюсь, что-то случилось”.

С этими словами он взвился с места яркой зеленой стрелой и нырнул сквозь пол.

— Ничего не предпринимай один! — крикнула ему вслед Каляда, достигшая двери до того, как все остальные успели вскочить из-за стола.

Миновав техотсек, друзья вбежали в зал, где располагалась вся двигательная часть звездолета. Пэр летал кругами над контейнером, дверцу которого с грозным рыком царапал лапой Аполлон. Артемиды для порядка гавкнула еще раз и с чувством выполненного долга остановилась возле собрата.

Серафима сделала команде знак оставаться на месте, а сама внимательно осмотрела поверхность агрегата.

— Внешних изменений нет, — сказала она. — Данила, отведи собак. Грег-Гор, у нас есть схема этого узла коммуникаций?

— Очень приблизительная, — замялись близнецы, окинув взглядом лабиринт труб под низким потолком.

“Я уже был там, — Пэр показал пальцем на контейнер. — Обычный воздушный фильтр”.

— Псы не стали бы поднимать шум зазря, — Гаюнар, заставивший-таки своих подопечных сидеть у двери, подошел к друзьям.

С ним молча согласились.

— Вскроем? — предложил Донай, попробовав на прочность крышку.

“Внутри валяется какая-то стекляшка, — сообщил Пэр. — Может быть это часть очистительной системы, а может быть...”

— Ты хочешь сказать, что нарушена целостность защитного экрана? — быстро спросила капитан.

Призрак отрицательно замотал головой.

— Защитный экран некоторым не помеха, — вполголоса вставила Юлька, вспомнив почему-то тень без хозяина, замеченную утром.

Ее реплика осталась без внимания.

— Грег, Гор, временно перекройте этот блок, — распорядилась Серафима. — Оливул, проверь по тест-программе состояние коммуникаций. Юля, просмотри протоколы охранных систем за последние три часа. Донай, Данила, открывайте контейнер.

Когда крышку сняли, Каляда, опередив Гаюнара, осторожно извлекла из бокса небольшой кристалл в форме высокой шестигранной пирамиды и поднесла его к свету. Камень бледно-зеленого цвета казался прозрачным.

“Что это, капитан?” — Пэр, по-лебединому вытянув шею, заглядывал через ее плечо.

— Не прикасайся! — Серафима поспешно зажала предмет в руке. — В нем сокрыты космические силы, и я не могу пока сказать, добро или зло для нас они несут. Очевидно одно: камень попал на корабль извне.

Оливул, работавший на терминале станции бортового компьютера, пригласил друзей к монитору.

— Взгляните, вот возможный вариант появления кристалла в отстойнике, — он прочертил маркером “летучей мышью” линию на экране. — Сюда раньше вела воздушная шахта из шлюзовой кабины. Кабину демонтировали, скорее всего это сделал Александр, а шахта осталась.

“Я несколько раз наткался на глухой люк в палубе под стендом радара”, — подтвердил Пэр.

— Проверь, в каком состоянии люк сейчас, — обернулась к нему Серафима и на тревожный взгляд Данилы ответила. — Тот, кто принес сюда кристалл, давно исчез, не оставив даже сенсорного следа. Визоры, думаю, его тоже не засекли.

Зашуршал селектор.

— В протоколах системы охраны ничего нет, — доложила Юлька. — К кораблю не приближалось ни одно живое существо.

— Но эту штуку кто-то явно подбросил, — Грег кивнул на камень в ладони Каляды; Гор продолжил мысль брата: — и этот “кто-то” очень хорошо знает корабль.

— Пока оставим кристалл в лаборатории, — сказала капитан. — Сразу после старта я займусь его исследованием.

— А он не вздумает сыграть какую-нибудь развеселую шутку? — спросил Донай. — Взорваться, например, или десантировать отряд Кочевников?

Каляда покачала головой.

— Я склонна считать этот предмет посланием, — медленно ответила она. — Но пока мы не выясним истинное предназначение камня, я буду держать его под сенсорным контролем.

➤12<

Серая вуаль Надмирья блеклым пятном проплыла в черноте Структуры. Напоследок друзья заметили крошечную вспышку — след вставшего на Путь внемирнца. Так сбылась мечта Дымуса: он первый за многие поколения своего рода обрел силы и покинул Мир, некогда пленивший его семью.

Скорее после старта Серафима ушла в лабораторию. Ее слова — с кристаллом я буду заниматься одна — ни у кого не вызвали возражений. Данила, возмущенный до глубины души пассивностью Оливула, Грег-Гора и Доная, намеревался последовать за Калядой, но Белый князь остановил:

— Капитан просила не мешать. Поверь, Гаюнар, ей ничто не угрожает. Давайте лучше все вместе подумаем, как найти экзистора в очередной Игре.

Когда речь заходила об Экзистедере, Данила начинал чувствовать себя пятым колесом в телеге. После очередного варианта, предложенного Грег-Гором и хладнокровно отвергнутого Оливулом, он поднялся и молча пошел к выходу. Когда за пилотом сомкнулись двери, Пэр, посчитавший и свое присутствие бесполезным, полетел за другом, но Юлька как раз заговорила о тени, замеченной утром на лужайке, и призрак, вновь приняв человеческие формы, остался в кабине.

В кают-компании собаки, завидев хозяина, потрусили ему навстречу. Гаюнар приласкал питомцев и в раздумье подошел к иллюминатору, за которым нескончаемой вереницей текли Миры, связанные

густой сетью каналов. Между ними тонкими черными лентами вплетались Пути, и мерцали блики проходивших здесь когда-то внемиренцев. При мысли о том, что к плеяде людей, способных ощущать величественное безбрежие Структуры, с его, Гаюнара, помощью присоединился еще один, на душе стало теплее. “Я привык быть человеком, а теперь, когда мне пришлось выйти за границы стандартного существования, я просто потерял уверенность, — решил Данила. — Глупо гасить двигателя на взлете. Я еще летаю!”

Воодушевленный, он шагнул вперед, но тут споткнулся и едва не растянулся на полу. Выругавшись, он поднял за рукав темно-синюю куртку Доная, которую Аполлон, стянув с кресла, успешно использовал в качестве подстилки.

— Ты, черт косматый! Где твое место? — гаркнул на пса Гаюнар, и вдруг осекся.

Слева кресло и стол. Смятый костюм под ногами. Обстановка была слишком знакомой. Стрела времени пронеслась в сознании, и Данила вспомнил: в компьютерной комнате, когда Ви-Брук и Юлька пропали в потоке Игры, экзистор выбросился в окно, а миряне-охранники ломились в дверь, он точно так же споткнулся об одежду, оставшуюся на месте... где стоял второй игрок.

— Кочевник, — в замешательстве пробормотал Данила и, опомнившись, побежал в кабину управления.

Сообщение Гаюнара было лаконично и предельно ясно.

— А вот тебе и подтверждение, — Донай театрально повернулся к Бер-Россу, как бы продолжая прерванный разговор.

Тот неодобрительно глянул на кузена и пояснил Даниле:

— Мы предполагали, что Кочевники не только переносят экзорный поток, но и влияют на Игру, в частности, настраивают сюжет, как получилось с Дымиусом. Однако я считал, что их действия были вызваны чрезвычайными обстоятельствами — экзистор погиб, не определив преемника.

— Оливул, — Юлька нетерпеливо подскочила на диване, — а почему бы нам также не предположить, что Кочевники становятся партнерами каждого экзистора? Допустим, они опять нашептали сюжет кому-то в Игре вашего упыря, и теперь преспокойно разгуливают по портовому городку, куда мы направляемся, и подыскивают нового игрока.

— Жаль, Дымиус не запомнил внешность своих визитеров, — встали Грег и Гор. — А то бы и мы поохотились за “новым игроком”.

Данила мгновенно провернул в уме все “за” и “против” и, собравшись с духом, произнес:

— Я различаю Кочевников в Структуре, значит увижу их след и на человеке.

— Братцы, вот наш шанс! — подхватила Юлька.

— У меня гениальная идея, — вдруг объявил Синий князь. — Мы сами внедримся в Игру.

— Предварительно превратившись в Кочевников, — дружно усмехнулись близнецы. — Ничего не скажешь — гениально.

— А ты закрой свои рты и послушай, что старшие говорят, — отрезал Ви-Брук. — Оливул, Кочевники сначала сбили с толку близнецов ложным призывом о помощи, якобы исходящим от тебя, а потом атаковали твой Экзистедер в Белом Мире, верно? Значит некоторое сходство потоков присутствовало изначально. Так давай это использовать! Тема Игры просчитывается элементарно. Раз речь идет о космической баталии и о портовом городишке, значит без солдат дело не обойдется. Короче, ты накладываешь на меня соответствующий образ и в качестве персонажа вводишь в Игру. Экзистор меня заметит, тут сомнений нет, а я уж постараюсь окунуться в его спектакль по макушку. Дальше дело обстоит проще простого: через меня вы видите Игру изнутри, Гаюнар определяет Кочевника, и ходячая дырка приводит нас к кандидату в экзисторы. Как только тот берет на себя Экзистедер, я раскрываю карты и говорю с ним по душам.

В кабине повисла напряженная тишина. Грег и Гор хотели отпустить в адрес кузена еще одну колкость, но, заметив, как серьезен Белый князь, придержали шуточку при себе.

— Ты понимаешь, насколько это рискованно? — спросил Оливул.

— Понимаю. Но ты классный экзистор. Они моргнуть не успеют, как тыставишь меня в Игру.

— Для реализации этой затеи я должен буду построить Экзистедер.

— А какой смысл скрываться? Мы дважды почти что наступали на хвост Кочевникам.

— Ты не пойдешь туда один.

— Как скажешь!

Ви-Брук старался выглядеть невозмутимым, но ликование так и рвалось наружу.

— Я с тобой! — оживилась Юлька.

— Нет, — остановил Оливул, — мы будем играть: ты, Грег-Гор и я, — и обратился к Гаюнару. — Данила.

— Без проблем. Мы уже были напарниками, — Гаюнар кивнул на Доная, — почему бы не повторить?

— Это будет Игра, — мрачно напомнил Белый князь. — Ты должен стать ее частью.

— Я готов, Бер-Росс.

— Серафима! — Юлька первой заметила бесшумно вошедшую в кабину управления Каляду. — Есть конкретный план!

— Я слышала, — капитан приблизилась к инженерной линии, возле которой собралась команда, и устало присела на деактивированный блок. — План неплохой, но, друзья мои, мы опять забываем, что за нами стоят Семь Стихий. Не лучше ли использовать данную нам уникальную силу, вместо того, чтобы применять хорошо известные врагу методы?

— Стихии больше защита, чем оружие, — возразил Оливул. — Возможности их использовались в экстремальных условиях, и всегда под эгидой Экзистедера: Вода спрятала Юлию в Белом Мире, Смерть, Жизнь и Твердь показали себя в Мире Дымиуса, Пэр призвал Воздух опять же в области активной Игры. Воздействовать на земные отображения Стихий мы можем так или иначе, но экзистор легко нейтрализует последствия, как любое явление или предмет.

Каляда спорить не стала.

— Пусть так. Сколько времени остается до конечного пункта?

“Около часа, — сообщил Пэр и торопливо спросил. — Серафима, ты узнала что-нибудь про кристалл?”

Капитан нахмурилась.

— Я выяснила, что он не является ни посланием, ни средством транспортировки Кочевников, ни каким-либо оружием. Я бы назвала его “Мир на ладони”. Это своеобразный контейнер, в котором заключено иное пространство. Природу и характеристики его точно я пока не определила, однако, в силу обстоятельств зная особенности границ нашей Структуры, я предполагаю, что в кристалле заключено подобие заструктурного Нечто. Однако с какой целью друг или враг преподнес нам такой подарок, сказать не могу. Придется ждать появления новых деталей этого ребуса... Каковы наши дальнейшие действия, Оливул?

— Необходимо выбрать объект, на котором мы сконцентрируем экзорный потенциал. Экзистедер, другими словами, — ответил Белый князь. — Причем он должен быть хорошо знаком всем троим: Юлии, Грег-Гору и мне.

“Крылатый Волк! — воскликнул Пэр. — Только Крылатый Волк может стать таким объектом”.

Силу Созидания собрали на центральном терминале аналитической системы звездолета, и Юлька с Грег-Гором занялись “притиркой” своих потоков. Оливул понаблюдал за их тренировкой некоторое время, а потом подозвал Гаюнара, чтобы детально ввести его в курс предстоящей операции. Донай расхаживал по кабине, время от времени вставляя уместные и неуместные реплики. Увлеченные подготовкой Игры друзья не заметили, как минул предоставленный в их распоряжение час, и предупреждение капитана — внимание, входим в Надмирье — было воспринято в первый момент как разрубивший тишину резкий сигнал гонга.

Команда поспешно заняла свои места.

— Данила, ты видишь след Кочевников? — спросила Каляда.

Гаюнар сосредоточенно вглядывался в черную даль. Ему потребовалось несколько минут, прежде чем среди сполохов Надмирья он выделил мутную полосу угрожающей пустоты.

— Есть, — тихо сообщил он. — Пэр, принимай координаты... Пэр, вводи координаты!

Штурманский пульт оставался мертв.

— Пэр, — позвала Серафима, — ты нужен в кабине управления.

Никакого ответа.

Бер-Росс развернул свое кресло к центру зала.

— Капитан, датчики показывают, что Пэра нет на борту корабля.

Данила похолодел.

— Кристалл до сих пор в лаборатории? — сдавленным голосом спросил он.

Каляда встала и, не глядя на пульт, включила селектор.

— Юля, займи место пилота. Данила, идем.

Таинственный камень в простеньком штативе стоял на пустом столе, и никаких признаков Пэра поблизости не наблюдалось.

— Это единственное место, куда он мог провалиться без следа, — проговорил Данила, как замороженный, рассматривая матовую пирамидку.

Серафима быстро кивнула и, присев на табурет, осторожно придвинула к себе штатив. Пилот затаил дыхание: женщина-сенсор искала сознание его друга.

— Он внутри, — сказала она, наконец. — Позови его, Данила.

Пилот осторожно прикоснулся к камню.

— Пэр, ты слышишь меня? Вернись к нам, Пэр.

Он оглянулся на капитана, та знаком велела ему продолжать.

— Братишка, хватит валять дурака, просыпайся и вылезай. Я начинаю за тебя волноваться. Где ты? — Даниле показалось, что он каким-то образом коснулся друга; опасаясь потерять вдруг возникшую связь, он воскликнул: — Пэр! Ну же! Выбирайся оттуда, Пэр!

Над столом закрубился зеленоватый туман. Поменяв с десятка причудливых форм, он вдруг принял вид странной четырехногой конструкции.

— Пэр?

Гаюнар хотел дотронуться до друга, но Серафима предупредила.

— Подожди. Он не пришел в себя, но сознание его активно. Мы видим ассоциативные воспоминания.

Меж тем фигура, которую изобразил призрак, пришла в движение. Подобно крыльям птицы, над четырехножкой возникли и медленно поползли вверх две плоские поверхности. Второго взмаха, прочем, не последовало. Просуществовав всего несколько секунд “картинка” расплылась, и Пэр плавно опустился на пол. Данила приблизился к нему и внутренне вздрогнул: раньше ему приходилось додумывать портрет призрака, ибо черты того оставались размытыми и нечеткими, будто прикрытыми густой вуалью; теперь же линии бровей, скул, носа и губ стали настолько естественными, что, казалось, сними зеленую пленку и увидишь обычное человеческое лицо.

Гаюнар аккуратно отнес друга в кают-компанию и там положил на диван. Пэр очнулся спустя несколько минут, но еще долго не мог понять, где находится. Лишь ощутимый сенсорный укол Серафимы привел его в чувство окончательно.

“Я, кажется, что-то натворил?” — выговорил он, увидав рядом с собой встревоженных Серафиму и Данилу.

— Удивительная проницательность, — проворчал Гаюнар. — Зачем ты полез в кристалл?

— Там было нечто иное. Мне подумалось, я могу его понять”.

— Что ты ощущал? — спросила Каляда.

— О, кажется, я побывал в раю! — призрак принял сидячее положение в полуметре над диваном. — Полная свобода, чистая жизнь! Вы даже представить себе не можете, как она хороша! Я оставил все лишнее на оболочке кристалла и даже забыл, где я, пока Данька не позвал”.

— Хорошо, а что ты хотел сказать вот этим? — капитан показала графический набросок четырехногой конструкции.

— Я ничего не говорил, — Пэр удивленно уставился на рисунок. — Первый раз подобное вижу”.

— Ты же продемонстрировал форму этого агрегата, когда вылетел из камня, — вмешался Данила. — Еще и крылышками помахать хотел. Забыл?

— Честное слово, я понятия не имею, что это такое!”

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — Серафима продолжала испытующе смотреть на призрака.

— Великолепно! Мне кажется, кристалл как-то связан с Темными Мирами”.

— Почему? — насторожился Данила.

— Александр говорил, что нашел меня в Темных Мирах. А от кристалла веяло Родиной”.

— Пэр, — строго сказала Каляда, — ты вел себя крайне легкомысленно. Мы не знаем, что представляет собой камень, кто и с какой целью неизвестный доставил его на Волка. У нас много нераспознанных врагов. Внедряясь в кристалл, ты подвергал свою жизнь серьезной опасности.

— Да, капитан, — вздохнул призрак. — Я понимаю”.

Серафима еще раз смерила призрака внимательным взглядом.

— Пора входить в Мир. Ребята, займитесь курсом.

➤13◀

Катерок поднялся над доками и, заняв свободную трассу, лег на курс. Данила задал навигационной системе параметры полета в соответствии с установленными здесь требованиями и оглянулся на космопорт, где остался Крылатый Волк.

— Когда Оливул начнет Игру? — спросил он.

Донай, развалившийся на переднем сидении рядом с пилотом, усмехнулся.

— Игра идет во все лопатки. Они запустили Экзистедер, как только мы вылетели из ангара.

— Да? А почему я не чувствую никаких изменений? Я — это я, а не волонтер, который собрался устроиться на службу.

На сей раз Донай рассмеялся.

— Благодарю наших, что ты не чувствуешь себя волонтером. Иначе на тебе можно было бы уже поставить крест. От образа мало толку, он всего-навсего выполняет задумки экзистора, как бездарный актер. А наша с тобой задача, оставаясь самими собой, убедить остальных в том, что мы образы.

Сейчас Игру ведут братья, и ты фактически сидишь у бога за пазухой. Хуже придется потом, когда мы попадемся на глаза чужому экзистору. Поэтому тебе и было сказано: от меня ни на шаг.

— Так. Мастер нашелся! Помню я твои выступления на спутнике Альционы: в шкурке Рамзеса ты долго почему-то не протянул.

Ви-Брук сердито глянул на товарища.

— Катер води лучше, умник, и не путай подпругу с удилами. Живы будем, я тебе кое-что про Игру объясню, а пока давай не ссориться.

Он отвернулся к окну.

По спине Данилы прополз неприятный холодок. “Если будем живы”. И это сказал отчаянный, бесстрашный Донай! “Наверное, я чего-то не понимаю”, — признался про себя Гаюнар.

Диспетчер городской авиалинии предупредил, что машинам класса, к которому принадлежал челнок Крылатого Волка, не разрешено летать по городу. Данила чертыхнулся вполголоса и запросил координаты стоянки.

Пока друзья парковали аэромобиль, к нему приценились трое. Донай отогнал наиболее прилипчивого покупателя, принадлежащего к какой-то негуманоидной расе, и, поправляя непривычный защитный жилет, вернулся к Гаюнару.

— Проклятый городишко, — буркнул он. — Здесь продается и покупается все, и совесть в том числе!

— Обычная атмосфера космопорта. Привыкай. Волонтеров тут, кстати, тоже порядочно... Черт, у нас униформа разных подразделений. Куда там Юлька смотрит.

Комбинезон Данилы в ту же секунду приобрел синеватый оттенок, как и костюм Доная, а на рукавах появились сержантские нашивки.

— Так-то лучше, — он проверил, хорошо ли расстегивается кобура. — Пошли в город.

Шагая рядом с другом по оживленной улице, Данила старался определить, что из окружающего создано Игрой и нет ли поблизости следов Кочевников. Никаких признаков последних он не обнаружил, но разнообразие разумных жизненных форм и изощренные силуэты зданий заставляли думать, что весь космопорт и прилегающие к нему районы подчинены мысли экзистора.

— Эй, стой. Это по наши души, — Донай слегка встряхнул товарища за плечо.

Гаюнар поднял глаза. К ним направлялся военный патруль.

Ответив стандартным приветствием на вальяжный взмах офицера, Данила, ни слова ни говоря, протянул ему документы. Ви-Брук последовал его примеру. Офицер долго рассматривал жетоны, затем передал солдату, который отработанным движением вставил пластиковые диски в портативный компьютер. Динамик удовлетворенно пискнул. Данила не сомневался, что Оливул обеспечил восприятие подлинности документов, и, получив назад свой жетон, как ни в чем ни бывало собрался двигаться дальше, но вместо этого неожиданно для себя обратился к офицеру:

— Строго у вас стало. Что-то не припомню, когда последний раз так проверяли.

— Не всё вам на границах воевать, — ухмыльнулся тот. — В провинции тоже жарко бывает. Куда наниматься будете? Опять в десант?

— Уж точно, что не в охрану доков.

— Вот все так, — с горечью в голосе ответил офицер. — Думаете, у нас курорт? Столько швали собирается, не успеваем ловить! Состав таможи уменьшился в половину — кто в колумбарии, кто на протезах. А они, сволочи, валят и валят! Наркотики, взрывчатка, оружие, какое в кошмарах не снилось — и всё сюда, как из ящика пандоры. Работает одна спецгруппа — крутые ребята! Но их мало. Мало! — выплеснув наболевшее, он опомнился. — Резиденция коменданта на пятой линии. Счастливо.

Он козырнул и встал рядом с солдатом на площадку флаэра. Проводив патруль взглядом, Данила вытер рукавом вспотевший лоб.

— Это был образ?

— Угу, — Донай разглядывал крыши домов. — Где-то поблизости должен висеть “глаз экзистора”, точка, которая преломляет и сгущает поток. Не вижу. Значит, мы до сих пор в Игре Оливула. Но первый контакт прошел. Экзистор обратил на нас внимание.

— Я не хотел говорить с патрулем, — Гаюнар рассуждал вслух, — но заговорил, и своими словами. Значит, Оливул только заставил меня начать и глубже вмешиваться не стал?

— Конечно, ты же лучше знаешь обстановку, — отозвался Донай и после короткой паузы продолжил. — Наши говорят, что недалеко отсюда располагается целый квартал товарных складов, и сильная струя потока направлена сейчас именно туда. И вот там мы наверняка встретимся с главными героями.

Друзья полчаса блуждали по каким-то задворкам прежде, чем вышли к ограде складского комплекса. Даниле не пришлось ломать голову, как преодолеть защитное энергетическое поле, ибо стоило ему подумать о заграждении, откуда ни возьмись появились два совершенно одинаковых

летающих существа, отдаленно напоминающие морских скатов. Они внедрились в зону охранных лучей, образовав своими телами узкую арку, через которую лазутчики перебежали на запретную территорию. Вспыхнув фиолетовым пламенем, “скаты” растворились в тяжелом сернистом воздухе.

— Надеюсь, Грег-Гор предусмотрел, что любое прерывание в цепи фиксируется, — заметил Данила.

— Не сомневайся! Головы у парня шурупят в технике по высшему классу! — откликнулся Донай.

Над плоской крышей одного из строений взмыл и тут же нырнул вниз малогабаритный летательный аппарат.

— Держи ухо востро, — предупредил Синий князь, и пригнувшись побежал через пустырь к бетонной площадке.

Данилу удивило, что несмотря на дневное время и оживленную работу космопорта на складах не было ни обслуживающего персонала, ни роботов-транспортировщиков, ни охраны. Он шел за Ви-Бруком, с любопытством озираясь по сторонам и, в отличие от товарища, не испытывал ни малейшего беспокойства. Серые купола подземных боксов терялись в череде безликих двухэтажных корпусов, каблуки тяжелых военных ботинок мерно отбивали шаг по бетонным плитам, и все вокруг казалось естественным и само собой разумеющимся.

Вдруг обстановка разом изменилась. Данила обнаружил, что сидит на гладком металлическом полу, от стен льется бледный свет, а вокруг беспорядочно расставлены штабеля запакованных ящиков.

— Гаюнар! — раздалось сверху. — Эй, ты там цел?

Пилот недоуменно поднял голову. Донай выглядывал из открытого люка прямо над его головой.

— Чего еще?

— Тьфу, растяпа! — Ви-Брук нащупал ногой лестницу и стал спускаться. — Не заметил, как в колодец угодил? Оглядываюсь — а его нет, — он спрыгнул с середины всех ступеней и внимательно осматрел товарища. — Не побился?

Тот скроил пренебрежительную гримасу.

— Ты что, вчера родился? Нам анаболики по уши влили!

— Данила! — Донай схватил его за плечи и сильно встряхнул. — Куда тебя понесло? Какие анаболики?..

Гаюнар не отреагировал. Его взгляд приковало что-то позади приятеля. Тот начал оборачиваться, но пилот с возгласом “Берегись!” оттолкнул его под прикрытие громоздкой колонны контейнеров. В воздухе прожужжал снаряд, грохнул взрыв, и весь бункер наполнился клубами едкого дыма. Спустя секунду из глубины помещения раздалась ответные выстрелы. Данила выхватил из-за пояса мощный лазерный излучатель и в броске через пустующий проход пальнул по маячившему у стены существу. Последовал болезненный визг.

— Прикрой меня! — с этими словами он бросился вдогонку за стрелявшим.

Донай потянулся за кинжалом, спрятанным под бронежилетом, но отдернул руку, когда пальцы нащупали рукоять пистолета. Паника на мгновение затуманила рассудок — потока Оливула рядом больше не было. “Спокойно, — Донай стиснул зубы. — Я Синий князь Донай Ви-Брук, я Витязь Меча Смерти. Я следую Игре, но не подчиняюсь экзистору”. Он вынул пистолет, переключил зарядный блок в режим готовности и прислушался. В бункере стояла давящая тишина. Стараясь не производить никаких звуков, он выглянул из своего укрытия.

Снаряд оставил за собой гору испепеленных коробок и ящиков и врезался в стену, сделав на ней приличных размеров вмятину. Под образовавшимся мусором виднелись части какого-то разбитого аппарата. С оружием наготове Донай осторожно приблизился к обломкам. До слуха долетел едва различимый шорох. Защитный рефлекс сработал незамедлительно: Синий князь круто развернулся и нажал курок. Огненный ступок вырвался из дула и окатил пламенем низкорослого гуманоида, показавшегося из-за контейнеров.

— Посторонись! — крикнул кто-то рядом.

Качнулся штабель порожней тары. Донай отскочил. Перед ним с грохотом рухнули ящики. Баррикада возникла как нельзя вовремя, ибо вражеская сторона в следующую секунду открыла ответный огонь. Импульсные заряды гасли, натыкаясь на препятствие, но Ви-Брук счел благоразумным отползти подальше от прохода.

— Задели? — спросил тот же голос.

— Все в порядке, — ответил Синий князь, оборачиваясь.

Между образовавшимся завалом и стеной полулежал человек в боевых защитных латах, помятых и опаленных на плечах и груди. Рядом валялся покореженный шлем.

— Чуть не попался, — пояснил он и показал на остатки машины. — Подловили, сволочи. Думал, их немного, и пошел без напарника. Спасибо, что выручил.

— Я не один. Мой товарищ здесь поблизости. Кто тебя атаковал?

— Контрабандисты. Мы эту банду давно выслеживали. Почти с поличным взяли, и вот неудача!

Донай сделал вид, что изучает обстановку, а сам постарался согнать с лица ликующее выражение. Все шло точь-в-точь как и было рассчитано.

— Что-то они притихли, — забеспокоился полицейский.

— Ретировались? — предположил Синий князь.

— Как же! Плохо ты их знаешь!

— Ты ранен? — Ви-Брук заметил, что молодой человек неловко подволакивает ногу.

— Пустяки. С “летника” свалился. Дьявол! Вон они!

Четыре головореза пробирались гуськом по узкой балке на трехметровой высоте над полом, и, таким образом, имели великолепную возможность превратить всех, кто находился внизу, в обугленные головешки. Трагедия представлялась неотвратимой, однако Донай был абсолютно уверен, что она не состоится. Он даже не преминул отметить про себя появление новой детали обстановки — растянутой сети арматуры, которой воспользовались бандиты для своего маневра.

Миг длился несколько секунд, и сцену неожиданно оживил клекот лазерного излучателя: Данила стоял во весь рост на противоположном карнизе и методично расстреливал гуманоидов. Ви-Брук под занавес выдал несколько выстрелов скорее для проформы, поскольку в его участии необходимости уже не было.

Убедившись, что с бандой покончено, Гаюнар спрыгнул вниз.

— В воротах еще три трупа, — сообщил он, убирая оружие в кобуру, и смерил неодобрительным взглядом раненого. — Это ты из спецотряда? Крутой, нечего сказать — один против десятка! Если вы все работаете так безголово, то понятно, почему ваш личный состав квартирует в крематории.

Молодой человек заскрипел зубами, но ничего не ответил и стал медленно подниматься на ноги. Донай помог ему.

— Можно подумать, ты не ошибаешься, — укоризненно кинул он другу.

— Солдат ошибается только раз: первый и последний, — отчеканил Данила и безапелляционно заявил. — Что касается меня, я работу выбрал.

— Я тоже, — не раздумывая, ответил Ви-Брук.

— Отлично, — Гаюнар другого и не ожидал. — Эй, супермен, где найти вашего командира?

Полицейскому тон нового знакомого явно не понравился. Он собирался ответить в той же манере, но в это время в помещение склада сквозь открывшуюся дверь ворвался холодный ветер, а вместе с ним три летательные машины, на каждой из которых сидел человек в доспехах спецгруппы и в шлеме с закрытым забралом.

“Всадники” опустились на свободное от разбросанных ящиков место рядом с людьми.

— Какого черта ты тут застрял, Гарсий? — не поднимая наличника, крикнул лидер прибывшей тройки. — Мы облазили все доки, пока тебя разыскивали. Кто эти двое?

— Ангелы-хранители, — встрял Данила и, шагнув к командиру спецотряда, по-военному отсалютовал. — Сержант Гаюнар из вольнонаемного подразделения.

Донай решил не деликатничать и браво встал рядом с другом.

— Капрал Брук.

— А-а, волонтеры, — несколько рассеянно проговорил полицейский, будто решая, что же с ними делать дальше. — Патруль? Охрана?

— Группа захвата, — с удовольствием объявил Данила. — Имели счастье познакомиться с вашей работенкой. Вам нужны парни вроде нас.

Синий князь браво кивнул. Он старался как можно естественнее вписаться в разворачивающийся сюжет, хотя давно понял: на фоне Данилы в роли боевика выглядит бледно. Воспользовавшись тем, что его персона особого интереса не вызвала, он стал внимательнее следить за поведением персонажей. Командир группы продолжал разговор с “сержантом-волонтером”, Гарсий и второй полицейский доставали из-под ящиков поврежденную машину, третий поднял свой минифлаеэр вверх и, осторожно лавируя среди бессмысленного нагромождения арматуры, разглядывал тела контрабандистов, нескладно свисавшие со швеллерных балок и грязных коленчатых труб.

Обстановка оставалась инертной, но Ви-Брук тем не менее явственно чувствовал на себе жесткий взгляд. “Еще немного, и меня заподозрят, — решил он, тщетно выискивая глазами точку преломления потока. — А Гаюнар, похоже, влип. Он не играет, он уже живет в Игре. Где же этот проклятый экзистор?” Ответ пришел неожиданно из глубины, казалось, собственного сознания. Донай даже в первый момент не сообразил, что с ним говорит Оливул. “Игра слишком сильна, ее корректируют изнутри. Экзистор рядом с тобой. У нас проблемы, я отдаю тебе потенциал. Держись, Донай, надежда на тебя. Мы теряем контакт”.

Мысль брата растаяла. Синий князь встрепенулся и, сморгнув, посмотрел вокруг. Подземный бункер — портовый склад. Светящиеся матовым светом закрытые фонари, гора коробок, белесая пыль, вьющаяся в воздухе. Данила развязано разговаривает с женщиной в защитной форме офицера

полиции. Реальная, без тени экзорной вуали картина просуществовала всего миг, и вот — просторное складское помещение, открытые входные ворота, за которыми видна пустая погрузочная площадка; большое пятно желтоватой крови на одном из ящиков; командир оперативной полицейской группы из-за зеркального стекла шлема рассматривает лихого наемника.

— Ты не передумал, Брук? — Данила повернулся к товарищу.

Донай вспомнил, что речь идет о поступлении на службу.

— Никак нет!

— В таком случае, добро пожаловать на войну, — усмехнулся старший полицейский. — Садитесь на “летники”. Гарсий, валяй сюда. Этот хлам никто чинить не собирается.

Молодой человек пнул ногой остатки своей машины и направился к командиру. Данила вскочил на запятки минифлаэра, который пилотировал другой полицейский, а Ви-Брук, дождавшись, когда опустится третий, встал позади него. “Летники” поднялись в воздух и, выполнив крутой вираж, устремились в открытую дверь. Разбуженный их взлетом ветер прокатился по полу и разметал в разные стороны белые хлопья. Донай обернувшись смотрел на мнимый снегопад, пока распахнутые ворота склада не остались далеко позади.

➤14◀

Серафима, прохаживаясь по причалу в сопровождении собак, опять и опять невольно возвращалась взглядом к Крылатому Волку. Микромир, созданный Великим и облаченный в форму космического корабля, накапливал Силу Созидания и воплощал в материю образы, генерируемые Оливулом, Грег-Гором и Юлькой. Другими словами, выступал сейчас в роли Экзистедера.

Волк притягивал внимание, будто предлагал Каляде углубиться в свою сущность. Необъятное, грандиозное, полное загадок пространство за приоткрытой дверью. Оно манило, звало, умоляло. Нечто, подобное Космосу, скрывалось внутри гигантского металлического зверя, чье сердце билось в унисон с мощными генераторами, чей мозг сроднился с центральным аналитическим процессором, а нервы в виде изощренной компьютерной сети расплзлись по телу, обвитому тонким слоем защитного экрана.

Что ты? Кто ты? — вопрос толкал рассудок к действию, и Серафима приготовилась раскрыться для ментального контакта. Вдруг громко залаяли собаки. Она вздрогнула. Загадочный зверь пропал, вместо него остался привычный взгляду звездолет на длинных, похожих на волчьи лапы, шасси.

— Аполлон, Артемида, — Серафима подозвала животных.

Оба как ни в чем не бывало подбежали к ней, весело виляя хвостами. Посредник расширила зрительный диапазон до восприятия подсознательных процессов. Над собаками ярче, чем всегда, сияла радуга Стихии Жизни, однако следов беспокойства в сознании животных она не заметила. Придержав псов за ошейники, Каляда вновь обратила взор к Крылатому Волку, однако странное видение, которое спугнули Аполлон и Артемида, более не повторялось.

Когда подъемник доставил капитана на палубу, Пэр, разлившийся блеклым пятном над смотровой площадкой, выделил из зеленоватого тумана голову и нетерпеливо спросил:

“Ну что там?”

— Кочевников поблизости нет, — Каляда приоткрыла входной люк и пропустила собак. — Возвращаясь в кабину.

Призрак переформировал контуры, собрал половину себя в человеческий вид и, сопровождаемый рассеянными фрагментами собственного тела, полетел к лестнице.

— Почему ты не проникаешь сквозь борт, как обычно? — поинтересовалась Серафима.

“Корабль пропитан Силой Созидания. Она делает его плотным для меня. Я едва лоб не разбил, когда выбирался на палубу”, — ответил он и потек в тамбур.

Каляда нахмурилась. Безусловно существовала связь между неожиданной проблемой Пэра и визуальным превращением звездолета в фантастического зверя. Вновь в висках застучал вопрос — что ты, Крылатый Волк? Теперь Серафима твердо решила не отступать от своего намерения. Быстро сбежав вниз по лестнице, она остановилась перед стеной вспомогательного отсека, опустила на нее руку и, открыв сознание для неведомых человеку токов, углубилась мыслью в существо звездолета.

Закружился хоровод нераспознанных образов. Посредник не воспринимал Силу Созидания, так устроена была его природа, а внемиренец-Посредник не мог декодировать то, что улавливал мозг. Серафима, впрочем, не стремилась найти и рассмотреть экзорный поток, которым управляли друзья. Она искала что-либо, присущее исключительно Крылатому Волку. И это появилось. Огромное, как океанская волна, не похожее ни на один энергетический рисунок сущности, абсолютно незнакомое чувствам, оно выросло перед сенсором, заставив в ужасе отпрянуть.

Справившись с секундным замешательством, Серафима еще долго стояла перед пустой стеной. Человек не выдержал контакта с исполинской силой, но в запасе оставался последний ход. Убедившись, что поблизости никого нет, Каляда быстро сняла куртку и расстегнула гладкую черную безрукавку. На груди приподнялись роговые пластины, и три пары щупальцев потянулись к стене. Однажды Посредник обнаружила таким способом послание Великого, спрятанное в аналитической системе корабля, и теперь Волк готов был возобновить отложенный разговор.

Пугающая человека мощь вновь появилась рядом. Посредник узнал недопускающий отказа ментальный напор — Великий вызывал репликанта...

Из прошлого, из будущего и настоящего, через пространство, время или сквозь Нечто, присутствующее за границами Структуры, Посредник услышал: “Кочевники идут. Их тысячи. Они — болезнь. Зеркало Судьбы приведет на Путь, и Сила Семи Стихий в Крылатом Волке уничтожит носитель зла. Торопитесь. Торопитесь...” Из черной мглы всплыл горящий контур четырехножника. Поднялись и замерли два гигантских крыла. Над ними возник блестящий раскачивающийся диск. По мере того, как нарастала амплитуда его колебаний, пространство между крыльями и вершиной маятника наполнялось интенсивным зеленым светом...

“Серафима! Серафима, где ты?.. О, мой бог!”

Контакт разорвался. Каляда запоздало вспомнила, что не набросила на себя сенсорный код невидимости, и, таким образом, Пэр невольно узрел исконный облик капитана.

Щупальца бесшумно скользнули под нагрудный панцирь. Серафима быстро застегнула одежду.

— Пэр, — начала она.

Призрак качался в воздухе, будто не мог оторваться от пола. На его лице, очерченном густо-зеленым, переходящим в синий, контуром застыло выражение полного замешательства.

“Скажи, что мне это показалось”, — выдавил он из себя мысленный сигнал.

Каляда вздохнула.

— Извини, мой друг. Лгать бессмысленно. Я — Посредник.

“Да... Да-да... — Пэр собрался с мыслями и, вспомнив, зачем искал капитана, поспешно выпалил. — Они Данилу потеряли!”

— Что?

“Они потеряли образ, и он полностью подчинился основному экзистору. Так Оливул сказал”.

Каляда быстро пошла в кабину, где был организован управляющий пульт Экзистедера.

Последние полчаса Игры проходили при постоянном сопротивлении фону чужого Экзистедера. В какой-то момент струя экзорного потока отклонилась от заданной цели так резко, что даже Бер-Росс на мгновение выпустил ее из-под контроля, и было не удивительно, что Юлька, игравшая всерьез впервые, безвозвратно потеряла мизансцену. Грег-Гор удержался, но границы ведомой им зоны сузились, вплотную приблизились к участку Оливула, и Игра осталась активной только над Донаем.

— Экзистедер не подчиняется нам, — сообщила Юлька, едва только перед Калядой разъехались двери. — Большая часть нашей энергии просто пропадает!

— Как будто остается в пределах Волка, — уточнил Белый князь. — Данила ушел из-под потока. Еще немного, я потеряю и Доная.

В памяти Серафимы полыхнули слова Великого. Она успела подумать, что Волк еще не готов к битве с Кочевниками, поскольку он не встал на тот единственный Путь, который должно открыть перед ним таинственное Зеркало Судьбы. Но эту мысль вышибла другая: как неодушевленный объект может сознательно копить потенциал экзорной Силы, если изначально он не был Экзистедером?.. Чувство открывшейся истины, тщательно скрываемой неким недоступным Разумом, породило в душе человека страх. Серафиме потребовалась вся ее воля, чтобы довести силлогизм до конца: “Крылатый Волк сотворен Силой Созидания Великого с единственной целью: погубить Кочевников. Однако, во времена его рождения оживление Первой Игры не угрожало Структуре. Следовательно, Великий оставил среди Миров спящий Экзистедер, и теперь нашими руками решил внести некое изменение в Судьбу”.

— Оливул, ты можешь передать Игру Донаю? — быстро спросила Каляда.

— Бросить Экзистедер?

— Да. И немедленно, — Каляда явственно ощутила приближение опасности.

Грег и Гор привстали в креслах.

— Донай не справится с образом, когда вокруг чужое поле! Мы знаем, мы однажды побывали на краю гибели!

— Параметры потока меняются! — перебила Юлька, не перестававшая следить за мониторами.

“Эй-эй! Кто додумался включить подъем крыльев?” — испуганно взметнулся к потолку призрак.

Четырехножник. Крылья.

Лицо Каляды каменело. Этот силуэт показал в беспамятстве Пэр, вернувшись из кристалла, то же видела она сама, когда Великий говорил о Кочевниках. Вывод был неоспоримым: таким представляется Крылатый Волк, вступающий в свою основную роль чистильщика Структуры.

— Грег-Гор, уходи из Игры, — скрепя сердце, произнес Белый князь. — Я передаю потенциал Донаю.

Тяжелое молчание продолжалось несколько долгих минут. Друзья ждали, следя за показаниями бортовых систем. Подъем крыльев прекратился, а когда Оливул, откинувшись на спинку кресла, тихо объявил о завершении Игры, распределение энергии звездолета вернулось в обычный режим.

“Что же теперь, капитан?” — Пэр с надеждой смотрел на Каляду.

— Оливул, сколько времени Донай сможет держать локальный экзорный поток? — Серафима окинула взглядом замершие мониторы.

— Недолго, — мрачно отозвался Бер-Росс. — В чем была причина... катастрофы?

— Крылатый Волк — Экзистедер Великого. Его цель — уничтожение Кочевников. И он приступил к осуществлению этой цели, как только почувствовал в себе силу Стихий.

— Тогда почему мы прервали Игру?! — воскликнула Юлька.

— Потому что, во-первых, с нами нет Смерти и Жизни, во-вторых, Волк, следуя инстинкту, игнорировал основное условие, поставленное Великим — Путь на настоящее поле боя указывает только Зеркало Судьбы. А в-третьих, — Серафима хотела высказать свои соображения по поводу рождения корабля, но передумав скомкала начатую фразу. — Впрочем, достаточно.

“А как же Данила и Донай?” — робко спросил призрак.

— Я верну их, — сказала Каляда и, остановив взмахом руки вскочивших близнецов, добавила. — Одна.

— Серафима, — Оливул жестко смотрел на капитана, — Донай и Данила в Игре. Возможно, они уже не такие, как мы их знаем. Возможно, им угрожает смертельная опасность. Условия Великого — ничто по сравнению с жизнью тех, кого мы любим. Пусть Волк сжирает Кочевников как ему заблагорассудится, но если это спасет наших братьев, мы обязаны воспользоваться шансом!

Каляда медленно прошла по кабине и остановилась перед Белым князем. Он старался притушить эмоции, но в синих глазах, обычно источающих каменное спокойствие, среди феерии противоречивых чувств металась мысль: “Я доверился тебе и безоговорочно выполнил приказ, а ты изначально неверно распределила ценности”.

— Великий отважился вручить Экзистедеру способность к осмыслению поставленной задачи, оставив вне сферы его понимания оценку избираемых средств, — негромко заговорила Серафима. — Сегодня Волк попытался сделать своим орудием Космос. Являясь основой любой Игры, Космос способен созидать, но ворвавшись в живой Мир, неуправляемый, он превращается в неукротимого разрушителя. И воля Экзистедера не способна его контролировать, как ничто сотворенное во вне не способно управлять естеством существующего. Если бы мы позволили Волку начать сражение прямо сейчас, мы возложили бы на жертвенный алтарь его априорной ненависти к Кочевникам и этот Мир, и жизни людей, и свои жизни, и, возможно, существование его самого. Вот почему Великий сказал, что решающая битва должна произойти на единственном определенном Пути.

Белый князь склонил голову.

— Да. Ты права.

➤15◀

Город, улицы, закоулки, люди, существа, твари — все мелькало перед Донаем, как компьютерный фильм. Он чувствовал рядом с собой ядро экзорного потока, переданное Оливулом, но воспользоваться им опасался, так как был уверен, что полицейский, позади которого он пристроился, не что иное как активный образ или еще того хуже — образ, замещенный Кочевником. Донай начал подумывать о скорейшем отступлении. Смешать участок Игры и исчезнуть на несколько минут из поля зрения экзистора он мог, но проблемой в таком случае оставался Данила, безоговорочно вошедший в роль. Ви-Брук трезво оценивал свои силы: шансов разрушить образ над другом у него не было. Хотя при условии, если Гаюнар будет без сознания, план мог претендовать на успех. Пока он прикидывал, как реализовать эту идею, путешествие над городскими кварталами закончилось, и машина полицейского, которого изображала женщина, опустилась на консольную посадочную площадку одного из поднебесных этажей.

— Наша база, — обернувшись через плечо, пояснил Донаю его провожатый.

Данила грубо, подставив бывалому вояке, пошутил на тему штабных помещений и зашагал за командиром группы по узкому коридору, уводившему вглубь здания. Донай замешкался, намереваясь пропустить вперед оставшихся на площадке полицейских и завладеть транспортным средством, но те вежливо пригласили его пройти первым.

Стены и двери подозрительно мерцали перед глазами, из чего Ви-Брук заключил, что весь этаж, или даже здание в целом, закрыты тщательно продуманным образом. “Что-то Оливул говорил о коррекции Игры изнутри, — вспомнил Синий князь. — Немыслимо одному экзистору удерживать столько деталей... Вот бестия! — он врезался плечом в невидимый угол. — Я еще в седле. Не волнуйся, брат, я не подведу тебя”. Он знал, что ни Оливул, ни кто-либо из друзей не услышит его, но вопреки здравому смыслу уверенность в себе крепла по мере того, как он углублялся в ловушку.

За дверью, которую распахнул старший из отряда, оказалась обширная комната с удивительно низким для ее ширины потолком. Красноватый, похожий на пламя свечей свет лился от небольшого фонаря на добротном деревянном столе, вокруг которого стояло несколько таких же массивных стульев. Вообще, обстановка напоминала деревенскую избу и совершенно не соответствовала бешеному ритму жизни, протекающей снаружи. Донай и Данила остановились на пороге, с любопытством разглядывая штаб специальной группы по борьбе с контрабандой. Синий князь не сомневался, что друг видит помещение иначе, поэтому решил не обсуждать с ним положение дел.

Женщина непринужденно сняла шлем и, бросив его на длинную низкую скамью у стены, направилась в дальнюю часть комнаты, куда не дотягивались лучи света. Гаюнар, для которого темноты, похоже, не существовало, подпихнул товарища в спину и шепнул.

— Взбодрись, мы нашли работу!

И двинулся за полицейскими.

Гулкие шаги в потемках. Донай вздрогнул. Он стоял перед мощным широколицым человеком, полностью оккупировавшим высокое простое кресло. Позади него в раме, предназначенной для обзорного экрана, висела самодельная карта города, пестрящая красными пометками. На краю стола чуть поодаль сидела женщина, казавшаяся несмотря на излишнюю грузность удивительно грациозной. Тут же находились трое мужчин. В одном из них Ви-Брук узнал чернявого молодца, чей летательный аппарат расстреляли бандиты. Двое других сейчас, без защитных шлемов, выглядели совершенно обычными ничем не приметными людьми средних лет.

— Расслабьтесь, ребята! Теперь вы в нашей команде, — весело сообщил тучный человек, поднимаясь из кресла.

Синий князь силен был вспомнить, что же было здесь несколько минут назад, но кроме отрывочных, как искры, звуков и движений не обнаружил в своей памяти ничего. Рубашка под мундиром прилипла к спине от пробившего вмиг холодного пота. Он только что был в чужой Игре, то есть потенциал Оливула неумолимо терял силу.

“Смерть. Смерть!” — не до конца отдавая себе отчет, что делает, мысленно позвал Ви-Брук. Опомнившись, он быстро оглянулся. Никаких видимых изменений призыв к Стихии не породил. А действие шло своим чередом: новичков приглашали к щедро собранному столу, где между тарелок, стаканов и банок гордо высились две бутылки. Тут Донай осенило.

Обед, за которым собралась дружная команда, располагал к шуткам и непринужденным разговорам. В этой шумной компании каждому нашлось место. Сражение с контрабандистами было забыто, и Ви-Бруку начало казаться, что не существует ни Игры, ни экзистора, ни покореженного Мира с его опасностями и тайнами. Потребовалось немало усилий, чтобы сосредоточиться на собственном “я”, заволакиваемом дымом несуществующих свечей и оглушенном разноголосием ничего не значащей болтовни.

Убедившись, что экзорную пленку удалось рассеять, Донай еще раз провернул в памяти выработанный план и покосился на только что откупоренную бутылку. Пора. Он осторожно раскрыл потенциал врученных ему Сил Созидания. Направленная Игра захватила цель. Жидкость вспенилась, но за темным пластиком сосуда движение осталось незамеченным. Образ укрепился. Ничего не подозревая, парень с непривычным именем Гарсий стал наполнять опустевшие стаканы.

— Выпьем за Время, которое с нами! — провозгласил командир полицейского отряда. — И за то, что в этом Времени мы едины.

Донай поднес свой стакан к губам. Если не пить вместе со всеми, это привлечет внимание. Он залпом осушил сосуд.

То была старая злая шутка, которую он не менее десятка раз подстраивал приятелям и на которую, бывало, попадался сам. Как и подобает, в глазах слегка помутилось. “Смерть, вечный мой товарищ, не подведи, — подумал Синий князь. — Забери мои чувства, остуди рассудок”. Что-то холодное коснулось затылка. Ви-Брук улыбнулся, а подняв глаза, встретил взгляд молодого мужчины, наблюдавшего за ним с другого конца стола. Над экзорной вуалью прозвучал его вопрос, обращенный к командиру.

— Разве это они?

Разговор, начавшийся было вне Игры, прервал Данила. Он встал, высоко подняв кубок, и произнес какой-то тост. Ви-Брук не вслушивался в смысл сбивчивых слов, лишь следил за движениями друга. “Интересно, сколько ему надо, чтобы свалиться?” — мелькнула озорная мысль.

Гаюнар качнулся и неуклюже хлопнулся на табурет, не очень понимая, почему ноги отказались держать его в вертикальном положении. Донай затаившись наблюдал за остальными, однако никто из пяти членов полицейской группы на коварное снадобье не реагировал. Хотя среди внемиренцев трюк с превращением безобидного вина в дурманный настой всегда давал однозначный результат.

Раздался глухой удар: Данила ткнулся головой в покрытый скатертью стол. “Быстро сработало”, — подумал Ви-Брук прежде, чем люди, заметив состояние их нового товарища, вскочили с мест. Дальнейшие действия Донай не планировал, считая, что парадокс — самый лучший помощник в сложной ситуации, и все же подтвердить свой метод на практике не успел.

Стены комнаты лопнули, хлынул неестественно яркий свет, и возникли четыре темные фигуры, закутанные в плащи. Пришельцы, не произведя ни звука, двинулись на полицейских. Командир выкрикнул что-то и бросился к карте города. Ему наперерез ринулся один из тенеобразных. Мгновение спустя они столкнулись, над картой поднялось алое облако, и заключенная в ней Сила Созидания вырвалась на свободу. Сгустки красок фейерверком разметались по комнате. Чернявый полицейский, попав в круговерт извергнутой Игры, взмахнул руками и повалился на пол, как мертвый.

Донай посчитал своим долгом принять в разгроме посильное участие и направил весь оставшийся потенциал в эпицентр рассыпающегося Экзистедера. Дождаться результатов он не стал и, взвалив Гаюнара на плечо, бросился вон из смятого мира.

➤16◀

Каляда в сопровождении Пэра и Юльки вышла на открытую палубу и остановилась перед площадкой лифта. Волосы на ее голове покрылись смолянистой коркой, готовые превратиться в мощный естественный шлем. Действия женщины-Посредника Юльку несколько шокировали, и она осторожно покосилась на Пэра. Тот сохранял спокойствие, из чего девушка заключила, что призрак посвящен в тайну Серафимы.

— Капитан! — окликнул Оливул из тамбура и быстро взбежал по лестнице на смотровую площадку. — Капитан, мы обнаружили еще один резидентный поток.

— Где? — Каляда прекратила метаморфозу.

— Здесь, сейчас. Кто-то работает по нашему методу. И еще: все параметры полностью совпадают с характеристиками Игры, которая велась на Мире Дымиуса.

“Но ведь Данила видел гибель экзистора! — удивился Пэр. — А его товарищ оказался Кочевником и рассыпался на месте”.

— Всё верно. Как и то, что потоки идентичны, — повторил Белый князь и ожидающе посмотрел на Каляду. — Твои планы остаются в силе?

Серафима окинула взглядом небо.

— Нет. Разыскивать наш десант уже не имеет смысла, — и поспешила пояснить, заметив, как заволновались друзья. — Они возвращаются. Видите флаэр?

Скоро Оливул, Юлька и Пэр заметили над доками челнок Крылатого Волка. Он медленно летел по весьма замысловатой траектории. Достигнув причала, флаэр завис над площадкой, покачался в воздухе и резко сбросил высоту.

“Что он делает?” — ахнул Пэр и метнулся навстречу, но Юлька вовремя ухватила его за отставшие части облачного тела.

— Стой! Ты не должен удаляться от корабля!

Грег и Гор, обнаружившие приближение катера с помощью бортовых маяков, друг за другом выскочили на палубу.

Машина на минимальной скорости подползла к Волку, подергалась на месте и замерла.

“Почему за управлением Донай? — не на шутку испугался Пэр. — Где Данила? Я не вижу его!”

Грег, Гор, Оливул и Юлька встали в лифт. Пока они спускались, Ви-Брук вылез из аэромобиля и, опершись о его борт, остался ждать, когда к нему подоспеют друзья.

— Донай, что с тобой? — Белый князь первым подбежал к брату. — Где Гаюнар?

— П-придержи лошадей. У нас никаких проб-блем, — заплетающимся языком заверил тот.

— Донай! — Оливул развернул его к себе лицом.

— Сп-койно, — Ви-Брук стряхнул со своего плеча руку Бер-Росса. — Я в полном п-рядке. А вон тот слабак нуждается в хоро-ошей промывке мозгов.

Он неопределенно мотнул головой, предполагая, что показывает на товарища. Близнецы тем временем вытаскивали Гаюнара из кабины флаэра. Юлька в нерешительности стояла неподалеку, оглядываясь то на брата, то на Данилу. И если Ви-Брук еще как-то держался на ногах, то пилот был абсолютно невменяем и лишь изредка издавал невнятное мычание.

— Что ты сотворил? Почему он в таком состоянии? — в голосе Оливула прозвучали металлические нотки. — Донай, посмотри на меня!

Синий князь нехотя поднял на кузена мутные глаза.

— Да что ты взбе-беленился, право-слово! Ну подкрепил вино образом. Это ж не смертельно, — выговорил он.

— Иди в корабль, — сухо сказал Белый князь. — И постарайся привести себя в божеский вид.

Донай пожал плечами и пошатываясь направился к лифту. Юлька, отказываясь принимать очевидное, вполголоса обратилась к другу.

— Что с ними? Они до сих пор в чужой Игре?

— Нет, — отозвался Оливул, проследив, как Грег и Гор подняли Гаюнара на палубу, где ждали Каляда и Пэр. — Они всего лишь пьяны.

— Ты думаешь, я это ради разв-вращения затеял?! — обиженно крикнул Донай, услышав комментарии брата.

Бер-Росс вздохнул, а Юлька поспешила разрядить обстановку.

— Я флаэр в ангар загоню, — затараторила она. — С ними ведь все будет хорошо, правда?

— Конечно, — мягко улыбнулся Белый князь.

Кое-как припарковав машину, Юлька опрометью кинулась в кают-компанию. Бер-Росс стоял возле огромного, во всю стену, иллюминатора и в своих неизменно белых одеждах напоминал грозного призрака.

— Оливул, — тихонько позвала девушка и, робко обняв друга, спрятала лицо на его плече. — Знаешь, я ожидала чего угодно. Они могли явиться побитые, раненые, на худой конец. Но такое!

— Похоже, они выбрались только благодаря находчивости Доная, — медленно, будто размышляя вслух, ответил Белый князь. — Наша авантюра была бестолковой с самого начала! И какой бес дернул меня на эту Игру!

В дверях появился Ви-Брук. Душ явно пошел ему на пользу: вытирая на ходу длинные мокрые волосы, он продефилировал через ползала значительно увереннее, чем десять минут назад на причале.

— Оросительная форма твоей Стихии, Юлька, порядком отрезвляет, — он плюхнулся на диван и, прищурясь, посмотрел на приблизившуюся сестру. — Хотя я до сих пор вижу две твои мордашки. Точь-в-точь как у нашего двуглавого... Ну что, Бер-князь, вопросы есть?

Оливул присел на край низкого столика перед братом.

— Ты должен выспаться. В таком состоянии пользы от тебя не будет.

Донай нахмурился.

— Минус два — слишком много для нашей семерки. Правда, соображаю я туго, — признался он. — Но время терять нельзя. Внутри Игры работал Экзистедер-корректор. Его разрушили, и я не знаю, кто сие учинил. Если честно, я не помню даже, как добрался до аэромобиля да еще с Гаюнаром. Хотя такое впечатление, что и тут нам помогли.

Донай устало прикрыл глаза. Перед мысленным взором завертелись лица и тени. Вспомнился отчаянный призыв Смерти, увязнувший в тумане чужой Игры, затем почти воочию повторилось: существо в плаще и лидер полицейской команды одновременно бросаются к Экзистедеру, над которым столкнулись два непримиримых потока. Догадка окатила ушатом ледяной воды. Синий князь вздрогнул — похмелье вмиг растворилось без следа.

— Это был не образ, — рассеянно пробормотал он. — Могу поклясться: это был не образ!

Он хотел вскочить, но Каляда, вдруг возникшая рядом, мягко удержала его на месте.

— Донай, о чем ты говоришь? — Оливул подался вперед.

— Образ не в состоянии защитить экзорный поток! Получается, толстяк — это и есть игрок-корректор. Ты понимаешь, что это значит?

— Опытнейший экзистор, внемиренец, который всецело представляет себе принцип построения мостов, — произнес Белый князь. — Внемиренец, сознательно принявший сторону Кочевников!

Юлька посмотрела на Серафиму, надеясь, что она сейчас опровергнет неприятное открытие братьев, но та лишь нахмурилась.

— В ассоциативной памяти Данилы я нашла кое-что интересное, — сказала она. — Трое из пяти человек, игравших роли полицейских, были восприняты им как нечто, близкое к Кочевникам. К сожалению, Гаюнар находился под влиянием Игры, и его рассудок был заблокирован наложенным образом, поэтому никаких конкретных фактов из данного источника мы не имеем.

— Как ты это объясняешь? — в наступившей тишине задал вопрос Оливул.

Каляда на секунду задумалась, прикидывая, в каком объеме целесообразно выдать свои предположения.

— Представление ситуации Данилой вернуло меня к давней моей теории об “устойчивом замещении”, — сказала она.

— Кочевник находит потерянное место? — недоверчиво переспросил Донай.

— Или настолько близкое место, что оно приравнивается к потерянному.

— Но мы, кажется, говорим о внемиренцах, — напомнила Юлька.

Каляда продолжать не стала, и тема зашла в тупик.

— Донай, как ты себя чувствуешь? — возобновила разговор Серафима.

Синий князь пожал плечами.

— Как новенький. Ты ведь что-то сделала с моими мозгами?

— Практически ничего. Твоя Стихия помогла тебе вернуться в нормальное состояние. Вот у Гаюнара дела обстоят хуже. Сильная алкогольная интоксикация не поддается сенсорному лечению. Я ввела ему несколько препаратов, но даже при их стопроцентном действии он придет в себя не раньше, чем через три часа. Сейчас с Данилой остался Пэр. Будем надеяться, что его воистину братская забота, поддержанная Стихией Жизни, ускорит реабилитацию.

— Эй, волшебник-недоучка, это ж твоих рук дело! — спохватилась Юлька, оборачиваясь к брату. — Исправь все немедленно!

— Результаты действий экзорных объектов, будь то еда, вино или удар кинжала — уже нельзя изменить, — вмешался Белый князь. — Ты опасно сыграл, Донай. Настой дурмана — сильный наркотик, и он по-разному влияет на людей.

— Хорошо, хоть Гаюнара проняло, — проворчал Ви-Брук. — На тех пятерых он вообще не повлиял. Ну, я, наверное, должен расписать наши приключения, чтобы получилась полная картина проведенной операции...

Пока Синий князь говорил, в кают-компанию зашли Грег и Гор и присоединились к слушателям. Из-за приоткрытой двери в тамбур доносилось ворчание Аполлона и Артемиды, взявших себе в обязанность охрану Крылатого Волка.

— Четверо человек и сильный внемиренец? — вдруг оживились близнецы, когда Донай закончил рассказ. — Оливул, помнишь кланоид, с которым мы познакомились, когда ты водил нас по Центральным Мирам?

Белый князь изменился в лице. Братья торопливо продолжали:

— Парень и девчонка-бандитка были внемиренцами, а при них держались трое молодых ребят.

— Что такое кланоид? — затаив дыхание, выговорила Юлька, всем существо ощущая подкашившую разгадку.

— Кланоид — неразделимая группа из двух-трех внемиренцев и нескольких мирян, — заговорила Каляда. — Оплот Архивариусов в Мирах. Более того, кланоиды способны передвигаться по каналам в Структуре.

— Миряне ходят по Структуре? — удивилась девушка. — Разве так бывает?

— В случае кланоида — да, — торопливо ответил Оливул, но мысль его уже летела вперед едва ли ни опережая сознание. — Миряне перестают быть мирянам, когда принимают в себя Кочевника! — воскликнул он. — Серафима, вот оно — устойчивое замещение!

— Стоп, — Донай поднял руки, остановив тем самым сестру от новой лавины вопросов, — дайте разобраться. Данила заметил след над тремя из пяти. То есть, внемиренцев в кланоиде двое... Толстяк и женщина! Женщина корректировала Игру в бункере, а толстяк в штабе!

— Наверняка та же компания наведывалась в гости к Дымиусу, — высказались Грег и Гор в один голос.

— А как объяснить, — Юлька успела-таки вклиниться в разговор, — что внемиренцы перекинулись на сторону Кочевников?

— Все зависит от того, что именно Великие предложили Кочевникам за участие в Игре, — ответила Серафима.

— Великие? — вопрос задали хором.

— Только Великие способны объединить то, чему нет формы в нашей Судьбе. Вспомните: один сказал — постройте Счастье, другой — найдите Счастье. Внушивший Диербруку идею построения новой Структуры потерпел неудачу, но не отказался от своей задачи, а избрал другой путь решения. Будь я на его месте, я бы пообещала Кочевникам создать такую Судьбу, где для них было бы определено место. Если так, внемиренцы кланоида вполне могли последовать в Игру ради своих друзей и им подобных.

Каляда встала и прошла к центральному иллюминатору. Пустой причал. Строгие бетонные колонны. Безветрие и спокойствие как перед бурей. В кают-компании — напряженное ожидание. Факт незримого присутствия Великих невозможно было отрицать, и это заставляло думать: а есть ли шанс победить, когда за спиной противников стоят такие фигуры.

— Великие вещают и направляют, — опять заговорила Серафима. — А мы будем действовать. И у нас есть помощники. Что мы знаем об экзорном потоке, атаковавшем Экзистедер кланоида?

— Его параметры идентичны Игре на Море Дымиуса, — ответил Гор.

— И при этом, — продолжала Каляда, — достоверно известно, что экзистор, который вел Игру, погиб. В Структуре есть только одно, что продолжает существование после того, как жизнь покинула тело — рыцари ордена Обманувших Смерть.

Юлька, знакомая с историей Структуры весьма поверхностно, недоуменно смотрела на братьев.

— Черт возьми, точно, — запоздало спохватился Донай. — В Мирах они видны, как серые тени.

— Что нужно от нас воинам Структуры? — Грег и Гор неуютно поежились. — Никогда не слышали, чтобы Обманувшие Смерть ввязывались в Игру.

— Кристалл подбросил нам кто-то из ордена, — напонила Каляда. — Его видела Юлия незадолго до нашего возвращения из замка Дымиуса. Побывав в камне, Пэр продемонстрировал некую модель, представляющую позицию Волка, в которой он становится уничтожителем Кочевников. И, наконец, Обманувшие Смерть прямо сыграли на нашей стороне. Я думаю, они считают своим долгом участвовать в изгнании незваных соседей.

— Люди, не имеющие в своей сущности Стихию Смерти, бессмертны, но и безжизненны, ибо Жизни нет там, где отсутствует Смерть, — произнес Бер-Росс. — Они не развиваются, им чужда любая новая мысль, они следуют своему установленному кодексу, не выбирая методов, не зная боли и усталости, не испытывая жалости ни к врагам, ни к соратникам. Поэтому Великие и сделали их вечными стражами Структуры.

— Вроде как это нам на руку, — вставил Донай.

— И тем не менее я бы не стал полагаться на существ, для которых все человеческое сведено к постулатам, — закончил мысль Оливул.

Каляда отошла от иллюминатора. То, что ее беспокоило вот уже десять минут, обрело форму в сознании.

— Кочевники подступают к кораблю, — сказала она без единой ноты напряжения в голосе. — Они заместили собой ближайшее Надмирье.

Несмотря на внешнее спокойствие капитана, друзья повскакали с мест. В следующую секунду на терминале возле двери в кабину отчаянно запищали датчики. Близнецы бросились к монитору.

— В Структуре бушует ураган, — сообщил Грег; Гор подхватил: — Это невероятно, но он готов ворваться прямо в Мир!

— Кочевники ждут, чтобы мы вышли на Путь, — Серафима скрестила руки на груди. — Сделаем иначе: Оливул построй распределение энергии так, чтобы Волк мог двигаться над землей на минимальной высоте. Для стабилизации придется поднять крылья, поэтому будь максимально осторожен. Юля, ты за пилота. Донай, на штурманскую линию. Грег-Гор, мы с тобой проведем корабль в ручном режиме. И ни капли Игры! Все. Начали.

В считанные секунды друзья заняли указанные места. Крылатый Волк встрепенулся, как зверь перед прыжком, качнулся на лапах-шасси и оторвался от причала. По команде бортинженера крылья распрямились, и взлетная площадка ровно потекла под иллюминатором. Юлька вцепилась в рычаги управления. Все, что от нее требовалось, это провести звездолет над космопортом и не создать при этом аварийной ситуации. Задача оказалась простой: курс автоматически корректировался непосредственно в техотсеке, и девушка поняла, что имела в виду Серафима под словами “проведем в ручном режиме” — капитан фактически взяла на себя все управление кораблем прямо из машинного отделения.

Скоро это заметил и Донай.

— Оливул, курс, который ввожу я, Серафима меняет прямо в рулевом блоке, — сказал он с некоторой тревогой. — Координаты здорово расходятся в результате.

— Все правильно, — проговорил Белый князь. — Волк, как я теперь вижу, до сих пор находится под влиянием экзорных сил. Каляда перестраивает подающие цепи вручную и тем самым изолирует двигательный отсек от команд центрального анализатора.

— Кто меняет высоту? — испуганно крикнула Юлька.

— Вот дьявол! — вскричал Донай. — Ему глубоко плевать на любые команды, он желает полетать самостоятельно!

Мониторы блока-распределителя энергии выплеснули веер зашкаливающих графиков. Корабль рванулся ввысь, крылья взметнулись и замерли, распрямились и застыли лапы-шасси. За иллюминаторами вмиг стало темно.

Оливул кинулся к терминалу, служившему не так давно объектом связи с Экзистедером, но тут уловил предупреждение капитана: “Ни в коем случае не Игра!” Перегрузка достигла критической отметки. Он не знал наверняка, как оценивала опасность Каляда, но по данным индикаторов было очевидно, что образовавшийся дисбаланс энергий с минуты на минуту вызовет мощный взрыв внутри корабля. И Бер-князь принял решение. Силы Созидания поднялись из глубины сущности и сконцентрировались в потоке, направленном на взбунтовавшийся блок. Усилием воли сформирован

образ равновесия. Не спеша, будто от времени не зависело ровным счетом ничего, Оливул раскрыл потенциал. Экзорный сгусток окунулся в самое сердце Крылатого Волка.

Донай не понял, что развернуло его в сторону Белого князя.

— Берегись!! — заорал он, бросился на брата и повалил его на пол.

Никаких видимых причин сему действию не было, и Оливул, чьи планы оказались нарушены, собрался выразить свое неудовольствие Ви-Бруку, как вдруг жесткий нематериальный ком, похожий на скопленную энергию Экзистедера, пробил распределительный модуль, пронесся над пультами и с громким хлопком лопнул над капитанским мостиком. Донай навалился на Оливула всем телом прежде, чем над их головами прокатилась взрывная волна. Юлька заблаговременно нырнула под кресло. Дико залаяли запертые в коридоре собаки. Волк накренился, перед фронтальным иллюминатором неожиданно выросло здание космопорта.

— Что у вас происходит?! — голос Данилы ворвался в кабину на мгновение раньше его самого. — О, черт!

Гаюнар ринулся на линию пилота и схватил рычаги ручного управления. Пэр взвился к потолку кабины, и Оливул, сквозь мутные пятна, мелькавшие перед глазами, увидел бледный зеленый след — призрак вошел в Крылатого Волка.

— Нет! Не в Структуру! — крикнул Бер-Росс.

Он попытался вскочить, но, придавленный оглушенным взрывом Донаем, едва сумел приподняться. А Пэр уже растаял в корпусе и сам, без помощи пилота, начал выводить звездолет в Структурное пространство.

Вихрь, куда угодил Крылатый Волк, как только пересек границу Надмирья, не мог сравниться ни с одной космической бурей. Корабль перевернуло несколько раз в невообразимых плоскостях, гравитационная система отказала, не продержавшись в адской центрифуге и четверти минуты. Неукрепленные предметы покатались по кабине. Юльку отшвырнуло к капитанскому мостику, где она что было сил уцепилась за поручни. Донай, едва пришедший в себя после первой встряски, оказался в эпицентре какого-то воздушного смерча, не совладал с притяжением и был брошен на угловой пульт. Оливул схватился за крышку терминала, но новой волной его ударило об экран, и он потерял сознание. Гаюнар, выбитый из кресла, хотел дотянуться до управления и был почти у цели, когда Волк неожиданно встал “на дыбы”. Пилот во мгновение ока очутился точно напротив своей линии возле дверей. Пэр, попавший в струи вырвавшейся энергии, разметался по кабине.

Корабль затягивало в пространственный омут...

ГЛАВА 3

БЕЗ ПРАВА ВЫБОРА

➤1◀

Данила пришел в себя, когда сильные, но удивительно мягкие руки бережно приподняли его голову.

— Данила, ты меня слышишь?

Он разлепил веки. Над ним склонилась Каляда.

— Серафима... — Гаюнар с трудом сглотнул стоящий в горле ком. — Что с кораблем?

— Требуется небольшой ремонт и основательная уборка в каюте. А в целом — ничего страшного. Подняться можешь?

Он, сопротивляясь тошнотворному головокружению, сел и огляделся. В кабине царил настоящий разгром, усугубляемый запахом гари и дрожанием красноватого аварийного света. Пэр висел под потолком, и лоскуты тумана нехотя стекались к ядру его тела. Юлька хлопотала возле Оливула, по лицу которого струилась кровь из рассеченной брови. Донай, мотая головой и невнятно чертыхаясь, медленно поднимался на ноги, опираясь о кресло. Грег и Гор, тесно прижавшись друг к другу плечами, стояли поодаль и, по всему видно, еще не оправились от потрясения. Как успел заметить Данила, из всей команды не пострадала лишь Каляда.

— Кочевникам удалось вывести Волка из энергетического равновесия, — сказала она, убедившись, что серьезных травм никто не получил.

В ее тоне не было ни тени упрека, и тем не менее Пэр и Оливул молча приняли замечание каждый на свой счет. Серафима продолжала:

— К счастью, мы повели себя не так, как они предполагали: Белый князь весьма вовремя разрушил накопленный экзорный потенциал, — она подбодрила взглядом инженера-экзистора.

— Где мы теперь? — спросил Данила, сиюсь рассмотреть что-либо за иллюминатором.

— Похоже, они провели нас сквозь собственный строй и бросили в каком-то Мире. Точные координаты мы вычислим, как только наладим навигационные зонды.

— Здорово. Чей это был грандиозный замысел стартовать в Структуру? — Донай сердито посмотрел на вьющегося над монитором призрака.

Пэр, старательно собрав частицы тела, принял человеческие формы и виновато встал перед друзьями.

“Простите, ребята. Я опять дурака сваял”.

— Твоей вины здесь нет, — Серафима потрепала его по плечу. — Нам рано или поздно пришлось бы это сделать. А то, что ты занимал Крылатого Волка в момент перехода, уберегло нас от проникновения Кочевников в корабль. Вахта моя. Работы начнем через четыре часа, а пока — всем отдыхать.

Данила дождался, когда в спальне наступит тишина и спрыгнул со своей полки.

— Ну что, оклемался? — раздался приглушенный шепот Доная.

Гаюнар медленно повернулся к другу.

— Врезал бы я тебе за твои фокусы, — процедил он сквозь зубы, — да не хочу остальных будить.

— Я-то думал, Бер-Росс объяснил тебе, как обстояло дело.

— Вот именно. Объяснил, как ты обычную бормотуху превратил в наркотик.

— Ну-ну, извини. Я же не из вредности тебе свинью подложил, так получилось.

Данила отвернулся, а Ви-Брук на всякий случай приподнялся на койке, чтобы быть готовым к ответу с участием кулака. Но Гаюнар совладал с эмоциями и принял благоразумное решение.

— Ладно, проехали, — сказал он. — И... спасибо, что вытащил меня оттуда.

Он кивнул Донаю и вышел из каюты.

На корабле царил тишина. Ничто не оставляло ощущения тревоги, и лишь беспорядок в кают-компании напоминал о едва не постигшей звездолет катастрофе. А у Гаюнара на душе опять скребли знакомые кошки. Шлейф кометы, символизирующей Космос, петлей охватывал Твердь, Воду, Огонь, Воздух, Смерть и Жизнь, и его Стихия была не ближе и не дальше от ядра небесного странника, чем все остальные. “Самая хрупкая и необязательная часть Мироздания, — горько усмехнулся про себя

пилот, рассматривая тонкую ветвь дерева на барельефе. — Я кругом попадаю в неприятности, и как правило у всех на виду. Серафима, — он тряхнул головой, надеясь прогнать невеселые мысли, — представляю, что ты обо мне думаешь!.. Нет, дальше так продолжаться не будет. Кроме меня самого никто не изменит мою судьбу”.

Дверь в кабину Гаюнар хлопнул чуть сильнее, чем требовалось, и звук от столкнувшихся створ прокатился по всему ярусу звездолета. Он вздрогнул от неожиданности, ругнулся про себя и широкими шагами прошел к пилотской линии. Это было одно из немногих мест, где он чувствовал себя уверенно.

— Не спится? — прозвучал мягкий обволакивающий голос Каляды.

Данила круто развернулся. Серафима спокойно сидела в глубоком кресле на капитанском мостике, хотя он мог поклясться, что секунду назад ее здесь не было.

— Я не устал, то есть... — он смущенно встал перед Калядой, чувствуя, как загораются уши, — я хотел проверить обстановку. Не нравится мне этот Мир. Он пуст, будто его заняли Кочевники.

— Здесь нет никого и ничего, — Каляда поправила волосы. — Нас забросили в точку, где Вселенная еще не образовалась. Периферийный цикл, повторяющий историю большинства Миров Структуры.

Гаюнара, по правде сказать, характеристики Мира не интересовали. Он собрался с духом и, стараясь вложить в слова как можно больше твердости, сказал.

— Серафима, ты должна отдыхать. Я останусь на вахте.

Каляда улыбнулась.

— В этом нет необходимости.

— Почему ты всегда всё берешь на себя? — воскликнул он. — У нас есть мужчины, чтобы выполнять тяжелую работу!

— Получилось так, что я капитан этого корабля, — осторожно возразила Серафима, внимательно глядя в глаза пилота.

— Ну и что из того? — он расхохотался не на шутку. — Ты молодая красивая женщина, и ты не имеешь права ломать свою природу! Ты постоянно опекаешь нас, заботишься о каждом, но кто позаботится о тебе? Или капитан зачеркивает свое “я”?

— Успокойся, пожалуйста, Данила. Тобой сейчас руководят эмоции.

— Пусть будут эмоции! Но неужели ты ни разу не поговоришь с кем-то просто так, о пустяках? Не примешь помощь и никогда не позволишь человеку, которому ты дорога, прикоснуться к тебе?

— Данила, давай оставим эту тему, — серьезно прервала Каляда.

— Оставим навсегда? — Гаюнар вплотную приблизился к ней. — Скажи, ну почему? У тебя есть кто-то, которому ты поклялась в верности?.. Что не отвечаешь? Ты не понимаешь, да? Ты такая умная, неприступная, сильная, но я все равно люблю тебя!

Каляда молчала. Она могла бы сейчас нехитрым сенсорным приемом заставить молодого человека успокоиться, могла заблокировать в его сознании даже ассоциации на поднятую тему, но мысль эта потухла, едва зародившись. Никогда, нигде, никому не удавалось убить любовь.

— Скажи хоть что-нибудь! — в голосе Данилы сквозь отчаяние и боль слышалась мольба.

Серафима подняла на него печальные глаза.

— Я боюсь за тебя. Ты хороший, добрый парень, и я не хочу, чтобы ты испытал разочарование. Я не такая, какой кажусь. Я значительно больше прожила на свете, чем ты думаешь. И... — она умолкла; сказать Гаюнару сейчас, что она Посредник, значило бы надолго ранить его пылающее страстью сердце. — Я обещаю, — продолжала Серафима негромко, — ты узнаешь обо мне потом, позднее. А теперь забудем этот разговор.

Данила стиснул зубы и отошел на шаг.

— Хорошо, — выговорил он. — Только знай, какая бы ты ни была, я буду любить тебя до самой смерти. Если прикажешь, я уйду, прикажешь — исчезну в бездне Миров, но с твоим именем на устах.

Он почти бегом бросился к двери. Шаги застучали по лестнице на технический ярус корабля и затихли. Серафима прикрыла глаза.

— Я напрасно убеждала себя, что его чувства по-юношески поверхностны, — прошептала она, вздохнула и вернулась к терминалу.

Окутав себя сенсорным полем невидимки, Посредник вновь выпустила зонды-щупальца и коснулась ими пульта. Корабль был нем, но из глубины сознания на этот раз появился едва отличающийся от собственных мыслей зов. Каляда прислушалась. С ней говорил Космос.

Оливул проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Подняв голову, он увидел Грега.

— Огонь зарождается, — быстро заговорил Гай-Росс. — Он с минуты на минуту займет Мир.

Белый князь соскочил с верхней полки.

— Капитана предупредили?

Гор, только что разбудивший Доная, не дослушав его мнения о пророчествах, метнулся в тамбур, но тут динамик щелкнул, и после предупредительного сигнала каюту наполнил голос Каляды:

— Друзья, у нас чрезвычайная ситуация. Экстренно выходим в Структуру. Готовность три минуты.

— Что случилось? — выглянула из-за перегородки Юлька.

— Дуй в башню! Глаза по дороге протрешь, — скомандовал ей брат, выскакивая за дверь.

Серафима настраивала вспомогательный энергокорректор, когда Бер-Росс и следом Донай вбежали в кабину управления.

— Кочевники? — бортинженер стремительно прошел к своей линии.

Каляда отрицательно качнула головой.

— Хуже. Нас забросили в нулевой Мир новой цепочки. Вселенная здесь еще не образовалась. Рождение галактики произойдет в течении следующих семи-десяти минут. Меня предупредил Космос.

— А-а, — протянул Ви-Брук, — теперь я понимаю, почему близняшки учуяли приближение Огня.

— Огня будет предостаточно, — обронила Каляда. — Донай, ты почему не в башне?.. Пэр, на месте?

“Да, мэм. Почти полностью”, — призрак как раз протягивал остатки тела сквозь пол.

— Проверь состояние Надмирья. Где Гаюнар?

Двери разбегались, Донай не успел посторониться, и Данила, ворвавшись в кабину, врезался лбом в его плечо.

— Готовность одна минута! — объявила капитан.

“В Надмирье нас поджидают, — сообщил штурман. — Но это не Кочевники. Их-то я знаю!”

— Обманувшие Смерть, — Каляда за доли секунды разглядела сквозь призму Космоса характерный рисунок сущности. — Будем надеяться, они нам не помешают. Оливул, что с энергией?

Бортинженер ответил не сразу.

— Мы очень рискуем. Управление Волка нестабильно.

“Я проведу корабль!” — крикнул Пэр.

— Действуй, у нас тридцать секунд, — распорядилась Каляда.

Призрак растекся по кабине зеленым туманом и стал исчезать в стенах звездолета.

“Я — Крылатый Волк!” — ворвался в сознание друзей его восторженный клич.

Перед кораблем возник черный зигзаг распахнутой Структуры. Волк оттолкнулся от границы и нырнул в Надмирье. В след за ним ринулся шквал освобожденной энергии и, достигнув ворот, разбился о незримую преграду. Лишь Космос победно устремился в Черноту, возвестив о рождении нового Мира.

— Надо было оставить там зонд, — сказал Донай сестре. — Не каждый день все-таки становишься свидетелем образования галактики.

Но Юльке было не до шуток.

— Сканнеры нащупали плотный слой какого-то поля! — доложила она по селекторной связи. — Идентификации не поддается.

— Пэр, мы переходим на ручное управление, — распорядилась капитан. — Концентрируйся в кабине. Со своей задачей ты справился на отлично.

Призрак принялся стекаться в человеческую фигуру, а Данила вновь поймал себя на том, что невольно ищет взглядом след совершенного ничто, сопровождающий трансформацию друга. Но увлекаться наблюдением Гаюнар себе не позволил, поскольку штурвал был доверен ему и вести корабль предстояло в условиях повышенного сопротивления пространства. Краем уха он уловил переговоры капитана с машинным отделением и по мониторам своей линии быстро определил их смысл: рулевая и балансировочная системы давали большую перегрузку.

— Я не могу маневрировать! — крикнул пилот. — Они гонят нас по своему фарватеру.

— У нас нет энергии, чтобы сопротивляться, — мрачно подвел итог Оливул. — Мы попались, капитан.

— Ничего не остается, как довериться Обманувшим Смерть, — спокойно сказала Каляда. — Подготовьтесь к аварийной посадке, остальные модули — стоп.

Звездолет прекратил движение. В то же мгновение будто огромная невидимая рука подхватил его и понесла по Структуре. С бешеной скоростью за иллюминатором замелькали Миры.

— Не зря ордену дали и другое имя — Прыгающие Через Бездну, — сказал Белый князь. — Смотрите, как они передвигаются! Им не нужны ни опоры, ни каналы, ни мосты. Это похоже на единый многовекторный прыжок.

— В них силен Космос, — добавила Каляда.

➤2◀

Молнией полыхнуло Надмирье, разверзся Мир, и Волк встал на грунт, подняв клубы мелкого песка. Из полумрака выступил неровный прямоугольник грязной городской площади, окруженной со всех сторон безликими громадами двух и трехэтажных домов. Пустые глазницы давно выбитых окон смотрели на пришельцев с унылым равнодушием. Узкие улочки, как черные червяки, уползали в темноту. На полу-истлевшей веревке, протянутой между двумя мансардами через переулок, скорбным знаменем развевалась забытая несколько веков назад простыня. Ленивый ветер нехотя подергивал ее лоскуты и гонял по мостовой одинокие вялые листья и пыль.

— Цитадель Обманувших Смерть, — произнес Оливул.

— Мертвый город? — Юлька, боязливо оглядываясь, перебралась в башню Доная. — Что здесь случилось?

— Чума, оспа, холера — какая разница! Смерти в этой дыре все равно нет, — Ви-Брук непринужденно закинул руки за голову. — Только атрибуты.

“От атрибутов тоже жутковато”, — заметил витавший рядом Пэр.

— Юля, Грег-Гор, Донай, подходите в кабину, — позвала Каляда.

— Так. Нас уже встречают! — Данила показал за фронтовой иллюминатор.

Люди в темных бесформенных балахонах с глубокими капюшонами на головах обступили Волка. Неподвижные и холодные, как статуи, они стояли в тени обветшалых домов по всему периметру площади, и лишь полы плащей изредка колыхались под порывами ветра.

— Они хотят, чтобы мы вышли из корабля, — сказала Каляда. — Сопротивляться бессмысленно: в распоряжении Обманувших вся вечность, и они могут держать нас здесь до скончания веков. Давайте выясним, с какой целью нас пригласили. Пэр, я знаю, тебе нелегко удаляться от Волка, но сейчас мы должны быть все вместе. Держись рядом с Данилой. Собаки останутся здесь и будут охранять корабль.

— А оружие? — спросила Юлька.

— Мы не возьмем с собой оружие. И твой меч тоже, Донай.

Семь человек спустились на пыльную площадь. Существа в плащах не шевельнулись при приближении гостей.

— Зачем вы привели нас сюда? — громко спросила Каляда. — Что вы хотите?

Никто из безмолвной шеренги не шелохнулся, зато перед командой Крылатого Волка неожиданно возник еще один член ордена. Единственным отличием его от остальных был высокий посох с двумя ответвлениями на конце, который он нес в руке.

— Утверждают, что вы избранники Семи Стихий, — в бесцветном голосе лидера сквозил холод. — Это правда?

— Да, — ответила Серафима.

Вмиг мертвые дома, площадь, звездолет — все исчезло. Друзья очутились на дне глубокого, похожего на колодец зала, амфитеатр которого заполнили застывшие темные фигуры.

— Обманувшие Смерть владеют техникой мгновенной телепортации на любые расстояния, — вполголоса объяснил Оливул. — Это, видимо, и есть основа их Структурных перемещений.

— Я бы предпочел, чтобы они отрабатывали свою технику на ком-нибудь другом, — буркнул Донай, напряженно оглядываясь по сторонам.

Рядом вновь появился лидер ордена. На сей раз капюшон его длинного плаща лежал на плечах, и внемиренцы получили возможность рассмотреть суровое немолодое лицо, располосованное шрамами и морщинами. Оно не выражало никаких эмоций, но в колючих глазах затаилась ненависть.

— Я Магистр, — заговорил Обманувший Смерть. — Пять членов ордена взяли на себя смелость утверждать, что избранники Семи Стихий воссоединились, дабы покончить с Великой Игрой раз и навсегда. Вы — третья и последняя попытка прямого доказательства. Испытание покажет, что есть сущность ваша. Наш долг открыть подлинным избранникам Стихий путь к Зеркалу Судьбы.

— Интересно, — довольно громко любопытствовал Донай, не обращая ни к кому конкретно, — а что стало с первыми двумя “попытками”?

Магистр грозно взглянул на него. Ви-Брук скроил невинную гримасу.

— Молчу. Уже все понял.

На лице лидера Обманувших Смерть мелькнуло подобие ухмылки. Впрочем, разговор продолжения не получил: Магистр исчез также внезапно, как и возник на арене. В то же мгновение опустели и трибуны. Друзья озадачено переглянулись, но поделиться впечатлениями не успели, поскольку зал вдруг растворился в пышущем зноем воздухе, и они обнаружили, что стоят перед узкими железными воротами, окруженными чахлой растительностью. Никаких признаков стен,

заборов или строений не было: ворота существовали сами по себе, и только мутное марево стелилось вокруг.

— Ерунда какая-то, — Юлька брезгливо поморщилась.

— Кажется, мы вляпались в Игру, — заметили Грег и Гор.

— Выбираться отсюда пора! — воскликнул Данила. — И чем быстрее тем лучше. Кочевники оживят Первый Экзистедер, пока мы играем в чужие игры!

Серафима молча следила взглядом за Пэром, который тщетно штурмовал незримую преграду за спиной друзей.

— Отступать нам некуда, — сказала она, — а единственный проход, судя по всему, находится за этой дверью. Мы должны идти вперед. По словам Великого, Зеркало Судьбы укажет Путь, где Волк исполнит свое предназначение.

Пока она говорила, Донай подошел к воротам и поднажал на них плечом.

— Заперто, — сообщил он. — Но взявшись дружно, по-моему взломать можно.

В ответ на его слова раздался гомерический хохот из пустоты.

— Вы никогда не откроете вход в Вечность без ключа, — громогласно объявил невидимый страж. — А ключ храню я!

— Так отдай его нам! — крикнул Ви-Брук в сторону, откуда, как ему казалось, говорил Обманувший Смерть.

Невидимка опять расхохотался.

— Хочешь помериться со мной силой? — спросил он сквозь смех.

— Я готов! — раззадорился Синий князь, не замечая, что прозрачная стена уже отделяет его от друзей.

— Держи!

К его ногам упал меч. Донай поднял оружие, с удовольствием примерился к эфесу и занял боевую позицию.

— Может быть соизволишь показаться? — обратился он к обладателю громового голоса.

В поисках противника он огляделся, и тут понял, что заперт на небольшом песчаном пятнышке перед закрытыми воротами. Друзья что-то кричали ему из-за невещественного заграждения, но слова тонули в толстом слое бесцветного тумана. Зато жестикуляцию Юльки не понять было невозможно: девушка отчаянно махала рукой, призывая брата посмотреть назад. Донай стремительно обернулся лицом к опасности.

В центре гладиаторской площадки стоял воин. Синий князь медленно поднял взгляд. Он не без оснований считал свою комплекцию богатырской, но тот, кто вышел на поединок, был выше него на голову и раза в полтора шире в плечах. Все снаряжение гиганта составляла набедренная повязка из шкуры какого-то животного и огромный двуручный меч, который он, посмеиваясь над удивлением внемиренца, играючи поднял перед собой.

— Я — Боец, — объявил он.

— Хорош, — проговорил Донай, стараясь оставаться задирой по крайней мере внешне. — И ты долго вот так стоять собираешься?

После первых же выпадов друзьям стало ясно, что если Синему князю и достанется эта победа, то очень дорогой ценой. Хотя поначалу Ви-Брук удачно использовал тактику лавирования. Выскальзывая из-под ударов, он быстро запутал противника и даже нанес ему несколько царапин. Но раны не причиняли Бойцу ни малейших неудобств. Он безмятежно позволял себе получать уколы и порезы, и Донай, наконец, догадался, что Обманувшие потеряли не только Смерть, но вместе с ней и большую часть Жизни: они не чувствовали боли, они презирали кровь, они смеялись в лицо любой опасности.

Ви-Брук начал ошибаться, за что скоро и поплатился. Меч Бойца полоснул по правой руке. Донай отскочил, рефлекторно зажав ладонью рану. Противник любезно предоставил ему несколько секунд передышки и вновь ринулся в атаку. Под ураганным натиском Синий князь сдвинулся назад на шаг, второй, третий, поскользнулся и оказался на песке. Устрашающий клинок блеснул над головой. Он чудом успел парировать удар, вскочил, столкнулся с противником в ближнем бою и вынужден был отступить вновь, когда боль обожгла грудь, и горячая липкая кровь багровым пятном расплылась по синей рубашке.

Юлька вскрикнула и ткнулась в плечо Оливула. Данила и Пэр отчаянно искали лазейку в туманной ораде, надеясь прорваться на помощь Ви-Бруку.

— Меч Смерти, Донай! Зови Смерть! — шептали близнецы.

Бер-Росс и Серафима переглянулись. Шанса подсказать эту мысль Ви-князю даже ментальным способом не было: Обманувшие накрепко блокировали любые подходы к площадке.

Неприятельский клинок ударил по ноге, и Донай упал. Издали друзьям показалось, что он потерял сознание, но проползли секунды, и Синий князь, превозмогая боль, прямо поднялся опять.

— Ты проиграл, — сообщил Боец.

— Это еще бабушка надвое сказала, — процедил в ответ Ви-Брук. — Пришла пора познакомить тебя с одним моим хорошим товарищем.

Далеко отбросив бесполезное оружие, Донай выпрямился и поднял перед собой руки. Капли крови падали с пальцев на песок медленнее, медленнее, и замерли зловещими пятнами на золотистом грунте. Откуда ни возьмись появилась свинцовая туча, грянул гром. Боец отшатнулся, и ужас застыл на его лице. Синий князь напрягся. Шрамы на щеке почернели, пот выступил на висках, а на шее вздулись лиловые жгуты вен. Несколько мгновений, и короткая молния прорезала пространство. Раздался лязг металла — боевой клик Меча Смерти.

— Спасибо, дружище, — прошептал Витязь и поцеловал холодный клинок. — А вот теперь поговорим всерьез! — крикнул он Бойцу и высоко поднял артефакт Стихии.

Обманувший заворочено следил за грозным орудием Смерти, в широкой стальной полосе которого клубились грозовые облака. Ви-Брук обрушил на врага удар, вложив в него все оставшиеся силы. Боец вскрикнул — алая лента перекинулась через его голую мускулистую грудь. Донай почувствовал, как открывается второе дыхание. Новый удар, и кровь струится по облитому ужасом лицу. Синий князь неумолимо теснил противника к железной двери. Тот отступал, делая слабые попытки сопротивляться, и, наконец, обессиленный рухнул на землю. Донай приставил клинок к его горлу.

— Пошевелишься, и ты труп. Уже без обмана, — сказал он, тяжело переводя дух. — Ключ!

Боец покосился на свой меч. Ви-Брук заметил его взгляд.

— Ну! — острое оставило кровавую точку на шее великана.

Тот стал блее полотна.

— Ты Смерть, — пробормотал он.

— А я думал, ты сразу догадался. Ключ сюда, живо!

Боец дрогнувшей рукой сложил к ногам победителя оружие и вдруг пропал без следа. Вместе с ним растворилась мнимая стена.

Друзья бросились к Синему князю.

— Один-ноль в нашу пользу, — показав на трофей, проговорил он и без чувств повалился на руки братьев.

Грег и Гор помогли Оливулу опустить раненого на песок и посторонились, уступая место Серафиме и Юльке.

— Донай! — Бер-Росс почувствовал, как над братом собирается холодное дыхание его Стихии. — Отгони ее, твое время еще не пришло!

Каляда быстро провела рукой по лбу и щеке Ви-Брука и нахмурилась.

— Смерть содействовала прекращению кровотечения, но этого недостаточно. Он серьезно ранен. Я попробую что-нибудь сделать...

— Нет, настал мой черед, — вдруг произнес Данила и, прежде чем остальные опомнились, громко позвал. — Жизнь!

Из недр его души хлынула живая Вселенная. Едва ли не воочию друзья видели, как над Гаюнаром собирается яркий, как сам свет, столб благородной энергии. Переливаясь радужными волнами, она оформилась в шар и неожиданно вспыхнула, наполнив пространство проворными горячими искрами, которые, будто зерна, устремились в каждый закуток, в каждую щель, чтобы дать ростки на омертвевшей почве. Данила легко сконцентрировал Силы Стихии и направил на Доная. Живительные волны пронизали израненное тело. Последние струйки убитой крови стекли на песок, оставив за собой вместо рваной плоти багровые рубцы. Смерть безмолвно вернулась в камень.

Ви-Брук слабо повел головой и открыл глаза. Гаюнар стоял поодаль, окруженный маленьким смерчем — Воздух собирал разлетевшиеся искры Жизни. Донай приподнялся на локте.

— Это что за фейерверк? — озадачено спросил он, оглянувшись на Оливулу.

— Стихия Данилы стерла твои раны, — ответил Бер-Росс с облегченным вздохом.

Юлька проскользнула между Грегом и Гором и, присев возле брата, отогнула пропитанную кровью рубашку.

— Смотрите, даже царапин нет! — радостно объявила она.

Серафима сжала плечо Гаюнара.

— Благодаря тебе, мы снова все вместе.

Он вздрогнул и торопливо поднял взгляд на Каляду, но та уже направилась к воротам, где Гай-Россы взялись прилаживать в крестообразное отверстие эфес добытого в бою меча. Замок поддался, дверь заскрипела и сама распахнулась перед людьми, открыв темный коридор.

— Держитесь друг друга, — предупредила Серафима, когда все семеро остановились перед загадочным входом. — Пэр, до сих пор ты удачно использовал свое убежище, займи его и сейчас.

“Охотно, капитан!” — воскликнул призрак и прежде, чем Данила успел возразить, нырнул в пряжку его поясного ремня.

Они шагнули за ворота, откуда, по словам Обманувших Смерть, начинался путь по Вечности.

Узкий треугольник света, проникающего через приоткрытую дверь, прилип к крошечной черноте, обозначив пол условного коридора. Внемиренцы, оглядываясь по сторонам, осторожно двинулись вперед, но никто не рискнул сойти с освещенного островка. Внезапно вход закрылся. Светлое пятно в ту же секунду было съедено воцарившейся тьмой, а вместе с ним растаяла опора под ногами. Началось стремительное падение в пустоту.

— Не ищите Пути! Мы не в Структуре! — крикнула Серафима, но ее перебил другой, незнакомый голос.

— Воздух! Ветер!

Налетевший вихрь подхватил людей на невесомые крылья. Все ориентиры были мгновенно сметены, звуки потонули в надрывном вое урагана, а время потерялось где-то за границами Вечности.

➤3<

Донай не помнил, как долго продолжался полет в хитро закрученных воздушных потоках, но вскочил сразу, чуть только очутился на земле. В первый момент он испугался, решив, что совершенно ослеп, ибо в крошечной темени, висящей вокруг, невозможно было разглядеть даже собственную руку. Прислушался: ни единого движения рядом. Однако уверенность, что Белый князь где-то поблизости, не покидала. Встав на колени, он осторожно принялся ощупывать каменную площадку и вдруг наткнулся на человеческое тело.

— Оливул! — он подался к лежащему и похолодел: человек был мертв.

В состоянии близком к шоковому Синий князь застыл над трупом и вздрогнул от неожиданности, когда кто-то взял его за плечо.

— Донай, что с тобой? — прозвучал голос брата.

Зачастило запнувшееся сердце. Ви-Брук обернулся и с удивлением обнаружил, что на фоне непроглядной тьмы Оливула видит прекрасно.

— Я в седле, — выговорил он, поднимаясь на ноги. — Где мы?

— Не знаю. Одно ясно: Обманувшие Смерть сумели нас разделить.

Белый князь сделал шаг вперед и споткнулся о мертвеца.

— Что это?

— К счастью, не ты, и никто из наших.

Оливул нагнулся над телом, но быстро утратил желание его изучать.

— Мертв уже давно. Похоже, этот человек был принят Обманувшими за избранника Стихии и не справился с испытаниями. Нас постигла бы его участь, если бы Пэр не успел позвать Воздух и наполнить им пустой Мир.

— Воздух-то на месте, а вот самого Пэра я не вижу, — Донай, шурясь то так, то этак, вглядывался в глубокую темноту. — Странно, что мы друг друга еще способны рассмотреть.

— Смерть и Твердь, — Белый князь в задумчивости скрестил руки на груди, — они всегда будут рядом... А знаешь, я начинаю понимать задумку организаторов этого испытания. Стихии в окружающем нас Мире существуют сами по себе, и мы видим лишь тех, с кем имеем одну форму. Значит...

— Надо создать форму, общую для всех?

— Именно!

Братья переглянулись.

— Как бы эту идею остальным подсказать, — горько усмехнулся Донай, прервав образовавшуюся паузу. — Ведь каждый из нас может позвать только свою Стихию.

— Не совсем, — лицо Оливула просветлело, и он зычно крикнул в пространство: — Мадитус дагар вий!

Синий князь опомниться не успел, как над головой громко ударили о воздух твердые драконьи крылья. Тьму прорезали две огненные струи, и Гай-Росс опустился на площадку. Вместе с ним в подземелье пробился тусклый свет звезды.

“Кто призывал меня?” — беззвучный вопрос дракона возник в сознании людей.

— Все в порядке, Грег-Гор, это я, — ответил Белый князь, подошел к брату и обнял обе склонившиеся к нему недоуменные морды. — Принимай человеческий облик, мой зов не связывает тебя клятвой.

Четыре голубых огромных глаза радостно блеснули, дракон отступил, шурша по камням мощным хвостом, вытянулся, как перед взлетом, и с оглушительным хлопком превратился в близнецов. В следующую секунду на Белого князя обрушился поток вопросов:

— Оливул, как тебе это удалось? Откуда ты знаешь заклинание? Разве у тебя была наша чешуйка?

— Эй, стоп! — вмешался Донай. — Я ничего не понял. Ну-ка, Змей-Горыныч, еще раз и по порядку.

Оливул рассмеялся.

— Ты только что был свидетелем ритуала, который используют маги в Темных Мирах, чтобы призвать дракона. Частицу чешуи сжигают и произносят заклинание. Дракон, где бы он ни был, является на зов, чтобы выполнить волю господина. Добыть чешую нелегко, если, конечно, ее хозяин сам не подарил человеку частицу своей брони. У меня, как видите, чешуйки не было — объединяющим элементом послужила родственная кровь. А слова призыва, ребята, мне грех не знать.

Грег и Гор переглянулись.

— Спасибо, — смущенно сказали они в один голос. — Ты выдернул нас из такого пекла, куда и врагу попасть не пожелаем.

— С вашим появлением и здесь стало значительно теплее, — заметил Ви-Брук. — Может быть соорудим костер? Ветер гуляет всюду, и есть надежда, что оставшаяся команда почует дым и пойдет навстречу.

Неожиданно Юлька оказалась в воде. Удара о поверхность она не почувствовала, будто форма Стихии заботливо приняла ее в свои объятия. Точно определить, где небо, а где земля после замысловатого полета было нелегко, и девушка, отчаянно работая руками и ногами, поплыла в направлении к поверхности, так по крайней мере ей казалось. Сквозь толщи воды пробивался странный грязно-зеленый свет. Воодушевленная, она удвоила усилия, как вдруг наткнулась на вязкую массу: вода преградила путь. В помутневшем от нехватки кислорода сознании мелькнуло: “Граница всех Миров!” Вода решительно вспенилась, взбурлила, и девушка поняла, что Стихия уносит ее прочь от опасного места.

В себя Юлька пришла от ветра, хлестнувшего в лицо. Жадно глотнув долгожданный воздух, она встрепенулась. Пэр обхватил подругу подобиями щупальцев и удерживал на поверхности. Что-то шершавое коснулось шеи и лица. Она рефлекторно оттолкнула предмет.

— Не бойся, не бойся, это водоросли, — не то услышала, не то почувствовала она тихий с ласковым присвистом голос.

— Пэр, давай ее сюда живее! — крикнул Данила.

Юльку схватили за шиворот. Она перевернулась и, ухватившись за руку Гаюнара, вползла на сотканный из плавучих растений островок.

— Так. Половина команды в сборе, — попытожил пилот, и осторожно потряс девушку за плечо. — Ты как, ничего?

Она рассеянно кивнула и огляделась.

— А где Оливул?

— Другого вопроса я и не ожидал, — хмыкнул Гаюнар и, помедлив, ответил. — Пока мы втроем.

— Не горюй, Юленька, все найдутся, — сказал приземлившийся на краю островка Пэр. — Мы же настоящие избранники Стихий, значит пройдем испытание... Ребята, а почему вы так странно на меня смотрите?

— Пэр, — в полувопросительном тоне Данилы слышались нотки тревоги, но глаза сияли восторгом.

— Данька, да что случилось? — растерялся тот и принялся рассматривать себя.

— Пэр, ты же заговорил! — забыв, что находится на довольно шаткой платформе, Гаюнар вскочил, и крепко обнял призрака.

Водоросли недовольно зашипели и начали стягиваться под ноги пилота, провалившегося в их массу уже по щиколотку. Юлька теперь заметила, что островок, где они втроем находились, целиком соткан из водной растительности, плавающей на поверхности безбрежного океана.

Пэр тем временем стал осознавать новое качество, которым вдруг овладел.

— Ну да, я говорю, — пробормотал он, переводя взгляд с Юльки на Данилу и наоборот. — Я не понимаю... я не знаю как!

— Какая разница — как! — радости Гаюнара не было границ. — Ты говоришь!

Набежала волна. Водоросли завибрировали, и Данила, потеряв равновесие, упал в живую гущу. Пэр плавно опустился рядом, а Юлька подползла к ним на четвереньках.

— По-моему, надо быть поосторожнее. Без Тверди наши зеленые друзья долго нас держать не смогут, — сказала она.

— Какой-то недоделанный Мир, — заметил призрак, с удовольствием выговаривая слова. — Тверди и Огня нет, Смерти тоже нет. Счастье, что Жизнь в экстремальных случаях способна дать свет и тепло, а иначе мы сидели бы в темном холодильнике.

— Холодильник? — приподнялась Юлька. — Снег. Лед... Твердь и Вода объединяются в форме льда. Данила, попроси Жизнь отступить.

— Что?

— Послушай меня! Попроси Жизнь немного отступить, а ты, Пэр, отправь на поиски Ветер. Мы все здесь, вместе! Но не видим друг друга, потому что Обманувшие Смерть проложили между Стихиями мнимые границы. Их не существует только для Воздуха. Ну же, Пэр, скорее!

Призрак с готовностью кивнул, взлетел над островком и собрал тело в невесомый зеленый шар. Из всех человеческих контуров осталось только лицо, оттененное четкими линиями. Глядя на него, Данила опять подумал, что Пэр сознательно или подсознательно закрепил за собой наиболее характерные черты Гаюнаров.

— Данила, — опять заговорила Юлька, — давай попробуем найти лед. Пусть Жизнь соберется где-нибудь в одном месте и не будет излучать тепло. Тогда вода замерзнет.

— Не нравятся мне твои идеи, — проворчал пилот, краем глаза следя за призраком, который носился над их головами, направляя воздушные потоки. — В нормальном Мире я бы не сомневался, а тут — балаган какой-то!

Тем не менее Гаюнар признался себе, что подруга предложила единственный вариант, претендующий на успех. Он приблизился к краю растительного острова и открылся Стихии. Жизнь потекла к хранителю. Данила улыбнулся, чувствуя, как струи всеобъемлющей энергии чинно уходят в глубину его души. Он уже не пытался, как раньше, найти доступное человеческому разуму объяснение феномена. Он просто радовался единению с самой прекрасной силой Мироздания.

Невидимое светило померкло, и над океаном опустилось тяжелое сумрачное небо. По поверхности воды пробежала рябь.

— Смотрите! Ледяной гребень, — Юлька от возбуждения снизила голос до шепота. — Это Оливул!

Данила начал различать в облаках появившегося серого дыма знакомые фигуры, как вдруг Пэр стремглав пронесся мимо него верхом на перепуганном ветре.

— Там огонь, огонь!

Вслед за ним накатывалось восторженное пламя. Вмиг оно нависло над людьми, и Гаюнар, опередив собственное сознание, выкрикнул:

— Жизнь!

— Вода! Вода! — завизжала Юлька.

Волны ринулись навстречу огню. Пэр попытался укротить вихрь, на крыльях которого мчалась горящая лавина, но было поздно: две Стихии возобновили свой вечный неразрешенный спор. Жизнь испуганно затаилась, суетился Воздух, а Вода и Огонь бушевали как у истоков Мира.

— Твердь.

Спокойный суровый голос вонзился в самый центр битвы. На мгновение, казалось, застыло все. Неожиданно оцепенение прорвалось, и кипящая лава с громким шипением устремилась в водную пучину. В считанные секунды над океаном выросли скалы. Последние капли лавы легли в воду, образовав береговой пляж. Ветер принес откуда-то песок и рассыпал его по камням.

— Смерть!

Камни дрогнули последний раз и застыли в вечном покое.

— Жизнь!

На родившемся острове появились зеленые пучки травы, а водоросли, бурля и переваливаясь, с удовольствием заползли на берег. В небе засияла яркая звезда.

— Оливул! — Юлька подбежала к другу и бросилась к нему в объятия. — Мы вместе! Мы победили!

Пэр приземлился возле Гаюнара.

— И между прочем создали Мир, — добавил он.

— При этом едва не погубив друг друга, — укоризненно сказал Оливул, посмотрев на брата и сестру.

— Да уж. Не зря говорят: не давайте огонь детям, — вставил Донай.

Глаза близнецов гневно сверкнули.

— Это мы по-твоему “дети”?!

— Так. Разбор полета подождет, — перебил Данила. — Кто знает, где Каляда?

Звезды, галактики, Миры, Пути бледными воспоминаниями терялись в глубинах сознания. Чувства смешались и канули в недоступные дали, и всеобъемлющий Космос исподволь занял их

место. Каляда смотрела вокруг себя и видела Структуру совершенно иначе, нежели раньше, когда скользила промеж безликих Надмирий. Она присутствовала сразу везде и, не двигаясь с места, могла заглянуть в любой Мир, в любой дом, в любую жизнь. Так принял ее Космос: глобальный и единый в себе самом.

— Она прекрасна, не правда ли?

Посредник различила сокрытую тенью Мира фигуру.

— Я говорю о Судьбе, в которой ты существуешь.

— Кто ты? — Серафима старалась сконцентрировать зрение на собеседнике и вдруг осознала, что перед ней Великий.

Он ответил на ее мысль.

— Верно. Слушай меня: ты и те, кто стал твоей семьей, избраны Стихиями. Судьба доверилась вам, и ваш долг избавить ее от паразитов, проникших из чуждых пространств. Зеркало укажет Путь, Волк настигнет чужаков на том Пути и уничтожит навсегда.

— Постой! Ответь мне! Кто они — Кочевники? Почему ты от имени Структуры вынес им смертный приговор?

— Репликант, внемли и действуй.

Мозг Каляды сдавили ледяные тиски. Человеческое сознание помутилось.

— Не в твоей власти управлять мною. Ты Великий, а я человек! — из последних сил крикнула она.

— Ты репликант. Все, что происходит в Судьбе, я вижу твоими глазами и слышу твоими ушами. Я — слово, ты — действие. Инородцы будут уничтожены. Навсегда.

Серафима отпрянула, но Великий находился всюду и его голос продолжал эхом звучать в голове. Посредник бесстрастно принял приказ, человек же продолжал сопротивление.

— Твоя собственная воля крепка, но ты репликант. Ты не более чем мое отражение в этой Судьбе.

— Нет... — Каляда неожиданно для себя вспомнила пламенный взор Гаюнара, его отчаянное признание и неукротимый поток чувств. — Нет! Космос!

Стихия, чья мощь заключалась в единстве всего сущего, захватила в себя внемиренца. Грань между Посредником и человеком, проведенная Великим, растаяла без следа.

— Ты сильнее, чем я полагал, — прозвучало будто издали после долго давящего молчания. — Пусть так. Но запомни: инородцы — ваше единственное препятствие на пути к Первому Экзистедеру. Их существование есть гибель Судьбы в возрожденной Игре.

Каляда напряглась, ожидая новой атаки высшего разума, но никаких признаков присутствия Великого больше не было. Куда и как он ушел, Серафима не знала.

Отложив анализ происшедшего до более подходящего времени, Посредник сосредоточилась на поиске друзей. В городе Обманувших Смерть их не было, ближайшие Миры никак не обращали на себя внимание, и Каляда забеспокоилась, тем более что Космос упрямо придвигал к ней пограничную ленту Структуры. Присмотревшись, она разглядела среди лоскутов заструктурного пространства крошечный Мир, мечущийся между двух смыкающихся струй безстихийной пустоты, господствующей за рубежом Вселенной. Воспользовавшись еще не затянувшимся проходом, Серафима переместилась на гибнущий остров.

Вопрос Данилы застал друзей врасплох.

— Серафимы не было с вами? — полувопросительно произнес Бер-Росс, обращаясь к Гаюнару, Юльке и Пэру.

Призрак отрицательно покачал головой.

Юлька, которая до сих пор обнимала Оливула, будто боялась, что он исчезнет опять, с опаской покосилась на океан.

— Мне очень не нравится вон то грязное пятно на волнах, — сказала она, наконец. — Вода, кстати, меня туда не подпустила. Такое ощущение, будто это что-то... не наше.

По лицу Белого князя девушка поняла, что ее тревоги не безосновательны. Данила, Грег-Гор и Донай невольно придвинулись друг к другу, а Пэр, взлетевший над друзьями, стрелой нырнул вниз.

— Плохие новости, — проговорил он. — Из-за скал наползает то же самое. Не хочу оказаться правым, но по-моему, так выглядит граница всех Миров.

— В заструктурном пространстве для нас ничто не существует. И сами мы в нем не существуем, — быстро сказал Бер-Росс. — Уходим на Путь.

Он приготовился раскрывать Структуру, но, опередив его на миг, от земли до небесного купола легла трещина, и Космос присоединился к шести Стихиям.

— Серафима! — радостно вскрикнула Юлька.

— Скорее, — Каляда держала вход открытым, — осталась единственная дорога.

Пэр спрятался под курткой Гаюнара, и всемером друзья покинули Мир.

Вокруг поднималось матово-зеленое облако запретных просторов, сквозь которое вела одинокая черная тропа. Но не успели внемиренцы оттолкнуться от Надмирья, как перед ними возник Магистр.

— Через четверть Пути вы будете отрезаны от Вселенной, — сказал он с торжеством в холодном голосе. — Вы были великолепны в испытании, но вы проиграли.

— Еще нет, — откликнулась Серафима.

Магистр рассмеялся. То был страшный смех: окаменевшее лицо с искусственным оскалом, и глаза, не выражающие никаких эмоций.

— Ваше упорство по-рыцарски красиво, капитан. Однако, вы не сведущи. Никто кроме Великих не способен существовать за пределами Структуры. Вы были обречены, когда шагнули в Вечность. Ни одна Стихия не вручит дух свой разуму человеческому. Избранники Семи Стихий — миф... Всех вас мы оставим в живых, но Зеркало Судьбы было и будет неприкосновенным творением до конца Миров!

— Стойте! — Каляда подняла руку. — Вы обязаны дать нам возможность пройти испытание целиком.

Магистр откликнулся не сразу.

— Жаль. Вы могли жить.

Каляда оглянулась на друзей и встретила вопросительный взор Данилы. “Как не вовремя,” — подумала она про себя.

— Вы сказали, одни лишь Великие могут выйти из Структуры? — вновь заговорила Серафима. — Но вы забыли о Посредниках.

Ответом ей было молчание. Магистр несколько мгновений стоял перед внемиренцами, а затем, не произнеся ни слова, растворился в бескрайних просторах Структуры, и вместе с ним пропал последний мостик, связывающий сиротливый Мир с родной Вселенной.

Каляда более не медлила. Незаметное движение руки, и одежда плавно легла на мнимый купол Надмирья. В затухающем сиянии его сверкнула медная чешуя. За спиной раздался общий вздох. Серафима не оглядывалась, но чувствовала их всех: восхищенные глаза Юльки, сдержанную улыбку Оливула, смущенный взгляд Доная, любопытство на одинаковых лицах близнецов, понимание, излучаемое Пэром, и откровенный ужас Данилы.

— Идите за мной, — глухо произнесла Посредник и, встав на краю, как крылья, раскинула руки.

Великолепные волосы на ее голове слиплись, образовав органический шлем, покрытый шипами, гладкая кожа плеч погрубела, приблизившись по своей фактуре к чешуе, на лице появились темные защитные пятна. Она оттолкнулась от площадки и поплыла в мутном Нечто, оставляя за собой узкую бледную тропу Космоса.

— Оливул, — прошептала Юлька, — ведь она наполовину человек.

— Надеюсь, сейчас в ней победит Посредник. Поедем, друзья!

Он первым ступил на шаткий Путь и протянул сестре руку. Девушка смело пошла за ним. Донай пропустил вперед Грегa и Гора и подтолкнул Данилу.

— Не зевай!

Гаюнар с трудом оторвал взгляд от удаляющейся точки. С губ едва не сорвался стон. Мгновенно перед ним пронеслось все: первая встреча на станции, обволакивающий теплом голос и бережные струи таинственной энергии, зондирующие мозг, и многое, многое. Последний разговор в кабине тупой иглой застучал в висках. Мог ли он подумать, что скрывала Каляда!

— Ну, двигайся ты, пока не поздно! — крикнул Ви-Брук.

— Данька! Данила, очнись! — призрак высунул голову из-за пазухи друга. — Смотри, оно уже здесь!

Приближение опасности привело Гаюнара в чувство чуть раньше, чем пинок Доная. Заструктурная невещественная масса уже заглотнула все Надмирье. Опомнившись, Данила вскочил на тающий Путь. Синий князь немедленно последовал за ним, и оба побежали по узкому коридору, образованному Посредником в чужеродной среде. Они видели, как Оливул, Юлька, Грег и Гор окунулись в Черноту. До знакомой тьмы оставалось меньше трети Пути, как вдруг тропа оборвалась.

— Прыгнем, — предложил Гаюнар, и уже собрался оттолкнуться от опоры, но Донай схватил его за шиворот.

— Стой! Это тебе не бег с барьерами! Ты и мгновения вне Структуры не проживешь!

На противоположном краю разорванного коридора появилась Посредник. Ее рука отодвинула бледно-зеленую завесу, и перед внемиренцами лег узкий мост, созданный Космосом. Путь пронесся в убийственной пустоте и канул в прошлое, а Гаюнар и Ви-Брук очутились в Мире.

Пэр вылетел на свободу и, увидав друзей, шумно вздохнул.

— Я уж было попрощался с жизнью, — признался он. — Данька, ты как?

Пилот не ответил. Он знал, что Каляда вошла в Мир следом за ними и теперь стоит рядом, и поэтому не решался поднять глаза. Но испуганное восклицание Юльки вынудило его оглянуться.

— Серафима! Что у тебя с рукой?!

Правая кисть женщины-Посредника представляла собой пористую практически бесформенную материю.

— Пустяки. Не подготовилась к повторному входу. Я восстанавлиюсь потом.

Она застегнула одежду и непринужденно трянула головой, расправляя волосы. А Данилу обожгло: “повторный вход” потребовался именно из-за его нерасторопности. Он беспомощно изменился в лице, и Пэр поспешно обволок друга своим прозрачным телом.

— Приободришься, Данька, — шепнул он. — Все образуется, вот увидишь.

Смена обстановки произошла стремительно и неожиданно.

— Черт бы побрал этих Обманувших! — выругался Донай, обнаружив, что компанию вновь окружает город без Смерти.

➤5<

Серая площадь, мертвые дома и безмолвные люди в темных одеждах. Крылатый Волк находился здесь же, каким его оставили бог знает сколько времени назад. По каменной мостовой зашуршали плащи — Обманувшие Смерть все как один приклонили колена. Серафима выдержала паузу и, убедившись, что никаких новых действий со стороны ордена не ожидается, сделала несколько шагов навстречу. Неизменный коричневый комбинезон обтягивал ее нечеловеческое тело, правую руку она прятала за отворотом куртки, на лице просматривались не до конца растворившиеся защитные чешуйчатые пятна, но тем не менее перед друзьями опять была их Серафима — капитан, подруга, лидер.

— Мы, избранники Семи Стихий, прошли ваше испытание, — произнесла она, обращаясь к собранию. — Мы хотим говорить с Магистром.

Тот встал опираясь на жезл и, продолжая смотреть в землю, вымолвил:

— Я повинуюсь.

— Нам не нужна власть над вами, равно как и над другими жителями Структуры. Мы хотим знать, почему вы решили найти нас и показать путь к Зеркалу Судьбы?

Магистр чуть приподнял жезл и среди коленопреклоненных встал один.

— Этот человек начал поиск избранников. Он утверждает, что Зеркало Судьбы послужит орудием против чужаков, проникших в наши Миры. Говорите с ним.

Он отступил, а перед друзьями предстал невысокий коренастый человек средних лет. Его колючие глаза недоверчиво смотрели на людей, как глаза дикого зверя. Движения были резки и несколько развязны, а меч, который по каким-то здешним правилам он вынужден был носить, никак не соответствовал его угловатой с первого взгляда даже неуклюжей фигуре. Большой рот готов был в любую минуту скривиться в дерзкой усмешке, а мощная нижняя челюсть шевелилась в такт невысказанным мыслям.

Данила впился взглядом в удивительно знакомое лицо. Он почему-то знал эти холодные глаза, эти грубые руки, полусжатые в кулаки.

— Пэр, кто это? — прошептал он.

Призрак застыл в воздухе за его спиной.

— О, нет... Данька, это твой отец!

Александр Гаюнар неуверенно шагнул к Даниле и остановился.

— Пэр, зеленый пройдоха! — воскликнул он. — Не думал я, что увижу тебя опять. А кто этот парень, за которого ты прячешься? Неужто он и есть мой отпрыск?

— А что, не нравлюсь? — тут же ошетинился Данила.

Старший Гаюнар расхохотался.

— Лучше и я бы не мог ответить! Иди сюда. Может быть меня и убили, но смерть я потерял заранее. Так что не трусь, я не покойник.

И протянул сыну руку.

Данила часто представлял себе, что бы сказал Гаюнару при встрече. Но, как всегда бывает, реальность оказалась безмерно далека от навеянных ностальгией иллюзий. Он просто крепко пожал сухую жилистую ладонь отца.

— У тебя отняли Смерть, а меня наделили Жизнью, — грустно улыбнулся он.

— Я тебе не завидую. Жизнь, парень, штука гадкая. Но я не о тебе, не обижайся.

— А где... мама?

Александр прищурясь, посмотрел на тусклое солнце.

— Женщины сюда не попадают. Знаешь ли, чтобы родить, они должны иметь очень много Смерти. Даже у Великих не хватило бы силенок ее отобрать. Твою мать убили Кочевники. Вот почему я, даже не живущий, хочу стереть этих тварей в порошок.

— Поэтому ты искал Стихий?

— Правильно. А теперь валяй к своим, успеем поболтать на досуге. Вы все славно держались!

За иллюминаторами не было видно ни малейшего движения. Магистр увел своих сотоварищей и предоставил гостям полную свободу действий. Александр Гаюнар ушел вместе со всеми, отказавшись подняться на борт звездолета. “Я ему больше не хозяин, — сказал он. — Это дом Семи Стихий.”

Аполлон и Артемида, встретившие людей с неописуемой радостью, ни на шаг не отходили от Данилы. Он, вопреки отвратительному настроению, приласкал собак, и неожиданно на душе стало легче, а усталость неохотно отступила от тела.

Донай водрузил Меч Смерти на его привычное место под барельефом, прихрамывая прошел через кают-компанию и в изнеможении опустился в кресло в дальнем углу.

— Я чувствую себя как после трех суток непрерывной скачки, — пробормотал он.

— А я хочу только в душ, — промямлила Юлька.

— Ты же уже купалась! — воскликнул призрак, единственный из всех сохраняющий бодрый вид.

Грег и Гор оживились.

— Пэр, как получилось, что ты начал говорить? — дружно спросили они.

Тот пожал прозрачными плечами.

— Понятия не имею!

— Голос, речь, звук находятся под эгидой Воздуха, — объяснила Серафима. — Ты впервые объединился со своей Стихией, и она заняла пустующие ячейки твоей сущности.

Она оборвала речь на вдохе и мельком взглянула на Гай-Россов.

— Каковы наши планы, капитан? — нарушил наступившее молчание Оливул.

— Отдыхать. Всем без исключения. Решения принимать будем на свежую голову. Донай, как у тебя дела?

Ви-Брук вяло потянулся.

— Утром буду как новенький. Обязуюсь.

— Серафима, а твоя рука? — спохватилась Юлька.

— Все нормально, — ответила женщина и, помедлив, показала правую кисть.

На тыльной стороне ладони и на предплечье поблескивала медная чешуя.

— Чему ты не восстановила человеческую кожу? — удивился Пэр.

— Увы, я не умею трансформировать ткани так, как хочу. После повреждения регенерация неуправляема и проходит по правилам Посредника.

Данила внутренне вздрогнул, но охватившее его волнение никак не проявил. Только собаки, почуяв состояние хозяина, заерзали возле его ног.

— Вахта не требуется, — объявила напоследок Каляда. — Советую всем хорошенько выспаться.

На Волке постепенно воцарились покой и тишина. После стольких приключений самая статность была провалиться в долгожданные глубины сна, но спасительное забытие проскальзывало мимо, и Данила лежал с открытыми глазами, слушая спокойное дыхание спящих друзей. Еще в первые дни, когда они собрались на Волке, кто-то обмолвился — а не сделать ли отдельные каюты для каждого, ведь место вполне позволяло. Тогда для реализации этой идеи не нашлось времени, а теперь про нее уже никто не вспоминал.

Пэр, перевернувшись спросонья, вытек из светильника под потолком. Прибор натянуто загудел. Гаюнар посмотрел на зеленую дымку, расплывшуюся по всей комнате, и улыбнулся: призраку снились сны, и клоки тумана плавно принимали причудливые формы его видений. Разобрать что-либо среди неясных фигур Даниле не удалось, и он вновь вернулся к своим невеселым мыслям. Он был уверен, что Серафима спит, спит глубоким нечеловеческим коротким сном, и не может слышать отголоски образов его сознания. А он думал о ней и о себе...

На какое-то время Гаюнар все же забылся, и очнулся, когда Пэр

принялся дергать его за плечо.

— Данька, Данька!.. Ну наконец-то, — увидав, что друг открыл глаза, призрак присел на край его койки. — Ты здоров?

— Отстать, — пилот хотел отвернуться к стене.

— Ты стонал во сне, и я решил тебя разбудить. После возвращения из Игры ты стал сам не свой. Что с тобой происходит, Данила?

Тот молчал.

— Каляда? — призрак грустно смотрел на друга.

— Я испугался, Пэр. И она это поняла.

— Ты не был готов к откровению.

— Это не оправдание. Вчера я сжег мосты — сказал ей... В общем, ты знаешь. А теперь... Нет. Пэр, я буду любить ее всю жизнь! Мне плевать, что ее папаша был Посредником. Мне плевать, что у нее вместо кожи чешуя! И даже если я для нее пустое место, презренное трусливое создание, я все равно буду любить.

Пэр задумчиво качался в воздухе.

— Нерешенный парадокс человеческой души, — пробормотал он.

— Надо быть человеком, чтобы так рассуждать, — оборвал его Гаюнар.

Пэр тяжело вздохнул — растекся над койкой, вновь собрался в привычную фигуру и хотел отлететь к потолку, но Данила поспешно удержал его.

— Прости. Прости, пожалуйста, брат.

Он крепко обнял призрака. Прозрачное зеленое тело в его руках вздрогнуло.

— Ты сказал “брат”? Почему?

— Потому что роднее тебя у меня нет никого.

Пэр грустно усмехнулся. Данила, отчетливо видевший его лицо, очерченное густым зеленым контуром, подумал вдруг, что точно так же усмехался отец, когда говорил с ним на площади.

— Я часто размышлял — кто я, — заговорил призрак. — И мне страшно от того, чего я не знаю. Дух Волка, привидение, существо из Темных Миров или...

— Не надо, Пэр, — поспешно перебил Данила. — Ты — человек. Поверь мне! И вот что: мы должны поговорить с отцом.

— Когда? — голос призрака дрогнул от волнения.

— Прямо сейчас, — пилот бесшумно спрыгнул со своей койки и шепотом позвал. — Что ты там застрял? Идем.

Пока Гаюнар натягивал сапоги и искал в потемках куртку, Пэр нерешительно плавал в воздухе рядом. Безо всякого энтузиазма он последовал за другом в тамбур и уже в кают-компании решил возразить:

— Мне кажется, ты торопишься, — сказал он. — Александр всегда был нетерпим к сентиментальности, к чувствам, порой и к людям. А сегодня он выглядел особенно сухим. Клеймо Обманувших Смерть лежит на нем тяжелой печатью.

— Ты говоришь таким тоном, будто хочешь закончить словами: лучше бы он действительно умер.

— Так оно и есть. Он ненавидел общество и его каноны, а Обманувшие вынуждены существовать по законам ордена. Их не воспринимают миряне, им не надо есть, пить, спать — они остановились там, где жизнь ушла, уступив место смерти, а та не нашла дороги в Сущность.

Данила невольно содрогнулся.

— Не понимаю, за что отцу досталась такая участь!

— Александр смотрел на меня так, будто я и есть самый большой его грех, — быстро проговорил Пэр. — Давай все-таки оставим его сегодня в покое.

— Он обещал встретиться со мной. Надеюсь, он слов на ветер не бросает. Тем более, у меня накопилось много вопросов. В том числе и о тебе.

— Данила, послушайся меня на этот раз!

Пэр готов был преградить ему путь, но в этот момент глухо стукнули створы двери, ведущей в кабину управления. Увидав Каляду, оба потупились.

— Извините, ребята, я, кажется, некстати, — произнесла она. — Я не отниму много времени своим присутствием.

С этими словами капитан прошла к библиотечному терминалу, руководствуясь какой-то точно определенной целью, а Данила, не позволив себе раздумывать, громко, чтобы усилить собственную уверенность, сказал:

— Мы хотим встретиться с Александром. Серафима, я тебя прошу... — он вдруг растерял все уместные слова. — Прошу... пойти с нами. Пэр утверждает, что Александр не расположен к беседе, но я думаю, у нас не будет другой такой возможности узнать о Волке.

— Ты хочешь, чтобы я воспользовалась сенсорными приемами?

— Нет! То есть... Мне нужна твоя помощь. Нам всем нужна твоя помощь. Крылатый Волк окутан тайной, а мой отец способен приоткрыть ее. Если, конечно, захочет... Ты умеешь тонко чувствовать людей, ты лучше любого из нас поймешь недосказанное!

Серые упрямые глаза блеснули из-под тяжелых бровей. Каляда посмотрела на товарища, лицо которого было сейчас открытой книгой, отображающей бурю чувств, и согласно склонила голову.

— Я оставлю сообщение на мониторе и присоединюсь к вам. Ждите на палубе.

Аполлон и Артемида не изъявили желания следовать за хозяином в бессмертный город, и Данила без помех поднялся на смотровую площадку звездолета. Пэр выбрался из люка следом и демонстративно остался в человеческом облике, чтобы по выражению его лица было видно, какого

мнения о предстоящей беседе он придерживается. Вскоре появилась Каляда, на ходу надевающая черную перчатку. К лицу Гаюнара прихлынула кровь.

— Думаешь, я опять перепугаюсь? — горько усмехнулся он.

Серафима тщательно застегнула манжету.

— Конечно же нет, Данила, — в голосе, как никогда мягком, звучала неподдельная грусть. — Прости, что так получилось. Я не смогла открыться тебе раньше и стала причиной неприятных переживаний. Прости... А это, — она показала глазами на свою руку, — только для того, чтобы не привлекать внимание. Людям и нелюдям за стенами Крылатого Волка совсем необязательно знать, кто мы на самом деле.

Гаюнар хотел ответить, но мысль отказывалась повиноваться рассудку, от чего подходящих слов так и не нашлось. Серафима улыбнулась.

— Не надо. Я умею понимать недосказанное, ты сам это заметил. Пэр, приободрись. Ты выглядишь мрачнее тучи.

— Разве что зеленый! — поддержал Данила. — Полезай за пазуху. Я не хочу, чтобы ты мотался пешком в этом кошмаре.

Лабиринт узких сумрачных улочек казался изнутри еще более неприветливым, чем издали. Стараясь не удаляться от площади, внемиренцы обошли с десяток кварталов, не встретив при этом ни одного обитателя призрачного города.

— Данила, попробуй позвать отца, — предложила, наконец, Каляда. — Иначе мы будем блуждать здесь до утра.

Оливул однажды рассказывал о способе общения, условно называемом “зов крови”. Это было что-то вроде ментального контакта между близкими родственниками, в чьих сущностях присутствовал Космос. Данила решил, что самое время пристегнуть теорию к практике, и сосредоточился на имени Гаюнара. Поначалу ничего, кроме мысленного повторения имени, не получалось, но вдруг из глубин памяти прорвались давно забытые ощущения. Нить образа коснулась реального субъекта, натянулась, как мост между двумя берегами, и Гаюнар неожиданно для себя подумал, что однажды уже использовал этот прием, когда вытягивал Пэра из кристалла. Холодная мысль оттолкнулась от другого конца моста и петлей обхватила мозг. Данила невольно попятился.

— Он уже здесь, — шепнула Каляда, почувствовав чужое присутствие.

Александр материализовался стремительно, как будто по инерции сделал несколько шагов навстречу гостям и остановился.

— Привет, — произнес Данила. — Мы тебя искали.

— Знаю. А то дернуло бы меня сюда явиться. Разговор намечается? Добро. У этих стен могут быть уши, поэтому приглашаю посетить мои скромные апартаменты.

— С удовольствием, — откликнулся младший Гаюнар.

— Большого удовольствия ты не получишь. Они ничем не отличаются от всего этого могильника. Пэр, убери башку, в таком виде я не смогу тебя телепортировать. Готовы? Поехали.

Друзья оказались в полутемной душной комнате с двумя задрапированными окнами. Посередине стоял ветхий деревянный стол, в углу скривилась кровать, застеленная серым ворсистым пледом. Заметно было, что на нее давно никто не ложился. Александр подцепил сапогом валявшийся табурет и поставил на ножки.

— Извините за беспорядок. Я тут редко бываю. Садитесь, — он указал на два добротных стула. — Сейчас свет сделаем.

Портьеры упали на пол, подняв тучу пыли.

— Все, что я получил в награду за свое теперешнее состояние, — пояснил он, — это небольшую власть над пространством. Ладно, о чем пойдет речь?

Данила, которого в первый момент шокировали манеры отца, взял себя в руки.

— О Кочевниках, — ответил он коротко.

— Вот уж что вы лучше меня знаете! — Гаюнар-старший обвел взглядом потолок. — Я видел, вы нашли у Волка крылья. Удивлены? Я наблюдал за вами с начала вашей великолепной гонки за строителями экзорных мостов.

— Значит, это ты помог Донаю и Юльке найти меня в Структуре?

— Я. Тебе следовало бы заучить одно полезное правило: не зная броду не суйся в воду. Впрочем, вы все шустрые ребята. Пацан-экзистор, который очень вовремя разбил башку и присоединился к нам, рыскал по всем Играм, прежде, чем вы нашлись. Да и то это была не его заслуга. Если бы ваш приятель не зажег факел Смерти, мы подросли бы к шапочному разбору. А так успели даже поджарить кое-кому пятки.

— Вы оборвали мост?!

— Как бы ни так! Даже десятка таких экзисторов как Бер-Росс не хватит, чтобы разбить поделки Кочевников. Есть лишь одно средство вышвырнуть их из нашей Структуры. И оно в ваших руках.

— Ты говоришь о Крылатом Волке? — Данила решил поднять давно волнующую его тему. — Отец, ведь Волк был твоим звездолетом долгое время, и ты, наверное, знаешь о нем все. Почему Пэр стал его духом?

— Это ты у Ортского спроси, — буркнул Гаюнар-старший. — Его затея.

— Ну, хорошо, — Данила не унимался. — А как вообще Пэр с тобой оказался?

Одержимый азартом, он вдруг уловил нотку сожаления, скользнувшую от сознания Серафимы. Но было поздно: вопрос уже прозвучал.

Александр усмехнулся.

— Как на допросе!

— Извини, — растерялся пилот. — Мы думали, ты нам поможешь.

— Чем я вам помогу? Я — Обманувший Смерть, потерявший жизнь и все, что у меня было!

— Вчера ты готов был разделаться с Кочевниками, — напомнил ему сын. — Или я неверно истолковал твои слова?

— Ладно, не цепляйся. Я не отказываюсь от сказанного, но все, что нужно, я уже сделал: убедил Магистра заняться вашими поисками и дать возможность пройти испытания.

— Ты верил, что мы избранники Стихий?

— Я сомневался немного меньше, чем другие. Честно говоря, в последний момент и у меня похолодела кровь. Кто бы мог подумать, что вы, мадам, Посредник!.. А трудно, наверное, быть мамашей такого беспокойного семейства!

— Я не мать Стихий. Я избранник Космоса.

Гаюнар махнул рукой.

— Слова, слова, а суть одна. Капитан — отец команды, ну а в вашем случае — мать. И знаете ли, я рад, что эти двое, — он показал на Пэра и Данилу, — находятся под вашей опекой.

Призрак, сидевший на спинке стула, сжался под мимолетным взглядом Александра, первый раз за все время беседы обратившего на него внимание.

— Мы стали бы значительно сильнее, если бы знали предысторию Крылатого Волка, — сказала Серафима. — Нам предстоит битва, и как в любой битве победу обеспечивают не только авангарды, но и тылы.

Гаюнар молчал.

— Кто управляет Кочевниками? — продолжала Каляда. — Какую цель они преследуют? Что им обещано или что они намерены иметь, если Структура будет разрушена? Ответы на эти вопросы могли бы прямо или косвенно дать вы, Александр.

Он поднялся с табурета и в раздумье прошелся по комнате.

— Кочевниками невозможно повелевать, — сказал он негромко. — Это я знаю из собственного опыта. Я в юности развлекался тем, что придумывал ловушки для пустотелых тварей. Ничего хорошего в результате не вышло.

— Вы могли видеть Кочевников среди Черноты?

— Да.

— Вы не задумывались, почему?

— К чему без толку ворошить мозги! Таким родился, и все тут.

— Вы делали ловушки для Кочевников с помощью Крылатого Волка?

— Нет. Волк мне достался значительно позднее. Ортский предупреждал, что звездолет создан для Семи Стихий, хотя тогда сей факт меня мало трогал.

— Значит, именно Ортский сказал вам о способе уничтожения Кочевников?

— Он велел мне искать вас.

— А кристалл, который вы подбросили на Волка? Насколько я понимаю, он предназначен для Пэра.

Гаюнар остановился.

— У вас просто талант к расследованиям! — воскликнул он, уже не скрывая раздражения.

— Может быть. Но вы начали дело, так доведите же его до конца.

Данила видел, что отец оказался перед нелегким выбором, но не мог определить, в чем непосредственно заключалась дилемма.

— Подручный Ортского передал мне кристалл, чтобы я вручил его вам, — ответил, наконец, Обманувший Смерть. — Больше я ничего не знаю.

— Жаль, — Каляда встала. — Нам пора. Завтра мы улетаем. Надеюсь, увидимся до старта.

— Улетаете? — удивился Александр. — Но вы завоевали право пройти к Зеркалу Судьбы!

— Мы воспользуемся этим правом, но не сейчас. Прежде мы должны узнать, с кем нам предстоит сражаться.

— Доброе утро, Оливул. Очень хорошо, что ты уже здесь, — сказала Серафима, застав бортинженера в кабине управления. — Как наши дела?

Белый князь встал ей навстречу.

— Составляю предварительную спецификацию повреждений корабля, — ответил он. — По прогнозам экспертных систем на отладку запасных и ремонт основных блоков уйдет по меньшей мере шесть-восемь часов.

— Как себя ведет наш противник? — Каляда села за пульта капитанского мостика.

— Обманувшие Смерть закрыли Мир собственной тенью. Все структурные параметры искажены. Надо бы ненадолго выйти в Надмирье и определить состояние Игры до того, как начинать путешествие сквозь Зеркало Судьбы.

Серафима, согласно кивая, активизировала терминал бортовой аналитической сети.

— У нас будет достаточно времени, чтобы следить за Игрой, поскольку к Зеркалу Судьбы сейчас мы не пойдем.

Бер-Росс изумленно поднял глаза на капитана.

— Великий, с которым мне пришлось общаться, настаивал на скорейшем и полном уничтожении Кочевников, паразитирующей субстанции в Структуре, — продолжала Каляда. — Однако, он не пожелал ответить на очевидный вопрос: что такое Кочевник по своей природе. С другой стороны, Волк, созданный задолго до возникновения идеи возродить Первую Игру, уже имел установку аннигилировать то, что среди внемиренцев принято считать чужаками.

— Ты хочешь сказать, — медленно заговорил Белый князь, — что, используя нас, кто-то хочет разрешить собственную частную задачу?

— Причем не оставляя нам ни времени на раздумья, ни права на выбор, — подхватила Серафима.

— Оливул, не мог бы ты декодировать из архива параметры старта, который провел Пэр? Я имею в виду поспешный выход из Мира, где отличились Донай и Данила.

Неожиданная смена темы Бер-Росса насторожила: он не мог допустить мысль, чтобы Каляда оставила обсуждаемую проблему в подвешенном состоянии. Он торопливо обратился к архивному банку данных, гадая, что заставило капитана сцепить два совершенно независимых на первый взгляд факта, и, направив извлеченную информацию на капитанский терминал, приблизился к мостику.

Серафима проделала ряд вычислений и, когда на мониторе застыли две трехмерные диаграммы, обернулась к бортинженеру.

— Что ты можешь об этом сказать?

Бер-Росс внимательно изучал графики.

— Так выглядят параметры токов Структуры, когда Кочевники покидают Мир, — уверенно ответил он. — Здесь нет ничего нового, на мой взгляд.

— Ты говоришь об обоих графиках?

— Но они идентичны... Кому принадлежит второй?

Серафима в упор смотрела на Белого князя.

— Второй описывает скачок Пэра.

Оливул медленно скрестил руки на груди, не отрывая взгляда от экрана.

— Как ты это объясняешь? — спросил он.

— Не вижу альтернативных вариантов.

— Нет. Пэр внемиренец, один из нас. Он избран Воздухом. Кочевник не может нести в своей сущности Стихии!

На бледном лице Бер-Росса выступил румянец возбуждения.

— В целом, ты прав, — вздохнула Каляда, — но в случае Пэра мы имеем дело не с простым Кочевником, а с какой-то сложной трансформацией, которую так или иначе начал Гаюнар-старший и завершил Ортский.

— Так сказал тебе Александр?

— Нет, он не признался. Обронил, что в юности практиковался в ловле Кочевников, и только. Выводы я делаю на основании наблюдений. Самое показательное из всех то, как Пэр “влился” в тело Грег-Гора, когда наш дракон потерпел неудачу в Игре. Я решила поначалу, что Пэр воззвал к Воздуху. Однако вчерашние события опровергают мои выводы.

— Он заговорил сразу, как только ощутил в себе Стихию, — вставил Оливул. — Впервые ощутил, ты хотела сказать?

— Именно. Звуковая речь — одно из проявлений Стихии Воздуха, — пояснила Серафима и продолжила. — Объединение с Крылатым Волком также происходит по принципу “присвоения места”. Однако Пэр не разрушает объект, когда его покидает. То есть для него “замещение” становится, образно говоря, разделением на “стихии” и “нестихии”. Фактически, он оставляет часть себя на оболочке предмета. Это удерживает предмет в равновесии, а Пэру позволяет безболезненно вернуться в свое “я”.

— Невероятно, — Оливул в растерянности смотрел на графики, замершие на экране. — Получается, мы уничтожим друга, если заставим Волка бороться с Кочевниками?

— Поэтому я и не хочу принимать поспешных решений. Мы должны знать: кто на самом деле Кочевники — паразиты, чужаки или забытые творения Великих. Некоторые из них уже укоренились в Мирах, отыскав потерянные места, и одно это вынуждает вычеркнуть из списка синонимов слово “чужак”. Не станет ли их изгнание нарушением устойчивости Структуры? Вот что необходимо выяснить и как можно скорее. Выводы о Пэре оставим пока между нами, Оливул. Я все-таки надеюсь, что Александр победит гордыню и расскажет о нём сам.

За завтраком Каляда не подняла вопрос о предстоящем путешествии, как ожидал Оливул, и предложила вплотную заняться звездолетом. Капитана всецело поддержали. Было ясно, что никто из друзей не желает долго гостить в неудобном Мире, и более всех Пэр.

— Я ненавижу это место, — шепнул призрак Даниле, когда они вдвоем спустились в машинный зал.

— А я жалею, что настоял на встрече с Александром, — отозвался Гаюнар. — Обидно, он совсем не питает ко мне отцовских чувств. Если бы не Серафима, никакого разговора у нас вообще бы не получилось.

Оливул заканчивал настройку внешних бортовых визоров, когда заметил возле примыкающего к площадке здания знакомую фигуру. Обманувший Смерть сделал знак следовать за собой и отступил в тень переуллка.

— Грег, Гор, подмените меня на несколько минут, — попросил Бер-Росс и по коммутатору предупредил сестру, орудовавшую в кабине: — Юля, не прерывай тест, я скоро вернусь.

Он спрыгнул на мостовую и быстро пошел навстречу Александру.

— Приветствую, князь, — Гаюнар вальяжно раскланялся. — Извини, вчера не признал сразу.

— Я рад тебя видеть, Алекс.

— Я тоже... Спасибо, что позаботился о теле моей подружки.

— Ты был на могиле?

— Я даже наблюдал за похоронами. И видел, кстати, как ты пытался найти наших убийц.

— Я не подозревал тогда, что Кочевники способны занимать предметы. Мы искали стрелка, а надо было всего лишь сжечь брошенный колчан со стрелами.

— К дьяволу их... Вот, — Александр протянул Оливулу маленький плоский футляр из легкого металла, — передай это Даниле.

Бер-Росс нерешительно взял вещицу.

— Но почему ты сам?...

— Нет. Сделай одолжение, Белый князь, передай и всё.

— Хорошо.

Он убрал футляр во внутренний карман и собирался продолжить разговор, как вдруг рядом заколебалось марево, и прямо из каменной мостовой поднялась темная фигура с потерянными в сумраке контурами. Гаюнар рефлекторно отшатнулся. То была Смерть, взывающая к Тверди.

Оливул похолодел.

— Донай, — прошептал он. — Прости, Алекс, меня зовет брат. Я должен идти. Надеюсь, это не последняя наша встреча.

— Посмотрим, — обронил Гаюнар, издали поглядывая на запретную Стихию.

Оливул побежал к звездолету.

— Донай! — позвал он.

— Он там, с правого борта, — подсказали близнецы. — Чем ты обеспокоен?

Белый князь не ответил. Фантом Смерти, в сумерках похожий на грозовую тучу, маячил в переуллке.

— Ви-Брук звал на помощь. Скажите Серафиме — я иду к нему! — крикнул Оливул и бросился вслед за удаляющимся образом.

Грег и Гор растерянно переглянулись.

Капитан молча выслушала короткое сообщение.

— Оставайтесь на Волке. Юля, слышишь меня? — она наклонилась к микрофону. — Установи защитный экран на средний уровень. Самостоятельно ничего не предпринимать. Данила, выпускай собак вперед. Возьми оружие.

— Я тоже с вами! — появился Пэр.

Каляда не возразила.

➤8<

Донай выправлял манипуляторы, когда, потянувшись за инструментами, вдруг обнаружил, что стоит на высоком холме возле одинокого засохшего дерева. Вдали сквозь туман мерцали серые городские стены.

— Черт бы их побрал, — пробормотал он и гаркнул во всю свою луженую глотку. — Эй, вы, бессмертные! Мы так не договаривались!

Перед ним материализовались четверо. Смирненно склоненные головы, взгляд, опущенный ниц — они не были похожи на врагов, и Донай благоразумно повременил с действиями. Он внимательно оглядел неподвижную группу и неожиданно для себя узнал одного из четверки: это был тот самый молодой программист-экзистор, который играл на Мире Дымиуса.

— И как сие понимать? — Синий князь уперся кулаками в бока.

— Мы просим позволения говорить.

Ви-Брук, хоть и старался сохранить самообладание, был искренне возмущен ответом.

— Чего-чего? Просите позволения говорить? А когда вы меня телепортировали, вы позволения спросили?!

— Прости. Магистр не должен знать, — вновь заговорил старший. — Мы доставим тебя обратно по первому твоему слову, но прежде, умоляю, выслушай нашу просьбу.

— Ладно, — снисходительно согласился Синий князь. — Так что вы хотите, чтобы я услышал?

Трое из четырех Обманувших опустили на колени.

— Верни нам Смерть.

Донай застыл с ошарашенным выражением на лице.

— Что? — выдавил он. — Ребята, вы в своем уме?

— Только ты, Витязь Меча Смерти, способен избавить нас от заточения бессмертного бытия. Сжался. Верни нам то, что отняла Судьба.

Синий князь сглотнул подкатившийся к горлу ком.

— Вы хотите, чтобы я... убил вас?

Жестокая память вдруг раскрыла перед ним пыльные кулисы сцены, зовущейся прошлое. Охота на диких зверей в бесконечных лесных Мирах и каленая стрела, летящая в беспомощного подранка... Бессмысленная дуэль, исход которой был предreshен... Брызги крови и храп обезумевшего коня, несущегося по полю брани... Полутемная комната с небольшим экраном на стене, в котором видно, как двое — мужчина в белом и девочка в нескладной униформе — движутся по-над пропастью. Две жизни в его руках, и хладнокровно продуманный план уничтожения...

То было раньше, давно, хотелось верить — во сне. Он отчаянно оттолкнул от себя наваждение, но осталась Смерть, дышащая в затылок холодом и землей. Вместе с ней в душу стучался страх. “Оливул, где ты? — едва не крикнул Донай. — Помоги мне!” И хотя слова так и не были произнесены вслух, зов крови на крыльях Стихии полетел к брату.

— Одно прикосновение твоего Меча, — продолжал Обманувший, не ведая, какие ураганы бушуют в душе Витязя, — и наши страдания кончатся. Мы искали Стихии и ждали избавления. Отпусти нас. Прощу тебя, отпусти!

Синий князь посмотрел на существ, некогда бывших людьми. Трое так и стояли на коленях, низко опустив непокрытые головы. Четвертый — молодой экзистор — находился поодаль от товарищей.

— Как давно вы принадлежите ордену? — тихо спросил Ви-Брук.

— Мы были первыми. Он, — старший показал на юношу, — последний.

— Я мало жил и не хочу исчезать сейчас, — экзистор, дрожа от волнения, поднял взор. — Но я прошу сохранить за мной право умереть.

— Будь по-твоему, — произнес Синий князь и, когда тот, заручившись словом Витязя Смерти, удалился в седую мглу, повернулся к коленопреклоненным. — Я исполню вашу просьбу.

На холм навалился тяжелый монотонный гул, пошатнулись вековые валуны, и Меч Смерти ликуя вверил свой эфес рукам Витязя. Стихия поднялась из-под земли — невидимый, угрожающий образ — обвила клинок и заискрилась синим пламенем на острие.

Ви-Брук коснулся мечом поочередно каждого из троих. Тела Обманувших напряглись, задрожали и вдруг, потеряв контуры, стинули в скованном апатией воздухе. Последнее, что запомнил Донай, были полные благодарности глаза тех, кто, наконец, завершил жизнь без жизни.

Синий князь качнулся. Ему показалось, что земля плавно уплывает из-под ног. Великая усталость, близкая к самой смерти, заключила его в холодные объятия. Он готов был выронить меч, но руку удержали, не позволив разжать ладонь.

— Не отпускай его! — крикнул Оливул. — Заставь Стихию уйти, Донай!

Смерть металась, запертая в камне, клинок упирался в землю. Ви-Брук, собрав остатки сил, приподнял его и воткнул в жесткий грунт. Затем отступил и медленно перевел взгляд на Оливула.

— Я не мог этого не сделать, — выговорил он.

— Все в порядке. Все правильно, — Бер-Росс обнял его одной рукой.

— Я их убил...

— Нет. Их убили раньше, а теперь ты вернул им Смерть.

Синий князь тяжело вздохнул и уронил голову на плечо брата, чтобы не видеть ни мертвого дерева — мрачного памятника ушедшей отсюда жизни, ни праха на месте кончины трех Обманувших Смерть.

— Они давно жаждали подвести черту, — голос Александра Гаюнара разрушил скорбное молчание, — поэтому и согласились помочь мне разыскать Стихии.

Донай и Оливул вздрогнули от неожиданности.

— Алекс?! — насторожился Бер-Росс, заметив, что тот стоит всего в двух шагах от Меча, вонзенного в землю.

— Извини, князь. Я следил за тобой, — он посмотрел на истлевшие лоскуты одежды своих товарищей. — А теперь, родственники, не откажите и мне в любезности.

Донай с трудом осознал, о чем говорит Гаюнар.

— О, нет, — невольно слетело с его губ.

Тут из зарослей кустов у подножия пригорка послышался собачий лай. Аполлон и Артемида, кроша когтями рассыпчатый сухой грунт, полезли на крутой склон. За ними показалась Каляда и чуть дальше Данила. Пэр, вынырнув из-за его плеча, увидел на вершине холма людей, вытянулся в стрелу и помчался вперед так быстро, как только мог.

Появление друзей на секунду отвлекло внимание Оливула. Ему казалось, что он даже не выпустил Гаюнара из поля зрения, но...

— Не прикасайся! — закричал Донай.

Он успел схватиться за эфес, однако Александр оказался проворнее и обеими руками сжал клинок у самого основания. Засыпающая Смерть воспрянула и немедля ворвалась в предоставленную оболочку. Взмывший над холмом Пэр увидел, как неживое тело Гаюнара-старшего растекается по камням. Черная масса просуществовала еще несколько мгновений и уползла вглубь земли.

Наступила зловещая тишина, нарушенная лишь шорохом посыпавшегося под откос песка, потревоженного собачьей лапой.

— Это конец? — выдавил Пэр.

— Да, — негромко ответила Серафима.

Донай опустил на грунт и закрыл глаза. Оливул присел рядом, сжав его плечо.

Взгляд Данилы был прикован к месту, где только что стоял его отец.

— Он всегда делал то, что сам считал нужным, — жестко, чтобы скрыть дрожь в голосе, проговорил пилот. — Пэр, не унывай. Это не гибель. Это свобода.

— Донай, очнись, пора, — бесстрастно сказала Каляда.

Оливул сделал предупреждающий жест, мол, не нужно сенсорных воздействий, и осторожно потормошил брата.

— Синий князь, возьми меч. Всё закончилось.

Донай тряхнул головой и стал вставать.

— Я в седле, — со вздохом сказал он.

Друзья молча отправились в обратный путь.

От городских ворот до площади, где стоял Крылатый Волк было всего несколько кварталов, но Каляда почему-то ни слова ни говоря ускорила шаг. Вскоре Оливул, Донай и Данила отстали настолько, что собаки, по привычке следовавшие за первым, растерянно остановились на перекрестке улиц.

— Кажется, Серафима узнала о неприятностях раньше нас, — заметил Бер-Росс.

— Что происходит? — Пэр вытек из наплечного щитка, закрепленного на пилотской куртке Данилы.

— Вряд ли что-либо хорошее, — буркнул Гаюнар и, машинально вскрыв кобуру, побежал к капитану.

Друзья последовали его примеру. Они догнали Каляду в переулке, откуда виден был звездолет и Обманувшие Смерть, обступившие его фронтовую часть. Над безликими фигурами, закутанными в плащи, возвышался посох Магистра.

— Это следует понимать как нападение? — спросил Данила, переводя дух.

— Вряд ли, — Серафима продолжала изучать мрачную компанию. — Но Юля и Грег-Гор поставили двойной экран защиты. Сделаем так: Пэр, предельно быстро лети к Волку и будь готов поднять его в любой момент. Оливул, Донай, пока я не подам вам знак, оставайтесь здесь, заодно придержите собак. Данила, мы с тобой идем на переговоры.

Шагая рядом с Серафимой по гулкой мостовой пустого города, Гаюнар чувствовал, как нервы превращаются в натянутые струны. Против Обманувших Смерть оружия не было, и никто, даже Каляда, не мог бы сказать точно, с какими намерениями они вновь собрались возле Крылатого Волка. Одно радовало пилота: бесцветную струю призрака, проникшего сквозь борт звездолета, не заметили, а это значило, что на корабле уже трое потенциальных защитников.

— Что потревожило орден бессмертных? — громко спросила Серафима, остановившись в нескольких шагах от шеренги. — Чем мы можем быть полезны вам?

Обманувшие повернулись лицом к внемиренцам. Данила усмехнулся про себя: Каляда сделала так, чтобы их появление стало неожиданностью, и это ей с успехом удалось.

Ряды расступились и пропустили вперед Магистра.

— Один из нас посмел приблизиться к Зеркалу Судьбы, — начал он без предисловий. — Мы провели дознание. Присутствующие здесь не виновны. Лишь Отшельник не явился к ответу. Мы полагаем, он скрывается на вашем корабле.

Не трудно было догадаться, что речь идет об Александре. Данила, в голове которого собрался путаный клубок подозрений и предположений, быстро глянул на капитана. Ее лицо хранило неизблемое спокойствие.

— Разве вам не ответили? На борту нет Обманувшего Смерть, — холодно сказала она.

Магистр был бесстрастен.

— Нам не предъявили доказательств.

— Я даю слово.

— Этого не достаточно: вы отсутствовали, капитан.

— И тем не менее мне доподлинно известно, что Александр Гаюнар, которого вы знали под именем Отшельник, не сможет предстать перед судом. Его больше нет.

Орден заволновался, но Магистр не дрогнул.

— Кто может это подтвердить?

— Я, — сказал Данила. — Мой отец обрел свободу.

Донай, следовавший ментальному сигналу Каляды, подошел к друзьям и нарочито громко опустил конец клинка на каменную мостовую.

— Я, Витязь Меча Смерти, подтверждаю: это истина.

Магистру потребовалась вся его воля, чтобы не двинуться с места, в то время как другие в панике отшатнулись от потерянной Стихии.

— Мы удовлетворены, — чуть более быстро, чем обычно, сказал он. — Ваше право владеть Зеркалом Судьбы закреплено навечно. Каждый рыцарь ордена обязан проводить вас по первому требованию. Это часть кодекса.

Закончив, Магистр исчез, и за ним немедля последовали его товарищи.

Донай убрал Меч в ножны.

— Уф. А я уже подумал, опять придется будить Смерть, — проговорил он.

— Серафима, получается, что отец отправился к Зеркалу сразу после нашего с ним разговора? — насторожился Гаюнар. — Зачем?

— Не знаю, — медленно ответила Каляда. — Но рано или поздно мы это выясним.

В кают-компании, когда Юлька чуть ли ни в лицах рассказала Серафиме о попытке Обманувших Смерть вторгнуться на Крылатого Волка, Оливул вспомнил о просьбе Александра. Приблизившись к Даниле, одиноко сидящему на краю низкого столика, он протянул ему металлический футляр.

— Твой отец хотел, чтобы я передал это тебе.

Гаюнар вздрогнул. Оливул намеревался отойти, но пилот поспешно привстал:

— Подожди. Мне кажется, это касается всех нас.

Он взял футляр, нащупал пальцем нехитрый замок и откинул крышку. На дне плоского контейнера лежала витая пластина с характерными для кодового диска вкраплениями микросхем.

— Где-то я уже видел похожую форму, — заметил Пэр, висящий в воздухе над головой друга.

Подошли Грег-Гор и Юлька.

— Отец оставил тебе послание? — любопытствовала девушка.

— Больше похоже на ключ к какой-то бортовой системе, — вставили близнецы в один голос.

— Или на навигационную карту, — пробормотал Данила, изучая сложные завитки.

— На навигационную карту чего? — переспросил Донай.

Гаюнар неопределенно передернул плечами и поднял взгляд на Каляду, но тут заговорил Белый князь:

— Александр задолго до появления Пэра и рождения Данилы много времени проводил в Темных Мирах. Я был еще мальчишкой, когда пошли слухи о его идее приручить Кочевника. Позднее — для меня прошло много лет — при наших встречах он ни разу не упоминал о своих изысканиях, но обмолвился однажды, что у него есть незаконченное дело в Море, куда никто, кроме Крылатого Волка, не знает дороги.

В сердце Гаюнара запала тяжелая капля необъяснимой тревоги. Непроизвольно он подумал о Пэре и о том, в чем сам себе боялся признаться. Серафима и Бер-Росс посмотрели друг на друга как-то слишком значительно, и это окончательно ввергло Данилу в смятение.

— Я видел! Я вспомнил! — вдруг воскликнул призрак. — Данька, можно я попробую?

Не дожидаясь разрешения, он схватил пластину и ринулся в кабину управления. Впопыхах забыв, что предмет протянуть сквозь стену нельзя, он нырнул в закрытую дверь, застрял в ней, не выпустив из рук заветный ключ, вернулся, с третьего раза попал хвостом тела в кнопку дверной панели управления, влетел в тамбур и, наконец, победно завис над штурманским пультом.

— Здесь, под щитком! — сообщил он.

Грег и Гор, не долго думая, деактивировали крепления и сняли корпус с агрегата. Открылся узкий терминал с единственным устройством ввода посередине. Щель приемника в точности повторяла все пазы и изгибы кодовой карты.

Серафима остановилась в нескольких шагах от капитанского мостика. Друзья о чем-то спорили, передавая пластину из рук в руки. Голоса их постепенно терялись в бесконечности, исчезали привычные контуры предметов, а взамен неумолимо наползало прошлое, хранимое стенами Крылатого Волка. Сознание покинуло настоящее и последовало в мнимую мглу памяти...

С глухим скрежетом отъехала дверь. Александр с почерневшим от копоти лицом шатаясь стоял на пороге. В руке зажат какой-то плоский предмет. Едва ли не бессознательно он двинулся к линии пилота, но, не пройдя и пяти шагов, упал. Обессиленный настолько, что подняться на ноги уже не мог, он пополз к пультам, оставляя за собой на сером пластиковом полу отчетливый алый след. Вот он добрался приборов, сдвинув небольшой рычаг на боковой панели, открыл спрятанный под кожухом терминал и вложил в щель витую пластину. На индикаторном экране вспыхнули огоньки, и по крошечному дисплею с бешеной скоростью потекли столбцы кодов.

— Серафима! Серафима!

Сквозь занавес времени Каляда уловила тревожный голос Юльки. Еще несколько секунд, чтобы выяснить назначение карты! Всего несколько секунд. Нечеловеческое сознание удержало контакт...

Александр упал ничком возле активизированного блока и, по всему видно, потерял сознание. Из терминала раздался характерный предупреждающий сигнал, синтетический голос продиктовал серию параметров, и дисковод с легким щелчком выплюнул ключ. Затем в динамике прозвучало: “Код 'Берег' принят. Начинаю отсчет...”

— Серафима! — Юлька трясла подругу за плечо. — Очнись! Что с тобой?!

Видения лопнуло, рассудок вернулся в настоящее, и первое, что реально увидела капитан, была пластина в руке Пэра, готовая скользнуть в приемную щель.

— Остановись! — крикнула Каляда.

Она опоздала всего на мгновение. Призрак, внимание которого разрывалось между капитаном, по непонятной причине окунувшейся в транс, и кодовым ключом, не нашел ничего лучше как разрешить дилемму, воткнув пластину в открытый дисковый приемник.

В наступившей вдруг тишине, похожей на ожидание неизбежной бури, раздался сигнальный гудок, и бортовой анализатор принялся выговаривать коды. Ключ выскочил из щели. Система бесстрастно доложила: “Код 'Берег' принят. Начинаю отсчет... Семь... шесть...”

— Выключите его! — выкрикнул Данила и запрыгнул в пилотское кресло.

“Три... Два...”

Оливул бросился к инженерной линии.

“Ноль... Взлет!” — закончил компьютер.

Гравитационная система погасила стартовую вибрацию, и таким образом, в кабине команда ощутила лишь легкий толчок. Впереди разверзлась необъятная пропасть Структуры, и Волк нырнул в ее черноту.

— Серафима! Почему мы ничего не делаем? — негодуя воскликнула Юлька. — Мы же должны были идти к Зеркалу Судьбы. Давайте повернем корабль!

— Боюсь, это невозможно, — проговорила Каляда и показала на центральный монитор. — Все системы установлены в автоматический режим.

— Вход в ядро аналитического процессора блокирован, — добавил Оливул.

— Так вскроем его! — предложили Грег и Гор.

— Здесь предупреждение: при попытке вмешательства система уничтожит сама себя. Старый и беспроницательный трюк!

Пэр опустился рядом с капитаном.

— Да что же это за напасть? — растерянно пробормотал он. — Неужели Александр... Нет! Я никогда не поверю, что он причинил бы нам зло!

— Зло? — саркастически переспросил Гаюнар. — Нет. Он всего лишь точно следовал указаниями Великого: организовал испытание, подsunул кристалл, а теперь повел за ручку к Зеркалу Судьбы. Хорошо быть в роли марионетки! Никаких проблем!

— Зачем же ты так, Данила? — тихо произнес Пэр.

— Зачем?! Да нас подставили! А тебе...

— Прекратите, — отрезала Каляда. — Не время для ссор. Кодовой картой Александр пользовался в молодости, следовательно, о Зеркале Судьбы еще не знал. Есть все основания полагать, что Путь ведет нас в его тайный Мир.

Бортовой компьютер не пожелал дать информацию ни о координатах пункта назначения, ни о длительности путешествия. С помощью оставшихся незаблокированными аналитических систем, друзья сумели выяснить способ перемещения звездолета в Структуре: автоматический “штурман”, введенный в управляющие модули, задавал опорные точки, между которыми строился закрытый канал. Уже имея неудачный опыт общения с Волком посредством Силы Созидания, внемиренцы не рискнули проверять гипотезу Оливула об экзорной природе своеобразного моста. Зато не вызывало сомнения, что любая попытка отклониться от курса нарушит целостность канала, и последствия будут равносильны обрыву Игры.

— Мы согласны: нельзя вторгаться в блоки управления, — не унимались Грег и Гор, ратовавшие за детальное исследование корабля. — Но в любой приличной программе, и тем более в такой кардинальной, существует перезапрос на запуск! Безграмотно активизировать стартовый комплекс, не удостоверившись, что человек, вставивший ключ, сделал это сознательно!

— А ведь верно, — подхватил Данила. — Даже в простом катере автодиспетчер дважды переспрашивает готовность к взлету. Ты, умник, — это относилось к Пэру, — что еще ты успел вернуть, когда запихивал карту в дисковод?

— Ничего, — буркнул призрак.

— Система была настроена на сенсорные токи Александра и перезапроса не требовала, — заговорила Каляда, притушив тем самым вновь загорающиеся распри. — Ведь если старший Гаюнар и доверял кому-либо, то только себе.

— Так. Допустим — сенсорные токи. Но при чем тогда наше привидение? — жестко отчеканил спросил Данила. — И на что отец рассчитывал, отдавая ключ мне?

— Ты его сын.

За круглым обеденным столом, где протекало спонтанно начавшееся совещание, наступила тишина.

— Но ключ вставил не Данила, — осторожно напомнила Юлька, — а Пэр.

— Тем более, — поспешно отозвалась Каляда. — Пэр — дух Крылатого Волка, их единство неоспоримо.

Девушка подозрительно посмотрела на подругу, но спорить не стала, хотя у нее осталось бледное ощущение неудовлетворенности.

Глухо хлопнула дверь. Двое поспешно встали.

— Мы их теряем, милорд.

— Мы их почти потеряли!

Потрявоженный движением воздух качнул пламя свечей. Полы тяжелого черного с зеленым кантом плаща распахнулись последний раз и медленно осели.

— Милорд, я сделал все, как вы сказали. Я говорил с Небесным Оборотнем. Но я и представить себе не мог, что ему придет в голову!

— Оправдания неуместны, Алексей. Вашей вины нет.

— Милорд, они идут в Темные Миры! Верните их, милорд. Крылатый Волк создан вами, прикажите ему следовать к первоизданной цели!

— Волк существует в Игре. Не в моей Игре. В нем живет воля Гаюнара.

“Вот он, Космос. Они создают свои Игры, свои Миры. И я не в состоянии вернуть прежний порядок... Темные Миры — Судьба в Судьбе. Долго ли проживет миф об их враждебности?”

— Милорд, быть может избранные Стихий изменят Игру? Среди них Посредник и сильные экзисторы...

— Да, они способны изменить Игру. Они вообще способны сделать очень и очень много. Но захотят ли?

Под раскатом резкого, ставшего сухим голоса, два внемиренца — два статных сильных мужчины — непроизвольно сжались.

“Им нужны ответы, знания, информация. Что ж, по правилам легко существовать, но они хотят жить и мыслить. Наши голоса теряют власть. Даже мой репликант не подчинился Слову... Я ошибся дважды: перестроил Игру, чтобы уничтожить Время, и позволил Космосу укрепиться в новой Судьбе. Теперь потерянные пустоты ищут себя, а седьмая Стихия творит. И рушит нашу логику...”

На обеспокоенных лицах внемиренцев дрожали блики свечей.

“Они ждут моего решения. Пусть так.

Косвенное воздействие на обстоятельства не есть деяние. Я верен Кодексу.

Осталось определить степень компромисса”.

— Друзья мои, нам предстоит сложная работа. Прошу вас следовать за мной.

➤10◀

Данилу разбудило легкое прикосновение.

— Пэр, ну что еще? — пробормотал он оборачиваясь, и подскочил, увидав возле себя Серафиму.

— Вставай, Данила. Это кажется невероятным, но Волка окружили Кочевники.

Через секунду пилот был в кабине управления. Оливул подключал модуль диагностики внешних визоров к локальному терминалу, но и без технических средств Гаюнар с первого взгляда определил, что Каляда не ошиблась: над каналом разлилась пустота.

— Капитан, Волк — Экзистедер Великого, Кочевники не могут занять его место! — убеждая больше себя, чем кого-либо, воскликнул он.

Серафима неопределенно качнула головой и включила сигнал тревоги. Во всех помещениях звездолета загудел набат.

— Данила, ты можешь определить, что от нас закрывают? — спросила она, бегло просмотрев скудные показания визоров на экране капитанского мостика.

Гаюнар внутренне содрогнулся. Кочевники заместили пространство за бортом Волка, обняв корабль плотным слепым коконом. И там, по другую сторону, безусловно, готовилось нечто особенное. Данила до рези в глазах вглядывался в мнимую пелену. Протекали драгоценные минуты.

— Я не вижу, капитан, — произнес он удрученно.

— Ничего, — обронила Серафима и громко объявила. — Внимание отсекам! Скорость максимальная. Вся энергия — на двигатели.

Но едва пилот успел перевести управление в ручной режим, как охранная система, будто опомнившись, отчаянным воем возвестила о начале атаки. В следующую секунду что-то ударило в корму корабля. Защитный экран задрожал.

— Дистантеры, определить характер нападения! — скомандовала Каляда в микрофон.

— Перегрузка. Дислокация энергии остановлена, — сообщил бортинженер.

— Капитан, мы не видим врага! — возбужденно крикнула Юлька.

Включенный селектор ответил ей голосом Доная.

— Без паники. Что-то есть... о, дьявол!

Новый удар, еще сильнее прежнего, потряс кабину и дистантерские башни.

— Их много! Очень много! — Пэр отлетел от экрана.

— Все ресурсы на вибратор, — распорядилась капитан. — Наведение вихревого поля!

Дистантеры выполнили команду, и хитро закрученный поток энергии вырвался на свободу. Данила заметил, как Кочевники отхлынули от корабля, но объект или объекты, которые они занимали, рассмотреть не успел.

— Не отклоняйся от курса, — предупредила пилота Каляда. — Мы зажаты каналом, пока не закончится Путь.

— Серафима, прикажи поднимать крылья, скорее! — не своим голосом вскрикнул Пэр, когда занавес, образованный Кочевниками, вновь начал затягивать центральный иллюминатор. — Волк уничтожит их! Капитан, Белый князь, чего вы ждете?!

— Капитан, они опять атакуют! — Данила развернул кресло к боковому пульта. — Крылья, капитан!

Серафима сжимала и разжимала руки. Слишком однозначной была ситуация, но чем больше подтверждений тому обнаруживал разум, тем явственнее сопротивлялась решению интуиция. Оливул держал пальцы на клавишах энергокорректора и, обернувшись через плечо, смотрел на капитана, ожидая команды. Промедление грозило обернуться бедой. Она заглушила сомнения, и... Бер-Росс отдернул руку от пульта.

— Серафима, а как же Пэр? — выдохнул он.

В тамбуре громко залаяла собака. Дверь разехала, и Аполлон, вбежал в кабину. Никто бы не обратил на него внимания, если бы Артемида, ворвавшаяся следом, не принялась с грозным рыком наскакать на собрата. Аполлон разжал челюсти, и мутный кристалл с раскатистым звоном покотился по полу к капитанскому мостику. В следующую секунду псы сцепились как два непримиримых врага. Свара была короткой. Артемида взвизгнула и, поджав хвост, отбежала к пилотской линии.

Каляда вскочила. Аполлон смотрел на нее черными круглыми глазами, и в них горел Разум.

“Репликант, слушай и действуй...” — начал Великий.

Но тут Волк содрогнулся, и из динамика раздался пронзительный визг Юльки.

— В отсеке пожар! — закричал Пэр и ринулся сквозь стену в дистантерские башни.

— Юля! — Оливул метнулся к выходу.

— Бортинженер, анализ повреждений! — голос капитана пригвоздил его к месту. — Пилот, держать прежний курс!

Сквозь шум и треск динамика слышались неразборчивые реплики Доная, затем Юлька крикнула: “Вода! Вода!”, и селектор, взыв последний раз, отключился.

Каляда прикрыла глаза. В бесконечных пучинах сущности пробуждалась Стихия. Красный аварийный свет коснулся чешуи. Тень беспредельного пространства заслонила лицо и порвалась, прожженная ринувшимся во тьму взором.

Космос.

Глубина. Звездный огонь. Цепи Миров, и полет непреклонной воли. Стирая грани сознания и бытия, Стихия, существующая нигде и всюду, явилась избраннику, поднялась из бездны, творя бездну вокруг себя...

Вечность отступила и заняла отведенное ей место в Судьбе. Оливул судорожно вдохнул остановившийся — на миг или на тысячелетия — воздух. Поднял голову Данила. Артемида громко жалобно закулила, ткнув мордой вялое без признаков жизни тело Аполлона.

— Где Каляда? — выдавил Гаюнар.

Оливул с трудом поднялся из кресла, держась за край терминала.

— Где-то внутри своей Стихии, — проговорил он, и, шатаясь, пошел к двери. — Проверь, что у нас осталось. Я посмотрю, как дела у дистантеров.

В тамбуре он столкнулся с близнецами.

— Что происходит?

— Вы в порядке?

Встречные вопросы прозвучали одновременно.

Убедившись, что юноши не пострадали, Бер-Росс взглядом показал им на приоткрытую дверь кабины.

— Идите к Даниле. Разберитесь там с инженерной линией. Состояние корабля может оказаться хуже, чем мы думаем.

И уже не стараясь скрыть страха, он поспешил на третий ярус.

— Юля!

Она лежала на руках Доная, уткнувшись в его грудь, и часто нервно всхлипывала. Оливул присел рядом.

— Ничего смертельного, — шепотом успокоил брата Ви-Брук. — Мы тут просто слегка напугались, когда снаряд попал в ее башню.

Белый князь оглянулся за дистантерский отсек, закрытый прозрачной стеной аварийной блокировки. За ней просматривался покореженный терминал и осколки разбитого вдребезги внешнего купола.

— Пострадавших нет, — продолжал Донай. — Она будет умницей и сейчас успокоится. Правда, Юлька?

— Что я теперь с прической делать буду? — жалобно пробормотала та и глубже спрятали голову под руку брата.

— Волосы подгорели, — пояснил тот. — А так — ни ссадины, ни царапины.

— О, господи, — облегченно вздохнул Оливул, и, заметив багровые следы ожогов на руках Доная, нахмурился.

— Ерунда, — отмахнулся Ви-Брук, перехватив его взгляд. — Каляда призвала Космос?

— Да.

— Где она?

— Надеюсь, скоро вернется.

Сквозь стену протиснулся Пэр.

— В машинном отделении потоп, — сообщил он. — Водный резервуар треснул по всему основанию. Я частично задраил щель, но необходим тщательный ремонт, — и добавил, когда Юлька подняла головку: — Между прочим, форма Стихии вполне реальна и из ничего не появляется.

— Извини, Пэр, я не знала, как еще потушить огонь, — девушка всхлипнула последний раз и вытерла тыльной стороной ладони глаза. — Что смотрите? Уродина, да? — она пригладила остатки некогда золотистых длинных кудрей, лежащие сейчас серыми клоками на плечах. — Ну уж потерпите меня такой, пока не наведем порядок на Волке.

Она браво вскочила и направилась к лестнице. Оливул улыбнулся, глядя подруге вслед.

— Вот за что я люблю сестренку! — весело воскликнул Донай.

Когда братья вернулись в кабину управления, Каляда сидела в кресле капитанского мостика, а над ней скользили искрящиеся струи Жизни. Данила стоял напротив, окруженный разноцветным живым кольцом Стихии.

— Она материализовалась минуты две назад, — вполголоса сказал Гор. — С сознанием ее все в порядке, а вот с телом, вроде, не очень.

Серафима шевельнулась. Гаюнар отступил на шаг.

“Не беспокойтесь за меня, — услышали друзья мысль капитана. — Космос прогнал Кочевников. Волку никто не угрожает... Мне нужно немного времени, чтобы восстановить функции человеческого организма. Спасибо, Данила, ты очень мне помог. Приведи в чувство Аполлона. Бедный пес был медиумом Великого и теперь нуждается в твоей заботе. Займитесь кораблем. Я скоро присоединюсь к вам”.

➤11◀

Прошло не меньше часа, прежде чем общими усилиями была восстановлена поврежденная взрывом сеть датчиков. Картина, которую показал анализатор, обработав сигналы рабочих станций, оказалась удручающей: орудийные установки и большая часть внешних устройств вышли из строя, имелись пробоины в корпусе, модуль преобразования улавливаемой из пространства энергии, благодаря чему функционировали двигатели, находился в аварийном состоянии. Однако главная неприятность заключалась в том, что собственные энергетические ресурсы корабля составляли всего двенадцать процентов от былой мощности.

Причина катастрофической потери энергии стала ясна, когда друзья наугад вскрыли несколько топливных блоков и обнаружили внутри слой серо-белой пыли. Грег и Гор проверили оставшиеся боксы — все, как один, заполнены едкими серыми хлопьями. Любые сомнения, если они и оставались, теперь растворились в очевидном: на Крылатом Волке побывали Кочевники.

Но растерянность и смятение превалировали в команде только первые минуты после неприятного открытия. Пэр со словами: каждый, кто не успел удрать, сейчас крупно об этом пожалеет — окунулся в стены корабля. Юлька не менее решительно взяла за ошейник Артемиду и пошла проверять жилой ярус; еще в Мире, где протекала Игра кланоида, друзья заметили, что собаки каким-то образом чувствуют присутствие Кочевников. Данила сконцентрировался, заставив зрение воспринимать “пустоту”, и двинулся в машинное отделение. По знаку Каляды Грег и Гор обеспечили ему сопровождение. Оливул и Донай вслед за капитаном вернулись в кабину управления.

При виде людей Аполлон, лежащий на расстеленном одеяле, слабо вильнул хвостом. Донай подсел к собаке.

— Серафима, — Белый князь остановился возле линии бортинженера, пестрящей аварийными огнями, — сейчас Волк больше Экзистедер, чем когда-либо. Код “Берег” — чистейшая Игра, созданная Александром. Значит, Кочевники захватили его экзорный поток?

В тоне Бер-Росса звучало скорее утверждение, чем вопрос.

— А экзистор-корректор? — поднял голову Ви-Брук. — Уж не нас ли они намеревались использовать в этой роли?

— У Кочевников была иная цель, — негромко сказала Каляда. — И они ее достигли: повредили корабль настолько, что мы практически остались без энергии.

— Они внедрились на борт Волка, как?! — воскликнул Оливул.

— Возможно, это Игра. Но управлял ею не экзистор-корректор из кланоида и даже не внемиренец.

— Великий? — проговорил Донай.

Серафима помедлив кивнула.

Других следов Кочевников на корабле не обнаружили. Пришлось признать, что единственным местом их пребывания были топливные блоки. Когда же Серафима поделилась с друзьями своими подозрениями по поводу Великого, Грег и Гор неожиданно представили ситуацию под другим углом зрения.

— Энергоконвертор создан, конечно, вместе с Волком, — начали они, — но энергия, которая через него проходит и накапливается в топливном модуле, поступает извне. В принципе, ее могли “заместить” на любом этапе. И творение Великого осталось неприкосновенным, как и должно быть!

Внемиренцы заметно приободрились. Никому не хотелось верить, что тот, чьим детищем являлся Крылатый Волк, обратился против избранных Семи Стихий. Серафима вроде бы приняла мысль Гай-Росса за истину, но Оливул, внимательно наблюдавший за капитаном, убедился, что согласие ее носит внешний характер и предназначено исключительно для поддержания духа команды. “Она не считает нужным настаивать, — решил Белый князь. — Хотя опровергнуть вывод Грег-Гора просто: замещенную энергию конвертор принять не мог, сработала бы защита. А чтобы заместить ее непосредственно в резервуарах, надо проникнуть на борт, что без помощи внешней силы невозможно”.

Опасаясь новой атаки Кочевников, друзья в течении трех часов не покладая рук восстанавливали поврежденные двигательные и оружейные модули, латали дыры на обшивке и налаживали жизненно важные системы корабля. Из-за острой нехватки энергии капитан распорядилась полностью снять обеспечение бытовых и вспомогательных помещений. Выигрыш получился небольшой, но отблески Надмирий уже просматривались за иллюминаторами, и появилась надежда дотянуть до места назначения и не лечь в дрейф где-нибудь посреди Пути.

И вот громада Темных Миров, издали похожая на мифический рельеф покрытых снегом гор, полыхнула перед Крылатым Волком заревом разноцветных зарниц. Будто запертые в хрустале свечи мерцали пики фантомных скал, каждая из которых таила под своими сводами лукавый или бесхитростный, суровый или мягкий, многоядный или пустой Мир. Глядя со стороны на живую, ни секунды не стоящую на месте массу света и красок, принимающую самые причудливые формы, невозможно было понять того, кто назвал это Темными Мирами. Они казались чисты и свободны, они жили своей собственной жизнью, не связанной цепями установленных судеб.

Данила пилотировал израненный звездолет, зажатый непоколебимым каналом, и думал о незнакомом Мире, хранящем память об отце. Какой предстанет перед ним эта память? Он ждал встречи с нетерпением и затаенным страхом. Путь приближался к сияющей плеяде, но миг, когда Волк нырнул в фантастическое море, Гаюнар не уловил. Ему показалось даже, что не корабль вошел в Мир, а сам Мир нахлынул на звездолет, сделав его своей частью.

Иллюзорные блики Структурного пространства потухли в черноте космоса. Мягкое скольжение по выстроенному Пути пропало, и пилот почувствовал, как застонал корабль. Засбоили передающие цепи, рулевое управление потеряло прежнюю легкость, а двигатели начали задыхаться, будто рыбы, выброшенные на сушу. Даниле стоило немалого труда продолжать полет в условиях совершенного дефицита энергии. Каляда отдавала лаконичные команды, Гаюнар выполнял их автоматически не сколько от того, что усталость притупляла рассудок, сколько от необходимости концентрировать внимание на пилотаже. Так продолжалось, пока Пэр, летавший от монитора к монитору, не воскликнул:

— А ведь верно! Корабль!

Из динамика селектора раздавались переговоры Доная и Грег-Гора. Речь шла о звездолете, курс которого пересекал курс Крылатого Волка. Затем Юлька сообщила:

— Есть подтверждение. Он в дрейфе.

— И совершенно мертв, — подхватил Донай. — Эй, Гаюнар, можешь меня проверить: на нем нет и воспоминания о твоей Стихии!

Данила нашел глазами замеченный друзьями объект — небольшой пассажирский лайнер, похожий на те, которые ему приходилось сопровождать, работая в патрульной службе.

— Предлагаю прямой контакт, — вдруг объявила Каляда. — На звездолете должно оставаться топливо. Каким бы видом энергии ни пользовались миряне, мы найдем способ преобразовать его в пригодный для Волка.

Раздались одобрительные возгласы. Серафима продолжала:

— Все двигатели — стоп. На Волке останутся Оливул, Донай и Юлия. Остальные — в рейд.

— И я тоже? — изумился Пэр.

— Да, твоя помощь нам потребуется. Грег-Гор, проверь комплектацию костюмов, защита должна быть полной. Данила, подготовь флаэр. Пэр, Донай, наладьте транспортный челнок. Юлия, замени пилота. Оливул, ты за капитана.

Бер-Росс намеревался заняться центральным процессором, но, заметив, что в кабине остались только он и Каляда, шагнул к ней и в полголоса спросил:

— Ты ведь не отказалась от мысли, что к разгрому Волка приложил руку Великий?

— Нет, не отказалась. Однако я не понимаю логики его действий. Если он хотел, чтобы мы любой ценой подняли крылья, то автоматически на жертвенник он клал Пэра.

Белый князь хотел было сказать — у нас нет прямых доказательств принадлежности призрака к Кочевникам, но тут неожиданно вспомнил мысль, мелькнувшую у него в момент, когда собаки устроили грызню в кабине.

— Великий заставил Аполлона принести кристалл, — быстро сказал Бер-Росс. — Не это ли был ответ на вопрос, как уберечь Пэра от всеобщей облавы?

Каляда подняла на друга глаза, и в первый момент в них мелькнуло удивление.

— Действительно, — произнося вслух слова, она уже стремительно расставляла в уме известные факты. — Пэр говорил, что нахождение внутри камня напомнило ему неведомую Родину. Я исследовала пространство, заключенное в кристалле. Это аналог Заструктурного нечто. Все сходится, Оливул.

— Да, — Белый князь тяжело вздохнул. — Придется признать очевидное, как бы горько оно не было.

— И тем не менее нельзя забывать: все мы избранные Стихий, — закончила Серафима и, бросив взгляд на дверь, возобновила разговор. — Есть еще одно, что я хотела сказать пока только тебе. Ты сам видишь, события складываются так, что у нас не остается возможности выбирать. Вступая в борьбу с целой расой, мы не знаем ровным счетом ничего о ее истории. Как будто кому-то выгодно сделать нас слепым орудием в этой войне. А сейчас, когда на карту поставлено существование всей Структуры, мы, Семь Стихий, не можем позволить оперировать нами, будто марионетками, в чуждых нашей Судьбе целях.

➤12◀

Катер медленно приблизился к безжизненной громаде космического корабля. Никаких позывных, никаких опознавательных знаков.

— Следов аварии не видно, — прошептал Грег, рассматривая потемневший борт звездолета.

— Но он не управляем, — также шепотом добавил Гор.

— Кроме аварий звездолеты выводят из строя и внутренние чрезвычайные происшествия, — сурово усмехнулся Данила. — Знаете, что такое “летучий голландец”?

— Корабль-призрак в океане, — ответил за обоих Гор.

— Про океан не слышал, а в космосе так называют звездолеты, где какая-нибудь скоротечная эпидемия уничтожила весь экипаж.

Близнецы дружно поежились и покосились на капитана. Она подтвердила:

— Поэтому мы используем экипировку с полной защитой.

— Шлюз, — Гаюнар показал на закрытую шахту и, присмотревшись, добавил. — Здраен.

— Я слетаю вовнутрь, — призрак собрался в зеленый шар. — Для меня стен не существует!

Он говорил с такой надеждой и с таким жаром, что Серафима улыбнулась.

— Действуй. Открой шлюзовую канал и жди нас. Но дальше причала — никуда.

— Есть, мэм!

— И поосторожнее там! — крикнул ему вдогонку Данила.

Призрак смешался с воздухом, просочился сквозь борт катера и бледной еле заметной струей помчался к мертвому кораблю. Через несколько минут замигал, а затем вспыхнул прожектор-маяк над люком, бронированные ворота медленно разомкнулись и открылось жерло шлюзовой шахты.

— Вперед, — тихо скомандовала Каляда.

Через две первые камеры Гаюнар провел катер почти на ощупь, ибо призрак не догадался или не смог включить внутреннее освещение. Перед входом в третью Пэр появился в кабине в виде туманного облака и поспешно сообщил:

“Впереди валяются остатки челнока. Данила, бери как можно выше, иначе мы столкнемся с разбитой машиной”.

Флаэр поднялся к самому потолку коридора.

— Не успели покинуть корабль, — прокомментировал Гаюнар, проводив взглядом груды обломков летательного аппарата, темневшую на дне коридора. — Внимание, швартуемся.

Шасси гулко чиркнули по металлическому причалу. Каляда отключила пояс герметизации, установленный на аэромобиле, и первой вышла в док.

— Грег-Гор, передай на Волка, мы начинаем поиск, — сказала она, внимательно оглядев пустое помещение. — Среда пригодна для жизни, и тем не менее защиту не снимайте. Пэр, двигайся в группе вместе со всеми, и никаких свободных полетов.

Найти путь в кабину управления труда не составило: лайнер принадлежал к стандартному типу пассажирских звездолетов, хорошо знакомому и Серафиме, и Даниле. Не возникло проблем и с блокировками отсеков, поскольку все коды запоров Пэр расшифровывал незамедлительно. Не обнаружив ни малейших признаков экипажа и пассажиров, внемиренцы достигли капитанского мостика.

Экраны и индикаторы управления работали в режиме ожидания. Энергия текла по кабелям, обеспечивая минимальные потребности функциональных систем, но стоило Грегу и Гору подключить портативный процессор к центральной панели, бортовая сеть ожила. Один за другим вспыхнули контрольные мониторы и синтетический голос с полуслова продолжил прерванный когда-то стандартный доклад.

— Пароль не затребовал, — произнес Данила, кивнув на главный терминал. — Значит, даже особое положение объявить не успели.

— А разбитый челнок? — напомнил Пэр.

— Бежали в панике, — пилот склонился над операторским стендом. — Что же тут произошло?

— Я нашла бортовой журнал, — сказала Каляда.

По экрану перед ней мчались страницы текста.

— И ты успеваешь это читать? — ужаснулся Грег.

— Да, я восприняла информацию. Но, к сожалению, от нее мало толку. Здесь нет ничего такого, что навело бы на мысль о причине трагедии. К тому же у нас мало времени. Ребята, подключитесь к банку данных и проанализируйте количество и состав топливных модулей. Я пока посмотрю по схеме, где машинное отделение. Данила, Пэр, а вы найдите данные о полете. Быть может там содержится что-то интересное.

Несколько минут прошло в молчании.

— Навигационная система просто в замешательстве! — воскликнул призрак, вспорхнув над креслом, на котором “сидел”. — Они летели обычным курсом, и вдруг он оборвался. Если верить компьютеру, сейчас корабль нигде на находится.

— Картинка такая, будто их выбросило в Структуру, — поддержал Данила.

Каляда глянула на монитор штурмана и нахмурилась.

— Если так, то отсутствие людей на борту вполне понятно: миряне не существуют за пределами Мира. Грег-Гор, перекачай навигационную базу данных на наш компьютер. Мы проанализируем ее потом.

Она смотрела, как Гор сосредоточено перебирает клавиши терминала.

— У нас энергии почти нет, капитан, — юноша поднял голову. — Локальный диск не возьмет и десятой доли информации, а провести экспортирование невозможно.

Серафима понимающе кивнула.

— В таком случае займемся нашими проблемами. Расшифровка топлива готова?

— Полный порядок, — сообщил Грег. — Преобразуем для Волка за какие-нибудь два-три часа, и можно будет развить полную мощность.

— Очень хорошо. Машинное отделение на первой палубе.

Выходя из кабины управления, Серафима пропустила вперед Пэра и близнецов, показав им на шахту лифта, и задержалась в дверях, ожидая Данилу. Пилот оторвался от терминала не сразу, и задумчиво, как нехотя, приблизился к Каляде.

— Может быть я и ошибаюсь, конечно, — начал он негромко, однако Грег, Гор и Пэр, остановившись на полпути к лифту, обернулись, — только здесь что-то не вяжется. Понимаешь, — он обращался непосредственно к Серафиме, — для пассажирского лайнера у этой посудины слишком сложное управление. Зачем, скажем, нужен мощный поисковый модуль? Отлавливать потерпевших бедствие? Глупо. Достаточно дать сигнал обнаружения, и спасательная служба прибывает на место происшествия через пятнадцать минут. Система слежения смахивает на военный радарный комплекс, а маневренность установлена в таких диапазонах, что нашим крейсерам не снилось!

Гай-Россы переглянулись.

— Миры бывают очень и очень разные, — сказали они в один голос; продолжил Гор в одиночку: — То, что тебе кажется необычным, у них было само собой разумеющимся.

Из недр звездолета поднялась скрипучая платформа подъемника. Близнецы, попробовав на прочность перила, встали в лифт и призывно взмахнули руками. Гаюнар чертыхнулся про себя: хотел выложить свои наблюдения четко и уверенно, а получилось сикось-накось, да еще и мальчишки разложили его на обе лопатки. Но подняв взгляд на Каляду, он понял, что поспешил признать поражение. Какие выводы она сделала, Данила не знал, но сообщение ее заинтересовало.

Внемиренцы осторожно двигались по пустым палубам звездолета. Технические отсеки, аппаратные кабины, коридоры коммуникаций — все сохраняло обычный рабочий порядок. Одно лишь не давало забыть о таинственной катастрофе, происшедшей здесь неопределенное время назад — полное отсутствие людей.

— Как-то тут неестественно спокойно, — бросил Данила, когда друзья добрались до машинного отделения.

— Пусть бы так и оставалось, — откликнулся Грег.

— Серафима, можно нам снять хотя бы шлемы? — попросил Гор. — А то мы чувствуем себя запертыми в разных комнатах.

Каляда колебалась несколько секунд.

— Хорошо, — сказала она, наконец.

Пока Грег, Гор и Данила модифицировали свои защитные костюмы, Пэр облетел зал по периметру и опустился на пол рядом с капитаном.

— Воздух какой-то тяжелый. Как будто в нем что-то прячется, — поделился он впечатлением. — Я не могу понять это, но я его чувствую.

Каляда не ответила. Сосредоточенный взор, казалось, проникал сквозь стены погибшего корабля.

— Активное сознание, — проговорила она медленно. — Где-то на пассажирской палубе.

— Жизнь не находит отголоска, — уверенно произнес Данила. — Может быть ты опять видишь прошлое?

— Может быть, — эхом отозвалась Серафима и, как ни в чем не бывало, обратилась к друзьям. — Итак, мы у цели. Контейнеры с топливными элементами в ячейках хранилища. Грег, Гор, вызывайте челнок.

На удачу внемиренцев машинное отделение было оснащено специальной транспортной шахтой. Пэр проверил ее работоспособность и, оставшись в шлюзе, встретил грузовую капсулу, запущенную с Волка. В это время Серафима с помощью Грега и Гора перепрограммировала манипуляторы, и, таким образом, проблема погрузки была сведена к контролю за механическими захватами. Даниле, впрочем, пришлось, восстановив защитные свойства скафандра, спуститься на последний уровень шлюза, чтобы ускорить расстановку модулей в челноке. Пэр, не способный передвигать и удерживать предметы по-людски, вынужден был частично внедряться в них, а это отнимало драгоценные минуты.

Как и предусматривала Каляда, для перекачки достаточного объема энергии потребовалось три погрузки. В общей сложности работа заняла четыре часа. Призрак сопровождал челнок в каждом рейсе, пристроившись на его обшивке, а после последнего вернулся один, невзирая на предупреждение капитана.

— Подумаешь, пролететь парочку километров в космосе! — стараясь подражать Донаю, заявил он. — Здесь я сейчас нужнее, чем на Волке.

➤13◀

На обратном пути только Каляда незаметно для других вела постоянное наблюдение за гнетущей атмосферой мирянского корабля. Пэр, хоть и утверждал, что понятия усталости для него не существует, вяло двигался рядом с Данилой, по инерции перебирая в воздухе ногами. Грег и Гор одинаково понурые замыкали шествие. Когда лифт начал подъем на центральные палубы, Гаюнар, мысли которого витали в неопределенных просторах, вдруг спохватился.

— Серафима, теперь у Волка предостаточно энергии, и нам ничто не мешает перебросить информацию в наш банк данных.

Гай-Россы с кислым видом посмотрели на товарища.

— Чего ради? — спросил Грег. — Мы и так знаем, что люди пропали, когда лайнер вывалился из родного Мира. Домой мы его все равно не вернем, и тем более не спасем мирян.

— Верно, — сухо ответила Каляда. — Но остается один неразрешенный вопрос: почему мирянский лайнер вывалился из родного Мира? Предлагаю довести дело до конца, к тому же это много времени не займет.

Близнецы синхронно пожали плечами.

Лифт остановился. Не дожидаясь, когда перила, создающие символическую калитку, откинутся, Пэр вылетел в коридор и устремился к закрытым дверям отсека управления, как вдруг в нерешительности повис над полом.

— Воздух изменился, — проговорил он. — Как-то необычно движется.

Данила и Гай-Россы соскочили на палубу вслед за Калядой. Они не чувствовали ровным счетом ничего кроме собственной усталости, но Серафима насторожилась.

— В пространстве происходят изменения, — подтвердила она. — Но это не химическая и не биологическая субстанция, а, скорее, некое поле...

Она не успела договорить, поскольку призрак метнулся к друзьям.

— Это прямо перед нами!

— Назад! — Каляда оттеснила компанию к площадке лифта. — Пэр, от меня ни шагу!

Подъемник поскрипывая потянулся вверх.

— Мы едем на пассажирскую палубу, — предупредил Данила, хорошо помнивший схему расположения отсеков.

— Где оно? — Грег и Гор старались разглядеть что-либо внизу в щели между решеткой и полом подъемника.

— Как будто бы отстало, — пролепетал призрак и с надеждой посмотрел на Каляду.

Она не выказывала никаких эмоций, но Гаюнар почему-то подумал, что и капитан почти напугана происходящем.

— Мне кажется, мы столкнулись с какой-то формой Кочевников, — проговорила Серафима, убедившись, что погони нет. — Грег-Гор, передай на Волка, чтобы усилили защитный экран и пустили по кораблю Аполлона и Артемиду. До сих пор собаки безошибочно обнаруживали этих незваных соседей.

Гор достал коммутатор. Прозвучал знакомый позывной, но ответа не последовало. Грег взял у брата прибор и набрал вызов повторно. Тишина.

— Наверное, они еще не успели провести преобразование энергии, — с надеждой в голосе предположил Пэр.

— Сигнал заблокирован, — уже не скрывая тревоги, сказала Каляда. — Будем выбираться отсюда как можно скорее.

Она вышла в тамбур и, приблизившись к двери, попробовала ее на прочность.

— Я открою, — Пэр подлетел к электронному устройству, встроенному в стену.

— Никуда не проникай!

Возглас капитана отбросил призрака назад чуть ли не физически.

— Не теряй голову по пустякам, — шикнул на него Данила и, доставая пистолет, приблизился к стене с электронным замком.

Аккуратно сбив внешнюю панель, он вручную переставил несколько клемм, и двери разъехались.

— Это “черный ход”, — Серафима первой прошла в узкий тамбур. — Пассажирские лифты в противоположной части корабля. Там мы спустимся к причалам.

Широкая галерея, в которой оказались друзья, отличалась от коридоров технической палубы, как небо и земля. Здесь все было устроено для удобства пассажиров — ковровые покрытия, мягкие кресла вдоль стен, обзорные экраны для желающих понаблюдать за космосом.

Грег и Гор с любопытством озирались по сторонам, Данила сосредоточился на поиске Кочевников, когда Пэр, летевший за спиной Каляды, вдруг шарахнулся от бокового прохода и своим туманным телом накрыл Гаюнара с ног до головы. Пилот вздрогнул от неожиданности и поспешно стряхнул с себя невесомую зеленую шаль.

— Перестань паниковать! — прикрикнул он на друга.

— П-паниковать, да? А ты на это посмотри! — Пэр показывал пальцем в просторный вестибюль.

К внемиренцам бесшумно приближались две человеческие фигуры. Вернее, это были даже не фигуры, а конгломераты материи, похожей на задубевшую грязно-коричневую пену.

— Капитан! — выдохнул Данила.

Серафима оглянулась. Застыли в одинаковых позах близнецы.

— Спокойно, это несознательное проявление, — вполголоса сказала женщина, отступая ближе к друзьям. — И, кажется, безвредное.

С этим последним каждый рад был бы согласиться, но ужасающий вид созданий заставлял думать как раз наоборот. Существа выступили из тени коридора в галерею, остановились перед

внемиренцами, периодически издавая свистящий звук, и отростками, на месте которых когда-то были руки, стали шарить перед собой, будто искали преграду или опору.

— Почему-то мне не хочется к ним прикасаться, — проговорил Данила. — Пэр, залезай-ка под мой скафандр.

Но призрака пенные существа уже не интересовали. Он, вытянувшись в длинный вертикальный столб, на котором от всех человеческих черт осталось одно лицо, смотрел в сторону, откуда только что пришли друзья.

“Оно опять движется за нами”, — мысленно, ибо сил говорить уже не было, сообщил Пэр.

Волосы на голове Серафимы зашуршали и перетекли в форму шлема. На руках и лице из-под кожи всплыли чешуйчатые наросты.

— За третьим левым поворотом холл, правая угловая дверь ведет к лифтам, — слова отлетали от губ, как дробь барабана. — Бегом! Вперед!

Грег и Гор сорвались с места. Между двух монстров они проскочили друг за другом и замедлили бег, оглядываясь на товарищей. Данила поймал Пэра за какую-то часть неоформленного тела и бросился вслед за близнецами. При приближении призрака существа засвистели интенсивнее, что заставило того незамедлительно нырнуть в откинутый шлем Гаюнара. Слыша за спиной легкие шаги Каляды, пилот не останавливаясь побежал по указанному маршруту. Однако завернув за угол, где скрылись Гай-Россы, он буквально врезался в их спины. Юноши стояли на пороге зала в полном замешательстве.

— О, черт, — пробормотал Данила, увидав то, что пригвоздило друзей к месту.

В обширном роскошно оформленном помещении, бывшем, судя по всему, комнатой отдыха пассажиров, всюду присутствовала коричневая пена. Она заливала пол, застывшими гроздьями свисала с потолка, отвратительными пирамидками высилась над креслами и на столах. С появлением людей конгломераты кое-где зашевелились и, сопровождаемые жалобным свистом, начали бессознательный поиск.

— Как будто что-то выжгло из людей души и плоть, — прошептал Грег, не отрываясь от зловещей картины; Гор судорожно отвернулся.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что так получают Кочевники? — выговорил Данила.

Грег и Гор разом вздрогнули.

— Давайте поскорее убираться отсюда, — взмолился Пэр, чья прозрачная голова торчала из шлема Гаюнара. — Левая угловая дверь.

Виртуозно огибая скопления движущейся и замерзшей пены, друзья пересекли зал и ввалились в начинающийся за ним коридор.

— Не туда! — выкрикнул Данила, когда вместо вестибюля со спасительными лифтами им открылась длинная вереница запертых жилых кают.

Серафима, появившаяся в зале минутой позже, не успела предупредить ошибку. Грег и Гор повернули было назад, но она во мгновение ока оказалась возле друзей, оттеснила всех вглубь коридора и стремительно, так, что последовательности ее действий никто различить не смог, активизировала аварийную герметизацию отсека. Над сомкнувшимися дверьми замигал предупреждающий сигнал, и динамики вежливо обратились к пассажирам с просьбой соблюдать спокойствие. Данила и Гай-Россы с радостью бы последовали совету, но Каляда со словами — Пэр, сюда! — выхватила из кармана матово-зеленый кристалл.

— Но ты сама запретила мне... — начал тот.

— Скорее! — отрезала капитан.

Пэр оглянулся на Гаюнара и тонкой струей втек в камень.

— Сохрани его, Данила, — Серафима вложила в руку пилота таинственный предмет, частью которого был сейчас его друг.

— Мы успеем к лифтам! — воскликнул Гор.

Каляда удержала его за плечо.

— Нечто догоняет нас. Я не знаю, что оно такое, но налетев на двух несчастных в галерее, оно перестроило их форму до неузнаваемости. Гибель людей и путешествие человеческого звездолета по Структуре — следствие, а причину, кажется, мы только что нашли.

— Это причина нас нашла, — обронил Данила, следя за облачком коричневой пыли, втекающее вместе с инородным полем в коридор сквозь увеличивающуюся на глазах щель между мощными дверными створам.

В следующую секунду преграда сдалась.

— Берегитесь! — успела крикнуть Посредник.

Гаюнар подскочил к первой попавшейся каюте, но вход был наглухо закрыт электронным ключом. Следующая каюта. Заперто. Еще одна... Под руку подвернулась управляющая панель.

Вскрикнул кто-то из близнецов. Неведомая струя швырнула его на стену. Второй угодил под следующий удар зловещего поля и навалился на брата, также лишившись сознания. Данила кинулся на помощь юношам, но не сделал и шага, ибо нечто нематериальное и гигантское нависло над ним, опутало сотнями невидимых щупальцев, крутанув в воздухе, бросило в открывающуюся каюту и безжалостно вдавило в пол. Перед глазами заплескали бардовые круги, сквозь которые он увидел женщину-Посредника, окруженную пустым пятном, сродни тому, что сопровождало Кочевников в Структуре.

Пространство сжималось и сжималось, пресс становился невыносимым, и... вдруг пустота лопнула. Ни звука, ни вспышки; однако мощь взрыва была так велика, что Серафима, находившаяся в эпицентре, врезалась в угол дверного проема и осталась лежать ничком на пороге. Данила, освободившийся от губительного давления, вскочил и, подхватив ее под плечи, втянул в каюту.

— Кончено, оно больше не вернется, — прохрипела Каляда и, закашлявшись, возобновила заглушенное дыхание. — Я не ранена, — она посмотрела на пилота ясными карими глазами, и этот уверенный взор вмиг разогнал смятение, охватившее рассудок Гаюнара.

Грег и Гор опираясь друг о друга появились в дверях. Каляда медленно поднялась на ноги.

— Зови Пэра, — сказала она Даниле и отошла вглубь каюты, где с ее приближением тотчас вспыхнул неоновый свет.

Гаюнар внутренне содрогнулся, вспомнив, что без его помощи друг вряд ли сможет покинуть свое сомнительное убежище. Он поставил конусовидный камень на низкий столик и окунулся мыслью в неведомый мир. Он уже не сомневался, что, прорываясь к сознанию призрака, использует зов крови. Долго ждать на сей раз не пришлось: Пэр вылетел из камня и, моментально обретя человеческие контуры, опустился перед друзьями.

— Что тут произошло? Куда оно делось? Что это было? — не успев перевести дух, выпалил он вслух и, увидав покореженный дверной проем, ахнул. — Серафима?!

Она проследила за его взглядом и улыбнулась, заметив вытянувшиеся в немом изумлении лица Гай-Россов.

— Пользуясь нашими понятиями, можно сказать, что оно сломало об меня зубы.

После секундной заминки, в каюте грохнул хохот. Смех лучше чем что-либо разогнал гнет пережитого стресса, но вспышка его погасла быстро.

Грег осторожно выглянул в коридор.

— Ты думаешь, оно пропало? — с сомнением спросил Гор, обращаясь к Серафиме.

— Чужак искал сущности, но не смог победить Космос, — ответила капитан, как ни в чем не бывало расправляя волосы.

— Кочевник? — уточнил Данила.

Она задумалась на мгновение.

— Скорее, предок Кочевника.

Пэр, направлявшийся к капитану, отшатнулся и в наступившей тишине прогремел рухнувший на пол металлический предмет. На призрака оглянулись. Тот висел в воздухе над странным аппаратом в форме цилиндра, крышку с которого только что нечаянно сбил.

— Как это получилось? — Пэр ошарашено переводил взгляд с аппарата на упавший куполообразный футляр. — Я в него не проникал, честное слово!

— Ты его столкнул, — подсказал Гор.

— Но я не могу воздействовать на предметы так!

Данила присел возле покачивающейся по инерции полусферы из легкого сплава и приподнял ее за край.

— Когда ты первый раз влез в камень, — начал он, — у тебя появился устойчивый контур тела. — Теперь — способность по крайней мере передвигать вещи. Что будет в третий раз, дружище?

— Лучше бы третьего раза не было, — содрогнулся Пэр.

— Посмотрите-ка сюда, — негромко позвала Каляда.

Ее тревожный голос встряхнул всю компанию так, будто рядом прозвучал отчаянный вопль. Друзья обступили черный цилиндр, на дне которого виднелись три параллельные пластины, а внутри напротив отверстия, напоминающего объектив, крепилась маленькая бурая медаль. Гор потянулся за ней, но Серафима стремительно перехватила его руку.

— Там чуждое пространство. Мы в нем не существуем.

В качестве иллюстрации она взяла со стола салфетку и медленно опустила в контейнер. То ли вспыхнула, то ли прогудела короткая молния, и предмет исчез, оставив вместо себя жалкие невесомые крохи.

— Бокс для транспортировки Кочевников, — угрюмо прокомментировал Гаюнар.

— Серафима, как же так? — две пары одинаковых упрямых глаз взирали на Каляду. — Кто посмел принести эту чуму в наши Миры да еще и поспособствовать ее размножению?

Женщина задумчиво водила пальцами по краю цилиндра.

— Посодействовать размножению, — она вздохнула. — Вернее уж — созданию и адаптации. Никто в нашей Судьбе не смог бы построить этот прибор, поскольку в нем заключена иная природа. Следовательно, перед нами творение Великих, родившееся у истоков Первой Игры вместе с Зеркалом Судьбы и другими артефактами, живущими в Структуре и по сей день.

— Кто-то нашел его, разгадал секрет и решил применить на практике, — попытожил Гаюнар. — Интересно, о чем он думал, когда выпускал джина из бутылки?

— Представлял себя богом, — усмехнулся Грег.

— И вряд ли предполагал, — поддержал Гор, — что после его экспериментов Великому придется строить еще один Экзистедер для уничтожения заразы, которую он распространил.

— Вот, значит, как появились Кочевники, — вздохнул Пэр.

Друзья переглянулись. Очевидный ответ на вопрос, не дающий покоя долгое время. И тем не менее каждый чувствовал сейчас неясную неудовлетворенность.

— Из всех миров, куда мы могли угодить, — медленно начал Данила, — мы попадаем именно туда, где самая страшная тайна Структуры разложена на блюдецке с золотой каемочкой. Не слишком ли просто?

Каляда ни слова ни говоря придвинула кресло к штативу, на котором стоял злобещий аппарат, села перед ним и осторожно опустила руки на черную поверхность.

— Каждый предмет хранит на себе отпечаток сознания владельца, — пояснила она. — Я хочу узнать, что здесь произошло на самом деле. Данила, подстрахуй меня.

Гаюнар встрепенулся. Серафима попросила его о поддержке! Космос и Жизнь, далекое и близкое. Однажды он уже почувствовал в себе мощь единства и противоположности, когда помог женщине-Посреднику вернуться из бездны Космоса после сражения с Кочевниками. Сейчас ее сознание вновь углублялось в недоступные ни человеку, ни внемиренцу дали, а Жизнь сияла позади, как родной берег в холодных просторах.

Творение Великих... Творение Великих... Посредник искала среди наследия знаний то, что указало бы на его суть... Пустота. Глубже, глубже. Остров Жизни уплывает вдаль, остаются память и чистый рассудок... Неожиданно ясно вспыхнула мысль, принадлежащая кому-то, существовавшему в Судьбе: власть, неограниченные возможности и безраздельное могущество. Он ощущал себя демиургом, творцом, равным Великим. Посредник ухватила за найденную нить.

Респектабельная каюта, неразборчивые голоса, мягкая успокаивающая музыка. Это был обычный день на космическом лайнере... Руки, дрожащие от волнения, поднимают футляр с черного цилиндра. Последние секунды перед триумфом, пульс частит в висках. Открыта диафрагма отверстия, и бурый зигзаг света, бьющийся внутри, вырывается на свободу. Рождение послушной армии. Сила! Мощь! Он смеется над болью и ужасом, охватившим людей...

Струя Жизни прорезала пустоту, и ее искра засияла рядом путеводной звездой. Отголоски помутненного от торжества победы и жажды могущества рассудка витали вокруг, но рядом с пульсирующим сгустком Стихии, казались плоскими и неестественно яркими, будто кто-то разбросал повсюду наспех намалеванные картинки. Изумленная и настороженная Каляда наблюдала за разноцветными пятнами, обозначающими восторг победителя, и мозг яснее и яснее различал в них ложь. В следующий миг обрушилось неоспоримое: "Игра".

➤14◀

— Этот последний, — облегченно вздохнул Донай, когда третий грузовой челнок покинул причал и, следуя установленной программе, направился в ангар.

Роботы-погрузчики, удовлетворенно урча, поползли по своим местам.

— Хорошо. Начинаем трансформацию, — на ходу обронил Оливул. — Наводи лучи.

В наполовину расстегнутой белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, он, не дав ни себе, ни брату ни минуты передышки, сел к терминалу. Пока Донай переключал направляющие узлы, Бер-Росс связался с кабиной управления, где орудовала Юлька, и реорганизовал главные энергетические цепи Волка. Диагностическая диаграмма на мониторах прыгнула вверх и решительно полезла к верхней отметке.

— Эй, что там у нас? — поинтересовался Синий князь.

Больше всего ему хотелось сейчас услышать от брата его коронное "все в порядке", но ответа не прозвучало. Он тревожно оглянулся. Оливул сидел перед экраном монитора слишком прямо и слишком неподвижно, и одного взгляда на характерно застывшее бледное лицо было достаточно, чтобы убедиться: сознание экзистора погружено в Игру.

— Из огня да в полымя, — сокрушенно пробормотал Донай и, не долго думая, призвал Силу Созидания.

Бер-Росс двигался вдоль тонкой тропы-образа, уводящей вглубь Структурной тьмы. Мостик, позволявший встать на дорогу, построенную незнакомым творцом, был наспех сформирован им самим, и Синий князь смело шагнул за братом, но, коснувшись чужого потока нерешительно остановился. Оливул набросил на себя искусную тень, существовавшую между двух Игр и закрывавшую от глаз экзистора, и продолжал удаляться от связующего моста. Донай сразу оценил сложность создания второй такой же тени и благоразумно остался в области крошечной Игры Белого князя. Единственное, чем он мог сейчас поддержать Оливула, так это объединить свои чувства-образы с его ощущениями, чтобы в минуту опасности прийти на помощь.

Бер-Росс был озадачен. Шел он наугад, но подспудно зрела уверенность, что место, куда ведет эзорный отблеск, замеченный над энергетическими контейнерами, ему хорошо знакомо. Однако, чем ближе он подступал к ядру Игры, тем быстрее таял образ тени. Сила Созидания неизвестного экзистора была прямо-таки гигантской.

До Экзистедера один шаг. Белый князь притаился. Если это ловушка, он рискует собой, а значит рискует единством Семи Стихий. Если же нет — другой такой возможности раскрыть тайну погибшего корабля не представится. Донай ждет на мосту, готовый выдернуть его из Игры в случае провала. Движение вдоль потока пока никто не заметил. И Оливул принял решение.

Полутемная душная комната. Свет мигает в такт маятнику на настенных часах. Вспышка... темнота... вспышка... За столом перед стеклянной горкой сидит человек. Его творящее образ сознание течет по ниточке в далекий Мир. Вспышка... темнота... вспышка... Космический лайнер, уродливая материя и черный контейнер. Прошрое, которого никогда не было... Темнота... Вспышка... Экзистор тревожно поднимает голову...

Ви-Брук напрягся. Пульс брата эхом стучит в висках, воля скручена в тугую жгут, мысль мастерски вьет образ...

Боль возлилась в тело так неожиданно, что Донай вскрикнул. Чьи-то невидимые обжигающие холодом когти сжали сердце. Во мгновение ока он оказался окруженным вихрем пустых образов, кусками брошенных Игр, реальными и нереальными предметами, логика которых была давным-давно потеряна. С трудом устояв на мосту под атакой экзистедерного мусора, он поборол первый шок и сконцентрировал Силу Созидания на одной единственной цели: вернуть брата. Он притянул Оливула к себе в тот момент, когда чужой поток разлился в бескрайний океан, отрезав обоих от Экзистедера.

Синий князь тряхнул головой. В техотсеке ничего не изменилось. Буря осталась за кордоном Мира. Он перевел взгляд на Бер-Росса. Тот сидел за терминалом, уронив голову на руки, и плечи его дрожали в такт частому неровному дыханию. Донай наклонился над ним и приподняв заставил откинуться на спинку кресла. Боль до сих пор гудела в его собственной груди, но к радости своей он не обнаружил на теле брата ни открытых ран, ни ожогов.

— Игра... — прошептал Белый князь, не размыкая век. — Из Мира Ортского... Они узнали меня.

— Что с тобой? — Ви-Брук осторожно потряс его за плечо.

— Ничего... Все в порядке, — Бер-Росс выпрямился в кресле и поднял глаза на Доная. — Спасибо.

Тот с облегченным вздохом прислонился к терминалу.

— Ну знаешь! Твои фокусы когда-нибудь плохо кончатся!

— Только в том случае, если тебя не окажется рядом, — улыбнулся Оливул, вставая.

Непринужденный тон брата Синего князя не успокоил.

— Что там было? — настороженно спросил он. — Кто играл? Где?

Оливул нахмурился.

— Пассажирский лайнер — образ, и все, что в нем находится, порождено Игрой.

— Ортский предоставил нам станцию для подзарядки?

— Не сам, надо полагать. У него много помощников. Но что-то в Игре мне не позволили разглядеть.

Донай вспомнил полоснувшую его боль, направленную в первую очередь на Оливула, и содрогнулся.

— А ты уверен, что Ортский участвовал в этом безобразии? — задавая вопрос, он уже знал, что ответит Белый князь, и тем не менее надеялся услышать отрицание.

Бер-Росс медленно прошел между цистернами конденсаторов и устало опустился на жесткий диван, криво пристроенный у противоположной стены.

— Только Ортский и самые близкие ему внемиренцы знали, как я существую в искусственной жизни и что чувствую, если силы иссякают, а камня Бытия нет под рукой, — тихо сказал он. — Они набросили на меня образ меня же из прошлого, когда обнаружили возле Экзистедера. Не будь тебя на мосту, все могло кончиться намного хуже.

Синий князь приблизился к брату.

— Хуже? — переспросил он. — По-моему ты и сейчас плохо выглядишь.

— Пустяки, — прервал его Оливул. — Свяжись с Серафимой, но не говори про Игру прямо. Нас контролируют.

Не успел Ви-Брук повернуться к терминалу, как крутая железная лестница зазвенела под быстрыми шагами, и в машинное отделение спрыгнула Юлька. Следом за ней осторожно сползли собаки и опрометью кинулись к Белому князю.

— Почему вы не отвечаете? — взволнованно крикнула девушка издали и, разглядев в полумраке братьев, направилась к ним. — Я проследила за конвертацией энергии, Оливул. В рамках Волка полная норма, но отказали внешние коммутаторы... Эй, что у вас случилось?

Юлька нерешительно встала перед другом. Возле него, как две юлы, вились Аполлон и Артемида, и над каждым псом поблескивало еле заметное сияние Жизни.

— Ничего такого, что послужило бы поводом для волнений, — Бер-Росс поднялся. — Когда прервалась связь?

— Точно не знаю. Я начала вызывать их пять минут назад, и уже безуспешно, — Юлька все еще беспокойно поглядывала на братьев. — Слушайте, у вас обоих такой вид, будто вы побывали в преисподней!

— Мы обнаружили Игру, — сказал Оливул и лаконично изложил все, что успел увидеть в зоне Экзистедера; впрочем, как закончилась его вылазка, умолчал.

— Как же так? — девушка растерянно смотрела на экран, где компьютер демонстрировал различные проекции чужого корабля. — Зачем Ортскому играть на нас?

— Он предоставил нам источник энергии, — напомнил Донай.

— Но для этого не обязательно было придумывать всякие ужасы про уродов. Сам посуди, если человеку попадает что-то, совершенно незнакомое, но полезное, он воспользуется этим, а потом будет долго фантазировать, пытаясь определить суть найденного объекта, и в конце концов успокоится на какой-нибудь собственной теории. А когда тебе преподносят предмет так, что часть его истинного назначения легко угадывается, ты будешь искать его логику и дальше, и неизменно наткнешься на вранье. Неужели Ортский этого не понимает?

Бер-Росс слушал Юльку, взахлеб излагающую брату свою мысль, а в памяти вертелись слова Каляды, сказанные перед рейдом: “Вступая в борьбу с целой расой, мы не знаем ровным счетом ничего о ее природе. Как будто кому-то выгодно сделать нас слепым орудием в этой войне...” Он видел образ уродливой, гадкой материи. Образ Кочевников? Ортский хочет любой ценой убедить их продолжать борьбу с инородцами? Любой ценой... Остановился бы Волк в космическом пространстве Темного Мира, встретив незнакомый лайнер? Конечно, нет. Путь был предопределен рамками канала, заданного Игрой Александра Гаюнара. К тому же Темные Миры не терпят вмешательства. Он сам бы отговорил капитана от контакта с заблудившимся звездолетом. Значит... Оливул почувствовал, что спина под рубашкой покрывается холодным потом. Значит внедрение Кочевников в энергетические резервуары было проведено для того лишь, чтобы у команды Волка не осталось иного выбора, кроме как достать топливо на мертвом корабле. А вместе с топливом внемиренцам преподнесли и ложную информацию.

— Оливул!

От громоподобного голоса Доная Бер-Росс вздрогнул. Брат и сестра тревожно смотрели на него, давно прекратив спор. “Сохранять полное спокойствие, — жестко велел сам себе Белый князь. — Связь с Калядой нам порвали, когда засекли мое присутствие в области Экзистедера. Если они поймут, что я догадался о назначении Игры, они найдут способ изолировать меня”.

— Донай, ты не мог бы разговаривать потише, — произнес Оливул.

— Ну, извини. Мне показалось, ты опять наострил на Игру.

— Все в порядке. Идемте в кабину, попробуем настроить коммутаторы.

Около получаса прошло в гнетущем неведении. Внешняя связь не функционировала: что-то не пускало сигнал на борт пассажирского лайнера. Это “что-то” уже в открытую именовалось Игрой, хотя признаков оной внемиренцы больше не видели.

— Темные Миры плюс мощь Ортского, — развел руками Донай. — Я восхищаюсь твоим мастерством, братец! Как ты вообще ее почувал!

— Темные Миры моя Родина, — напомнил Бер-Росс. — Ты сам знаешь, играть здесь может далеко не каждый. Даже экзистор герцога держит лайнер на периферии Мира и глубже уходить не решается.

— Слушайте, может быть пришвартуемся к нему и... — Ви-Брук стукнул кулаком по ладони.

— И что? — насмешливо поинтересовалась Юлька. — Покажем ему язык?

Донаю не суждено было продолжить пикирование, поскольку на мониторах бортингенера резко вспрыгнули диагностические кривые поступающих извне сигналов. Оливул быстро изменил настройку. Через несколько секунд из динамика посыпался треск помех, а затем в кабине прозвучало:

— Эй, на Волке! Куда вы подевались!

— Гаюнар! — Юлька перехватила у Бер-Росса микрофон. — Слышим вас!

— Шлюз готовьте, идем на стыковку, — пришло в ответ.

На экранах и за центральным иллюминатором было видно, как от темной громады отделяется крошечный флаэр. Но друзья вздохнули свободно, лишь когда катер опустился в ангаре.

Казалось, сам Крылатый Волк воспрянул духом, когда экипаж в полном составе собрался на борту. Пэр первым делом втек в стены корабля, и на внемиренцев хлынули его теплые, не оформленные в конкретные образы чувства. Грег и Гор наперебой принялись рассказывать Оливулу, Донаю и Юльке о приключениях на лайнере, в азарте упустив из виду, что и монстры, и чудовищный невидимка были созданы мыслью экзистора. Серафима не стала мешать их бурному повествованию, прислонилась к шасси катера и, расслабившись, на несколько секунд прикрыла глаза.

Она всегда считала человеческую сторону своего “я” второстепенным проявлением своей сущности. Среди людей в Мирах, в обществе внемиренцев и даже на Крылатом Волке в кругу друзей, ставших для нее семьей, на первое место так или иначе выходил Посредник. Казалось, другого в принципе не дано... Женщина взглянула на Данилу, ласкавшего четвероногих спутников. Он однажды заставил ее усомниться в истинности принятой догмы. Позднее, вспомнив о его горячем порыве, она осознала себя человеком и победила власть Великого над собой. Перед Посредниками трепетали Миры; внемиренцы зывали к ним, как к справедливейшим судьям; им оставляли право вершить приговоры Судьбы. То была одна сторона медали. Другую Каляда узрела после своего первого и единственного прямого контакта с Великим. Посредники, как бы могущественны они ни были, оставались репликантами, отражениями сродни куклам-двойникам, наделенными властью исполнять слово высшего Разума. Ей же Судьба завещала объединить в себе мощь сознания и тела Посредника с сердцем и душой человеческими. То были Космос и Жизнь — союз, который не смог сокрушить даже Великий.

— Серафима, ты ощутила Силу Созидания? — Оливул невольно прервал ее размышления.

— На фоне Жизни всё, рожденное Игрой, было слишком плоским и ненастоящим, — откликнулась Каляда и почувствовала, как незаметно для других воспрянул Данила. — Кто-то очень хотел вручить нам искривленное представление о Кочевниках.

Белый князь сурово кивнул.

— И я знаю — кто.

Он излагал свои наблюдения в полной тишине, и даже воздух остановился в ангаре, повинувшись настроению Пэра.

Грег и Гор, изумленные и растерянные, синхронно качали головами и, чуть только брат закончил, воскликнули:

— Оливул, Ортский никогда бы не повернулся против нас!

Серафима отошла от борта флаэра.

— Ортский — Великий, — произнесла она. — И ни “против”, ни “за” для него не существует. Мы отвергли его волю, и по стечению обстоятельств пошли другой дорогой. И он сделал все, чтобы убедить нас в необходимости скорейшей элиминации Кочевников. Возможно даже, он рассчитывал, что мы повернем Волка, пожертвовав Игрой Александра Гаюнара.

— Зачем? — возбужденно, и поэтому громко, спросил Данила. — Кому Кочевники на хвост-то наступили?

Ему не ответили. Серафима лишь повела плечом, а Бер-Росс, нахмурившись, опустил взгляд. Гаюнар не унимался.

— Оливул, ты знаешь человека, который управлял Экзистедером?

— У Ортского в свите был единственный кадровый астролетчик. Кроме него никто бы не создал столь точный образ корабля и не повторил бы все особенности состава топлива.

— Военный астролетчик? — уточнил Данила.

— Да.

— Так. Я же сказал: слишком сложная система для пассажирского корыта! — Гаюнар бросил взгляд на Гай-Россов и продолжал, уже обращаясь к Серафиме. — Мы могли бы поговорить с этим астролетчиком по душам.

— Не исключено, что нам придется вести переговоры с самим Ортским, — вздохнула Каляда. — Но пока Волк движется по жесткому фарватеру, и курс менять мы не будем, — она вопросительно посмотрела на друзей и встретив их согласие, продолжала: — Я проверю состояние систем, и установлю автопилот. Это не займет много времени. Всем остальным — отдыхать. И без возражений.

Данила поймал на себе добрый, чуть-чуть насмешливый взгляд капитана. Что-то неуловимо изменилось в ней сегодня. Гаюнар, скрепя сердце, давно отказался от мечтательных фантазий и теперь, согреваемый глубоко спрятанной надеждой, приготовился терпеливо ждать.

В кают-компании повис полумрак. Осветители работали в четверть мощности, центральный экран главного бортового процессора бездействовал, а матовое дрожание библиотечного терминала, будто тихий протяжный гимн сна, создавало атмосферу спокойствия и отрешенной расслабленности. Ничто не напоминало о том, как всего несколько часов назад здесь бушевали вихри пространственной битвы, а затем тревожное ожидание натягивало нервы людей, превращая их в тугие струны. Крылатый Волк ревностно хранил покой команды.

Коммутатор зашипел и начал было невнятным автоматическим голосом излагать какое-то предупреждение, но динамики свели на-нет все его усилия и постепенно смолкли. За иллюминатором прокатилось сияние голубых небес. Волк, скользнув над густо-зеленым безбрежием непроходимого леса, нырнул в едва заметную среди хвойных волн просеку и опустился в мягкие высокие травы.

ГЛАВА 4

ВО ПЛОТИ

➤1◀

Гигантский сумеречный лес обхватил поляну могучими лапами елей. Его щупальца — кустарник и вездесущая жадная поросль — впились в пяточек солнечного света, а колючий мох согнал траву и робкие полевые цветы в центр трепещущего лужка. Какое бы время суток не царил на земле, под сводами леса вечно господствовала холодная, влажная ночь. Лишь верхушки стволов корабельных сосен, отвоевавших у орешника относительно сухой пригорок, блестели медью в лучах летнего солнца.

Тропа, уверенно начавшая свой путь на опушке, съезжилась и потерялась в густых зарослях, чуть только попала во владения сырой мглы. Друзья невольно остановились, прежде чем шагнуть под неприветливую тень. После того, как обнаружилась весьма неприятная особенность этого Темного Мира — ни один аппарат, основанный на использовании естественных законов природы, здесь не функционировал — им ничего не оставалось, как искать дорогу в резиденцию Александра Гаюнара без помощи технических средств. Исходя из предположения, что корабль приземлился недалеко от жилых строений, Черный дракон со всеми предосторожностями поднялся над лесом и, вернувшись после короткого разведывательного рейда, радостно сообщил, что видел заброшенный особняк в лощине всего в пяти-семи верстах от “стартовой площадки”. Однако именно эти версты предстояло пройти пешком по забытой тропе сквозь заросли кустарника и лабиринт древесных стволов в сопровождении голодных комаров и прочего гнуса.

Донай шел впереди, и грозный клинок Смерти в его руке безжалостно рассекал уродливые переплетения сучьев, нависающие со всех сторон подобно окаменелой паутине. Пэр предпочел двигаться в человеческом облике; старательно перебирался через валежник и подныривал вслед за Юлькой под размашистыми еловыми лапами. Ему даже начало казаться, что прозрачное тело вот-вот станет чувствовать прикосновение колючих ветвей. Но невзначай отпущенная девушкой ветка беспрепятственно промахнулась сквозь зеленый туман. Иллюзия рассыпалась, а подкатившая досада усугубилась еще и тем, что попытка раздвинуть руками листву орешника успехом не увенчалась. Призрак рассеял контуры и взлетел над друзьями густым облаком. Данила подтянул его к себе за прозрачный шлейф и шепнул.

— Не вешай нос. Скоро будешь управляться с вещами не хуже других. Главное, веру не теряй.

Ви-Брук прорвался сквозь очередной кордон, выстроенный коварным лесом, и едва не ухнул в скрывавшийся за ним овраг.

— Стоп, отряд! — гаркнул он, с первых минут придававший походу налет легкой игривости. — Будем переправляться!

Юлька скроила кислую гримасу и прихлопнула на голенкой шее очередного комара. С короткой стрижкой она чувствовала себя неудобно, но спасти прическу после злополучного пожара не удалось: как ни старался Пэр сохранить золотые пышные кудри подруги, из всех стрижек пришлось выбрать самую “мальчишескую” — как окрестил его произведение Данила.

Грег и Гор перетаскивали через естественное препятствие Аполлона и Артемиду, не пожелавших спускаться по склону самостоятельно, и с опаской покосились на существо, стоящее подле Серафимы. Огромный, почти вдвое превышающий в размерах собак, темно-серый волк смотрел перед собой немигающими черными глазами, на дне которых светились жаркие угли. Грубая шерсть покрывала мощное, будто выточенное из камня тело, между чуть приоткрытых челюстей с белоснежными клыками виднелся кроваво-алый язык, а уши, поднятые торчком ловили каждый шорох, долетавший из лесной чащи. И в мертвом спокойствии его таился вихрь жизни.

— Даже не верится, что Стихии настолько его изменили, — пробормотала Юлька, так же как и близнецы, боязливо поглядывая на коллективное творение.

— И тем не менее, это наш Крылатый Волк, — Каляда опустила руку на волчью холку и негромко произнесла. — Вперед.

Зверь повел мордой в сторону капитана и легко, безо всяких видимых усилий серой упругой молнией переметнулся на противоположную сторону оврага.

Путешествие продолжалось. По уверениям Грег-Гора до места назначения оставалось не более одной версты, хотя лес был все так же неприступен, а тропа, давным-давно проложенная Александром Гаюнаром, окончательно исчезла, задавленная травой, буреломом и мхом.

Оливул замыкал шествие, и взгляд его то и дело возвращался к грозному созданию, неотступно шагавшему по правую руку от Каляды.

Это была всецело ее идея. Когда встал вопрос, как защитить корабль от посторонних глаз, Грег-Гор, Юлька и Донай чуть ли не в один голос предложили построить образ-тень. При сложившихся обстоятельствах иные варианты отсутствовали, ибо защитный экран не функционировал из-за особенностей Мира, а способ, используемый для сокрытия звездолета Александром, канул в небытие вместе с ним. Однако Оливулу пришлось отвергнуть это единственное реальное предложение. Он слишком хорошо знал Темные Миры, и знал, что любая локальная Игра пришлого экзистора незамедлительно будет поглощена. Друзья удивились и принялись уверять Белого князя: мол, его, мастера, проникшего однажды в Экзистедер самого Ортского, не одолеет никто. “Экзистедер Ортского — фонарик на тщедушной батарее по сравнению с солнцем, коим являются Темные Миры — порождение воли внемиренцев и силы Семи Стихий, — ответил Оливул. — Нам пришлось бы остаться здесь на годы, чтобы наша Игра вжилась в естественный поток творения”. Слова Бер-Росса ввергли друзей в смятение, но образовавшуюся паузу быстро оборвала Каляда: “Безусловно, Темные Миры уникальны в своем роде, и от внемиренцев, попавших сюда, требуется неукоснительное соблюдение здешних неписаных законов. Но, друзья мои, мы не просто внемиренцы, мы избранные Семи Стихий — их человеческие лица, воплощение их духа и разума. А Темные Миры — то единственное место в Структуре, где Стихии продолжают созидать, поскольку экзисторы нашей Судьбы призвали их в соратники. Твердь, Вода, Огонь, Воздух, Смерть, Жизнь и Космос однажды сотворили Крылатого Волка, как пожелал Великий, и они изменяют его форму, подчинившись нашей воле. То будет не Игра, а часть бытия”.

Далее начался сон наяву, который ни вспомнить, ни забыть было невозможно. И Волк обрел плоть...

Повеяло свежестью. Мрачные ели и кривые сосны уступили место березам и осинам, а дальше, за светлой от белых стволов рощей, начиналось море зеленых трав. Легкий ветерок скользил по некошеному лугу, и живые волны убегали в ложину, лежащую между двух величественных лесных массивов. Посередине ее, как старая выдавшая виды крепость, стоял двухэтажный особняк, обнесенный каменной оградой. С пригорка внемиренцы увидели пустой двор, развалившиеся хозяйственные постройки, конюшню, много лет не слышавшую лошадиного ржания, остов некогда лихой кибитки. Ни единой дороги к парадным воротам усадьбы не было. Дом казался забытым островом в бескрайнем океане полей и лесов.

Возмнившие себя единственными представителями сообщества цветов метелки иван-чая и настырный чертополох заполнили подступы к лестнице, на которой между разбитых камней проросла трава. Оконные ставни скрипели под порывами ветра, и басом вторила им приоткрытая входная дверь. На появление людей дом никак не отреагировал, разве что в ужасе разбежалась семейка каких-то мелких грызунов, промышлявших поодаль.

Само собой получилось, что Гаюнар поднялся на крыльцо первым. Это был дом его отца. Здесь Александр работал над чем-то тайным, здесь протекала его бурная юность и зарождалась суровая зрелость. Данила провел рукой по стене, покрытой старой паутиной. Может быть в трещинах между камней прячется тепло, оставленное отцом? Или сквозь пласты времени пробьется к сыну далекий голос, живой голос.

Тишина. Гаюнар оглянулся. Друзья стояли в дверях, не смея нарушать его уединение.

— Он хотел, чтобы мы все пришли сюда, — глухо произнес Данила. — Пэр, чего ты боишься?

Призрак висел над крыльцом клубком бледного тумана, но не пересекал порог.

— Я не боюсь, — поспешно отозвался он. — Просто мне как-то не по себе. Я не должен бы знать этот дом, но я его помню. Я даже могу показать, — собравшись с духом, он втек в полутемный тамбур и преобразился в человека. — Здесь гостиная.

Заскрипели проржавевшие петли. Дверь, потревоженная прозрачной рукой, приоткрылась.

— Получилось, — тихонько, будто опасаясь спугнуть удачу, проговорил Пэр.

Небольшой зал, куда зашли внемиренцы, давным-давно потерял былой уют. Виновниками беспорядка стали ветры и дожди, беспрепятственно проникающие в помещение через не закрытые ставнями высокие окна. Свою лепту внесли и животные, зимовавшие в пустующем здании. И конечно время. Время, как суровый неподкупный судья, вынесло смертный приговор столам и стульям, портьерам и покрывалам, книгам и картинам, на которых от прежней красоты остались лишь размытые воспоминания.

— Сколько же лет он не появлялся тут? — спросила Юлька, поежившись.

— Три десятка, не меньше, — откликнулась Серафима. — И за эти годы в доме не было ни одного человека.

— Не удивительно, — Оливул прошел к окну. — Этот Мир не отягощен прогрессом, и Александр наверняка слыл среди местных пособником черной магии.

— Но тут нет ничего, что бы не вписывалось в существующие условия! — воскликнул Гор.

— Да мы еще и дом внутри не видели, — усмехнулся Данила и после секундной заминки продолжал. — Я почему-то уверен: всё, что отец выделял с Кочевниками, он выделял именно здесь. И мы обязаны это найти.

➤2<

Солнце давно миновало зенит и медленно поплыло в объятия лесного океана. Также медленно и неотступно накатывались разочарование и усталость. За четыре с лишним часа пребывания в заброшенной усадьбе друзья не обнаружили ничего, что представило бы Александра как экспериментатора, исследователя, алхимика. Кроме нескольких книг по математике и случайно забытого на какой-то полке пластикового пакета ни одна вещь не указывала на присутствие внемирнца вообще. Пэр не менее десятка раз прозондировал собственным телом стены в поисках замаскированного сейфа или потайной комнаты. Руководствуясь принципом “доверяй, но проверяй”, Донай рискнул влезть вслед за призраком даже на чердак, но и там его ждали только прогнившие стропила да паутина.

Понурий, Данила вышел на крыльцо и присел на ступеньку. Он не позволял себе думать, что отец передал кодовую карту, следуя очередному хитроумному плану Ортского. Он упрямо искал оправдание, силился вспомнить голос, жесты, взгляд отца, и к ужасу своему не находил в памяти ни одной живой ноты в его словах, ни искры в глазах. “Я никогда не видел его живым”, — жестко оборвал сам себя Гаюнар и взглянул на мыш, которую до сих пор держал в ладони. Собаки разворошили гнездо в куче тряпья, он подоспел на шум, когда несколько хвостатых обитателей особняка были безжалостно задушены, а этого он буквально вытащил из пасти Артемиды.

— Сколько же поколений вашей братии прожили тут за тридцать лет? — сказал Данила вслух. — Того гляди, придется признать за вами право собственности на недвижимость.

Он смотрел на мыш, мыш взидала на человека черными бусинками глаз, не делая попыток убежать. Крошечная капля жизни в серенькой шкурке с неумолимым носиком и проворными лапками доверчиво стояла перед хранителем Стихии, открыв свои непознанные глубины. Данила вдруг почувствовал, что способен управлять этой частицей в бурлящем вечно изменяющемся океане бытия.

— Замри, — негромко произнес он.

Мышка оцепенела. Бессознательный взгляд устремлен на господина. Гаюнар распахнул для Стихии врата своего существа, и та аккуратно обвила хрупкое создание. В сознании Данилы всплыли неопределенные сгустки инстинктов, не ведавших ни стройности мысли, ни многоцветия ассоциаций. А Жизнь кружила между Хранителем и животным, и сгустки обретали все более отчетливые контуры, понятные человеческому разуму. Голод и сытость. От первого ко второму путь лежит вверх по шершавой доске, далее огромная гладкая стена. Щель, решетка и много, много еды.

Гаюнар сильно зажмурился. Контакт разорвался, и струи Стихии вернулись в свою обитель.

— Беги домой, — он опустил мыш на камень и проследил, как неугомонный зверек скрылся под порогом.

Послышались легкие шаги.

— Ты с кем-то разговаривал? — Юлька удивленно оглядела пустой двор.

— С мышонком.

Девушка подняла брови.

— Серьезно?

Следом вышел Оливул.

— Грег и Гор, доверяясь чутью Огня, утверждают, что где-то в доме находится генератор на тепловых кристаллах, функционирующий в настоящий момент, — произнес он.

— Да, и еще пищевой модуль, который тоже до сих пор работает, — поддержал Данила, вставая. — Видали мышей в спальне? Чем по-вашему они тут питаются?

— Законный вопрос, — согласился Белый князь.

— Нужно, чтобы каждый обратился к Стихии, — настойчиво предложила Юлька, по всему видно, не в первый раз, и добавила для убедительности. — Серафима, по-моему, как раз этим и занимается.

— Каляда ищет сенсорные следы, — откликнулся Донай из окна второго этажа над парадным крыльцом. — Не знаю, каковы результаты, а вот у меня возникла одна идея. Гаюнар, внимательно посмотри на двор. Ничего особенного не замечаешь?

Данила огляделся: крапива, осока, репейник, иван-чай, низкие кривые кусты возле самой ограды. Две тщедушные березки и невысокая рябина росли возле ворот, донельзя склонившись в сторону леса.

— Деревьев нет, — пробормотал он, — то есть почвенный слой слишком мал для их корней. Подземный бункер!

— Во, и я так подумал, — удовлетворенно заявил Донай и скрылся в комнате.

Деревянная лестница в глубине особняка закрипела и застонала под быстрой поступью Синего князя. Оливул обернулся ему навстречу, как вдруг вздрогнул и изменился в лице.

— Игра... Я ведь его предупреждал!

Он бросился в дом.

— Что с ним? — Донай посторонился, пропустив кузена.

— Грег-Гор все-таки вызвал Силу Созидания, — пояснила Юлька и помчалась за другом.

Из закутка подвала, где располагались печи, валил дым. Сквозь него виднелись зеленые разводы — это Пэр, подстегивая ленивый подвальный воздух, разгонял едкие клубы, в которых металась огромная черная тень.

— Но я нашел! — слышались два объединившихся в один голоса. — Оливул, это был мой потенциал, понимаешь, собственный потенциал, порожденный в Темных Мирах. Ни одна живая душа не способна его распознать!

— В таком случае почему я здесь? — Бер-Росс был рассержен не на шутку. — Твой Экзистедер рожден в другом Мире, пойми, в другом!.. Немедленно восстанови полный человеческий вид, — добавил он, смягчившись.

Пространство в подвальчике стабилизировалось. Тень двуглавого дракона поколебалась еще несколько мгновений, будто решая, какую форму плоти обрести, и Гай-Россы, опустив головы, встали перед старшим братом.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Пэр, выгнав последние клочья дыма в подвальное окошко.

Большая добротная печь оказалась печью лишь наполовину. Остальная ее часть представляла собой хорошо знакомый внемирцам автоматический кухонный модуль, точь-в-точь такой же, каким пользовались они на Крылатом Волке.

— Вот это уже что-то! — подытожил Донай.

В подвальчик спустилась Каляда. С первого взгляда оценив обстановку, она неодобрительно посмотрела на Черного князя и сказала:

— Месяц назад особняк посещали пять человек, по крайней мере двое из которых внемирцы. Они стремились сохранить полное инкогнито, но, разумеется, оставили ментальные следы. И хотя кроме них к усадьбе никто не приближался, следует быть более осторожными.

Предположение Доная и Данилы оказалось верным. Обнаружив в угловой комнате за гостиним залом лаз в подполье, а за ним искусно имитирующую грунт крышку люка, Пэр долго сокрушался — как сам не догадался прощупать пол. Однако, попытавшись открыть вход в бункер, друзья столкнулись с новой проблемой: в локальном Мире, созданным Александром и укрепившимся за многие годы как любая законченная Игра, прекрасно чувствовали себя электронные сети, компьютерные коды и все то, чем изобиловали центральные Миры Структуры. Призраку не удалось внедриться в замок и поспособствовать его открытию. Процессор, контролирующий люк, не отреагировал на вмешательство в операционную систему и молча проглотил предлагаемые варианты декодирующих последовательностей. Не помог и набор электронных отмычек в руках Грега и Гора.

— Давайте применять силу, — отчаявшись, предложили близнецы. — Огонь обеспечит направленный взрыв. Против Стихии не устоит ни один сплав, каким бы прочным его ни сделали!

— Крайняя и нежелательная мера, — покачала головой Каляда, продолжая разглядывать неказистую на первый взгляд панель управления. — Александр никогда не был сторонником излишеств, поэтому и решение нашей проблемы должно быть естественным и простым. Пэр, проверь-ка вот эту щель. Кажется, она ничем не отличается от приемника для кодовой пластины на Волке.

Призрак издал восхищенное восклицание и поспешно засунул в отверстие руку.

— Полный аналог, — радостно сообщил он. — Данила, давай карту!

На Гаюнара обернулись. Он мрачно отвел взгляд.

— Карта осталась в кают-компании на корабле, — сказал он. — А корабль бежит во дворе в облики волка.

— Уже не во дворе, — пробормотала Юлька, уступая дорогу мощному существу полутораметрового роста.

В пасти с белыми рядами смертоносных зубов была аккуратно зажата узорная пластина. Волк бесшумно приблизился к капитану и положил к ее ногам кодовую карту Александра Гаюнара.

— Похоже, Стихии сделали с ним нечто большее, нежели мы планировали, — озадаченно произнес Оливул.

Вертикальная металлическая лестница уводила в темноту, но стоило Даниле ступить на нее, вдоль стен один за другим вспыхнули неоновые осветители. Оставив собак и Волка в комнате наверху, внемиренцы спустились в бункер.

— Генератор, — шепотом, чтобы не спугнуть тишину, царившую здесь много лет, сказал Грег, а Гор показал на стандартный портативный модуль энергетического преобразователя, установленный в крошечном тамбуре.

Лаборатория Александра представляла собой обширное помещение, вдоль стен которого высились стеллажи, заставленные книгами, замысловатыми каркасами непонятных приборов и сосудах для химических реактивов, большей частью пустыми. Два огромных стола разного предназначения заняли треть всей площади, и на одном разместился универсальный компьютерный модуль со множеством периферийных устройств и двумя терминалами. Возле покрытой толстым слоем пыли клавиатуры стояла простая глиняная кружка, со спинки стула свисал небрежно брошенный грязно-серый кафтан, подушка и плед лежали на жестком диване одним большим комом. Словом, всё в комнате говорило о том, что хозяин, наскоро поднявшись с рассветом, вот-вот вернется к прерванным делам.

Друзья остановились на пороге.

— А он наведывался сюда не раз, уже будучи Обманувшим Смерть, — с некоторым сомнением в голосе высказался Донай.

— Ошибаешься, — Серафима внимательно разглядывала что-то под лабораторным столом. — Александр ушел из дома много лет назад. Он торопился, я бы даже сказала — бежал без оглядки. И самое главное: кодовую карту, по которой Волк находил дорогу в этот Мир, он бросил здесь, что значило, он не собирался возвращаться.

— Почему ты так решила? — Юлька оторвала взгляд от хитрых шуток за стеклянными створками шкафа.

Вместо ответа Каляда взяла из рук Гора фонарь и, включив, направила луч света под стол.

— Видите, среди пыли ровное прямоугольное пятно? Размеры совпадают с размерами футляра, в котором находился ключ к навигационной системе. Футляр швырнули в дальний угол в порыве гнева или ужаса, и он пролежал там десятки лет.

— Допустим, но как, в таком случае, карта вновь оказалась у Александра? — спросил Бер-Росс. — Ведь открытых Путей в этот Мир нет даже для Обманувших Смерть.

— Магистр искал того, кто посмел подойти к Зеркалу Судьбы, — после короткого раздумья заговорила Каляда. — Мы с вами не сомневались, что им был Александр, но осталось неясным, с какой целью он нарушил кодекс ордена. Теперь все встает на свои места. Решив отправить нас в этот Мир, Гаюнар предварительно вернулся сюда за кодовой картой. И Зеркало Судьбы позволило ему сделать это в течении нескольких минут.

— То есть Зеркало, отражая Структуру, — медленно продолжил Оливул, — способствует моментальному перемещению в любую ее точку. Мощное оружие.

— Да, — откликнулась Серафима. — И не удивительно, почему нам устроили столь строгий тест. Обманувшие Смерть надежно охраняют творение Великих, им надо отдать должное.

Данила прошелся по лаборатории, скрывая за угрюмой неторопливостью скованность, от которой не мог отделаться с первой минуты пребывания в отцовском особняке.

— Так. Закатал папочка задачку. Сколько же времени понадобится, чтобы найти в этом ворохе, — он кивнул на стеллажи с книгами, — пояснения о его занятиях с Кочевниками!

— Времени у нас полно! Если, конечно, то, что заставило его бросить собственный дом, не объявится снова, — откликнулась Юлька и, поймав на себе неодобрительные взгляды, смущенно передернула плечиками. — Впрочем, Александр не оставлял впечатления пугливого человека, — добавила она.

Оливул сел к компьютеру и активизировал процессор.

— Этого следовало ожидать, — мрачно произнес он, когда экран загорелся. — Требуется пароль.

— Попробуй “Персиваль”, — вдруг сказала Каляда.

Бер-Росс удивленно посмотрел на капитана, но ничего не ответил и быстро набрал предложенное слово.

“Доступ запрещен”, — сообщил компьютер.

— Тогда другое: “Перегрин”, — как ни в чем не бывало продолжала капитан.

Зашуршала клавиатура, и на мониторе появилось:

“Готовность к загрузке системы...”

— Как ты догадалась? — спросил Белый князь, не скрывая восхищения.

— От обоих этих имен возможным сокращением является “Пэр”.

Призрак, беспокойно созерцавший лабораторию, вздрогнул всем телом.

— Перегрин, — вслух повторил Данила. — Слышишь, Пэр? Красиво звучит.

Донай сморщил лоб, отыскивая в памяти значение иноязычного слова.

— Что-то из латыни: “странник” или “странствующий”, — сказал он.

— Лучше скажи — “Кочевник”, — бухнул Пэр.

Донай, Юлька, Грег-Гор и Данила ошарашено уставились на него.

— Ты не с той ноги поднялся утром? — одернул друга Гаюнар. — Как тебе такое вообще в голову пришло!

К полуночи, пересмотрев большую часть записей Александра, друзья узнали, что все его эксперименты преследовали единственную цель — заключить Кочевника в искусственную оболочку и управлять им, как управляют прирученным животным. В одной из тетрадей Гаюнар описывал аппарат, позволявший создать некое поле, в которое Кочевника втягивало “как мусор в пылесос”.

“Горизонтальная сетчатая поверхность на четырех опорах, — писал он под наскоро начерченным рисунком. — Две плоскости берут начало на сетке и поднимаются под моим взглядом, подобно крыльям птицы. Сила Созидания или что-то близкое к ней создает над аппаратом невещественный маятник — непосредственно ловушку. Индикатор готовности — бледный зеленоватый свет в пространстве между крыльями и вершиной маятника”.

Даниле хватило беглого взгляда на рисунок, чтобы узнать модель, спонтанно продемонстрированную Пэром после его первого посещения кристалла-убежища.

— Позиция Крылатого Волка при захвате Кочевников, — прокомментировал Оливул. — Жаль, что Алекс не написал, откуда у него появилась функциональная копия корабля.

— Не обошлось без Ортского, надо полагать, — вставил Донай.

После скорого походного ужина поиски в архивах Александра Гаюнара возобновили. Серафима, пользуясь способностью Посредников впитывать огромные объемы информации в считанные минуты, приступила к чтению реестров и отчетов, хранимых электронными дисками. Грег, Гор и Оливул со второго терминала работали над восстановлением уничтоженных записей. Данила, сидя на верхней ступеньке высокой стремянки, перебирал обрывки бумажных листов.

— Черт бы его побрал! — потеряв терпение, воскликнул он. — Пишет об искусственной имплантации Кочевника, но никаких конкретных данных.

— Все остальное в аннигиляторе, — подсказал Донай. — Я только что целый контейнер переворочил. Там одна труха.

В азарте поиска, никто не заметил, что Каляда уже несколько минут назад закончила пролистывание электронного журнала и теперь в суровом молчании смотрела в пустой экран. Пэр стоял у нее за спиной; мутное нечто внутри густого темно-зеленого контура человеческой фигуры.

— Я Кочевник, Серафима? — прозвучал его глухой голос. — Ответь, это правда?.. Ты же знала, капитан! Я Кочевник.

Пауза показалась друзьям вечностью.

— Я не отвечу “да”, — жестко произнесла Каляда, взглянув Пэру в глаза, скрытые зеленой пеленой. — Но создавая тебя, Александр имплантировал Кочевника в человеческое тело. Запись о том, кем был тот человек, уничтожена.

— О, нет, — пролепетала Юлька и опустилась в кресло.

— Восстановить архив невозможно, но мы нашли свежий фрейм, содержащий коды голографии, — начал Оливул. — Быть может Александр...

Его слова оборвал девчачий визг. Юлька во мгновение ока оказалась возле братьев, а кресло по инерции продолжало медленно ехать к дальней стене. Что-то щелкнуло, книжные полки плавно опустились в пол, открыв вход в потайную комнату.

Похожее на огромную лабораторную установку, помещение было заставлено разной величины контейнерами, обвитыми шлангами и проводами, а в центре, занимая добрую половину площади, высился агрегат, основу которому создавал неуклюжий процессорный блок со встроенным терминалом. Стекланный купол, венчающий конструкцию, был разбит, и под ним в полусферическом углублении среди осколков и оборванных пластиковых трубок виднелись бурые и черные пятна.

— Инкубатор, — выговорили близнецы.

— Отец, только не это, — прошептал Данила и оглянулся на Пэра.

Невысокий, коренастый, с крупными чертами лица, тяжелыми бровями и массивным подбородком он всегда принимал один и тот же облик... Гаюнара.

— Здесь послание, — тихо сказала Каляда.

Посередине кабинета в голубом луче голограммы то собирался, то таял силуэт человека. Оливул подбежал к компьютеру и переключил режим воспроизведения. Из динамика раздалась шорохи, скрип, и, наконец, появился голос Александра:

“Я не сомневаюсь, что рано или поздно вы доберетесь сюда, и если вы слушаете эту запись, значит я не ошибся. В моих дневниках на этом диске есть ответы на вопросы, которые вы мне задавали. Но как уничтожить Кочевника, не знаю, клянусь. Я умел ловить тварей и загонять в предметы”...

Запись прервалась, судя по всему Александр обдумывал предстоящий рассказ.

“Я сделал ошибку, за которую расплачивался всю жизнь. Сейчас, когда вы нашли мою лабораторию, мне уже глубоко плевать, что происходит на белом свете. Меня больше нет. К счастью. Поэтому я все расскажу, как на духу.

Я хотел владеть Кочевником, управлять им. Заточенные в камни, столы и стулья, они меня не устраивали. Однажды я услышал от приятеля о Кочевниках, которые умудрились так влезть в человеческое тело, что остались в нем навсегда. Идея мне понравилась, и я решил добиться того же, но искусственным путем. Втягивать в эксперимент мирянина было опасно: в случае неудачи он отдал бы концы. И я пошел по другому пути. С минимальным использованием Силы Созидания я собрал аппарат для выращивания человеческих эмбрионов — это практикуется в нормальных Мирах — взял в качестве исходного материала свои клетки, кое-что добавил экзорным методом. А напоследок загнал в этот коктейль Кочевника... Если хотите посмотреть на инкубатор, установите кресло в нишу между стеллажами, работает рычаг, и вход откроется.

Мой опыт не давал результатов семь месяцев. Верите ли, это было хуже всякой пытки! Зародыш развивался как и подобает человеческому эмбриону, Кочевник в нем не проявлялся. Я уже свыкся с мыслью, что на сей раз вляпался капитально: только ребеночка мне не хватало для полного набора проблем. Но однажды утром началось... Какая-то мутация или же Кочевник очухался и начал вырываться, короче, то, что я видел, не пожелаю увидеть и врагу. Я перепугался, разбил все к чертовой матери, схватил “Это” и помчался прямо к Ортскому. Я знал, он спасал необычных детей. Герцог велел оставить мое создание и вернуться через пять Путей, и я вернулся... Ортский вручил мне Пэра. Вот и вся история.

Знаешь, Пэр, я никогда не считал тебя сыном, а вот сегодня понял — напрасно. У тебя нет матери и с отцом, как видишь, не очень повезло, но зато у тебя прекрасный брат. Ни один Кочевник не может этим похвастаться...”

В голубом луче кружились пылинки, скрипел безголосый динамик, а люди так и стояли, глядя на пустой круг света.

— Чудовище, — потрясенный до глубины души, Данила не мог поднять глаза на друзей.

Надрывно взвыл воздух. Пэр стремительно развеял человеческое обличие и ринулся к потолку.

— Куда ты?! — визгнула Юлька.

— Пэр, ты не Кочевник! — закричал Данила. — Пэр, остановись!!

Но зеленый туман, просочившись сквозь металлические своды бункера, исчез.

— Серафима, верни его, пожалуйста! — Грег-Гор отчаянно взирал на капитана.

— Как такое можно сотворить с неродившимся ребенком? — громыхнул Синий князь. — Да где ж сердце-то было у этого человека!

— Донай! — одернул его Оливул, но поздно, Данила бросился к выходу.

— Гаюнар, эй! — испугался Ви-Брук. — Я не хотел...

Данила приостановился в дверях.

— Я найду его! Он мой брат. Я должен, Серафима.

— Иди, — сурово кивнула Каляда и крикнула, уже вслед. — Он не Кочевник, Данила! Он Пэр Гаюнар!

Стукнула крышка люка.

— Ну вот, ищи ветра в чистом поле, — тяжело вздохнул Синий князь.

— А Данька помчался один ночью в незнакомый лес! — воскликнула Юлька.

— Он оседлал Волка, — бесстрастно произнесла Каляда. — С ним собаки. Отправляться на поиски бессмысленно: Донай прав — Пэр владеет ветрами, и найти его сейчас может только его брат.

— Серафима, — начал Оливул, в задумчивости глядя на архивный терминал, где горела надпись “Ошибка данных, доступ запрещен”, — наверное, надо было сказать им раньше то, что ты вычислила еще в городе Обманувших Смерть.

— Вы знали, как появился на свет Пэр? — вздрогнули Грег и Гор.

— Нет, — отрезала Серафима. — Было известно, что Пэр перемещается так же, как перемещаются из Мира в Мир Кочевники... Но откровенно признаться, я догадывалась о чем-то подобном, — она махнула рукой в сторону инкубатора и пошла к лестнице.

Донай вынул кресло из ниши, куда его ненароком толкнула Юлька, и зловещая комната закрылась поднявшейся из-под пола стеной. Внемиренцы в молчании последовали за Калядой.

➤4<

Ночь выдалась ясная и тихая. Ничто не нарушало спокойствия спящей природы, и серебряный месяц бережно ласкал землю нежным прохладным светом. Из высокой травы лились заунывные трели кузнечиков, и под эту невзрачную колыбельную уснул где-то в далекой лесной чаще даже неугомонный ветер.

В полном молчании тянулось время внутри проклятого особняка. Однако покой и дрема остались за его порогом, так и не одолев тревогу, владевшую людьми. Каждый слушал ночь. Каждый с надеждой ждал, что вот-вот зашуршит трава под упругой волчьей лапой, радостно залают собаки, и Данила войдет на крыльцо вместе с Пэром.

Вдруг Серафима, на протяжении часа неподвижно стоящая перед открытым окном, подалась вперед.

— Они? — вскочила Юлька.

Каляда вскинула руку, призывая друзей к молчанию. Вскоре их слух уловил то, что значительно раньше восприняла женщина-Посредник: далекий приглушенный мягким травяным ковром стук копыт. Донай потянулся за мечом. Над Грег-Гором взметнулась крылатая тень. Оливул поспешно удержал одного из близнецов за плечо.

“Трое конных, — беззвучный голос капитана коснулся сознания друзей. — Двигаются сюда. Оружия при них, кажется, нет, но настроение близко к враждебному”.

— Мы видим их, — возбужденно зашептали близнецы, тяжелый драконий взгляд которых буравил темноту.

Серафима сделала всем знак отойти от окон и притаиться в глубине комнаты. Спустя несколько минут всадники въехали в ворота.

— Локальная Игра, капитан, — в полголоса предупредил Оливул.

— У них портативные блоки питания и какая-то техника, — торопливо вставил Грег.

— Ничего, с тремя справимся, — буркнул себе под нос Донай.

Было слышно как всадники, пустив коней шагом, объезжают двор. Каляда, закрывшись от посторонних глаз сенсорной вуалью, изучала незваных гостей из окна. Она с первого взгляда определила, что вокруг каждого из трех мужчин сформировано естественным или искусственным способом некое защитное поле, и поэтому не рискнула приближаться к ним мыслью. Тем не менее от нее не ускользнула явная растерянность, присутствующая в поведении незнакомцев: им было доподлинно известно, что дом не пуст, но подтверждений тому они не находили.

Прежде чем вступить в контакт, Серафима постаралась как можно четче представить друзьям внешний облик визитеров. Выглядели они лет на сорок; крепкие, физически сильные люди, умудренные жизнью и закаленные невзгодами. На фоне двух, совершенно обычных на вид, выделялся тот, кто возглавлял компанию. Чрезмерно упитанный, он возвышался в седле подобно глыбе на краю утеса. Впрочем, движения его были стремительны и точны. С лошастью он управлялся подстать бывалому кавалеристу и в то время, как двое его товарищей топтались перед фасадом дома, успел объехать особняк кругом и вернуться к крыльцу.

— Я их знаю, — тихо сообщил Донай. — Они разыгрывали сюжет с полицейскими. Это клановид!

— Значит, еще двое где-то поблизости, — поддержал Оливул.

Пелена невидимости над Калядой стала таять. Женщина появилась в окне будто призрак — неподвижная черная получеловеческая фигура, освещенная бледным светом тощего месяца. Под острым холодающим кровью взглядом лидер компании вздрогнул и повернулся к ней первым.

Несколько секунд они смотрели друг на друга сквозь мутную предрассветную мглу.

— Время и Судьба! — крикнул всадник, встав на стременах, приложил к груди руку и, вскинув ее, описал перед собой дугу открытой ладонью. — Нам нужен Посредник!

— Кто вы и какова суть спора? — бесцветным голосом задала вопрос Каляда.

— Да будет вам, леди! — нетерпеливо и в то же время беспокойно ответил тот. — Вы прекрасно знаете, кто мы, а нам хорошо известна ваша стихийная команда.

— Вы начали разговор согласно ритуалу, и я, следуя тому же, обращаюсь к вам: назовите себя и ваших оппонентов.

Всадники перекинулись репликами. Серафима видела, что они общаются, но не уловила ни слова. “Кланойд, — окончательно убежденная в правоте Доная, подумала она. — Их защитная оболочка не пропустит даже мой зонд”.

— Мы люди кланойда. Мое имя Петер Роуз, это мои друзья, которых вы считаете Кочевниками, — он кивнул на спутников. — И спор пойдет об их праве на существование в Судьбе. Оппонентами выступают Архивариусы.

Каляда бровью не повела, выслушав этот монолог, хотя Оливул, Донай, Юлька и Грег-Гор, уже не скрывая тревоги и удивления, принялись обсуждать что-то между собой.

— Хотите на чистоту, леди? — продолжал меж тем Петер Роуз.

— Извольте.

— Кабы не Архивариусы, мы сегодня сделали бы все, чтобы загнать вас в такую Структурную дыру, из которой вам пришлось бы выбираться миллионы Путей! Но они решили говорить с представителями кланойдов именно через Посредника, капитана Крылатого Волка. Я был против, но я подчинился. И вот я здесь прошу от имени Времени и Судьбы.

— Где и когда?

— На планетоиде Архивариусов. Сейчас.

Серафима отошла вглубь комнаты.

— Ты пойдешь с ними? — испуганно спросила Юлька.

— Таков мой долг.

Оливул шагнул к капитану.

— Этот вызов — провокация чистейшей воды. Он даже не потрудился скрыть своей антипатии к нам.

— Именно последнее говорит за то, что лжи в его словах не было. Архивариусы организуют совет, и Архивариусы хотят видеть в качестве Посредника меня. А миссию вызова они возложили на этот кланойд — нашего ярого врага — чтобы подчеркнуть остроту проблемы. Как видите, друзья, предположения подтвердились: миряне в кланойдах есть ни что иное, как Кочевники, нашедшие место в Судьбе. Оставайтесь в доме и ждите Данилу и Пэра. Я скоро вернусь.

Напротив окна в пятне темноты появились трое. Каляда подбодрила друзей взглядом и, легко вскочив на подоконник, вошла в Структурные ворота. Бездна закрылась.

Белый князь ни слова не говоря достал из ножен короткий меч, которым вооружился, отправляясь в поход, и положил перед собой на стол. Юлька тяжело вздохнула.

— Быстро они нас нашли, — Донай посмотрел вслед трем опьяненным свободой коням, несущимся во весь опор по некошеному лугу.

— Ничего удивительного, — обронил Оливул.

— Нашу Игру не распознал никто! — вскочил Грег; Гор поспешил вставить: — Кроме тебя, родного брата.

Бер-Росс был совершенно не расположен возобновлять прения на тему экзорного выпада Гай-князя, и посему промолчал. Но юноши не унимались.

— Вы почувствовали, какая у них техника! Они были просто нафаршированы аппаратурой, причем к каждому названию смело можно прибавлять приставку “мини”, — возбужденные, Грег и Гор говорили в один голос. — Мы видели их электронику глазами Огня, это поэзия в кристаллах!

— И вы хотите сказать, что благодаря супер-мини-электронике они засекли наше прибытие сквозь экзорные течения, основываясь на данных атмосферы или вибрациях земли или еще каких-нибудь явлениях? — устало спросил Оливул.

— Гораздо проще: они установили в доме сигнальные устройства! — выпалил Грег.

— Серафима говорила про сенсорные следы, — добавил Гор.

— Какая разница, как они нас нашли, — попыталась погасить разгорающуюся дискуссию Юлька. — Все равно, ничто уже не изменишь.

Однако близнецы не собирались сдавать позиции.

— Мы найдем “жучка”, — заявил Грег и направился к выходу.

— Весь дом перевернем, — пообещал Гор.

Ступени лестницы пропели несколько гнусавых нот и смолкли. Донай усмехнулся.

— Упрямство — ваша семейная черта, — сказал он, обращаясь к кузену.

— Наша семейная черта, — поправила Юлька и пошла в коридор. — Ненавижу, когда кто-то из нас работает в одиночку.

Оливул тревожно оглянулся на подругу.

— Будь осторожна, — предупредил он.

Девушка беспечно отмахнулась.

Синий князь прислонил к стене меч и взгромоздился на табурет напротив Бер-Росса.

— Каково мнение об обстановке?

Оливул едва заметно поморщился и отвернулся к окну.

— Вот и я так думаю, — вздохнул Донай.

Донай тщательно отгонял от себя дрему и время от времени поглядывал на брата. Тот старался держаться прямо, но голова то и дело клонилась на грудь. Ви-Брук и сам чувствовал нарастающую тяжесть во всем теле. В очередной раз очнувшись от секундного сна, он посмотрел в окно. Что-то пронеслось по подоконнику и скрылось в темном углу комнаты.

— Здесь кто-то есть, — проговорил Синий князь и с удивлением обнаружил, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

— Мышь, наверное, — медленно отозвался Оливул.

Тут Донай полосонуло: кроме голоса брата, он не слышал ни треска кузнечиков, ни поскрипывания ставень, ни шума из гостиной, производимого упрямыми искателями “жучков”. Следом возникла мысль об экзорной вуали. Он хотел было вскочить, но невидимая рука сдавила плечи и грудь.

— Оливул... Игра... — прохрипел он прежде, чем невидимые тиски сжали мозг.

Два изумрудных глазка смотрели на него со стола. Два изумрудных глазка, и сознание теряется в вязкой паутине.

Вдруг сквозь зловещий кокон пробился победный возглас близнецов.

— Оливул! Мы нашли!

Белый князь вздрогнул. Сердце зачастило в груди, и зов крови, невзирая на реальные и нереальные преграды, понес к Гай-Россу непрозвучавший крик: “Улетай, спаси Юлию!”

Грег и Гор застыли в одной и той же позе.

— Ребята, что случилось? — Юлька моментально забыла про крошечную микросхему, обнаруженную только что в обрывках портьеры. — Что вы делаете?!

Тела их переплетались, руки вытягивались в крылья, лица терялись под грозным ликом дракона. Хлопок, завершающий преобразование, был прямо-таки оглушительным.

“Садись, скорее!”

— Ребята, что происходит?!

“Оливул велел нам улетать. Ничего не спрашивай! Скорее!”

Она вскочила на подставленное крыло. В следующую секунду две струи огня вырвались из пастей, и сухая тщедушная рама вспыхнула, будто факел. Юлька вскрикнула и вцепилась в жесткие драконьи гривки. Гай-Росс ринулся в пылающий проем. Крылья ударились о стену, он пошатнулся, но, игнорируя боль, взмыл ввысь. Юлька в ужасе оглянулась на разгорающийся пожар.

— Грег-Гор, там остались наши братья!

Дракон описал круг над домом, намереваясь пролететь мимо окон, как вдруг увидел на востоке, на фоне рыжего утреннего солнца, стремительно растущую живую тучу. Издали невозможно было разглядеть отдельных представителей черной стаи, но во враждебных намерениях сомневаться не приходилось.

— Что это? — ахнула Юлька.

“Держись! Держись крепче!” — мысленно крикнул Гай-Росс и, издав тревожный трубный клич, помчался прочь от дома, что было мочи.

➤5<

Мелькали звезды, проносились выкрашенные в синеву ночные облака, лес изумленно расступался, пропуская обезумевший от скорости ветер, шлейфом неслась по реке рябь, песок, поднятый с плоскогорья, негодуя клубился над камнями. Один ландшафт сменял другой, и так продолжалось, пока соленый бриз не смешал земной вихрь и не погасил в морских глубинах.

Призрак впитал в себя окружающую картину, и в сознании возник образ бескрайнего океана, гордо встающего над ним дневного светила и блеклой полосы берега в утреннем тумане. Одиночество и пустота обрушились следом как горькая неизбежность.

Пэр опомнился.

“Что я делаю?... Воздух! Воздух!”

Бриз услужливо предоставил ему свои крылья и не спеша понес к земле. Призрак парил над океаном, и чем явственнее проявлялся в молочной мгле берег, тем отчетливее в зеленом облаке вырисовывались черты лица, глаза, формы плеч, рук, торса...

Пэр встал на мокрый песок. Любопытная волна подкралась и отпрянула, омыв полупрозрачные ноги. Он сделал шаг навстречу морю. В груди защекотало от желания прикоснуться к прохладной воде, зачерпнуть полные ладони, ополоснуть лицо. Но рассудок жестоко осадил чуждые рефлексy. Это было сродни физической боли. Призрак опустился на плоский камень, наполовину утопленный в песке, и закрыл руками глаза. Он старался заставить себя успокоиться, не думать, не вспоминать, но голос Александра, как тупая игла, стучал в висках: “Ни один Кочевник... Ни один Кочевник...” Сопротивляться больше не было сил. Пэр вскочил.

— Отец! Зачем ты сделал это со мной? Зачем?!

Полный отчаяния голос сорвался, зрение померкло под вязким пугающим туманом, и Пэр почувствовал на лице бог весть откуда взявшуюся влагу. Желая избавиться от странного чувства, он принялся тереть пальцами глаза и был несказанно удивлен, обнаружив на ладони прозрачную каплю.

Морской ветер, пенные волны, небо, земля и огненный восход. И конечно Жизнь в облике птиц, поднявшихся в облака, вездесущих разноцветных рыбок в воде, в облике кривых береговых деревьев и гибких прибрежных водорослей. Стихии Судьбы протягивали ему незримые руки, увлекая в ту единственную семью, откуда Александр едва не вырвал его навсегда.

Пэр вдохнул полной грудью пропитанный соленой влагой морской воздух.

— Нет, я не Кочевник, — нетвердо проговорил он.

Мимолетное изменение пространства вблизи сию секунду заставило вспомнить об опасностях Темного Мира. Торопливо оглянувшись, Пэр отступил от воды. Зрение и слух напряглись, разыскивая источник тревоги, однако интуиция упрямо толкала к чему-то, неведомому рассудку. Он доверился подсознанию. Ощущение постороннего присутствия медленно переросло в нечто, подобное очень далекому гулу. Еще усилие, и он “услышал”:

“Ты совсем не Кочевник, парень”.

То были не голос, не слова и не образы, а совершенно непривычная трансформация сигналов некоего внешнего источника.

— Кто здесь? — вслух спросил призрак и постарался послать вопрос в виде объекта, обратного тому, что принял сам секунду назад.

“Никто, — тем же способом пришел ответ. — Меня здесь нет как нет нигде”.

— Ты Кочевник?

“Так нас называют”.

— Что ты здесь делаешь?

Пэр на всякий случай приготовился возвать к Стихии, ибо в данный момент воздух был единственным доступным ему средством защиты. Несуществующий собеседник, впрочем, враждебных намерений не проявлял.

“Ненавижу, когда люди страдают. Всякий раз стараюсь чем-то помочь, хотя знаю — бесполезно. Меня не слышат, не видят, не чувствуют!”

— Я тебя “слышу”, — заверил Пэр. — Меня сделали из Кочевника и человека. Наверное, мы родня друг другу.

Он уловил изменение состояния собеседника и с небольшим опозданием догадался, что оно должно обозначать смех.

“Пойми, глупыш, Кочевника нет. Мы — пустота, полнейшее ничто для вашей Судьбы. Когда мы занимаем чье-то место, оно все равно не наше место, и единственное, что остается с нами — память. Память является наиболее близкой формой для нашей Стихии”.

— Какой Стихии?

“Времени. Оно спонтанно возникло в Игре Великого и нарушило его планы. Оно не должно было присутствовать в строящейся Судьбе, ведь Время, как и Космос — прерогатива высших создателей. Поэтому Великий начал новую Игру, а нас вычеркнул. Мы стали лишними персонажами”.

— Новую Игру? — Пэр почувствовал, как в области спины скапливается холодок. — Откуда ты это взял?

“Так сказали Голоса, которые научили нас помнить”.

Пэр сжал голову руками.

— Ничего не понимаю. Твои собратья идут к Первому Экзистедеру, чтобы разрушить Миры!

“Великие пообещали вернуть нам прежнюю Судьбу, — Кочевник изобразил усмешку. — Я сам был в Игре рядом с другом, внемиренцем. Я даже думал, что нашел место, которое будет моим всегда, но... Мой друг погиб, а я понял: ничто не повторяется ни для людей, ни для внемиренцев, ни для Кочевников. И я ушел”.

— Ты убил человека, место которого занимал.

“Нет! А впрочем... Я не повторил его полностью, я слился с его жизнью, рассудком, с его личностью, но он при этом перестал быть собой”.

— А каким должен быть человек, чтобы “остаться собой” и принять тебя?

“Уже не знаю”.

Пэр ожидал продолжения, но пространство молчало. Будучи неспособным видеть пустоту, как это умел Данила, он сделал несколько шагов наугад, надеясь почувствовать присутствие несуществующего незнакомца.

“Не каждому дано найти себя, — неожиданно возобновил разговор Кочевник. — И мы будем скитаться меж Миров до конца времен. Ведь на беду мы вечны!.. Я не хочу, чтобы наша трагедия повторилась. Остановите новую Игру, пока она не началась, иначе и вы станете пустым местом на руинах Судьбы”.

Зашуршал песок. Пэр перевел взгляд на камень, вернее на то, что от него осталось — кучку серого пепла, унесенного в следующий миг морской волной. Он еще несколько минут подождал, не объявится ли Кочевник вновь, заполнив свою пустоту клоком выброшенных на берег водорослей или жизнью горластой чайки. Но ничто больше не нарушало порядок, выстроенный долготерпимой природой.

Пэр вздохнул и побрел вдоль берега по мокрому песку. С каждым шагом он отчетливее и отчетливее чувствовал, как ноги касаются земли, как волна поднимает над ним веер мелких брызг, как ветер треплет длинные волосы, а солнечные лучи согревают тело. Заветная мечта робко покинула мир грез, оживая действительностью. Опасаясь, что влага, тепло и твердь земли вновь пришли к нему в несбыточном сне, призрак потряс головой и оглянулся вокруг. В глаза бросились отчетливые следы, оставленные на песке. Его собственные следы!

Первые секунды заполнило недоумение. Но очевидное упорно зывало к пониманию и, наконец, оглушительной радостью сбывшейся надежды ворвалось в рассудок. Пэр рассмеялся. Рассмеялся громко, открыто, и ветер тотчас подхватил его смех и эхом разбросал по всему берегу. Перепуганные чайки взмыли в небо. А он, продолжая хохотать, побежал в море. Волна, будто удивившись, поднялась над призраком, когда он отважно нырнул в беспокойную пучину.

Он плыл, рассекая руками воду, ощущая ее сопротивление и бодрящий холодок. Косяки рыб шарахались от странного пловца, обрывки водорослей, принесенные прибоем, цеплялись за тело, обжигая колючими усиками. Наткнувшись на прозрачный студень мертвой медузы, Пэр отшатнулся от неожиданности и с головой ушел под воду. Одним рывком всплыв на поверхность, он взял погибшее животное в руку и отбросил далеко в море.

— С ним теперь твоя Стихия, Донай, — сказал он вслух. — Я знаю ее, и знаю Жизнь, Данила!

Он лег на спину и долго с наслаждением качался на ласковых волнах, пока солнце, рьяно принявшиеся за свою работу, не начало слепить глаза.

— Свет, Огонь. Грег-Гор, я ощущаю его!

Пэр зажмурился, и алый абрис замерцал под тенью сомкнутых век. Проводив последние черно-красные круги, промелькнувшие перед глазами, он нырнул, в несколько взмахов достиг берега и выбрался на песок.

— Юленька, нет ничего прекраснее и добрее твоей Стихии!

Под ладонь попал гладкий камешек.

— Я учусь прикасаться к Тверди, Оливул, — Гаюнар поднялся на ноги. — Я стою на земле! Серафима, Космос! Семь Стихий! Я знаю — вы во мне! Я клянусь служить вам до скончания Путей!

Мир ответил внемиренцу ласковым свистом ветра, шелестом прибрежных сосен, плеском морского прибоя да скрипом береговой гальки. Но не было рядом людей, кто разделит бы с ним радость главной его победы — осознания собственного места в бесконечном течении Судьбы.

В сердце впилося жало дурного предчувствия. Пэр посмотрел по сторонам. Ночь давно уползла за край земли, а ей на смену шествовал знойный летний день. “О, мой бог! Так меня, верно, уже разыскивают!” — спохватился призрак. От следующей мысли его бросило в жар: он понял, что совершенно не представляет, где остался особняк отца.

Из-за камней вырвался ветер, разметал песчаную пыль и мигом разогнал ужас, едва не охвативший рассудок. У Пэра создалось впечатление, будто сам Воздух прислал ему в помощь неутомимого скакуна. Пэр решительно оттолкнулся от земли и взмыл в небо, чтобы рассеяться в воздушных потоках. Однако расстаться с человеческой формой оказалось не так просто, как раньше. Приложив максимум усилий, он все же принял вид густой туманной стрелы и, доверившись ветру, полетел на запад, туда, где за каменистой равниной виднелся краешек огромного лесного океана.

По небу разливалась лазурь, и брызги утренней росы искрились под первыми лучами солнца всеми цветами радуги. Данила безрадостно взглянул на блистающее зарево. Пэра он не нашел, и тревога, смешавшаяся с тоской и болью, прокралась в самую глубину сердца, заставляя его

сжиматься, стоило только задеть воспоминания. Жесткие слова отца, произнесенные на прощание, его насмешка над жизнью, цинизм, с которым излагалась история эксперимента — все вызывало у Данилы приступы отчаяния.

Волк брел по высокой траве, опустив массивную голову, и гроздя росы, сорванные ветром со стеблей, оседали на покрытой грубой шерстью морде. Собаки плелись позади, усталые и понурые, поглядывая на хозяина страдальческими черными глазами.

Миновали неглубокий овраг. Данила потрепал своего “коня” по ушам, неизменно поднятым торчком, и оглянулся на Аполлона и Артемиду.

— Умотались?

Собаки вяло завили хвостами. Гаюнар вздохнул. Он и сам чувствовал, что силы тают с каждой минутой.

— Эй, Волк, что там говорит твой встроенный штурман? Долго еще?

Рожденное Стихиями существо слегка повернуло голову к наезднику. Гаюнар не рассчитывал услышать от него какой-либо ответ, и вздрогнул от неожиданности, когда в сознании всплыл четко сформулированный навигационный масштаб.

— Пэр?

Данила приподнялся, озираясь.

“Жизнь”, — подсказало то же нечто внутри.

Остудив волнение, Гаюнар различил уже испытанные однажды ощущения. Точно так же он чувствовал жизнь мышонка, с которым общался вчера на крыльце усадьбы. На этот раз вместилищем Стихии был Крылатый Волк, облаченный в форму серого хищника.

После короткого отдыха компания тронулась дальше. Ветер изменился, и вскоре к свежести расцветающего утра примешался какой-то неприятный запах. Данила, вероятно, не скоро обратил бы на него внимание, но Волк остановился, напрягся, как перед броском, и вдруг по полю раскатился низкий грудной вой. Собаки шарахнулись в разные стороны.

— Ты что? Что с тобой? — растерялся пилот.

Далеко над лесом мелькнула черная тень.

— Что там стряслось? — Данила дернул Волка за холку. — Это был Грег-Гор? Ты, форма существования, ответишь ты что-нибудь, наконец?!

Конкретного образа он не добился, но пришествие беды было очевидно. Не дожидаясь команды, Волк помчался во весь опор. Не прошло и пяти минут, как лощина, казавшаяся бесконечно далекой, возникла из-за холма. Первое, что бросилось в глаза Гаюнару, был дым, вившийся над отцовским домом. Запах гари кружился в воздухе, медленно распространяясь по всей округе. На некогда пустынном дворе сгруппировались оседланные кони, у крыльца мелькали силуэты людей.

— Какого дьявола! — воскликнул пилот. — Вперед! Вперед!

Он хлопнул зверя по спине. Тот подчинился, но если бы Данила не был так возбужден, он “услышал” бы голос Жизни, призывающий к осторожности.

Волк ворвался в ворота. Лошади с очумелым ржанием взвились на дыбы, затрещала дряхлая деревянная коновязь, и объятые ужасом животные понеслись в поле. Раздались испуганные крики людей. Гаюнар соскочил на землю и бросился на крыльцо, на бегу доставая пистолет. Он совсем забыл, что техника и оружие без Игры мертвы в этом Мире.

— Серафима! Оливул!

Дорогу преградили короткие стальные клинки. Вид вооруженных ратников в легких кольчугах и кожаных латах заставил Данилу опомниться. С непростительным опозданием он обнаружил значительный численный перевес противников. Пять рослых мужчин с мечами наголо впереди, еще столько же сзади, и группа лучников возле распахнутых ворот конюшни. Короткая команда взорвала секундное замешательство обеих сторон, не оставив времени на раздумья. Гаюнар чудом избежал удара палицы и, перепрыгнув через шесть ступенек, оказался на земле. Над ним пронеслась тяжелая тень. Вопли ужаса потонули в волчьем рыке, и к пилоту под руку откатилась оторванная голова.

— Волк! Нет! Не убивай! — выкрикнул Данила, вскочил и подхватил чей-то меч.

Свистнула стрела. Лучник целился в чудовище, но промахнулся. К общему шуму присоединился собачий лай. Псы, отставшие от хозяина в поле, ворвались в ворота.

— Аполлон! Артемида! В лес!! — что было сил заорал им Гаюнар. — Волк, в лес!

Ратники кинулись на пришельца. Он рефлекторно отбил клинок и, извернувшись, ударил ногой нависшего над ним молодца с палицей. Задрезбуждала стрела, еще одна, еще. Даниле показалось, будто каленая сталь впиалась в его спину, но в следующий миг он понял, что рану получил Крылатый Волк.

— В лес! Я приказываю, в лес!!

Людская масса заслонила свет. Его сбили с ног, посыпались тупые удары. То ли по приказу, то ли из суеверного страха ратники не пускали в ход оружие, и в какой-то момент Гаюнару удалось

перехватить инициативу. Он рванулся к лежащему в траве мечу и вскакивая эфесом разбил кому-то лицо. Следующий, преградивший ему дорогу, кубарем покатился под ноги товарищей. Данила кинулся было вон со двора, туда, где мелькали в траве серые спины последовавших его команде зверей, но натолкнулся на человека. Тот отпрянул, а Гаюнар в азарте взмахнул мечом и прежде, чем успел осознать, насколько грозное оружие попало ему в руки, наотмашь полосонул ратника. Раздался болезненный крик. Гаюнар замер. Юный воин падал на белые ступени лестницы, и вместе с ним плавно опускался на каменное крыльцо черный контур. Из паутины памяти вырвалась ясная картина, виденная когда-то сквозь призму Игры: штаб космических полицейских, пять закрытых образами человек; они двигаются, разговаривают, смеются, но трое кажутся обрисованными тончайшей линией полной пустоты — так Судьба отметила своих приемных сыновей.

Над головой свистнул тяжелый меч. Данила опомнился, но, увы, слишком поздно. Клинок плашмя ударил на затылку. Земля и небо в одно мгновение поменялись местами, и наступила тьма.

Старая половица скрипнула и испуганно замолчала, и ровные шаги прозвучали в полной тишине. Солнечный луч коснулся воздушной накидки, сшитой из нежных разноцветных хвостиков каких-то животных, тронул мех на круглой шапке со спадающим на плечо лисьим хвостом, и нерешительно замер, не добравшись до гладкого, без единого следа морщин, холодного лица. Рука в темно-коричневой, похожей на змеиную кожу, перчатке опустила на стол изящный хлыст.

— Итак, я внимательно тебя слушаю, — шершавый угрожающе спокойный голос прозвучал из-под меховых одежд. — Где же дракон, которого ты обещала мне представить?

— Господин, произошло непредвиденное, — тонкая женщина в гладком длинном платье потупила очи, — его предупредили, и он улетел. Но мы отыщем его, господин. Я послала в погоню Железную Стаю. Солнце не успеет подняться в зенит, как двуглавый дракон будет твоим, о, Каллист Великолепный.

— Надеюсь, это обещание ты исполнишь. Кто у нас здесь? — пронизывающий взгляд обратился на лежащих ничком Оливула и Доная.

— Один из них — всадник дракона, господин, — торопливо ответила женщина. — Мои сестры покамест подарили им сон, но...

— Который из двоих?

Молчание.

Каллист усмехнулся.

— Прекрасно, моя дорогая. Заметь, я ничуть не удивлен. Не припомню случая, когда ты и твои шельмы довели бы что-либо до конца. Мое терпение рано или поздно иссякнет.

Он шагнул к Белому князю и усилием ноги повернул на бок. Затем чинно проделал то же с Ви-Бруком.

— Кого бы из них дракон выбрал всадником? — наигранно задумчиво произнес он, искоса глянув на зеленоглазую красавицу, высокая грудь которой дрожала в такт бурному дыханию. — Седой выглядит благородным. Рыжий, бесспорно, могучий воин. А кого предпочла бы ты? — он взял ее за подбородок и заставил поднять голову. — Кого?.. Ах, какая дилемма! — и отбросив вкрадчиво-игривый тон приказал, — распорядись, чтобы ко мне доставили обоих... Что там опять происходит?

На дворе раздались крики и лязг мечей.

— Я посмотрю, господин, — женщина подалась вперед.

— Делай то, что я тебе велел, — осадил Каллист. — Другое — моя забота.

С появлением на крыльце человека в меховых одеждах, в воздухе повисла звенящая тишина. Ратники застыли, как будто ожидая бури, и невольно их взгляды перекинулись на воеводу.

— Великолепный Каллист, — начал тот, поднявшись на несколько ступеней, — мы поймали колдуна.

— Кого вы поймали? — в глухом глубоком голосе послышалось недоумение и беспокойство.

— Это тот самый колдун из Проклятой Лощины, что пропал тридцать и пять лет назад! Сегодня он примчался верхом на гигантском волке, убил моих людей и заколдовал моего племянника.

Не утруждая себя ходьбой по лестнице, Каллист плавно воспарил над ступенями и опустился на землю возле лежащего без чувств Гаюнара. Ратники, окружавшие пленника, попятились. Чародей поднял над ним древко кнута, которое на глазах преобразовалось в короткий легкий жезл, и замер, вслушиваясь в глас магической силы. На изумительно чистом лице не дрогнул ни один мускул. Воевода и его солдаты взирали на волшебный ритуал с уважением и страхом.

— Еще одна никчемная выдумка, — объявил Каллист, неожиданно оборвав ожидание. — А я уж было подумал, что мне выпала удача помериться силой с колдуном, о котором я слышал столько рассказней!

— Он прискакал верхом на волке, — нерешительно напомнил воевода. — Посмотри, Великолепный Каллист, что он сделал с Вадимиром, моим племянником. Меч в его руке не нанес рану, но жизнь и рассудок покинули несчастного юношу!

Чародей лениво оглядел “поле боя” и неторопливо направил конец жезла на молодого воина, возле которого собрались трое его товарищей. Тело юного ратника содрогнулось.

— Все, что я вижу здесь, это оглушенного ударом мальчишку и неудачника, которому вполне по-человечески отрубили голову. И никаких следов твоего гигантского волка, — колдун потерял интерес к происходящему.

— Но волк... — начал было воевода.

— Ты сомневаешься в моей правоте? — Каллист стремительно повернулся в его сторону.

— Прости, Великолепный Каллист, — поспешно произнес тот.

— Я не намерен тратить напрасно время. Этот человек, — он показал на Гаюнара, — мне тем более не нужен. Он убил твоих людей? Прекрасно, это твой пленник, и мне все равно, что ты с ним сделаешь. Ты сослужил мне службу, награда будет ждать тебя в станице. Прощай. Когда ты мне понадобишься, я тебя отыщу.

Колдун взмахнул руками и оторвался от земли. Из-за крыши дома показалась летающая колесница, запряженная двумя белыми облаками, похожими на крылатых коней. Тонкая женщина передала господину невесомые вожжи, облака качнулись и понеслись по яркому голубому небу навстречу солнцу.

Юльке казалось, что погоня продолжается уже целую вечность. Тень дракона перекачивалась по макушкам елей, по каменистой земле и зелеными лугам, скользила по волнам озера, пересекала узкие речушки, но как ни старался Грег-Гор оторваться от грозной стаи, расстояние между ним и преследователями не менялось. Похожие на заводные игрушки, с крючковатыми клювами, острыми, будто металлическими, перьями и застывшими глазами, полными бессмысленной злобы, птицы строго следовали полученному приказу.

— Грег-Гор, они ждут, чтобы ты выбился из сил! — стараясь перекричать встречный ветер, предупредила Юлька.

“Я вижу горы. Там мы найдем убежище”, — последовал торопливый ответ.

Горный хребт прятался за пеленой утреннего тумана, и до него было никак не меньше десятка верст, а Черный князь летел все тяжелее и тяжелее. Острокрылые птицы, наоборот, скользили против ветра так легко и непринужденно, будто только что поднялись в воздух.

— Они нас догонят, — обреченно прошептала девушка.

“Ложись на мою спину и держись, — велел ей Гай-Росс. — Что бы я ни делал, держись!”

Юлька намотала пряди гривок на обе руки и, зацепившись ногами за шипы на хребте, вжалась в драконью спину. Почувствовав, что всадница укрепилась достаточно надежно, Грег-Гор неожиданно резко взял вверх. Небо перевернулось и оказалось то ли впереди, то ли внизу. Юлька успела подумать, что так делается мертвая петля в высшем пилотаже. Как это выглядело в исполнении дракона представить себе она уже не смогла.

Теперь Черный князь летел навстречу преследователям. На подобные действия с его стороны пославший стаю не рассчитывал, и поэтому колдовские птицы смешали строй и заметались, не способные принять решение самостоятельно. А две струи огня, как короткий шквал, врезались в скрипящую металлическим оперением массу.

Проведя дерзкую атаку, дракон ринулся в небо почти перпендикулярно земле, но при этом исхитрился посмотреть на плоды своего труда.

“Вот бестии!” — прозвучал в Юлькином сознании раздосадованный возглас брата.

Среди острокрылых птиц не было ни одной жертвы.

“Они защищены колдовством от огня дракона, — Грег-Гор не то объяснял сестре причину неудачи, не то рассуждал сам с собой. — А что, интересно, вы скажете на это?”

И он еще быстрее стал подниматься ввысь. Птицы, исполняя единственную понятную им функцию преследования, взвились следом, причем строй их принял вид глубокого котла. “Им приказано не убивать нас, а взять в плен!” — поняла Юлька.

Драконья чешуя на шеех и головах полыхнула мнимым пламенем.

— Грег-Гор, ты что задумал?!

Ответа не потребовалось. На помощь хозяину пришла Стихия Огня.

Юлька хорошо помнила высказывание Пэра после злополучного пожара в дистантерской кабине, когда ко всем имеющимся разрушениям прибавился потоп на нижней палубе. Призрак сказал тогда,

что формы Стихий реальны и из ничего не происходит. Сейчас, по ее мнению, Гай-князь как раз пытался получить форму огня из ничего.

Однако девушка ошиблась. Повинуясь Стихии, солнечные лучи стали собираться в пылающий шар. Образовалось нечто вроде шаровой молнии в ясном небе. В момент, когда концентрация света достигла максимума, Черный князь круто изменил направление полета. Птицы оказались менее проворны, и струя смертоносного жара хлынула прямо в центр сформированного ими “котла”. За пикирующим драконом посыпались омерзительные вопли и клочья горящий тел.

Гай-Росс понимал: солнечного огня недостаточно, чтобы уничтожить стаю целиком, поэтому не оглядываясь полетел к спасительным скалам вдвое быстрее прежнего. Скрежет и лязг железных перьев неумолимо приближался. Яркие пятна — отблески лучей — плясали в глазах, а сознание, оглушенное автоматизмом, грозило опуститься в тьму.

— Грег-Гор! Осторожно!

Возглас сестры выдернул его из опасного полузабытья. Прямо перед ним поднимался массив серых каменных громад. Раскинув крылья, дракон пронесся над острыми бороздами застывшей лавы, не теряя скорость, обогнул кривой утес и нырнул в подвернувшуюся расщелину между двумя скалами.

Юлька зажмурилась. Ей приходилось пилотировать катера над разнообразными рельефами, но против этого полета даже слалом в трубе-туннеле корабля Оливула показался ей детским развлечением. То рассекая крыльями воздух, то скользя параллельно гладкой стене, то лавируя между гигантских валунов, заваливших расщелину, дракон углублялся в горный лабиринт, как в бесконечную путаницу улиц застывшего в ночи мегаполиса.

— Грег-Гор, они отстали! — воскликнула Юлька, отважившись оглянуться.

Мелькание скал, окружавших беглецов, замедлилось. Гай-Росс снизился и, выбрав более или менее ровную площадку, опустил на камни. Всадница съехала вниз по горячей чешуе и подбежала к головам дракона, из последних сил поднятых на длинных шеех.

— Грег! Гор!

Левая голова склонилась к сестре, и та, взглянув в мутные голубые глаза, подумала, что еще несколько минут, и Черный князь упадет без чувств от усталости. Но вдруг обе шеи напряглись, поникшие гребни вспыхнули синеватым огнем, и Гай-Росс поднял головы к небу.

— Что случилось? — пробормотала Юлька, отказываясь верить собственным ушам: уже знакомый скрежет накатывался на ущелье.

“Спрячься здесь! — беззвучно велел ей брат. — Они будут искать нас до последнего вздоха, и остановит их только смерть”.

В узкой полосе яркого голубого неба показалась нестройная масса острокрылых птиц. Появись сейчас над ущельем вся стая, шансы Гай-Росса равнялись бы нулю, но две трети врагов были уничтожены, и предстоящий бой можно было считать равным. Черный дракон издал боевой клич и взмыл в небо.

Его атака явилась неожиданностью для противника. Попавшие под удар грозного черного хвоста выбыли из рядов сразу, совершив свой последний полет на землю. Оставшиеся перестроились в клиновидный таран и бросились на дракона, норовя повредить ему крылья. Огненная струя отпугнула птиц. Они рассыпались в разные стороны, и вновь устремились в атаку все, кроме двух, попавших в тиски челюстей.

Черная туча над скалами то собиралась, то рассеивалась, но центром ее неизменно был Гай-Росс. Юлька с замиранием сердца считала, сколько тушек навсегда скрылось за утесом, и скольких еще предстоит отправить в небытие, когда сражение переместилось за нависающий каменный карниз. Забыв обо всякой осторожности, девушка побежала по дну расщелины, надеясь найти место, откуда вновь увидит брата. Она слышала скрежет и противные вопли, слышала шум пламени, вырывающийся из драконьих глоток, и это подгоняло ее вперед.

Неожиданно дорожка оборвалась. Юлька едва успела затормозить, и для надежности с размаху села на землю, чтобы не соскользнуть вниз с высокой ступени. Ошеломленная, она подняла глаза. Расщелина привела в долину, образованную ровными стенами скал и оживленную бурной речкой, проложившей себе русло среди камней и валунов. Оказалось, что скалистая гряда — прелюдия к горной стране, краешек которой видели брат и сестра во время замечательной гонки. Она начиналась значительно дальше к северу, и отсюда открывались виды вершин, покрытых снегами, да одиноких утесов — молчаливых сторожей безлюдной пустыни.

Опомнившись, Юлька обратила взгляд на небо, где в лучах раскаленного солнца вспыхивали и моментально гасли бесформенные факелы — тела поверженных боевых птиц. Грег-Гор, описав неровный круг над вершиной, сшиб последнего представителя железной стаи, рефлекторно рванулся навстречу солнцу и вдруг стал падать вниз. Сопrotивляясь одним крылом земному притяжению, он

попытался перевалиться через пик, но сил не хватило. Черная чешуя мелькнула последний раз, и дракон скрылся за грядой.

Все стихло. Горную тишину нарушал теперь привычный здесь плеск воды в реке да стук переворачиваемых волной речных камней.

➤8<

Приторный цветочный запах ворвался в легкие и моментально разметал невидимые пути, стягивающие мозг. Оливул приподнялся и, увидав рядом с собой Доная, поспешно предупредил:

— Ничего не предпринимай. Это Игра.

Синий князь, бормоча проклятия, сел. Вокруг растекался густой туман, сквозь который размытыми пятнами всплывали огромные листья диковинных растений.

— Ты помнишь, что произошло? — тихо спросил Бер-Росс.

— Смутно. Чьи-то зеленые глаза... и все, я потерялся. А ты?

— Я успел дать знак Грег-Гору.

— Чертов кланоид! Так и знал, нельзя им доверять!

— Не кипятись. Кланоид не при чем. Это стабильная Игра местного экзистора, и он, кажется, где-то рядом.

Стоило Оливулу и Донаю подняться на ноги, как молочная пелена чинно потекла прочь. Зашуршали и отползли к стенам гибкие ветви пахучих лиан, охранявшие пленников, и взгляду открылась похожая на галерею комната, стены, пол и потолок которой устилали ровные отшлифованные не хуже зеркал плиты из бурого камня. Единственным предметом обстановки здесь был узкий длинный стол, и во главе его в кресле с высокой спинкой восседал молодой человек в светлых меховых одеяниях. Под тенью широкой шапки с лисьим хвостом вместо плюмажа лицо просматривалось с трудом, но нельзя было не заметить идеальную правильность черт и исключительную гладкость кожи, что наводило на мысль о тщательно созданной маске. У ног колдуна, грациозно опираясь на витое украшение кресла, полулежала гибкая, как змея, женщина в черно-изумрудном обтягивающим тело платье. На смуглом продолговатом лице с выдающимся вперед подбородком блестели обворожительные зеленые очи.

Чародей и женщина рассматривали людей, обмениваясь репликами. Звуки до Доная и Оливула не доносились, но по мимике женщины и выразительными жестам человека в маске было ясно, что между ними пылает спор. Бер-Росс повел перед собой рукой и, как ожидал, нащупал невидимую преграду.

— Мы пленники, — тихо сказал он брату.

— А ты думал, нас на ужин пригласили? — поморщился Синий князь и, увидав, что колдун направляется к ним, скроил презрительную гримасу.

Молодой человек остановился в двух шагах от прозрачной стены и внимательно оглядел невольных гостей с ног до головы. Сейчас, вблизи, его лицо, взгляд, тонкая усмешка и изящная осанка казались идеальными во всех отношениях. Он являл собой того, о ком шепотом говорят — красавец. “Отличная маска”, — отметил про себя Оливул.

— Мое имя Каллист Великолепный, — заговорил колдун. — Я повелеваю в этой стране землей, водой, небом, лесами и бездной. Мне не интересно знать, откуда именно пришли вы, но с вами был дракон, а он нужен мне здесь. Пусть всадник призовет его, и тогда я отпущу вас с миром.

Братья переглянулись.

“Ему донесли о полете дракона над лесом, и он, безусловно, слышал Игру в доме, — понял Белый князь. — Теперь он сделает все, чтобы заполучить Грег-Гора. Дракон — его последняя ступень к владению этим Миром...”

Племя драконов зародилось в глубинах Темных Миров. Созданные мыслью внемиренцев Судьбы и вскормленные Стихиями легендарные существа были возведены в божественные выси и окутаны дьявольской тайной. Игры начинаются и заканчиваются, а подаренная образам жизнь остается навсегда. Племя Драконов — альянс родов, семей и гордых одиночек — стало отображением разноплановых помыслов их творцов. Он объединял Темные Миры, он выносил приговор новым Играм, он приветствовал смельчака, отважившегося отдать Силу Созидания Судьбе, или же низвергал его, не сумевшего допеть собственную партию в громогласном хоре. Откровением, хитростью или волей экзистор завоевывал признание дракона и возносился к вершине могущества...

Мимолетного взгляда было достаточно Донаю, чтобы заметить в глазах брата растерянность, граничащую со страхом. Причину сему он почувствовал, но довести до ума не потрудились и решительно взял инициативу в свои руки.

— Эй, Великолепный, как там тебя — Каллист, история о драконах и всадниках, наверное, очень увлекательна, но, извини, ты ошибся адресом. У нас тут свои людские дела, так что вряд ли мы тебе чем-то поспособствуем.

Ви-Брук уверенно держал марку случайного прохожего, однако стратегически его спектакль был абсолютной ошибкой, и Белый князь, опомнившись, уже не успел ее предотвратить.

Колдун приподнял одну бровь и едва заметно усмехнулся. Не удостоив пленника ответом, он не спеша повернулся к нему спиной и чинно прошествовал к своему креслу, приостановившись где-то на полпути лишь на мгновение. Оливул ясно почувствовал промелькнувший рядом луч экзорного потока, направленный в Синего князя. Донай хрипло вскрикнул и, отчаянно хватая ртом воздух, упал на одно колено. Невидимая веревка сдавливала его горло. А Каллист с нескрываемым любопытством ожидал дальнейшего разворота событий.

Оливул метнулся к брату, закрыв собой от взгляда чародея. Не помогло. Донай из последних сил боролся с удушьем, и сознание его стремительно меркло. Бер-Росс гневно обернулся на Каллиста: “Он вынуждает играть, чтобы определить, кто всадник!” Выбора не оставалось. Рука Белого князя описала короткую дугу. Силы Созидания обрушились на коварную Игру подобно снежной лавине, в белом зареве утонула незримая стена, и без следа растворился образ убийственной удавки. Колдун содрогнулся. Восхищенная, привстала со своего места тонкая женщина. Донай, часто неровно дыша, ткнулся в грудь брата.

Каллист, только что стоящий в другом конце зала, вдруг возник перед пленниками.

— Значит, ты знаком с магией, — сказал он, в упор глядя на Белого князя. — Назови себя.

— Я Оливул Бер-Росс. Мой брат был дерзок. Прошу, прости его.

Ви-Брук поднял голову. Он не собирался извиняться, но Оливул считал иначе, и он безоговорочно принял его позицию. Впрочем, Каллист пропустил слова Белого князя мимо ушей.

— Ты всадник двуглавого дракона, — подытожил он.

— Ошибаешься. Я не всадник дракона, и мой брат — не всадник.

Чародей продолжал буравить Бер-Росса холодным взглядом. Он не видел лжи в его словах, но не видел и правды.

— Хорошо, — после долго раздумья произнес Каллист. — Тогда другой вопрос: ты знаешь, где дракон, не так ли?

— Не знаю, — совершенно откровенно ответил Оливул.

Заметно было, как колдун начинает колебаться. Открытость Белого князя его обезоруживала, и Донай даже пожалел, что затеял ссору. Но тут рядом появилась женщина с изумрудными глазами.

— Господин, седой человек — дракон, — прошипела она.

— Опять за свое? — нахмурился чародей. — Мне надоело выслушивать твои бредни, я предупреждал...

Он не договорил, потому что женщина протянула ему на ладони какой-то клубок. Братья невольно попятнулись, когда клубок зашевелился и превратился в трех крошечных ящерок.

— Они покажут его тебе, — произнесла ведьма сухим бесцветным голосом.

Человеческий глаз не в состоянии был уследить за ящерицами — так молниеносно они перемещались, и уже через секунду в руке чародея появилась живая трехмерная рамка. Истинную опасность данного действия Донай осознал, когда явственно ощутил страх Оливула, хотя на лице Белого князя ничто не отразилось. Каллист медленно поднес живой индикатор к Бер-Россу.

— Невероятно, — прошептал он, разглядывая пленника сквозь рамку, образованную тельцами ящерок. — Белый дракон!

— Ты находишься сейчас под впечатлением собственного воображения и слов этой дамы, — спокойно произнес Оливул. — Я маг, а не дракон.

Но Каллист его не слушал.

— Белый дракон! — глаза его загорались азартом. — Так это означает, что тот двуглавый, всего лишь твой...

— Брат, брат, брат, брат, — зарокотали ящерки.

Вот теперь Синий князь решил не церемониться. По залу прокатился громовой раскат. Экзорный потенциал пробил фон Темного Мира, и в руках Ви-Брука возник меч.

— Защищайся, ты, повелитель лисьих шкур!

— Донай, нет! — крикнул Оливул, но поздно: клинок описал роковую дугу и навис над чарореем.

Ящерицы разбежались, блеснула молния, и маг в маске, раскинув полы плаща, взметнулся к потолку.

— Ты, посмевающий бросить мне вызов! — прогремел по залу неестественный густой голос. — Отправляйся в бездну! Навеки!

Под ногами Доная вдруг разверзлась земля. Оливул бросился на помощь брату, но порыв колдовского ветра отшвырнул его назад.

— Смерть! — донесся из рваной каменной пасти голос Синего князя.

Плиты сомкнулись. Потрясенный, Оливул медленно, опираясь о стену, поднялся. Колокол Тверди гудел внутри, призывая на бой, и он готов был отдать приказ легионам Стихии, как вдруг прямо перед собой увидел глубокие зеленые очи. Холодная рука обвила плечи.

— Ты будешь служить моему господину, — зашуршала тонкотелая женщина.

Блеснули острые белые зубы. Белый князь почувствовал короткую боль в шее, пространство покосилось, и время закрутилось перед глазами черно-алыми бесконечными пятнами.

— Назад дороги нет, — произнес где-то над ним чародей. — В облике человека ты проживешь только до заката, а после — тебя ждет мучительная смерть. На этот яд нет противоядия. Единственный твой шанс остаться в живых, это стать драконом. Я буду хорошим всадником! Мы освоим новые земли, нам будут повиноваться все страны Заморья! Я жду тебя, Белый дракон!

Оливул собрался с силами.

— Я не дракон, — выговорил он, сиюсь увидеть хоть что-то возле себя.

— Вздор! Ты обязан принять первородный облик, или же ты погибнешь!

— Я человек... — повторил Белый князь, теряя сознание.

Упустив брата из вида, Юлька некоторое время неподвижно стояла на высокой естественной ступени, за которой начиналась долина, вслушиваясь в горную пустоту. Но прошла минута, за ней другая. Гай-Росс не показывался.

— Грег-Гор! — что было сил закричала Юлька.

Голос зазвенел во всех концах ущелья.

Никакого ответа.

Прикинув расстояние между долиной и грядой, куда упал дракон, Юлька решила, что преодолеет его пешком меньше, чем за час. Она бойко спустилась по шатким камням и приблизилась к реке. Бурные воды неслись на юг, где остался дом Гаюнара, а она, подгоняемая тревогой, быстро пошла против течения на север, подыскивая лазейку, позволившую бы пробраться за неприступную череду скал, отделявших ее от брата.

Весело бежала своей дорогой речка, тянулась ровная выстроенная природой стена, пылало солнце в безоблачном небе, и надежды Юльки таяли так же неумолимо, как и силы. Она еще несколько раз звала Черного князя, но горы молчали. Наконец, измотанная жарой и быстрой ходьбой, она присела возле воды.

Она смотрела на веселую речку, и ни с чем не связанные воспоминания разгоняли беспокойные мысли по уголкам сознания. Пенные барашки перекачивались по гальке, распадались, вновь собирались, и их курчавые головки терялись вдаль. Девушка принялась размышлять о неповторимом бесконечном движении реки, о величии природы, о жизни под сводами Мира. Мысли заплутали в философских узорах, но неожиданно появилась одна — самая что ни на есть приземленная: река течет из края в край, впадает в другие реки и озера, и каждая капля ее общается с себе подобными. Вода способна помочь найти Грета и Гора, и, быть может, поведать, где сейчас Оливул, Донай, Пэр и Данила! Воодушевленная, Юлька наклонилась к реке.

— Милая подружка, ты вездесущая странница, неутомимая путешественница. Расскажи, прошу тебя, что ты знаешь об этой стране? Или может быть ты видела где-нибудь моих друзей?

Река заволновалась. Юлька силилась понять, что говорит ей Стихия, она отодвигала сознание дальше и дальше, пытаясь вобрать в себя то, о чем хотела поведать вода. Мозг начал улавливать размытые контуры передаваемых образов. Берега, покрытые песком, берега, поросшие травой. Девушка достигла того состояния, когда ее собственные зрение и слух будто бы легли на речные просторы. Вода видела теперь ее глазами. Камыши, заводи, болота. Корни вековых деревьев, ветви плакучих ив. Неожиданно берега пропали. Бескрайность и мощь. Море. Оно катило свои волны в иные земли, к чужим странам и манило за собой в беспредельную даль, в одиночество и свободу. “Я не могу. Я должна искать друзей”, — мелькнуло у Юльки в тот момент, когда она готова была уже оттолкнуться от берега и окунуться в величественные просторы. Стихия развернула перед подружкой зеленые глубины с их таинственной красотой, и вновь позвала. От этого тихого молящего зова у девушки защемило сердце. Она любила свою Стихию, ее влекла открытость и необузданная мощь океана, но что такое Вода без Тверди? Где бы ни гуляли свободные волны, рано или поздно они возвращались к берегам, чтобы поведать земле о своих странствиях.

Твердь. Оливул. Юлька вздрогнула, ясно ощутив знание того, что друг сейчас, в этот момент, смотрит на море. Стихия попыталась провести подружку дальше за ее видением, но на пути поднялось

нечто громадное и мрачное. Волны оставались волнами, но казались затянутыми прочной невесомой пленкой. Не принадлежащий Стихии океан, шипя и сопротивляясь, играл в чужую Игру.

Юлька часто заморгала. Ощущение было такое, будто она долго плыла под водой с открытыми глазами, и в ушах до сих пор стоял мерный рокот моря. Когда же зрение и слух вернулись в привычное состояние, она поняла, что на берегу реки уже не одна. Кто-то стоял за спиной.

Девушка медленно, не допуская резких движений, повернулась и обнаружила подле себя двух человек — мужчину и женщину в охотничьих костюмах. Они рассматривали Юльку с любопытством и некоторым недоумением. В стороне храпели и нетерпеливо переминались взмыленные кони. “Это не случайные прохожие, — обречено подумала девушка, увидав усталых лошадей. — Никто не будет гнать животных во весь опор без веских на то причин”.

— Не бойся, — доверительно заговорила женщина. — Мы хотим помочь тебе, мальчик. Что с тобой случилось?

“Мальчик? — удивилась про себя Юлька и поспешила потушить озорной огонек, мелькнувший в глазах. — Отлично. Вы сами напросились”. Усилий не потребовалось. Невзрачное экзорное покрывало окутало тело, и перед охотниками испуганно встал хрупкий паренек лет четырнадцати в неказистой универсальной для всех миров и народов одежде — широких штанах, рубаше и коротких сапожках. Это было точь-в-точь как при поступлении в летнюю школу. Оливул, выслушав забавный Юлькин рассказ о ее похождениях, от души посмеялся и объяснил, что успех был предreshен, ибо Сила Созидания, сознательно или подсознательно вызванная, давала жизнь тому образу, к которому стремился ее обладатель.

— Он не понимает, — сокрушенно покачал головой мужчина — долговязый остроносый брюнет, казавшийся рядом с плотной коренастой женщиной чем-то вроде жердины.

— Не мешай, — отмахнулась та и приблизилась к “мальчику” еще на шаг. — Как твое имя? Ты можешь говорить?

Юлька сделала неопределенный жест, истолкованный собеседницей как отрицание.

— Чудненько! Он еще и немой, — долговязый отвернулся.

— Посмотри, над ним фон, — женщина обратилась к спутнику. — Держу пари, это Каллист заколдовал мальчишку. Опять за свое, будь он трижды проклят! И кажется на нашу голову ему все-таки повезло, и он приручил дракона.

Она говорила тихо, но Юлька тем не менее разбирала слова, разве что звук был не совсем обычный — словно пропущенный через толщи воды. Между мужчиной и женщиной возник спор, как поступить с “мальчиком”. Пока они пререкались, Юлька осторожно пятилась вдоль берега. Каллист — колдун, которому нужен дракон — это она поняла однозначно. И очевидно было, что чем быстрее она найдет брата, тем меньше шансов у колдуна действительно завладеть крылатым змеем.

— Э, пацан! Стой!

Остроносый брюнет заметил попытку “мальчишки” сбежать. На секунду их глаза встретились. Тот оцепенел.

— Гарсий! Гарсий отомри! — женщина развернула его, схватив за плечи, и сильно, не по-женски встряхнула.

— Мы снова вляпались, — пробормотал он, следя за Юлькой, которая, изображая испуг, присела на корточки у самой воды. — Он не под образом Каллиста. Он избранник какой-то Стихии.

— Глупости. В команде Крылатого Волка нет ребенка.

— Да. Наверное, это остатки экзорного кулака, которым я получил по башке... Но кое-что я проверю.

Широкими шагами он приблизился к “мальчишке”, доставая из-за пазухи черную коробочку. “Сканер”, — с первого взгляда определила Юлька и, как можно естественнее изобразив немой ужас, кинулась в реку.

— Не пугайся, дурашка! — Гарсий вступил в воду вслед за ней, держа на вытянутой руке аппарат. — Я не сделаю тебе больно. Я только хочу узнать, что с тобой случилось.

Юлька, отступая, выбрала самое глубокое место, где вода добиралась до бедра, и, театрально споткнувшись, окунулась в быстрые волны. Стихия обняла подругу, сделав ее на минуту частью естественного бытия этого Мира.

Гарсий поймал беглеца за рукав и, игнорируя слабое сопротивление, провел над ним зондом.

— Местный, — облегченно сообщил он, взял “мальчишку” в охапку и выволок на берег.

Юлька сидела на жухлой траве, как пойманный зверек, и снизу вверх смотрела на людей, обсуждавших, что им следует делать с найденным пареньком — оставить здесь, и тем самым не вмешиваться в ход событий Темного Мира, или взять с собой “в ставку”, где “пацан будет в безопасности”. Девушка давно догадалась, с кем ей пришлось столкнуться: ее нашли двое из кланоида, игравшего вместе с Кочевниками в их Игру. Конечно, Юлька могла сейчас попросить воду как-нибудь задержать бесцеремонную пару, а сама вскочить на коня и ускакать прочь, но больше ей

нравилась альтернативная идея. Когда люди кланоида пришли призвать Посредника, Грег и Гор заметили, что они отлично оснащены различной аппаратурой, которая, в отличие от приборов, взятых с Крылатого Волка, прекрасно функционировала в этом Мире. Таким образом, у Юльки был шанс с помощью техники определить местоположение друзей.

“Всего в кланоиде пятеро, — прикинула девушка свою диспозицию, — трое ушли с Серафимой, следовательно, осталось двое. Один раз я уже обвела их вокруг пальца. Обведу и второй”. Пока она рассуждала, вопрос решился в ее пользу.

— Поедешь с нами? — женщина присела возле “спасенного паренька”. — Только давай договоримся: не надо убегать. Мы твои друзья, понимаешь?

Юлька, продолжавшая разыгрывать немного, быстро кивнула. Та победно глянула на спутника, мол, учись: никакого насилия! Ее приятель сделал вид, что не заметил слишком выразительного взгляда, и оглушительно свистнул. Кони встрепенились и послушно подбежали к хозяевам.

— Возьми его в седло, — распорядилась женщина из кланоида. — И давай поторопимся, а то прозеваем сообщение с Совета.

➤10<

Мерный топот копыт, тошнотворный запах лошадиного пота и едкая пыль, завлакивающая глаза. Данила не сразу понял, что лежит поперек седла со связанными за спиной руками. Ратник, транспортирующий пленника, не отреагировал на его усилие пошевелиться, а Данила, побежденный тупой болью в затылке, опять потерял сознание.

Во время пути он приходил в себя еще дважды, но вокруг ничто не менялось: та же крупная рысь коня, та же пыльная дорога и та же жестокая головная боль.

Ощущения вернулись, когда в щеку впивались острые сухие стебельки травы. Гаюнар обнаружил, что его немилостиво сбросили с седла на землю. С трудом подняв глаза, он увидел широкий двор добротной хаты, спешивающихся всадников в доспехах и бегущих к ним по улице поселян. Из монотонного гула, стоящего в ушах, он постепенно начал выделять слова, затем в сознание стал прорываться смысл отдельных реплик. Кто-то из воинов, наиболее рьяный, требовал немедленной казни “ведьмака”, вдалеке причитала женщина, а старый мужской голос невнятно бубнил молитву.

Вдруг все стихло. Данила увидел над собой бородатого воеводу и в первый миг подумал, что наступает его конец, поскольку ему показалось, будто тот поднял меч.

— Кровь за кровь! — зычно провозгласил воевода и, взмахом руки остановив одобрителный крик толпы, продолжал. — Каллист Великолепный не пожелал раскрыть колдовские очи и узреть ведьмака из Проклятой Лощины. Но все мы свидетельствуем: он прискакал верхом на чудовище-волке, и волк убил двух наших товарищей!

Грохнул хор утвердительных голосов. Воевода чинно кивнул и обратился к пленнику.

— Человек ты или колдун, ты ответишь за смерть и за раны моих воинов. К столбу его! Пусть солнце выпьет магические силы!

Трое молодцов подняли Гаюнара и под бормотание простеньких заклинаний поволокли по пыльной дороге на задворки последнего на деревенской улице дома. Там на горюшке его накрепко привязали к толстому столбу, врытому в землю, и оставили одного. Не успел Данила оглядеться, как рядом появился дед в длинной рубахе из домотканого полотна. На вытянутой руке он держал дымящийся корень и заунывным голосом пел молитву. Он трижды обошел вокруг столба, оставляя за собой едкий шлейф, и удалился, не взглянув на “ведьмака” ни разу.

Солнце палило нещадно, сознание то и дело проваливалось в черные ямы, от запаха жженого корня, упрямо висящего в воздухе, подкатывала тошнота, в горле пылало, а вид колодца за забором и тени сарая, лежащей в пяти саженях от столба, приумножал мучения. Кроме старика за истекшие часы к пленнику никто не приблизился, а любопытные мальчишки ограничились созерцанием его персоны с крыши соседней хаты. Причем стоило Даниле бросить на них взгляд, всех словно ветром сдуло со “смотровой площадки”.

Боль в затылке не давала покоя, а надежда на спасение утопала в трясине отчаяния. Данила осознал вдруг, что остался совершенно один. Он попытался призвать Жизнь, но мысли нестройной толпой блуждали в стонущем мозгу, и не было никакой возможности сосредоточиться на чем-либо конкретном. “Пэр!” — хотел крикнуть Гаюнар, но язык прилип к высохшему небу, и с губ сорвался хрип.

“Пэр! — Данила, собрав остатки сил, сконцентрировался на образе брата. — Пэр! Помоги!”

В полубессознательном состоянии Данила пребывал еще час или полтора до тех пор, пока прилетевший откуда-то ветерок не принес с собой спасительную прохладу. Гаюнар пришел в себя. Все то же палящее солнце в безоблачных небесах, изнуряющая жара и полное одиночество. О существовании окружающего мира напоминал лишь далекий лай деревенской собаки, да горлопан-петух, оседлавший плетень. “К вечеру, если ничего не изменится, я превращусь в вяленого караса”, — подумал Данила и осторожно повел головой, ожидая вновь наткнуться на тупую боль, но обнаружил, что вместо нее осталась гудящая тяжесть, а двор и сарай перестали пританцовывать перед глазами.

— Похоже, это твоя работа, Жизнь, — пробормотал он, обращаясь к незримому и постоянному своему спутнику. — Но я же висел без сознания. Откуда ты взялась, родная?

Он посмотрел по сторонам и сразу заметил четко очерченный круг мертвой травы, центром которого был злополучный столб. Потрясенный до глубины души, Данила долго не мог отвести взгляд от погибших растений, отдавших узнику свои жизни. Накатил стыд от осознания собственной непростительной пассивности, а пробужденная воля вдребезги разбила предательский фатализм.

— Так, охотнички за ведьмами, мы еще поговорим по душам, — Данила недобро усмехнулся. — Хотели видеть колдуна из Проклятой Лощины — увидите. И задал же папочка вам в былое время шороху!

Гаюнар несколько раз дернул руками, проверяя, насколько прочны веревки. Пришлось признать, что путы держат достаточно крепко. Мелькнула мысль об огне. “Грег-Гора бы сюда!” — он с тоской посмотрел на недоступное солнце. Внезапно из памяти всплыло: в любой форме сущего так или иначе обязательно присутствуют шесть мирских Стихий. Вспомнился Юлькин ледяной мост, переброшенный к Тверди в испытании Обманувших Смерть. Только он подумал, что лед — очевидная модель единения Тверди и Воды, как в голове родилось решение собственной задачи: листья растений вырабатывают вещество, без которого невозможно их существование, и происходит это благодаря свету.

Гаюнар прикрыл глаза и постарался отказаться ото всех посторонних дум.

— Жизнь, найди Хозяина Огня, найди Черного дракона.

Произнося слова, он настраивал себя на особое ощущение образа. Источник Огня — нечто, плывущее по небу; источник Жизни — обнявшие землю гибкие корни, “мозг” растений, чьи зеленые кроны испытали вкус льющегося света. Ищите на земле или в небе, ищите то, что сродни хорошо знакомому небесному страннику, ищите избранника Стихий.

Данила ждал ответа. Протекали минуты, десятки минут... Вот повеяло теплой струей. Стихия тихонько тронула сердце, как всегда, когда возвращалась к хранителю. В сознании Гаюнара отпечаталось сожаление. Без образа, без стройной мысли — он понял вдруг, что Грег-Гор не слышит. Он сделал над собой усилие, и перед глазами появился оттиск, похожий на черно-белую картину: юноши-близнецы лежат друг подле друга на неровной площадке среди скал; глаза их закрыты, руки сплетены, будто они вот-вот примут облик дракона, а кругом разбросаны тушки отвратительных выдуманных чьим-то умом острокрылых птиц. Гаюнар плотно сжал губы. Юльки, Оливула, Доная и Серафимы рядом с Гай-князем не было, то есть бой с экзорными хищниками он вел один.

Данила безрадостно обвел взглядом залитый солнцем двор и тут обнаружил неожиданного визитера: холеный жирный кот, совершенно игнорируя пленника, преспокойно умывался, сидя в тенечке возле сеновала. Гаюнар просветлел. Веревка, стягивающая руки, сплетена из растительных волокон, следовательно, за определенное время кошка своими острыми зубами может ее перегрызть. Помня, как однажды нашел путь к инстинктам мыши, Данила сосредоточился на коте.

Рука Жизни, отделившаяся от хранителя, мягко обвила животное. Кот подскочил, как на пружине, и отчаянно заорал. Ажурная сетка, тщательно оплетаемая новыми и новыми витками с каждым поколением — так представилась Даниле жизнь кошки. Она извивалась и ловко выскальзывала из-под власти Стихий. Гаюнар удвоил усилие. Вторая струя поднялась и устремилась на упряма. Вольнолюбивый зверь, не в силах сопротивляться жизненной энергии человека, шипя и скалясь, медленно двинулся к столбу. Данила, пытаясь думать в унисон подчиняемому существу, приказал: перегрызи веревки. Кот противился человеку, как мог. Данила, рискуя сам потерять сознание от напряжения и возобновившейся боли в затылке, нажал на его мозг еще раз.

Кот жалобно замыкал, глаза его налились кровью, и он ткнулся в землю. Внемиренец оторопел смотрел на непокоренное существо. Жизнь стремительно покидала тельце животного, и вернуть ее назад уже не было возможности.

Гаюнар в смятении отвернулся. Он, с детства любивший животных, не мог не знать о независимом нраве кошек, о котором испокон веков ходили легенды. Сейчас он не придавал этому значения. И Жизнь обернулась смертью.

Полусонное спокойствие деревни было нарушено гулом голосов. Данила насторожился. Он не видел людей — улицу закрывала от него вереница хат — но отчетливо слышал приближение разгневанной толпы.

В знойном безветрии заметался воздух.

— Пэр, ну где же ты? — прошептал Гаюнар.

Толпа показалась из-за угла дома. Впереди шел уже знакомый Даниле дед-ведун, следом двигались воевода и двое воинов, ведущие под руки молоденького паренька. На его лице застыла маска отрешенности, он смотрел и не видел, слышал и не воспринимал, чужие ноги переступали сами по себе. Гаюнар вдруг отчетливо различил над ним черный контур и вспомнил: удар меча пришелся на плечо юноши, но что-то оттолкнуло клинок. Оттолкнуло и осталось внутри человека навсегда. “Кочевник нашел свое место,” — понял Данила.

Гаюнар не ошибся, решив, что целью “делегации” является требование расколдовать молодого ратника. Именно об этом и заговорил воевода, когда толпа остановилась в десятке шагов от столба. Многословную тираду он закончил словами:

— Верни рассудок Вадимира, ведьмак. И тогда позволим мы тебе умереть, как человеку. Иначе ждет тебя страшная смерть!

— Это не справедливо! — крикнул Данила. — За весь день вы мне рта раскрыть не дали. Считаете меня колдуном — на здоровье, но состояние этого парня от меня не зависит, клянусь!

То ли жителям деревни не понравилось слово “клянусь”, то ли вообще любая речь ведьмака у них считалась чем-то вроде проклятия, но все как один принялись твердить охранные заклинания.

— Ну, хорошо, хорошо, — Данила поставил себе цель потянуть время. — Развяжите мне руки, и я постараюсь что-нибудь для него сделать.

Трансформация словесных образов проходила в направлении от внемиренца к мирянам значительно медленнее, чем наоборот, поэтому речь Гаюнара поняли не сразу, а поняв, испуганно замотали головами.

— Ты не обхитришь нас, ведьмак, — грозно провозгласил воевода. — Всем известно, что колдуют не руки, а уста и глаза.

Данила не стал настаивать, ибо таким образом мог лишиться и тех немногих минут, предоставленных в его распоряжение. Он чувствовал, что Пэр совсем рядом, однако взрывоопасность обстановки нагнеталась значительно быстрее, чем мчался ветер.

— Ладно. Давайте сюда вашего мальчишку.

— Жизнью ответишь за его жизнь, — предупредил воевода.

Два ратника подвели товарища к столбу.

— Отойдите, — велел им Данила.

Те нерешительно оглянулись на воеводу и, получив одобрение, вернулись к своим.

Гаюнар нервно облизал пересохшие губы. Он понятия не имел, насколько замещенный человек остался ратником Вадимиром, и тем более не знал, что представляет собой Кочевник.

— Так. Посмотри-ка на меня, — в полголоса обратился к нему Данила. — Как твое имя?

— Вадим... Вадимир, — медленно, с огромным усилием ответил ратник.

— Кто ты? Кто ты сейчас?

Молчание.

Гаюнар осторожно, крайне осторожно послал к нему свою Стихию. Черный контур на доли мгновения расширился и почти что сошел на нет. Юноша пошатнулся, в глазах мелькнуло осознание чего-то, никому другому не доступного, и он рухнул будто мертвый.

Люди закричали, кто испуганно, кто гневно. Раздалось отчетливое “убейте его!”, и несколько воинов с мечами наголо бросились к “ведьмаку”. Но не сделали они и трех шагов, как откуда ни возьмись на двор обрушился ураган. Жесткая стена ветра отсекла людей от Данилы и отбросила прочь. Селяне успели попрятаться по подворотням прежде, чем бушующий воздушный поток вырвался на улицу и помчался по деревне, таща за собой воеводу и нескольких ратников, расшвыривая по палисадникам обезумевших кур, вырывая с корнями мелкие кусты и сдирая с крыш дранку. Спустя минуту на пригорке не осталось никого, кроме привязанного к столбу Данилы, лежащего у его ног юноши и яркого зеленого тумана, обретающего контуры человека.

➤11<

Оливул стоял возле затянутого прозрачной пленкой окна и смотрел на море. Волны подступали к стенам башни, вырастающей подобно магическому колоссу прямо из глубин, и разбивались о ровные шеренги рифов, неусыпно охраняющих тайну ее астральных свиданий. По движению неумолимых водных армад Бер-Росс определил, что океан обнимает башню со всех сторон. Он был пленником на острове, созданном волей и мыслью завоевавшего Мир экзистора.

Впрочем, комната, где Оливул очутился, хоть и не помнил как, на тюремную камеру не походила. Небольшая, но вполне светлая и чистая, она располагалась в верхней части башни, и добрую половину ее занимала широкая кровать с меховыми покрывалами. На этой самой кровати он очнулся четверть часа назад с горячей болью в плече и ощущением мертвого холода возле сердца. Остроzubая ведьма, ее господин, юркие ящерки и черная бездна, в которой исчез Донай, вспоминались как ночной кошмар. Стены и предметы то и дело принимались качаться перед глазами, подобно волнам за окном, и ему приходилось призывать на помощь последние силы, чтобы бороться с головокружением.

Сложившееся положение вещей представлялось сейчас настолько скверным, что не хотелось признавать его реальность. Одно радовало Оливула — успешный побег Грег-Гора и Юльки. «Каллист их не догнал, — успокаивал себя Белый князь, стараясь не думать пока о других каверзах Темного Мира. — Серафима поймет, что произошло, когда вернется. Она сенсор, Посредник, она найдет их...»

Натужно заскрипели дверные петли. Бер-Росс медленно повернулся лицом к вошедшему. Перед ним стояла зеленоглазая женщина. Легкий румянец на щеках, беспокойные огоньки в подвижных прекрасных глазах — она хотела казаться взволнованной и напуганной. Оливул невозмутимо оглядел трепещущую фигуру, каждую линию которой подчеркивало невероятно узкое платье с длинным шлейфом, но начинать разговор не собирался. Пауза затянулась, и женщина, не дождавшись вопроса, вынуждена была нарушить ее первой.

— Мне очень жаль, что все обернулось так... неудачно, — заговорила она, приближаясь к пленнику. — Поверь, я не хотела наносить тебе рану, но мой хозяин так повелел. Я должна подчиняться его воле.

— Ты пришла сюда помимо его воли, — произнес Бер-Росс.

— Да, — она с опаской покосилась на дверь. — Ты моя единственная надежда освободиться из-под его власти. Пять лет назад Каллист завоевал страну моей матери, и вместе с данью забрал в полон меня и трех моих сестер. И вот я рабыня. Но ты сильный маг, ты победишь его. Оливул, прошу тебя!

Белый князь скрестил руки на груди. Он не сомневался, что колдунья не лжет, говоря о своем прошлом, и все же в речи ее звучало слишком много фальшивых нот. Она преподносила правду, облачая ее в чужие одежды.

— Я слишком слаб сейчас для состязания, и лишила меня сил именно ты. Как я могу верить тебе?

Он рассчитывал убить двух зайцев: выяснить истинную цель визита и, если очень повезет, узнать что-либо о противоядии.

— О, понимаю, — на опустившихся ресницах блеснула вроде бы нечаянная капля, — ты не веришь... Я скажу, как уничтожить Каллиста. Что тогда?

— Если ты знаешь, как его уничтожить, зачем тебе я?

— Я не владею магией, но мои знания и твоя сила приведут нас к успеху. Мы будем править в этой стране.

Оливул молчал.

— Только мы, вместе, понимаешь, — она приблизилась еще на шаг, шлейф платья прошуршал по мраморному полу словно хвост змеи. — В наших руках будет власть над всем сущим. Ты согласен?

Что-то подсказывало Белому князю, что подыгрывать ведьме нельзя.

Она торопила.

— Отвечай же. Согласен?

— Нет.

— Ты боишься?

— Ничуть. Ты хочешь, чтобы я правил страной, а ты стала бы моей помощницей и спутницей. Но человек, предавший однажды, предаст и в другой раз.

— Смотри на меня! — угрожающее шипение оборвало слова Белого князя.

Не в силах сопротивляться, он поднял взгляд. Зеленые обворожительные очи со зрачками-щелками, прекрасное лицо, безупречное тело. Зазвучала таинственная музыка. Черно-зеленое платье скользнуло на пол. Она танцевала нагая внутри невидимого круга, и круг вырастал, подступая к пленнику.

Оливул прижался к стене. Пластика магического танца приковала взор и каждое движение оплетало рассудок новым витком забвения. Белый князь не мог ни отвернуться, ни закрыть глаза, но вдруг нашел способ смотреть и не видеть. Женщина-змея извивалась теперь, будто за матовым стеклом, а перед глазами стоял образ Юльки. Веселая и серьезная, озорная и сосредоточенная, она смеялась взхлеб, откинувшись на спинку дивана в кают-компани, нахмулив брови диктовала какие-то параметры с терминала пилота, неслась на коньках по замерзшей реке, уставшая после бесконечных приключений прижималась к его плечу, стоя на палубе корабля.

— Ты уничтожишь Каллиста драконьим огнем, — раздалось совсем рядом.

— Нет.

Музыка, танец, матовое стекло — все разлетелось на куски.

— Ты умрешь!

Туман в сознании пропал, и Оливул увидел прямо перед собой гигантскую змею, готовящуюся к броску. Он отскочил в сторону в тот момент, когда чудовище кинулось на него, норовя разорвать страшными зубами грудь. Голова змеи ударилась о стену. Тварь и ее жертва поменялись местами: колдунья оказалась возле окна, а Белый князь — у двери. Явного преимущества новая позиция не давала, но Оливул надеялся, что следующим ударом она выбьет дверь, если, конечно, он сумеет увернуться.

Змея стянула кольца тела в жесткую пружину, разогнулась и... кривая молния ударила в ее голову. Раздался вопль, смешанный с отвратительным визгом, чудовище рухнуло на пол и вспыхнуло черным пламенем. Секунду спустя на мраморных плитах дымилось грязное зловонное пятно.

— Я знал, что рано или поздно она попытается организовать против меня заговор, — Каллист убрал хлыст-жезл за пояс и, протянув Оливулу руку, помог подняться. — Я благодарю тебя.

— За что же? — перехватив дыхание, спросил Белый князь.

— За то, что не вступил с ней в коалицию, — улыбнулся одними губами чародей и пояснил, — я слышал все от самого начала. Она была глупой. Такой же, как ее сестренки.

Он небрежно достал из складок меховой накидки трех безжизненных ящериц и бросил в пятно, оставшееся от их старшей сестры.

— Она солгала тебе, — как ни в чем не бывало продолжал колдун. — Пустить в ход яд была целиком ее идея. Кстати, ты ей понравился, я заметил это еще в Проклятой Лошине. Воистину: свой свояка видит издалека!

Он весело рассмеялся. Белый князь не повел и бровью.

— Это шутка, — объявил Каллист, обрывая смех, и продолжал уже без тени иронии. — Только Дракон способен погасить яд Змеи. Ты обязан принять свой первородный облик, Оливул Бер-Росс, в противном случае ты умрешь с последним лучом солнца.

— Стать драконом и, таким образом, стать твоим слугой? — Оливул усмехнулся. — Хороший выбор ты мне предлагаешь, Каллист: смерть или рабство.

— Рабство? Да образумят тебя всеильные духи! Разве дракон раб всадника? Я хочу, чтобы мы с тобой были соратниками, друзьями. Вместе мы завоюем этот Мир!

Белый князь устало провел ладонью по глазам и присел на край кровати. Жест получился несколько вызывающим, но Каллист, опьяненный великими помыслами, этого не заметил.

— Мы осилим Огненного Идола из Заморья! — продолжал он, — Весь Мир будет нашим!

— Тоже самое я уже слышал несколько минут назад, — произнес Оливул и, встретив недоуменный взгляд молодого колдуна, показал на жженные останки, — вот от этой дамы.

Каллист застыл в немом возмущении.

— Ты соизмеряешь мои слова с шипением тупой твари?! — выдохнул он, наконец. — В себе ли ты, Оливул? Или яд помутил твой рассудок? Вставай, иди за мной, и я покажу тебе величие моих владений и ту границу, за которой нас ждет могущество!

Он ринулся к окну. Стены поползли в разные стороны, превращая узкий оконный проем в просторные ворота, за которыми показалась колесница, запряженная облаками. Каллист вскочил в нее и взмахнул рукой, призывая Оливула следовать за собой.

Пара облачных коней несла колесницу по голубому простору. Раскаленное добела солнце нещадно палило землю, поникли цветы в полях, робко спряталась за камнями речка, и даже могучий лес склонил свои вершины перед огненной стихией. Оливул обычно избегал солнца, эта привычка осталась у него со времен мертвой жизни, когда свет будил горькие мысли и терзал душу, но сейчас в льющемся из поднебесья жаре скрывалось что-то родное. Бер-Росс расстегнул ворот рубашки и, прикрыв глаза, подставил лицо золотым лучам. Солнце мягко тронуло искрящиеся перламутром белые волосы, скользнуло по щеке и коснулось багрового пятна на шее. Оливулу показалось, будто луч беспокойно застыл над ним и в следующий миг опрометью помчался с тревожной вестью в знойную даль.

Солнце, жар, огонь. “Грег-Гор!” — полосонуло Белого князя. Он чуть было не вручил Стихии призыв к брату, но вовремя вспомнил о Каллисте, вот уже десяток минут молча стоящем на козлах волшебной колесницы. Что если, предоставив пленнику эту экскурсию, он надеялся с его помощью найти Черного дракона? Со своей стороны Бер-Росс на провокацию не поддавался, но кроме зова крови было еще одно, что позволило бы Грег-Гору узнать о случившемся: всевидящее солнце — воплощенная в Мире Стихия Огня.

“Вряд ли Каллист догадывается о существовании Стихий, — подумал Оливул, искоса наблюдая за чародеем, — но наша неосторожность уже сыграла ему на руку, и кто знает, какие еще случайности

ожидают впереди. Грег-Гор, Грег-Гор, оставайся там, где ты сейчас. Ты не сможешь мне и не справишься с колдуном, мой младший брат. Ты лишь наполовину дракон.”

Темные Миры. Окутанная отчим духом земля. Оливул ясно помнил день, когда, блуждая по лесу, заметил в зарослях странное существо, глазевшее на него четырьмя беспокойными голубыми глазами. Он осторожно подошел к груди веток, оказавшихся вблизи неумело построенным детскими руками шалашом. Существо выскочило из своего укрытия. Два смуглых тощих мальчишеских тельца, два одинаковых лица и... одна уродливая огромная голова. Создание опрометью кинулось прочь от человека. Оно бежало по поляне, беспорядочно размахивая костлявыми руками и спотыкаясь на каждой кочке. Белый князь бросился на ним, догнал, хотел ухватить за плечи, но тут раздался оглушительных хлопок и вместо уродца перед ним предстал молоденький черный дракон о двух головах. Две слабые струи огня, направленные в лицо, слегка опалили белые волосы. Оливул протянул руки ладонями вверх, это был знак дружбы. Дракончик поупрямился с минуту, а потом шагнул навстречу...

— Правда ли, — неожиданно нарушил молчание Каллист, — что тот, кто ускользнул от моих нерадивых слуг, твой родной брат?

Бер-Росс не спешил с ответом.

— Я говорю о черном драконе, — продолжал чародей, оборачиваясь.

— Да, — медленно произнес Оливул.

— Давай сделаем так, — Каллист, предоставив колдовских коней самим себе, спустился с козел, — ты призовешь дракона, и он, уж точно, найдет способ тебя излечить. Потом я отпущу вас обоих, но с маленьким условием: либо ты, либо он должен оставить мне кусочек чешуи. Я не требую от вас службы, я лишь прошу однажды, только однажды прийти на мой зов.

Белый князь усмехнулся про себя. Он знал законы Племена Драконов: кто вручает человеку право на зов — становится его проводником в Темных Мирах. Он неотступно следует за экзистором, колдуном, пока смерть не разрушит этот договор или же пока сам экзистор не завершит начатую Игру.

— Каллист, свободой не торгуют. И даже жизнь тому не цена.

Глаза чародея наполнились тьмою.

— Да что же ты за человек! — воскликнул он. — Я прошу крошечной услуги и делаю при этом всё, чтобы спасти твою жизнь! Я предлагаю тебе богатство и могущество! Земли и моря, ветер, деревья и скалы — все склоняется перед моей силой, и склонится перед нами обоими. Я готов назвать тебя другом, братом, и чем же отвечаешь ты? Презрением и недоверием?

На лице Оливула не дрогнула ни одна жилка. Он стоял перед охваченным отчаянием и гневом колдуном, сохраняя каменное спокойствие, и это окончательно вывело Каллиста из себя.

— Ты насмехаешься надо мной?! — он вырвал из-за пояса магический жезл.

— Ничуть, — спокойно отозвался Бер-Росс. — Мне жаль тебя. Власть, к которой ты стремишься и которую предлагаешь мне, не награда, а тяжкая ноша. Ты молод, и не знаешь, каково нести ответственность за судьбу целого Мира.

Каллист плотно сжал побелевшие губы.

— Я стану всадником дракона и без твоей помощи. А твоё время закончится на закате дня. Я с удовольствием посмотрю, как ты будешь умирать!

➤12◀

“Полдень минул... Хорошо, что нет облаков, — весь небосвод развернулся перед четырьмя зоркими глазами. — Оно говорило об Оливуле, но почему черный след? Почему?... Подняться бы в небо!”

Гор тронул правую руку Грега. Одна из железных птиц, погибая, дотянулась-таки клювом-кинжалом до крыла. И не привязала бы эта рана дракона к земле, кабы не усталость, которой он больше не мог сопротивляться. Обессиленные, близнецы пролежали несколько часов на усеянной мелкими осколками камней площадке, ныряющей под откос вместе с хилой травой и сухим кустарником. Знойное марево заботливо укрыло их прозрачным покрывалом, а солнце усердно выплескивало палящие лучи, предоставив Хозяину Огня кладезь неиссякаемой своей мощи.

“Солнце видело беду, — Грег-Гор не мигая смотрел сам на себя. — Оливулу грозит что-то, чему свет не знает образа... Смерть... А где же Донай? Почему его не было рядом? Где Юлька? Где Гаюнары?”

Гор встал и осторожно приблизился к основанию спуска, откуда площадка круто уходила вниз. Дальше начиналась пропасть, а глубоко на дне ее виднелись гигантские куски разбитых еще в древности скал.

“Мне не добраться до долины пешком, — обречено вздохнул Черный князь. — А взлететь смогу самое скорое — на закате.”

При мысли о ночи почему-то отчаянно сжались оба сердца.

“О, Мать Драконов! Дай мне сил на один единственный взлет!”

Он ждал отклика... Пустота.

“В этом Мире нет Племени. Я один”.

Гор вернулся к Грегу и сел рядом, прижавшись бедром к его здоровому плечу.

— Давай говорить, — произнес он.

— ...как привыкли, — продолжил Грег.

— Думаешь, нам остается только ждать?

— Я думаю то же, что ты... А лучше бы мы думали по-разному.

— Почему? — Гор перевел на него взгляд.

— Спор порождает истину... Зачем ты задал вопрос? — мгновение спустя изумился Грег.

— Я сыграл в “думать по-разному”, — откликнулся Гор. — Две отдельные части одного не есть одно, состоящее из двух. То есть каждая часть сама по себе — субъект.

Грег привстал на локте.

— Семь Стихий еще не Мир, но Мир создан на семи Стихиях...

— ...а это значит, что Огонь существует, даже если остается один!

Взор двух пар одинаковых глаз потемнел, в черных волосах забегали искры и вспыхнули вдруг языками мнимого синеватого пламени. В знойном мареве завибрировала тень двуглавого дракона с горящими гребнями. Огонь перекинулся на траву и обрел свой истинный цвет и облик. Близнецы сели друг против друга так, чтобы зажженный Стихией костер оказался между ними, и молча устремили взгляд в глубину пламени. Все, к чему могло прикоснуться каждое воплощение Огня, обретало образ в рыжих суетливых всполохах.

Ровное пятно света блестело на отшлифованных плитах. Солнечные лучи не дотягивались в дальний угол, где с трудом просматривалось очертание человека, но по велению Огня пламя двух факелов, полыхнув, разгорелось ярче и осветило мрачный зал, расположенный под сводами башни. Оливул стоял внутри туманной полусферы, как будто прикованный к невидимой стене, и со стороны казалось, что он, опустив голову на грудь, глубоко задумался о своем. Но прошла минута, две, три; Белый князь не шевелился.

Огонь дрогнул под коротким порывом ветра, когда резко распахнулась и тут же захлопнулась низкая широкая дверь. Колдун в маске приблизился к куполообразному облаку, висящему в четверти сажени над полом.

— Очнись, — прозвучал властный голос.

Ледяной взгляд коснулся лба, и Оливул пришел в себя.

— Поиграли в героев и довольно, — продолжал Каллист. — Ты умный человек и опытный маг. Ты знаешь: твое спасение в твоих руках.

— Я уже ответил тебе, — выговорил Белый князь; слова давались тяжело, — я не стану звать Черного дракона и не обернусь драконом сам, поскольку я родился человеком.

Каллист, удрученно качая головой, чуть заметным движением привлек к себе табурет, ютившийся в углу темницы, и сел перед пленником, задумчиво глядя в пол.

— А ведь ты на что-то надеешься, Оливул, — произнес он почти утвердительно. — Думаешь, твой рыжий приятель тебе поможет? Мне жаль тебя разочаровывать, но из Бездны не возвращаются. Там живет смерть. Извини, я погорячился утром. Наверное, смерти он все-таки не заслуживал. Он был твоим другом?

Надменные манеры колдуна растворились в сочувственном тоне, и это заставило Оливула насторожиться. Он даже сумел частично стряхнуть с себя оцепенение, владевшее телом и сознанием с момента заточения в облачный полушар. Причина изменения тактики мага была ему не понятна. Мелькнуло предположение, что Донай или кто-то из друзей, проникнув в башню, исхитрился наложить на него собственный образ. Однако, никаких следов новой Игры Бер-Росс не заметил.

— Он был твоим другом, да? — Каллист повторил вопрос и, приняв молчание собеседника за утвердительный ответ, продолжал со вздохом. — Мне вправду жаль, что так получилось.

Отчаяние жестоко полосонуло по сердцу, но Оливул отогнал вползающую вместе с вкрадчивым голосом чародея мысль о гибели Доная.

Каллист так и не дождался его реакции.

— Ты сильный человек, — сказал он, вставая; табурет проковылял в свой угол и занял привычное место. — Давай будет откровенными друг с другом. Если я скажу, что хочу спасти твою жизнь из симпатии к тебе, ты не поверишь, верно? Хотя это правда. Понятнее тебе будет другое. Взгляни на меня.

Оливул, готовый к очередной магической атаке, медленно поднял глаза. Широкая меховая шляпа лежала у ног колдуна, образ пустой маски качался в тени, а перед Белым князем стоял человек с выжженным до костей лицом. “Проклятие Матери Драконов!” — понял Бер-Росс.

— Знаешь, откуда это? — прозвучал глухой голос; обрывки губ почти не шевелились.

— Ты убил дракона, — произнес Оливул.

— Да... Думаешь, Змеиная дочь подвела к смертной черте тебя одного? Ты орудие ее мести! Ты сослужишь ей хорошую службу, когда умрешь. Ведь вместе с тобой умру и я, потому что перед вашим Племенем виновен стану дважды. Тебе, конечно, все равно, каков будет мой конец. Но подумай о роли, уготовленной тебе самому: Белый дракон — слабовольный пособник мерзкой гадкой змеи. Подумай, у тебя еще есть время до заката солнца.

“До заката... До заката...”, — шелестел в костре огонь.

— Где этот проклятый колдун?! — Грег и Гор вскрикнули в один голос.

Огонь силился обрисовать хозяину картину местности, но для солнечного света все на земле было едино — и леса, и поля, и горы. Разве что беспокойные волны моря воспринимались Стихией как нечто стороннее. Побережье, залив, башня. Гор встал, вглядываясь туда, где огонь столкнулся с водой, но море скрывалось за неприступными вершинами скал, и ни человеческий, ни драконий взгляд не смог бы отыскать крошечный остров за много верст к востоку, даже если бы горы вдруг расступились.

— Пэр — возникший Воздуха, — произнес Грег. — Если мы как-нибудь сообщим ему, что произошло, он найдет Оливула.

Солнечный свет струился сквозь толщи воздушного океана, обнимал луговые травы и цветы, просачивался в чащу лесов, а ветер гулял себе в тех же полях и рощах, независимый и беззаботный. Огонь отчаянно взывал к Воздуху, но разговор этот был сродни беседе слепого с немым.

Неожиданно в пламени костра вспыхнул образ цветка с огромной яркой головкой. Куда бы ни уходило солнце, кудрявые лепестки неизменно поворачивались к его лучам.

— Посмотри, — прошептал Грег, хотя Гор уже и сам изумленно озирался по сторонам.

Скудная слабая трава, ушколистые колючие кусты, кривое деревце на склоне — все смотрели на Хозяина Огня, и густо-зеленые листья их тянулись в центр круга, где пылал костер.

— Данила искал нас, — прояснили близнецы друг для друга. — Так ответим же!

Костер вспыхнул с новой силой. Однако оставшаяся неслышанной Жизнь была слишком далека сейчас, когда Гаюнар, не дождавшись отзыва, оборвал контакт.

— Должен быть способ, — Грег перевел взгляд на брата. — Стихии едины в каждом элементе Мира, и любая из них в состоянии воздействовать на другие.

— Солнечный свет питает растения, они живут благодаря ему, и земле, и воде, и воздуху, и смерти. Вопрос стоит иначе...

— Как разбудить разум остальных Стихий?

— Как заставить их обратиться к избранникам?

Спасительная идея внезапно ворвалась в сознание.

— Есть в Судьбе одно, что держит в себе дух каждой Стихии — Крылатый Волк!

— Пэр! — кабы не путы на руках и ногах, Данила стиснул бы его в объятиях.

Зеленый воздушный сгусток материализовался, и Пэр растрепанный и растерянный встал перед братом.

— О, мой бог, Данька, что я натворил!

— Ничего-ничего, туда им и дорога, — тот не понял, что призрак имеет ввиду вовсе не ураган, разогнавший людей по подворотням.

Пэр его реплику даже не расслышал.

— Данила, что они с тобой сделали?!

— Не волнуйся, я цел, — Гаюнар оглянулся на деревню, затаившуюся после “колдовского нашествия”. — Развяжи меня поскорее и будем сматываться. Мне не светит еще раз встретиться с этой компанией фанатиков.

Пэр торопливо поднялся над землей и попытался дернуть веревку, которой были связаны руки брата, но пальцы проникли сквозь узлы, а материя оставалась незыблемой.

— Пэр, не суетись, успокойся, — посоветовал Данила. — У нас полно времени.

Однако не прошло и минуты, как ему пришлось признать, что в этом последнем он крупно ошибался. На улице началось движение, и в прогоне между двумя хатами мелькнули кольчуги ратников.

— Данька, я не могу ее зацепить! — в отчаянии воскликнул Пэр.

— Не психуй. Когда ты нервничаешь, у тебя все сикось-накось идет. Помнишь, как ты открыл рукой дверь? Действуй так же, поверь, никакой разницы между ремнем и деревяшкой в данном случае нет.

Возня за спиной возобновилась, но ни малейшего натяжения веревок Данила не почувствовал, зато заметил, как за плетнем, таясь от глаз “ведьмака”, собиралась большая группа воинов.

— Так. Есть идея, — быстро заговорил он. — Видишь нож?

Посреди двора вместе со зловонной веткой и какими-то тряпками лежал длинный кинжал.

— Я понял! — призрак сорвался с места.

Он бежал к оружию, а Гаюнар завороченно смотрел, как полупрозрачные ступни касаются земли, как покорно ложится под ними низкая трава, как скользит рядом человеческая тень. Пэр споткнулся, упал на колено, вскакивая, подхватил клинок и кинулся назад к столбу. В этот момент в воротах появились лучники.

— Берегись! — выкрикнул Данила.

Призрак круто развернулся. Взвились будто бесовское пламя густые зеленые космы. Ветер, прятаящийся в траве и в листьях, с залившимся свистом вылетел из засады и, охотно отдавшись Возничему, ринулся на ратников. Выпущенные стрелы заплясали в лихой круговерти. Воздух стелился по земле, окунаясь в неглубокие ямки, закручивался в тугую пружину и смертоносным вихрем летел на людей. К треску ломающегося плетня примешались вопли ужаса. А Стихия подстегивала и подстегивала свою разудалую форму.

— Пэр, уйми его! — Гаюнар старался перекричать вой зарождающегося урагана. — Мы так кого-нибудь угрожаем. Довольно!

Пэр и сам понял, что пора приструнить ретивого слугу. Он раскинул руки, как бы желая раствориться в родных струях, но контуры тела не рассеял. Натянулись незримые поводья. Ветер, сопротивляясь и завывая от возмущения, начал угасать.

Данила, увлекшийся картиной укрощения вихря, не заметил, что юноша рядом с ним зашевелился и стал медленно вставать. Блеснул кинжал, оброненный Пэром, и человек-Кочевник шагнул к Гаюнару.

— Данила!

Призрак бросился к столбу, но раньше узкий клинок врезался в тугой узел. Вережки ослабли, и пленник очутился на свободе. Затекшие ноги отказались держать тело, и, сделав единственный шаг, Данила, как подкошенный, рухнул в объятия брата.

— Ничего, это ерунда, — выговорил он, едва открыв глаза.

Но по лицу Пэра было ясно, что он придерживался другого мнения.

— У тебя руки не работают и кровь на затылке! — воскликнул призрак, принимаясь массировать одеревеневшие запястья.

Прикосновение теплой шершавой ладони привело Данилу в чувство окончательно. Он поднял голову от плеча брата и неожиданно ясно осознал, что опирается на твердое живое тело.

— Пэр! — сдавленно пробормотал он. — Что с тобой произошло, Пэр?

Восторг, страх, недоумение и радость смешались где-то внутри, готовые вырваться на волю в одно мгновение.

Призрак неуверенно улыбнулся.

— Наверное, я проснулся, Данька.

Данила поймал его за плечо, хотел обнять, но тут за спиной прозвучал незнакомый голос:

— Они вернутся, чтобы убить. Бегите.

Оба изумленно оглянулись. Молодой ратник стоял рядом, держа за удила двух боевых жеребцов.

— Вадимир? — Данила постарался как можно тверже подняться на ноги.

— Кто он? — тихо спросил Пэр.

— Тот, кто нашел место, — быстро ответил Гаюнар и вновь обратился к юноше. — Почему нас хотят убить?

— Оборотень пришел в Проклятую Лошину. Ты похож на легенду, но ты не он... Ты прятался у окна, когда появилась Смерть... Почему я знаю тебя? — он неожиданно ясно взглянул на Данилу, затем перевел взгляд на Пэра. — И тебя я знаю...

— Так это ты был камнем на берегу моря? — воскликнул призрак. — Помнишь, ты рассказывал мне о своем друге!

— Пэр, что ты мелешь? — зашикал на него Данила.

— Он должен разрешить конфликт рассудка и памяти, — зашептал в ответ призрак.

Тревожно заржали кони. Прежде, чем обернуться на ворота, Данила уже знал, о чем предупредила Жизнь: дружина шла в бой. На сей раз каждый из ратников нес перед собой мощный остроконечный щит, кольчуги и шлемы сияли на солнце, и угрожающе гремели тяжелые мечи.

— Бежим отсюда, — скомандовал Гаюнар. — Все! Живее!

Он запрыгнул в седло, как заправский кавалерист, хотя до нынешнего дня лошадь видел вблизи лишь однажды. Вадимир мешкал.

— Ты не можешь остаться! — крикнул Пэр. — Они не примут тебя!

Юноша вставил ногу в стремя.

Грянул короткий, как залп, громогласный приказ, и из-за щитов вылетел рой каленых стрел. Человек-Кочевник вскрикнул. Пэр не долго думая затолкал его в седло и вскочил следом. Конь, почуяв кровь, взбрыкнул, но крепкая овеванная зеленой дымкой рука властно натянула узду.

— К лесу! К лесу! — Данила поднял лошадь на дыбы.

Жеребец Пэра перемахнул через плетень и пустился в галоп по пыльной дороге. Данила в свою очередь лихо проскакал по двору, выкрикивая бессвязные ничего не значащие слова, принятые дружинниками, как он и рассчитывал, за колдовские заклинания. Суеверный страх на какие-то секунды сковал людей, и Гаюнар получил возможность беспрепятственно вырваться на улицу через ворота. А когда по высохшей земле загромыхали копыта, он был уже далеко от неприятелей.

Брата Данила нагнал на опушке. Верховые ратники, облаченные в стальные доспехи, двигались медленнее, но их масса, скрытая клубами пыли, ужасала своей неотступностью.

— Данька, он ранен! — Пэр показал на юношу, между лопаток которого торчала стрела. — Призови Стихию, помоги ему!

Данила бросил взгляд на человека, до сих пор не упавшего с седла лишь благодаря призраку, и торопливо ответил:

— Он продержится еще немного. Мы должны оторваться от погони!

И первым поскакал в лес. Скоро дорога сузилась, а ветви нависли над ней так, что приходилось низко пригибаться к потным шеям лошадей. Преследователи не отставали, напротив, прекрасно знающие местность, они разделились, и теперь топот копыт и хруст сучьев слышались как позади, так и справа.

— Сворачивай с тропы! — крикнул Данила брату.

— Мы не пройдем там с лошадьми!

— Доверься мне, сворачивай!

Зов к Стихии зародился почти спонтанно. Гаюнар не успел поймать собственную мысль, а Жизнь уже вырвалась вперед. Энергия ее будто бы вдохнула сознание в беззаботный лес: густые кроны деревьев и гибкий кустарник раздвигались, пропуская беглецов сквозь непроходимые чащи, и тут же смыкались плотными сетями за их спинами. Скоро голоса и звон кольчуг ратников из станицы потерялся в лесной глуши. А кони Гаюнаров продолжали без усталости мчаться через овраги и валежник, утопая в вязких лужах и разбивая копытами спокойную гладь ручьев, кроша сухие кусты и вламываясь в молодую поросль елей.

Скачка продолжалась не меньше часа, однако ни Данила, ни Пэр не заметили времени за мельканьем лесных теней. Бешенная пляска их прекратилась неожиданно, когда жеребец, несущий двух всадников, на всем скаку ворвался в грязную заводь речушки и рухнул, увязнув в глубоком иле. Призрак сорвался с седла и потерялся в камышах, раненый воин упал в протоку, погрузившись в воду с головой. Гаюнар соскочил с коня и бросился на помощь. Он выволок юношу на берег и облегченно вздохнул, обнаружив, что тот не успел захлебнуться. Подлетел Пэр. Убедившись, что оторвались от преследователей окончательно, братья взялись за осмотр раненого.

Крови пролилось немного, но юноша находился без сознания, и привести его в чувство общепринятыми способами не удалось. Не дала результатов и попытка воздействовать на человека-Кочевника силой Стихии Жизни. Отписав неудачу собственной усталости, Данила ограничился оказанием первой медицинской помощи. Затем Гаюнары уложили раненого на мягком мхе в тени большой гостеприимной ели, а сами вернулись к ручью.

— Так. Судя по всему, мы здесь застряли, — проговорил Данила, оглядев достаточно редкий, но обманчивый лес, где деревья прятались за деревьями, а далекие полянки, освещенные солнцем, создавали иллюзию опушки. — Мы не можем оставить парня одного, и мы не можем двигаться с ним, пока он не очухается.

— Подождем, — согласился Пэр и, посмотрев на одинокие облака, окрашенные в предвечерние полутона, добавил. — Воздух поможет найти дорогу к дому Александра и в темноте.

— А вот в доме нам делать нечего, — нахмурился Данила и с напускным хладнокровием обрисовал брату положение вещей.

Пэр был потрясен. Даниле показалось даже, что он побледнел.

— Это все из-за меня, — одними губами пробормотал он.

— Пэр, давай обойдемся без самобичеваний, — Гаюнар развернул брата к себе лицом. — Ни ты, ни я и никто не виноват, что местные приняли меня за папочку с его черной или черт знает какой магией. Все получилось одно к одному! Из Грег-Гора разведчик аховый — я и вчера не сомневался, что его полет над лесом видела вся округа. Да еще Волк в драке кому-то башку оторвал...

— Данька, я не имел права улетать! — Пэр поднял полный страдания взгляд. — Я обязан был определить свое “я” значительно раньше.

— Пэр, ты не знал главного — ты не знал, что был рожден!

— Нет. Мне просто не хватало мужества посмотреть правде в глаза. Ты думаешь, я не догадывался? Думаешь, не понимал?.. Надеялся на чудо, ждал, когда обстоятельства решат все за меня, и дождался: подверг опасности твою жизнь и жизни наших друзей. Если бы я...

— Слушай, прекрати, — Данила повысил голос. — Если бы да кабы! Может, если бы ты не улетел, мы все сейчас жарились бы на костре... Ладно, не переживай. Главное, с тобой все в порядке. Россы в этом Мире, как в своей тарелке, хоть Оливул и утверждает, что играть здесь нельзя. А с Серафимой не справится сам дьявол, не говоря уже о каких-то экзисторах, — он покосился на раненого и продолжал. — Парень очнется, начнем искать наших, а пока иди умойся: облепленный грязью ты плохо смотришься, особенно в человеческом виде.

Пэр безропотно направился к ручью, а Данила присел возле ивы, прислонившись к теплому влажному стволу. Он долго наблюдал за призраком, копошащимся у воды, стараясь определить, что именно изменилось в его облике за истекшие сутки. Движения, фигура, колыхающиеся даже при полном безветрии длинные вечно взъерошенные волосы — всё было прежним, разве что приобрело более жесткий контур. Пэр стряхнул с лица капли воды, поднялся на берег и повернулся к брату. Данила улыбнулся. Вот оно — главное отличие Пэра настоящего от Пэра вчерашнего: призрак уже не был прозрачным. Раньше сквозь зеленое облако просматривались находящиеся за ним предметы, теперь же казалось, что в туманном коконе заключен подвижный человечек небольшого роста с крупными не по фигуре руками и крепким упругим торсом. И лицо стало чуть-чуть другим — пропала округлость линий, создаваемая призрачной вуалью, и проявились характерные для Гаюнаров угловатые мощные скулы, прямая грубая переносица, тяжелые надбровные дуги.

— Хочешь сказать, что я похож на отца? — Пэр угадал, о чем думал брат. — Все верно. Ведь он по сути клонировал меня из своих клеток, и лишь Кочевник помешал мне стать точной его копией.

— Зато ты стал существенно улучшенным его вариантом, — с удовольствием заявил Данила.

Пэр вздохнул.

— Прости отца, Данька, — тихо проговорил он. — Прости, как простил я.

Младший Гаюнар устало качнул головой.

— Воистину: вся доброта нашей семьи досталась тебе.

➤14◀

Путешествие по горным тропам верхом в ужасно неудобном седле продолжалось не меньше трех часов, и Юлька была искренне рада, когда всадники, наконец, въехали на двор небольшого хутора, и Гарсий, легко прыгнув на землю, снял ее с коня. Затем гостя отвели в дом и оставили в небольшой комнатке с окном, за которым простиралась пустая неприглядная равнина. Не успела Юлька оглядеться, как женщина принесла горячую еду.

— Располагайся, — она ласково потрепала “мальчика” по золотистым вихрам. — Скоро вернутся наши друзья, и мы найдем способ доставить тебя домой.

Юлька бойко кивнула и покосилась на аппетитный кусок мяса в тарелке. Хозяйка хутора улыбнулась.

— Не смущайся. Поешь и отдохни, мы не будем тебе мешать.

С этими словами она вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Юлька внимательно исследовала пищу, приготовленную явно не в примитивной печке, и рискнула попробовать. У нее во рту ни крошки не было со вчерашнего вечера, поэтому жаркое показалось самым вкусным из тех, которые она когда-либо ела. Покончив с едой, она улеглась на низкую лавку и закуталась в шерстенный плед с головой, будучи уверена, что очень скоро хозяева заглянут провести гостя. Так и вышло. Кто-то отворил дверь, долго стоял на пороге, потом послышался приглушенный шепот: “Пусть поспит. Вечером выясним, кто он такой”. Скрипнули петли. Удаляющиеся шаги.

Юлька выждала минут пять, но никаких звуков из глубины дома больше не доносилось. Тогда она осторожно сползла на пол, максимально сохранив нетронутым одеяло, чтобы издали казалось, будто “мальчик” мирно посапывает на лавке, а сама на цыпочках подкралась к окну.

Голоса раздавались со двора. Заливисто рассмеялась женщина. Юлька не имела возможности увидеть людей — угол дома закрывал от нее вид на двор — зато она заметила на лужайке стреноженных лошадей. При мысли о верховой езде заныли ноги, но другого средства передвижения под боком не было. Однако совершать побег прямо сейчас в ее планы не входило.

Со всеми предосторожностями девушка приблизилась к двери и шмыгнула в полутемные сени. В двух других комнатах, также выходящих в темный коридорчик, она не заметила ничего интересного. “Но где-то же должен быть аппаратный центр!” — она нетерпеливо завертела головой. Взгляд упал на узкую щель, по перпендикуляру пересекающую добротные половицы у порога одной из комнат. Юлька удовлетворенно улыбнулась. “Типично. Если кто-то что-то спрятал — ищи либо на чердаке, либо в подвале”. Она, не упуская из внимания голоса во дворе, принялась ощупывать крышку подпола и, не обнаружив ни рычага, ни кнопки, занялась стенами и мебелью. Ничего.

“Я тебя все равно открою,” — Юлька начала злиться и тут вспомнила про портьеру, в складках которой Грег и Гор обнаружили “жучка” в доме Гаюнара. Она поискала глазами нечто похожее и нашла: грубая занавеска отделяла маленькую кладовку от светелки. “Им явно не хватает фантазии”, — с удовольствием постановила девушка, с первой попытки обнаружив за отворотом занавеса привязанный к карнизу пульт управления.

Имитация крышки погреба отползла внутрь полых половиц, открыв перед Юлькой еще одно помещение. Не долго думая, она спустилась вниз по узкой крутой лестнице и оказалась в царстве техники. Три аналитические установки, огромный радарный экран, полки с самой разнообразной аппаратурой заставили на несколько секунд восхищенно замереть у входа.

— А теперь я выясню, что из себя представляет этот Мир, — тихо проговорила Юлька и села к терминалу.

Аполлон, положив морду на передние лапы, изредка мигая, посматривал на массивное тело Волка, жесткую шерсть которого от холки до груди покрывала запекшаяся бурая кровь. Фантомный зверь лежал на боку, и в щелках страшных застывших глаз темнела бездна небытия. Артемида тихонько призывно заскулила и ткнула носом тяжелую лапу монстра. Тот не пошевелился, только веки приподнялись чуть больше прежнего. Аполлон зевнул, потянулся и подполз ближе к Волку. В воздухе заискрилась Жизнь. Пес аккуратно лизнул рану собрата и, когда тот не отреагировал, принялся вылизывать ее со всей тщательностью, присущей своей породе. Стрелу Аполлон и Артемида выгрызли еще утром, так указала им Стихия. Жизнь, оказавшись в одиночестве, толкала инстинкты животных к рубежу рассудка, но умственные способности собак оставались на обычном для них уровне.

Солнце давно пересекло зенит, начали умолкать лесные птицы, а Волк, неуправляемый и безвольный, пребывал под опекой единственной бодрствующей Стихийей...

Огненный луч врезался в траву. Растения прильнули к земле, словно на них налетел предгрозовый ветер. Подскочила и зарычала Артемида, ошетинился Аполлон. А Огонь устремился к Волку. Вспыхнули таящие бездну глаза. Взбурлила кровь, но очнувшаяся вслед за Водой Смерть, не спеша тронула рваные края раны. Жизнь торопливо обняла мощное тело, а Воздух, услышавший, наконец, зов младшей сестры, подхватил ее на невесомые крылья и ворвался в легкие пробуждающегося создания. Волк шумно вдохнул, зашевелился и пошатываясь начал вставать. Медленно расправила плечи могучая Твердь. Четыре сильные лапы уперлись в землю, и зверь высоко поднял массивную голову. Собаки робко попятились под его пронзительным холодным взглядом. Разум, подаренный Космосом, уверенно взял верх над бессознательными рефлексам.

Аполлон и Артемида бежали следом за Волком до тех пор, пока он не остановился на опушке леса. Четырехцветный мир лежал перед ними однозначный и обычный. Луг с некошеной травой, каменная ограда, старая усадьба — всё ассоциировалось с хозяином, и они готовы были сорваться с места и мчаться туда немедленно, но вожак не шелохнувшись стоял на пригорке, и его глаза видели иначе. Мир, подернутый тончайшей пленкой Игры. Жизнь и Смерть, Твердь, Вода и Воздух, отодвинутые за границу, тщетно тянулись к своим отображениям на земле, а властная рука экзистора, перехватив бразды, правила поработанной частью Мира. Один лишь Огонь, непокоренный и свободный, метался среди обузданной Игрой природы. Он отчаянно бил набат, но клич его тонул в зачарованных речных водах и рассеивался в одурманенном воздухе. Земля не слышала отчаяния Тверди, а оглушенная волей экзистора Смерть не могла покинуть отведенную ей бездну.

Волк без труда определил диспозицию Стихий в условиях стабильного экзорного потока, однако данная информация не позволила ему выработать цель настоящего момента, и отсутствие этой цели поставило существо-Экзистедер в тупик. Неожиданно выручили собаки. Волк, ни на мгновение не выпускающий из внимания эти воплощения Жизни, подспудно отслеживал все ощущения, преобразующиеся в сознании животных в более или менее логические конструкции, и выделил одну. Собаки в первую очередь жаждали найти хозяина, вслед за его образом в их ассоциациях вставал образ капитана, затем вспыхивали воспоминания о других членах команды. Волк знал, что без силы избранных Стихий не выполнит свое главное предназначение — истребить чужаков Судьбы, следовательно, подсказывал аналитический процессор внутри, необходимо во что бы то ни стало собрать на борту семерых внемиренцев. Индуктивный метод решения данной задачи, невольно подсказанный собаками, Волк посчитал для себя единственным.

Аполлон и Артемида радостно взвизгнули, получив разрешение бежать к дому. Они помчались по высокой траве, то теряясь в ее волнах, то выпрыгивая, будто серые дельфины, на поверхность. Волк внимательно оглядел округу и, убедившись, что поблизости нет ничего, порождающего опасность, последовал за животными.

Как и предполагал Волк, дом пустовал с самого утра. Среди множества чужих следов Артемида унюхала-таки след Данилы, но у подножия лестницы он исчезал и не повторялся ни во дворе, ни на тропинке за оградой. Лишившись всякой надежды, несчастная собака села возле ворот и жалобно заскулила.

Ее протяжный плач был прерван призывным лаем из недр дома. Волк ринулся на голос Аполлона, в два прыжка взлетел на второй этаж и ворвался в комнату. Пес выцарапывал из-под странной дымной завесы что-то длинное и блестящее. Волк приблизился. Смерть, таящаяся в его недрах, появилась рядом в виде бесформенного темного пятна и вобрала в себя клок сине-бурой тени. На полу у стены остался Меч. Луч солнца скользнул по клинку. Тело сотворенного Стихиями зверя напряглось, глаза вспыхнули адским пламенем, и Смерть поднялась сизой холодной тучей в беззаботное небо. Природа содрогнулась, встретившись с невиданной формой всезавершающей и неотъемлемой части мироздания. А Огонь, невзирая на панику ветра и ужас цветущей земли, повел грозного соратника за собой, туда, где чувствовал беду.

Тот, кто забрал в полон своей воли лесной край, не видел за ветром Воздуха, за землей Тверди, а за рекой Воды. Он принимал Жизнь только в облике деревьев и животных, а Смерть запер в могильном склепе. Волк был благодарен Огню за это открытие. Теперь следовало активизировать поиск. Логика выстроила новую цепочку: бой на дворе, численный перевес, отсутствие информации о гибели; следовательно, плен, дорога, заточение. След конных воинов приведет к Хранителю Жизни. Волк равнодушно посмотрел на собак, не способных понять вложенность условий.

Аполлон и Артемида наострили уши. Вожак приказывал следовать за незнакомыми людьми. Зачем? Поверьте — продиктовала Жизнь. Волк крупной поступью двинулся вперед. Собаки потрусили за ним.

Серафима остановилась над рифленным узором Надмирий, высматривая Мир, где ожидали ее друзья.

— Трудно сюда пройти, не так ли? — Петер Роуз, приоткрыв занавес канала, встал рядом с Посредником.

— Истинный путь всегда труден, — задумчиво отозвалась Каляда. — И вам было нелегко принять правду и смириться с решением Совета.

Внемиренец усмехнулся.

— А что нам оставалось? Ваша логика была непререкаема!

— Вы кривите душой ради того, чтобы сохранить маску, — Каляда посмотрела на собеседника. — Вы искренне согласились с Архивариусами и поддерживающими их кланоидами в первом же раунде переговоров. Мои доводы имели корректирующий характер.

На границе канала и Структурной черноты появился товарищ Петера Роуза.

— Позвольте задать вам вопрос, мадам-Посредник, — начал он, убедившись, что друг не собирается продолжать разговор.

Серафима согласно склонила голову.

— Вы дважды сказали о локализации, аресте блуждающих Кочевников, но не объяснили, каким образом вы намерены это сделать. Нам же достоверно известно, что Крылатый Волк настроен на их уничтожение, и любые компромиссы исключены.

— Избранники Стихий найдут способ выполнить поставленную задачу, не сомневайтесь.

— Уж какие там сомнения! — хмыкнул Петер Роуз. — Ваши похождения скоро станут самой популярной притчей во всей Структуре. Спасибо, что вы не поддержали максимализм Обманувших Смерть, а то бы по кланоидам можно было смело заказывать поминальную молитву.

Пока он говорил, к краю канала приблизился неприметный на вид молодой мужчина, которого Серафима почему-то окрестила про себя “доцент”. Это был третий член кланоида, человек-Кочевник.

— Мы кого-то ждем? — немного нервозно спросил он у друзей. — Вы забыли, что сказал магистр несостоявшихся покойничков?

Каляда невольно взглянула в Структурную пустоту. Представители Обманувших Смерть появились на Совете, когда основные решения уже прозвучали, и предупредили, что Игра Кочевников набрала мощь настолько, что до Первого Экзистедера им осталось построить всего два моста. Эта новость явилась полной неожиданностью даже для Архивариусов. Никто не мог объяснить причин столь опасного успеха, поэтому совещание свернули оперативно, пожертвовав сложившимся ритуалом. Приглашенные члены кланоидов поспешили к своим друзьям в Миры, а планетоид Архивариусов скрылся в пространстве в поисках места, где Семи Стихиям предстояло запереть не нашедших мест чужаков.

— Мадам, если желаете, мы проводим вас в Мир, — предложил Петер Роуз и добавил. — Я никоим образом не умаляю ваших достоинств Посредника.

Каляда вошла в канал. Внемиренцы кланоидов перемещались по Структуре исключительно по каналам, поскольку Пути были губительны для людей-Кочевников. Серафима ни разу не пользовалась таким способом движения, но она имела все основания доверять Петеру Роузу, поэтому спокойно следовала за ним внутри прозрачной трубы до тех пор, пока вокруг не вспыхнуло Надмирье.

— Вернётесь в Проклятую Лощину? — спросил “доцент”, подыскивая в густой дымке место для формирования “ворот” в Мир.

— Да. Спасибо за приятное путешествие.

Люди кланоида заулыбались. Она улыбнулась в ответ и сделала шаг к краю канала, но тут прямо перед ней возник Обманувший Смерть.

— Я не нашел их, — быстро заговорил он. — Дом пуст. В округе никого. Корабля нет.

Это был Игрок — тот самый, кто построил экзорный мост на Мир Дымиуса, а впоследствии помогал Александру Гаюнару отыскать избранников Стихий. Из пятерки диссидентов он один не прекратил существование, попросив у Витязя Меча Смерти право закончить свою безжизненную жизнь, когда придет пора. Каляда встретила его на планетоиде Архивариусов. Он сам предложил свои услуги, сказав, что, не дожидаясь формального окончания заседания, сообщит ее друзьям решение Совета и предупредит о скорейшем старте в Структуру.

— Я буду искать дальше, — объявил Игрок и считая, что в ответе собеседника нет необходимости, растворился в черноте.

Визит его был настолько коротким, что Петер Роуз без толики юмора потряс головой и протер глаза.

— Привидение проклятое, — буркнул он, придя к выводу, что Обманувший ему не померещился.

Другие двое молча взирали на Посредника. Каляда, усилием воли согнав с лица всякие эмоции, стремительно перебирала в уме возможные варианты ситуаций, вынудивших друзей покинуть дом Гаюнара.

— Вот что, Серафима, — заговорил внемиронец кланоида, — дело у нас теперь общее. Найдем твоих ребят. У нас в ставке полно поисковой аппаратуры, информационных блоков и всякого барахла, которое может пригодиться. И оружие есть, кстати.

— А я подозреваю, кто ответственен за исчезновение Стихий, — вставил “доцент”. — Давно говорил, пора Каллисту Великолепному поурезать его “великолепие” и привести к общему знаменателю.

Окно в Мир распахнулось, и четверо вошли под лазурный небосвод. В сотне метрах правее возвышался добротный домишко, обнесенный крепким забором. Единственный хутор на всю округу служил кланоиду базой и убежищем.

Волк бежал по следу всадников. Время от времени он останавливался, давая возможность собакам передохнуть, затем возобновлял путь вдоль опушки темного непроходимого леса, рассекая грудью высокую полевую траву. Казалось, ничто не заставит его свернуть с выбранной тропы, но тихий голос Жизни становился разборчивее и разборчивее, и, наконец, Волк, застыв на месте, будто вкопанный, внял Стихии. Источником ее сейчас были Аполлон и Артемида. Их неохотное движение, поначалу объясняемое Волком усталостью животных, имело совершенно иные причины. Чутье влекло собак в чащу, откуда ветер навевал далекий образ хозяина. Существо-Экзистедер прислушался к Миру. Игра не активна. Воздух безмолвствует. След мирян уходит в поля. Однако псы упорно звали в глубину леса. Волк, помедлив несколько мгновений, продолжил свой путь. Низко опустив головы, собаки покорно отправились за ним.

Показались редкие прибрежные кусты, и дорогу преградила неглубокая равнинная речка. Аполлон и Артемида как по команде включили свои шумные обонятельные рецепторы. Конники безусловно спустились к реке и перешли ее вброд. Волк с большой вероятностью предполагал, что след будет легко обнаружен на другом берегу. Но вновь вмешалась Жизнь. На сей раз Артемида, зайдя по грудь в воду, повернула морду на запад, откуда плыли томные волны, и протяжно тоскливо завывала. Дуэт ей незамедлительно составил Аполлон.

По небу ползли лохматые облака, стелилась трава под властной рукой ветра, нежно звенела река, а уходящее к закату солнце изливало вниз беспокойный оранжево-золотой свет. Из-за горизонта незаметно приближалось дыхание ночи, и уставшая от жары земля с нетерпением ожидала ее визита.

Волк смотрел на пса, застывшего на высоком берегу, смотрел на его подругу, упрямо сопротивляющуюся на взгляд робким, но напористым волнам реки, слушал их позывной разноголосый вой, и образ несокрушимого монолита Стихий поднимался среди логических нитей его разума. Семь Стихий объединяли мир, Семь Стихий вставали перед Экзистедером Великого в неповторимом совершенстве своего естества.

Артемида выскочила на берег, наспех встряхнулась и побежала по узкой песчаной полосе против течения, ежесекундно оглядываясь на жока. Окатив Волка тучей брызг вперемешку с береговой пылью, с откоса в воду съехал Аполлон и, в три прыжка нагнав названую сестрицу, требовательно гавкнул. Волк медленно повернулся на запад, куда увлекали его собаки.

Юльке ни разу до сегодняшнего дня не приходилось ездить верхом, да и длительная утренняя поездка в седле долговязого кавалериста не прибавила ей опыта. Проскакав без остановки три десятка верст, она поняла, что забраться на спину животного с забора и уговорить его всеми реальными и нереальными способами выполнять ее команды, было лишь прелюдией к трудностям, ожидавшим впереди. Она уже в сотый раз вспомнила добрым словом все модели флаеров из летной школы: пилотировать их было куда легче, чем справиться с норовистым жеребцом.

Хутор кланоида давно остался за холмом, а Юлька продолжала подстегивать коня. Благодаря карте, обнаруженной в банке данных аналитического центра, она получила представление о местности, в которой по стечению обстоятельств очутилась. Двигаясь на юго-восток, она рассчитывала достичь побережья максимум за три часа. Далее полсотни верст на юг туда, где посреди морского залива датчики кланоида фиксировали эпицентр Игры.

Девушка особо не задумывалась о том, что будет делать, добравшись до океана. Вера в могущество Стихии, чей облик казался ей самым величественным и непобедимым творением в Мирах, придавала уверенности в собственных силах. Но сомнения заползали в душу, как ни старалась Юлька отринуть беспокойные мысли. Она не могла забыть страх Воды, когда та в поисках Тверди коснулась своего отражения, подернутого экзорной вуалью. Чужой Экзистедер рьяно охранял вверенную ему крепость, и Оливул находился за этими неприступными стенами. Юлька убеждала себя, что друг с его непоколебимой волей и отточенным мастерством экзистора даст отпор любому колдуну, а Донай всегда поддержит брата в битве и обеспечит надежный тыл, однако тревога продолжала безжалостно жалить сердце.

Далеко-далеко на востоке мелькнула искрящаяся лента побережья. От нетерпения Юлька привстала в седле. В этот момент жеребец прыгнул через не замеченный всадницей овраг, и... девушка не поняла, как очутилась в траве. Подняв голову, она увидела коня, несущегося во весь дух вслед за отступающим знойным днем.

— Ну нет! — Юлька села и с досадой хлопнула ладонями по земле.

На глаза навернулись слезы обиды. Вокруг ни одной живой души, никаких признаков дорог или человеческих поселений. Только девственная равнина, далекий лес да на горизонте желанный водный простор. Юлька поборолла мимолетное отчаяние и, стряхнув со щеки предательскую слезу, решительно зашагала к морю.

Огненный цветок костра стал увядать. Гай-Росс поднял обе головы к небу. Рыжее солнце медленно плыло к земле — усталый труженик, возвращающийся в свой уютный дом.

— У Оливула есть время только до заката, — прошептал Гор.

Грег повел раненой рукой. Боль не возобновилась, и вместо нее по телу прокатился жар вновь собранных силы. Близнецы победно переглянулись.

Дремавшая мощь дракона вмиг разметала человеческий образ, и Черный князь воинственно расправил могучие крылья. Костер канул в тень, не оставив ни углей, ни золы, а небо простерло к крылатому змею радужные объятия. Грег-Гор оттолкнулся от земли и взмыл в бескрайнюю синеву навстречу последним всплескам остывающего дня. Он скользил между золотых облаков, и острый взгляд четырех голубых глаз искал море, о котором рассказывал Огонь. А внизу виднелись лишь неприступные громады скал, да за горным кряжем вдали различались пустые ковры равнин. Дракон короткими мощными толчками поднимался выше и выше. Показался край необъятного царства лесов. Прорвавшись сквозь перины облаков, Грег-Гор достиг той высоты, которая считалась пределом даже для самых опытных и сильных представителей Племена. Глаза заволакивал серый туман, легкие рвались от напряжения, и все же он увидел — светлую искрящуюся рябь океана на востоке.

Спуск к земле Черный князь проделал как по серпантину, спикировал между двух скал и, уравнив полет, помчался к океану. “Юлька, Юлька, я вернусь и найду тебя, — твердил Грег-Гор, в спешке оглядывая близлежащие ущелья. — Подожди, сестренка. Мы вернемся вместе с Оливулом и Донаем. Все будет хорошо, обязательно будет!”

Далекий океан, призрачный залив, остров в нем, и чинно подступающий вечер. Два сердца стучали в широкой груди в такт отчаянным мыслям: успеть бы! Только бы успеть!

➤16◀

Когда, услышав зов брата, Пэр обратился за помощью к Воздуху, ветер с готовностью помчался на поиски, но принес лишь протяжные песни бескрайних просторов далеких степей. В тот момент Гаюнар был слишком взволнован, чтобы думать о причинах столь странного поведения Стихии, и, отказавшись от попыток найти общий язык с вольнолюбивым ее детищем, поднялся в поднебесье. Таинственная страна предстала перед его глазами многоликой картиной: острые гребни бесконечных гор на севере, синее покрывало морских далей на востоке, теряющийся в лучах палящего солнца юг, а вокруг — лесная пучина с редкими пролысинами полей и лугов. Ему потребовалось не менее четверти суток, чтобы, кружа в надоблачных высях, отыскать крошечную деревеньку, куда миряне привезли “ведьмака из Проклятой Лощины”.

И вот теперь степная песня повторялась. Пэр сидел возле спящего в тени кудрявой ивы Данилы и слушал нескончаемую балладу о табунах свободных коней, о шорохе сухого ковыля, о морских волнах и пустынном зное. Ветер рассказывал о вольных краях, а лесная страна, где оказались внемиренцы, представлялась в его грустной песне вязким маревом, темницей, в которой господствовал рассудок.

— Игра, — задумчиво произнес Пэр. — Кто-то подчинил себе все отражения Стихий.

Данила приподнялся на локте.

— Ты с кем беседуешь?... Что, уже вечер? — он увидел лиловую вереницу облаков, чинно плывущую к закату. — Черт возьми! Пэр, я просил разбудить меня через час!

— Тебе нужно было как следует отдохнуть, — отозвался призрак. — И не кипятись: до сих пор ничего не изменилось.

— А чему меняться-то? — буркнул Данила и кивнул на Вадимира. — Надо понимать, в себя не приходил?

Пэр со вздохом покачал головой.

— Я просил ветер рассказать мне о Море, а он как будто увяз в воспоминаниях о недостижимом. Наверное, Игра мешает Воздуху быть самим собой.

— Замечательно, — с сарказмом обронил Данила и пошел к воде.

— Данька, — нагнал его голос Пэра, — ты говорил, что Жизнь показала тебе Грег-Гору среди скал. Я видел единственный горный массив — на севере за лесами. Это около трех сотен верст отсюда, но если твоя Стихия покажет дорогу, я отправлюсь вслед за ней, и тогда...

— Ты еще не убедился, что одиночный вылет положительных результатов нам не дает? — отозвался Гаюнар. — Давай-ка лучше приведем в чувство нашего приятеля Кочевника. Худо-бедно, а он знает, что произошло в доме отца до того, как я, очертя голову, ворвался на двор.

Предлагая разбудить раненого, Данила в первую очередь рассчитывал на силу своей Стихии, и был неприятно удивлен, когда и на этот раз Жизнь, беспрепятственно проникнув в тело юноши, не породила никаких видимых изменений. Пэр не мешал, но от третьей подряд попытки брата все же остановил.

— Что-то с ним творится необычное, — сказал он, приближаясь к лежащему. — Посмотри, его дыхание ничем не отличается от дыхания здорового спящего человека. Пульс нормальный, лихорадки нет. Да и рана в целом не серьезна. Мне кажется, объединенное сознание Кочевника и человека еще не нашло своего места.

Младший Гаюнар нахмурившись изучал бледное лицо молодого ратника. О людях, кто в каких-то, данных свыше, свойствах оказался идентичен Кочевнику, знали в Структуре немногие. Даже Серафима не могла сказать, что представляли собой “потенциальные копии” тех, кто превратился в пустоту, когда Великий всемогущей рукой изъял их из Первой Игры. И вот после таинственного единения двух несовместимых по всем законам Судьбы душ, возродившееся существо было беспомощно в новых для него условиях.

— В кланоидах объединяются люди и внемиренцы, — негромко заговорил Пэр. — Образуется нерушимое братство, семья. Он не станет сам собой, пока рядом нет его друга.

— А его друг, увидав Доная, сиганул с третьего этажа и грянулся об асфальт, — невесело хмыкнул Данила.

— И стал Обманувшим Смерть, — призрак выжидающе посмотрел на брата.

Гаюнар невольно содрогнулся.

— Ты предлагаешь отправиться на поиски этого типа в Структуру?

Пэр поспешно замотал головой.

— Может быть позвать как-нибудь? — неуверенно предложил он.

— Как именно? Это только у Юльки получается: брякнула — и готово дело.

Не успел он закончить свою мысль, как призрак схватил его за руку, призывая к молчанию. Данила замер, вслушиваясь в ленивый шелест листвы, но кроме обычных лесных звуков не различил ничего особенного.

— Пэр? — одними губами позвал он.

“Что-то приближается к нам, — пришел мысленный ответ. — Оно сродни Воздуху”.

— И Жизни, — прошептал Гаюнар, вдруг почувствовав, как Стихия тянется к своей части. — Аполлон, Артемида!

Издали донесся собачий лай. Не прошло и минуты, как оба пса выскочили из чащи и бросились к хозяину. Под лавиной безудержной собачей радости Даниле пришлось отступить, а потом и вовсе сесть на землю, ибо иначе четвероногие друзья сбили бы его с ног.

— Ну, довольно, довольно! Я тоже рад вас видеть! Успокойтесь, — он поймал собак за ошейники. — Волк с вами?

Под тяжелой лапой хрустнули ветки. Существо чинно выступило из зарослей кустарника и внимательно оглядело полянку.

— Данька, что с ним такое? — пробормотал Пэр. — Он видит нас. Он понимает!

Аполлон и Артемида дружно притихли. Данила, как замороженный, поднялся на ноги.

— Волк? Крылатый Волк, — позвал он.

Зверь поднял голову. Грозное пламя в глазах остыло, и его сменила неподдельная теплота. Он сделал шаг к Пэру. Горячее дыхание долетело до призрака, Воздух аккуратно вобрал в себя живую форму, и образы событий заплесали перед Гаюнаром в пестром хороводе.

— Пэр, что он говорит? — насторожился Данила, заметив, как изменился в лице брат.

Холодный волчий нос уперся в грудь. От неожиданности пилот отступил.

— Огонь разбудил Стихии, — опомнившись ответил призрак. — Но Воздух, Вода и Твердь потеряли власть над своими воплощениями, поскольку Миром много лет правит какой-то Экзистедер. Смерть и Жизнь облачены в искусственный наряд, хотя удержать их колдун способен лишь вблизи себя.

— Волк! Волк, скажи, где Космос? — воскликнул Данила.

Существо не ответило. Внимание его переключилось на человека-Кочевника.

— Наверное, он не воспринимает Стихию, не имеющую мирского облика, — предположил Пэр. — Если Серафима посчитает нужным, она сообщит о себе...

Его слова были прерваны негромким угрожающим рыком. Гаюнары переглянулись. Обоим в голову пришла одна и та же мысль.

— Эй, не вздумай это сделать!

Данила ухватил Волка за холку в момент, когда тот готовился к прыжку. Пэр заслонил собой раненого юношу.

— Волк, он уже не Кочевник! — крикнул призрак. — Он нашел место!

Но зверь, чья сущность была подчинена одной цели — уничтожению чужаков, без видимых усилий отшвырнул Данилу далеко в сторону и, скаля алую пасть, шагнул к лежащему.

— Остановись! — голос Пэра вдруг обрел небывалую жесткость. — Многие годы я существовал в твоём теле и был твоим разумом! Ты и я — Экзистедер Ортского и внемиренец-Кочевник принадлежали Судьбе. Посмотри! — он отступил так, чтобы Волк мог видеть юношу. — Он тоже часть нашей Судьбы. Ты желаешь уничтожить его? Ты желаешь поспорить с единством, которое ковали Стихии с начала времен? Смотри на меня! — человеческая рука, обвитая туманным цветом жизни ореолом сжала огромную морду, заставив зверя поднять глаза. — Семь Стихий Мироздания здесь, сейчас! Они во мне, в тебе, во всем сущем, и в этом человеке! И каждый из тех, кто остался на просторах Судьбы без имени и места бытия, способен обрести себя. Потому что вырвать их из Миров была всего лишь отвратительная прихоть Великого, который использовал силу творения, чтобы сломать начавшуюся Судьбу. А теперь Судьба живет, и в ней мы — Семь Стихий, ее фундамент и двигатель. И ни Ортский, ни ты, ни какой-нибудь экзистор никогда не заставят нас играть в чужие Игры.

Продолжая смотреть в лицо Возничего Воздуха, Волк попятился и, наконец, опустив голову, отошел в тень.

Крупные капли пота на лице, бурное дыхание, а в глазах твердость и непоколебимая уверенность. Данила молча пожал руку старшего брата, будучи не в силах выразить словами переполнявшие его чувства.

— Я очень надеюсь, что он понял меня правильно, — произнес Пэр.

Возле дерева, где лежал раненый, раздался шорох. Пэр торопливо обернулся, но Данила удержал его за плечо и показал в противоположную сторону. Там на высокой траве колыхалось черное бесформенное пятно. Волк внимательно следил за ним, сидя в сторонке, но кроме чуть приподнятой верхней губы, под которой виднелись ровные белые зубы, никаких агрессивных признаков не показывал.

— Обманувший Смерть? — почти беззвучно спросил Пэр.

— Угу, — Данила наблюдал за медленным перемещением тени.

— Неужели тот самый?

Вдруг тень начала стремительно обретать плоть. Загудел лес, ветер прижал к земле осоку, а над вскопавшим Волком задрожала холодная пелена рвущейся на волю Смерти. В то же мгновение многоцветный фонтан Жизни ударил в темную сень, разорвав ее на два лоскута. От земли до неба пространство расколола сияющая молния, и сквозь пробитую в Надмирье брешь на Мир взгляд устремил Космос. Как заботливый опекун, он последний раз полюбовался на того, кто мог бы стать его вечным рыцарем, и медленно отступил в свое измерение. В сражении за равновесие бесспорную победу одержали Смерть и Жизнь.

Врата Судьбы стали затягиваться. Гаюнары в немом замешательстве следили за тающей в синеве небес бездонной щелью, когда Волк внезапно и безо всяких видимых причин ринулся в Надмирье.

— Стой! — выкрикнул Данила и бросился за фантомным зверем.

Он нагнал существо уже на ребре Пути, а спустя миг рядом появился Пэр в сопровождении Аполлона и Артемиды. Последнее, что увидели братья до того, как око Структуры закрылось окончательно — два человека, помогающие друг другу встать на земле.

➤17◀

Ни чувств, ни воли, ни бытия. Не то полет без движения, не то постоянное равномерное падение в никуда. Время отсутствовало. Обнаженная мысль странствовала по кругу, натыкаясь на свой конец и не находя начала...

Холод. Это было первое реальное ощущение. Замкнутая петля в сознании разорвалась, мысль ринулась на свободу и попала в паутину неопределенности.

“Смерть?” — произнес Донай, но голоса не услышал.

Он не ждал ответа, но вдруг пришло знание, что именно некий образ Стихии уже много-много часов удерживает его на краю существования, не позволяя телу раствориться в убаюкивающем вакууме.

“Это всего лишь выдумка экзистора”, — попытался убедить себя Ви-Брук, но как ни старался сконцентрироваться на чем-либо действительном, вокруг неизменно висела фантастически кромешная темнота.

Бесцельное созерцание собственного “я”, единственного, что присутствовало во мраке, продолжалось еще неопределенное время, и чем глубже уходил рассудок, тем больше и больше буравило сердце одиночество. И когда сознание готово было закрыться, спасаясь от изнуряющей бесплодной думы, Донай неожиданно ясно вспомнил момент, как стоя на вершине башни в замке

Дымиуса, оттолкнул затянувшуюся Игру с самим собой и понял, что нужен Белому князю. Тогда он шагнул вслед за братом в Пути Судьбы, без сожаления переступив барьер внутри себя.

Бездна Каллиста медленно уводила в прошлое. Удовлетворенность и тщеславие — пособники гордыни, заполнявшие нереальное, созданное как подобие сущности экзистора пространство, принялись стучаться в душу пленника.

“Нет! — будь у Синего князя возможность, он сжал бы кулаки. — Оливул! Я найду тебя, брат!”

В ушах поднялся неопиcуемый гул. Чернота лопнула. Тонкий лучик света нарисовал на стене серую дорожку и утонул в вязкой слизи, обитавшей между щелей. Донай обнаружил, что стоит по колено в зловонной луже на дне вполне материального колодца, куда с огромным трудом прорвался угасающий солнечный свет.

— Смерть! — выкрикнул он прежде, чем успел внять собственному рассудку.

Ладонь сомкнулась на эфесе, и сталь полыхнула заревом заката. Оглушенный бурей вырвавшихся из заточения чувств, Донай непонимающе смотрел на Меч.

“Ты освободил меня, — подкрался беззвучный голос. — Я больше не играю роль, я вновь сущее”.

От стены отделилась тень. Ви-Брук вздрогнул всем телом и, рефлекторно перехватив эфес, изготовился к бою, однако ощущение опасности промелькнуло и исчезло. Он быстро оглянулся по сторонам, опять перевел взгляд на тень, слишком уж похожую на его фигуру, и догадался: не имея носителя, Стихия Смерти воспользовалась для общения с Витязем частью его самого.

— Откуда ты? — задал он вопрос, и слова глухим перепевом отразились от стен.

“Я было всегда. Можно заставить Мир не слышать меня, но я есть. Я одно из тех, что всюду”.

— Смерть, — Донай шагнул к тени, но та не приблизилась ни на вершок. — Смерть, почему ты не в камне?

“Пока ты блуждал во тьме, Огонь видел Твердь в оковах. Полководцу сил ее грозит беда. Иди на битву, мой Витязь, а я остаюсь с тобой, как повелось, в стали твоего клинка”.

Каменный колодец, затхлая вода, черные от гнили стены. Никаких признаков только что присутствовавшего здесь фантома не было. Возможно Ви-Брук и занялся бы поиском источника странного образа, но мысль о брате заставила миг забыть о посторонних проблемах.

— Оливул, — он стиснул зубы. — Если с твоей головы упал хоть один волос, великолепный мерзавец может считать себя покойником!

Донай убрал меч в заплечные ножны и повернулся к бледному лучу, упрямо царапающему многовековые стены. Он проследил взглядом за спасительной нитью порожденной огнем и, решив не считать, сколько саженей вверх предстоит ползти, нащупал первую доступную щель между камней, подтянулся и начал восхождение.

Томный зной раннего вечера вальяжно шествовал на запад, и море, сменившее искрящийся зелено-голубой наряд на строгие синие покрывала, приветствовало приближающуюся ночь. Грег-Гор летел над волнами, стараясь сохранять постоянную скорость, но стоило одной из голов бросить взгляд на блеклый неровный диск луны, проявляющийся в небе, крылья сами собой начинали работать быстрее, и эти рывки изматывали больше, чем многочасовой полет. А залив, где лежал остров колдуна, до сих пор не был виден.

Опасаясь потеряться над необъятными океанскими просторами, Грег-Гор взял за правило двигаться вдоль земли, но поздно заметил, что береговая полоса, будто насмехаясь, то уводит его вглубь суши кривыми заливчиками, то выбрасывает в море длинными песчаными косами. И когда он уже решился оторваться от надежного ориентира, на высоком утесе впереди показалась неподвижная фигура человека. Не узнать Каляду было невозможно. Дракон издал трубный клич и устремился к капитану.

“Оливул в плену у экзистора! — крикнул он издали. — Я должен успеть туда до заката!”

Он намеревался сделать круг над Серафимой и, не прерывая полет, продолжить путь, но та призывно махнула ему рукой, и до двоянного сознания донеслась ментальная речь.

“Я знаю, время дорого. Но ты не поможешь брату, если будешь продолжать поиск вслепую”.

Черный князь шумно опустился на землю. Каляда шагнула к нему сквозь клубы поднятой пыли.

— Люди кланоида рассказали мне о здешнем экзисторе и предоставили возможность изучить местность по своим картам, — вслух заговорила она. — Я передам эти знания тебе.

Серафима опустила руки на обе склонившиеся к ней головы. Грег-Гор опомниться не успел, как на него хлынул поток энергии Посредника. Единение разумов было коротким. Женщина отступила от друга и, пока тот разыскивал в калейдоскопе обрушившихся на него новых образов картины окружающей реальности, сказала:

— Кочевники приблизились к Первому Экзистедеру так, что в нашем распоряжении остаются не дни, а часы. Мир укрыт Игрой, и Космос не смог дотянуться до Оливула и Доная. Надежда на тебя,

Грег-Гор. Как только найдешь братьев, уходите в Надмирье, мы будем ждать вас на Путиях. Если же почувствуешь малейшую опасность, раскрывай Структурные врата и зови на помощь. Помни, на кон поставлено существование Судьбы.

— А где остальные, капитан? Где Крылатый Волк?”

— Данила и Пэр несколько минут назад увели Волка из Мира. Сенсорное поле Юлии я чувствую неподалеку. Я ее найду. А ты мчись быстрее ветра, мой мальчик. Ты теперь знаешь, куда лететь.

Юлька всегда знала, что любым силам, тем более человеческим, существует какой-то предел, а теперь сама того не желая, доказывала обратное. Она топала по высокой траве, спотыкалась о кочки и норы, ухала в промоины, и всякий раз, ткнувшись лицом в сухую землю, считала, что подняться уже не сможет. Но поднималась, хотя ноги казались обвернуты железом, через которое постоянно пропускали электрический разряд.

Будучи не в состоянии думать о чем-либо существенном, она механически следила за своей тенью. И когда из тощей девчонки со снопом взъерошенных волос на головке превратилась в долговязого монстра с ершистым гребнем, она остановилась и испуганно оглянулась. Рыжий диск солнца висел над самой землей. У девушки защемило сердце. Она не могла понять, почему так ужасает ее этот закат. До моря оставалось всего несколько верст, Вода жаждала встречи с избранницей, раскинув перед ней свои просторы, но в душе непреклонно зрело ледяное семя беды, и мысли путались в беспорядке нераспознанных чувств, страхась врезаться в столб жестокой правды.

Юлька заторопилась к морю. Усталость отступила, когда нечто сродни неживущему преградило ей путь в человеческое тело. Тяжесть в ногах пропала, шаги сделались легкими, как воздух. Девушке показалось, что сама земля ослабила притяжение.

— Оливул! — неожиданно для себя крикнула она. — Оливул! Донай!

На доли секунды дух Смерти и Тверди стал почти осязаем.

Юлька поспешно огляделась. Никого. Впереди шум прибоя и беспокойный океан, выбрасывающий на берег высокие волны.

С приближением подруги Вода успокоилась. Юлька скинула сапоги и курточку и прыгнула в объятия моря. Ее сознания тут же коснулись обида и страх — Стихия жаловалась на горькую участь.

— Что с тобой, милая? — Юлька ласково гладила пенные гребни волн. — Что пугает тебя? Ты же так сильна! В твоей власти управлять океаном, дождями, бурями! Ты питаешь жизнь, ты можешь нести на своих руках смерть. Твой вечный друг и соратник ветер. Мы с тобой не останемся в одиночестве, пока существует наша Судьба.

Зашуршала прибрежная галька. Огромные валуны, острые грани которых обточила за века супружества настойчивая трудолюбивая волна, встретили прибой и разметали его соленым дождем по каменистому берегу.

— Твердь, — прошептала девушка. — Видишь, милая, с нами всегда была и останется Твердь! И наш брат Огонь...

На волнах вспыхнул кровавый блик заката. Опять навалилось лихо, навалилось так, что Юлька чуть было не закричала от неведомой напасти. Перед глазами как наяву поднялась изящная светлая башня, окруженная иллюзорными податливыми водами. Гармония форм декларировала добро и умиротворение, но внутри таились гнев, боль и ужас.

— Ты Стихия Судьбы, — заговорила Юлька, умышленно не отпуская мираж, чтобы Вода вместе с нею могла видеть своего врага. — Никакой самовлюбленный экзистор не смеет считать себя творцом того, что создано Стихиями. Ты — часть природы. Ты, одна из семи столпов Мироздания. Не поддавайся же игрушечной лжи! Борись! Слышишь, как стонет Твердь. Помоги ей, умоляю тебя. Зови Воздух! Зови Огонь! Зови Смерть и Жизнь. Пусть придет буря, гроза, шторм!

Грохнули друг об друга качнувшиеся камни. Волна поднялась в небо и ринулась на берег. Юльку окатило с головой, однако она продолжала стоять по пояс в воде, а очнувшийся океан, воронкой обступив девушку, свирепо швырнул ввысь новую волну, за ней другую, еще и еще.

Буйство Стихии достигло момента, когда воля внемирнца, толкнувшая ее на первый шаг, утонула в неудержимом напоре природных сил. Вдали, там, где взошедшая луна удивленно взирала на беснующийся океан, собирались тучи. Сверкнула молния, как прощальный салют недоброму дню, и в черно-фиолетовых гроздовых клубках мелькнул силуэт двуглавого дракона.

Внезапно разверзлись небеса. Всесильная десница Космоса распахнула двери Мира, и лихие эскадроны Воздуха ринулись на поле-боя. Вместе с ними на помощь поработенной природе двинулась Жизнь.

Юлька оцепенела от восторга при виде могучего воинства, собранного Силами Мироздания. Она не замечала опасности попасть меж жерновов восставших Стихий, и готова была наблюдать за битвой до победного конца, когда ее окликнули по имени. Пока она изумленно озиралась по сторонам, рядом

появился Данила. В ту же секунду Юлька очутилась на руках друга, и Гаюнар шагнул назад в Надмирье.

Спокойная молчаливая сень окружила четверых внемиренцев.

➤18<

Время тянулось или летело — Белый князь не мог за ним уследить, пока ярко-рыжий диск солнца не появился в окне. Как стрелка по циферблату, светило ползло по своему пути, неотступно приближая роковой час.

После попытки добиться от пленника повиновения, сыграв на человеческом тщеславии и, в результате, получив бесстрастный отказ, Каллист больше не появлялся. Оливул стоял один, окруженный воздушной полусферой, не имея возможности ни коснуться каменной стены, ни опуститься на гранитные плиты пола. Оставалось лишь гадать, что навело колдуна на мысль создать столь изощренную тюрьму. По мнению Оливула, экзистор не подозревал о его связи с Твердью, но так или иначе, возможности обратиться к Стихии через ее мирское воплощение он был лишен.

Чувство беспомощности жалило сильнее, чем тупая холодная игла в груди. Дурманящую липкую пленку, стягивающую рассудок, разорвать становилось труднее и труднее, но Оливул заставлял сознание жить и упорно продолжал искать средства спасения. И чем ближе к горизонту опускалось солнце, тем отчетливее проступало: только сущность дракона победит убийственный яд, ждущий своего часа на подступах к сердцу.

— Прости, Грег-Гор, я не позову тебя... Я стану драконом, пусть смерть отойдет, Донай, уведи ее... — Бер-Росс, опомнившись, удержал мысль, едва не скатившуюся в варево бреда. — Каллист, видимо, получит то, что желает. Я не вправе потерять жизнь, ибо Твердь доверила мне как полководцу управлять ее воинством... О, Мать Драконов, надели силой блудного сына своего”...

Скрипнула дверь. Приглушенные шаги. Белый князь тяжело поднял голову. Каллист стоял перед ним, нервно перебирая пальцами резное кнутовище.

— Не хочешь принять облик дракона сам, — быстро заговорил он, увидав, что пленник очнулся, — так знай: ради твоего же блага я заставляю тебя это сделать. Ты не видел еще всей моей мощи!

— Ты собираешься обмануть Мир, наложив на меня образ? — усмехнулся Оливул. — Подумай, Каллист. Изменить облик — совсем не то, что изменить сущность.

— Замолчи, — оборвал колдун и поднял перед собой кнут, на глазах перевоплощающийся в магический жезл. — Властью земли и воды, силой ветров, заклинаю дух твой...

Внешние звуки вдруг потерялись перед отчетливым: “Держись! Я рядом!”, и Оливул ощутил приближение Смерти. Той самой Смерти, которая неотступно следовала за Стихией, чью форму избрала для начала и завершения круга бытия. Спасительная идея озарила внезапно, и ее кажущаяся очевидность отодвинула на второй план всю величину риска.

— Довольно, Каллист, — как можно громче произнес Бер-Росс. — Твоя околесица — пустая трата времени. Ты неплохой экзистор, но ты лепишь формы из того, что уже получило выражение в Мире. А истинные лики Сил Мироздания не ведомы тебе.

Колдун оборвал заклинание на полуслове.

— На что ты рассчитываешь? — крикнул он, потеряв терпение. — Тебе осталось жить несколько минут!..

В следующее мгновение лицо-маска перекосилась от ужаса, ибо башня пошатнулась, и из щелей между плитами поползли вязкие струи черноты.

— А, я понимаю! — Каллист старался скрыть страх, но слова терялись в горле. — Ты решил уйти в могилу, забрав с собой меня!

— Ну, нет! — прогремел из темноты голос Донай. — В могилу ты отправишься в гордом одиночестве. Это я тебе обещаю!

Меч Смерти грозным заревом прорвал неестественную тьму, и Синий князь вплотную шагнул к чародею.

— Невероятно! — вскричал Каллист, отступая. — Бездна Смерти...

— Не учите жуку плавать, — изрек Донай и одной рукой поднял мага за меховые отвороты накидки. — А теперь посмотрим, как тебе понравится твоё творение при контакте близкого вида.

С этими словами Ви-Брук поднес онемевшего колдуна к разверзшейся дышащей смрадом пасти колодца, ради собственного удовольствия подержал над дырой, как бы размышляя, отпускать или не стоит, а затем не спеша разжал руку. Короткий вопль канул в гробовое молчание, и плиты сомкнулись.

Магическая полусфера лопнула, освободив пленника от воздушных оков. Белый князь привалился к стене, но на ногах не удержался и медленно осел на гранитный пол.

Подскочил Донай.

— Ты как? Живой? — спросил он, явно ожидая положительного ответа.

Оливул посмотрел на небо. Краешек солнечного диска покачивался над горизонтом, даря земле последние лучи.

— Донай, женщина-змея отравила меня ядом. Я умру, когда наступит ночь...

— Что? — пробормотал тот, машинально опускаясь рядом с братом на колени.

— ...если ты, — Оливул умолк, подыскивая подходящие слова.

— Ради всего святого — что я должен делать?! — Ви-Брук стал блее мела.

— Пообещай исполнить все, что я скажу.

— Я клянусь, брат!

Донай испуганно следил, как солнце соскальзывает за край земли.

— Ты должен меня убить.

Синий князь оцепенел.

— Оливул, ты бредишь, — прошептал он.

— Доверься мне. Слушай: ты прикажешь Мечу Смерти забрать мою жизнь. Ненадолго, всего на несколько минут. Дождешься, когда солнце сядет, и тогда Смерть освободит меня. Донай, нет другого выхода...

Свет перед глазами потускнел. Белый князь откинулся на идеально отшлифованные плиты, не ощутив ни удара о гранит, ни холода его мертвой поверхности. Коварный яд начал путь к сердцу. Брат что-то кричал, но смысл слов оставался уже за границей понимания.

— Я погибаю, Донай... — сумел выговорить Оливул.

Его голос, всегда твердый и уверенный, потерялся в угрожающей тишине.

— Нет, — Ви-Брук отдал бы сейчас всё, лишь бы реальность обернулась сном. — Оливул, нет!!

От собственного крика, прогремевшего по всей башне, он пришел в себя. Каленый клинок замер в руке, и вместе с ним замерла, ожидая приказаний, темная холодная туча. Донай подвел острие меча к груди брата.

— Смерть! Сохрани его жизнь.

Слова не поспели за волей. Стоило клинку дотянуться до тела Оливула, его лицо окаменело, полуоткрытые глаза закатились, и тихий вздох сорвался с побелевших губ. Синий князь выронил меч. Солнце уплыло за лес, и землю укрывала непроглядная мистическая тьма.

Останься у Доная время на раздумья, он никогда не решился бы на шаг, который только что сделал. Но тело Оливула лежало на его руках, и он, упрямо отгоняя мысли о роковом конце, отсчитывал в уме секунды. Белый князь сказал — всего на несколько минут. Но где они, эти минуты? Пронеслись и растворились в реке времени, или тянутся до сих пор, будто старые клячи вдоль берега? Донаю подумалось вдруг, что если он на мгновение поспешит или опоздает, жизнь брата, крошечным огоньком теплящаяся на конце Меча, тотчас уйдет в камень, и тогда трагедия утвердится окончательно и бесповоротно.

По спине пробежала дрожь. Ви-Брук в зародыше уничтожил страх и прошептал, обращаясь к бесформенному темно-синему нечто, замершему среди густой темноты.

— Я Витязь Меча Смерти. Ты выбрала меня, и ты будешь служить мне так же, как я служу тебе.

Тень отделилась от стены. Огонь двух факелов в канделябрах раздвинул тьму, и стали видны контуры призрачной фигуры, похожей на силуэт одинокого берегового утеса.

“Яд ушел”, — произнесенные слова просочились сквозь каменное безмолвие.

Донай, не сводя глаз с мрачного образа, бережно опустил тело брата, нащупал эфес меча, встал во весь рост и вскинул клинок.

— Верни его жизнь.

Сталь заискрилась, и бледная голубая струйка света стекла на грудь Оливула. Ви-Брук затаил дыхание.

Ничто не менялось.

— Верни его жизнь, — медленно, чеканя каждое слово, повторил он и в упор грозно посмотрел на фантом Стихии.

Бер-Росс содрогнулся, и до Доная долетел смешанный со стоном вздох. Меч, отпущенный Витязем, лязгнул о камень.

В свете факелов, отраженных от зеркальных гранитных плит, Ви-Брук видел, как качнулись веки брата, и едва-едва приоткрылись бескровные губы. Донай торопливо расстегнул белые одежды, опустил руку на грудь и, раздвинув грани сознания, открыл свое “я”. Энергия сущности полилась в оживающее тело.

Белый князь глубоко вздохнул.

— Оливул, — негромко позвал Донай, наклонившись к выбеленному лицу, — ты слышишь меня?

По шевельнувшимся губам он прочел ответ: да.

— Возвращайся, брат, возвращайся! — настойчиво продолжал Ви-Брук. — Открой глаза... Вот так. Молодец.

— Не тревожься, — беззвучно произнес Оливул, — все в порядке.

— Другого я и не ожидал услышать, — сказал Донай, сиюсь выдавить из себя улыбку. — Не молчи, Оливул, говори со мной, — в потемках ему показалось, что тот вновь опускается в манящие волны опасных грёз. — Оливул, не засыпай!

— Я здесь, — выговорил Бер-Росс и сжал его руку. — Спасибо, брат.

У Доная отлегло от сердца: голос Белого князя был по-прежнему тверд.

— Да я-то не при чем. Твоя идея! — Ви-Брук снял с плеч плащ, наспех свернул и подложил под голову Оливула, затем присел рядом с ним и продолжал. — А знаешь, я думал до этой ночи, что ничего не боюсь. Ты первый человек, кто так меня напугал.

— Всё прошло, Донай. Всё позади. И поверь, другого выхода не было...

В окно, не затянутое слюдяной пленкой, ворвался ветер. Факелы полыхнули под его порывом, и цвета, изуродованные сумерками, на несколько мгновений обрели истинные тона. Среди огненно-рыжих длинных косм Доная промелькнула серая дорожка. Поймав на себе ошеломленный взгляд брата, Ви-Брук на всякий случай огляделся по сторонам и тронул его за плечо.

— Оливул?

— Твои волосы, — тихо произнес тот, — у тебя поседела целая прядь.

Донай поспешно тряхнул головой. Белесый жгут упал на лицо, и вместе с ним эхо пережитого ужаса, восстав из памяти, захлестнуло мозг.

— Прости меня, Донай.

Синий князь опомнился.

— Да что ты, Оливул! — горячо воскликнул он. — Это я должен просить у тебя прощения. Это меня не оказалось рядом в критическую минуту. Клянусь, такого не случится впредь никогда! Живой или мертвый, в любом бою я буду с тобой до конца.

Оливул опустил ладонь на его руку, отчаянно сжимающую эфес Меча.

— Не нужно клясться дважды, брат. Ты однажды дал эту клятву и остался ей верен.

Под добрым взглядом Белого князя буря в душе Ви-Брука утихла в одно мгновение.

— Смерть сказала тебе? — помедлив, еле слышно спросил он.

Оливул неопределенно качнул головой и, привстав, прислонился к стене. За окном висела та же неестественная темень, а в зале нагнеталась странная тишина, рожденная тоскливым лунным светом, трепещущем на полу. И хотя кроме братьев здесь не было ни души, присутствие разума не давало покоя ни ночному безмолвию, ни застывшему тяжелому воздуху, ни неподвижному мрамору.

— Что ты сделал с Каллистом? — задал вопрос Бер-Росс.

— Отправил на свидание со старушкой-Смертью, — усмехнулся Донай. — Ему повезло. Знай я заранее, что он хотел с тобой сделать, я бы ему сразу руки пообрывал!

— Ты не заметил поблизости жезл?

— Что? — не понял Ви-Брук и в следующий момент почувствовал, как вокруг возобновляется движение экзорных потоков.

Оливул, опираясь о стену, начал вставать, и Синий князь поспешно подставил ему плечо.

Колокол Тверди гудел внутри камня, набирая мощь с каждым мгновением. Он раскачивал стянутые Игрой плиты, ломился в сознание и призывал избранника возглавить зарождающуюся битву.

— Жезл Каллиста — материальный облик его Экзистедера! — как мог громко произнес Оливул, стараясь заглушить голосом слышный ему одному набат. — Он должен быть где-то здесь. Донай, найди его, скорее!

Ви-Брук после секундной заминки оставил брата и прошел к центру зала, где, как ему казалось, лежал магический атрибут колдуна. Взгляд наткнулся на Меч. Клинок, опутанный черными струями, сиял и звенел, вторя громогласному призыву Тверди.

— Оливул, что происходит?!

— Стихии восстали против Игры... Берегись!

Его возглас на мгновение опередил мощный подземный толчок, потрясший башню в самом основании. Донай сбило с ног. Отшлифованный до зеркального блеска пол заскрежетал и во мгновение ока превратился в гранитные глыбы. Синий князь броском через плечо вскочил и подхватил Меч. Башня накренилась и треснула надвое, под ногами разверзся камень. Он чудом успел перепрыгнуть через растущую пропасть к стене, где стоял Оливул. Рухнул потолок. Донай прикрыл брата собой от града осколков, но порыв ветра вперемешку с дождем отбросил обоих на площадку перед шелью, которая некогда была окном.

За разваливающейся крепостью колдуна бесновался океан. Разгневанный ветер рвал пелену колдовского тумана и подстегивал исполинские волны, будто норовил разбудить безучастную луну,

кидая ей в лицо клочья морской пены. В шеренге окруживших островок грозowych туч полыхали огненные молнии.

— Экзорный поток сейчас лопнет! — воскликнул Донай, когда вместе с братом оказался на относительно крепком выступе скалы, вернувшей себе первозданный лик. — Кажется, этот параноик задумал разрушить Мир!

— Он пытается удержать свою власть! — крикнул в ответ Белый князь. — Подстрахуй меня, я должен услышать Твердь!

Ви-Брук не долго думая вогнал меч между обломков гранита и, перехватив эфес, свободной рукой обнял Оливула за плечи. Белый князь вжался спиной с неровный срез утеса, прикрыл глаза и замер, как врос, в камень.

Отдавшись Стихии, он мгновенно испытал на себе всю мощь ее легионов, сражавшихся с властной мыслью. Бок о бок с Твердью бились мирские воплощения Воды, Воздуха, Огня, Жизни и Смерти. Многоликое войско шло к победе во имя торжества природы. Игра сжималась под натиском истинных властителей Мира, отступала к создателю, но не теряла былые силы. Оливул последовал за своей Стихией. Твердь пробила дорогу среди нагромождений пустых, потерявших смысл созданий тщеславного разума к самому сердцу Игры.

Потенциал Экзистедера оставался в руках колдуна. Гигантская мощь, запертая в одиноком образе — на конце тонкого жезла. Опасность Бер-Росс оценил с первого взгляда. Жезл светился белым угрожающим пламенем. Экзистедер требовал выхода, но Стихии Мироздания, занявшие отвоеванные плацдармы, надежно защищали Мир, не оставляя Игре ни единой лазейки. Конфликт с минуты на минуту грозил разразиться катастрофой.

— Заверши Игру, Каллист! — крикнул Оливул. — Заверши Игру, пока еще есть время. Ты погубишь и себя, и Мир!

— Этот Мир мой! — голос чародея прокатился среди волн, грозы, ветра и скал. — Я творю его судьбу!

Эхо понеслось по пространству и внезапно разбилось о черную чешую.

“Самозванец! Ты не получил право быть владыкой Мира!”

— А, это ты, Черный дракон! Ты будешь талисманом моего могущества!

“Я отправлю тебя в бездну небытия!”

— Грег-Гор, осторожнее! — грохнул где-то над ухом Оливула Донай.

Каллист поднял жезл. Дракон пошел на крутой вираж. Блистающий как звезда шар и две струи огня ринулись навстречу друг другу. Белый князь распахнул Надмирье...

➤19◀

Донай точно знал: шагнуть за границу Мира не успел. Однако, после секундного замешательства он обнаружил, что стоит на слепом ответвлении Пути, а Данила настойчиво трясет его за локоть.

— С мечом поаккуратнее! — предупредил Гаюнар, когда взгляд друга стал более осознанным.

Ви-Брук торопливо посмотрел по сторонам, обнаружил в двух шагах от себя Оливула, обнявшего румяную от волнения Юльку, и чуть дальше — Грега и Гора, которых держала за руки Каляда.

— Как мы тут оказались? — неуверенно улыбнувшись, спросил он.

— Лично тебя я выдернул за шкуру, — усмехнулся Данила. — Не в обиде?

Донай посчитал данный факт меньшим из всех возможных зол, поскольку сразу вспомнил, как сам вызволял товарища из Игры внемиренцев кланоида. Он мог бы задать Гаюнару еще массу вопросов, но не успел: по Надмирию пролетел испуганный возглас Пэра.

— О, мой бог! Кто это?!

В нише между двумя сплетенными Путиами ничком лежал человек. Призрак, взявшийся было приводить его в чувство, опасливо стоял поодаль. Друзья в полном молчании обступили поверженного экзистора.

— Грег-Гор, ты одержал свою первую победу, — произнес Оливул. — Твой огонь поглотил Игру экзистора, подчинившего себе немалую страну. Племя будет гордиться тобой, брат!

Близнецы смущенно переглянулись.

— Славно ты его отделал! — с удовольствием подхватил Донай.

— Эй, он вроде бы живой! — воскликнула Юлька.

Пэр предусмотрительно отвернулся, когда колдун начал подниматься на ноги. Вот он тяжело выпрямился; вскинул голову. Серые клочья волос, обрывки плоти на щеках, почерневшие кости вместо скул. Юльке потребовалась вся ее выдержка, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

— Твоя работа? — тихо спросила Серафима, обращаясь к Черному князю.

— Нет-нет! Мы всего лишь погасили его потенциал, — Гай-Росс не сразу отвел взгляд от изуродованного лица. — Его постигло проклятие Матери Драконов. Так Племя мстит за убийство своего собрата.

В обожженных глазницах вспыхнул отчаянный взор.

— Не дожидетесь, я не стану просить пощады, — процедил Каллист. — Теперь я вижу ваши лица, слуги Сил Мироздания. Я правил природой, я правил всем сущим в Мире, пока вы... вы не появились в моей стране!

— Тебе надо было не править природой, а играть по ее правилам, — презрительно перебил Данила.

— Молчи, Жизнь. Я знаю боль, которую ты несешь с собой. Я отрекаюсь от тебя!

И он отвернулся от Гаюнара так, будто его не было и в помине.

— А как насчет Смерти? — подал голос Ви-Брук.

— Донай, оставь его, — шепнул Оливул.

Но Синий князь сказал достаточно, чтобы подтолкнуть колдуна на следующий шаг.

— Мне не нужна Смерть! Мне не нужны вы все! Я сам создам себя в своем Мире! Земля, Вода, Воздух, Огонь! Я отрекаюсь от вас.

Каллист повернулся и пошел по Пути, не замечая, что при этом так и не двинулся с места.

— Он заблудился внутри собственной Игры, — пробормотала Юлька, с некоторой жалостью следя за колдуном.

— А по-моему, он вполне счастлив, — пожал плечами Пэр.

— Ну как, пора на Волка, капитан? — спросил Донай.

Серафима, скрестив на груди руки, смотрела на изуродованного чародея.

— Было бы бесчеловечным бросить его здесь в таком состоянии, — сказала она.

— С ним еще мягко обошлись, — проворчал Ви-Брук, покосившись на Грег-Гора.

Каляда качнула головой, давая понять, что придерживается иного мнения, и неторопливо направилась к Каллисту.

Заметив неожиданного персонажа в лоне своего искусственного одиночества, экзистор долго не мог сконцентрировать мысль, чтобы подобрать подходящий образ.

— Кто ты? — спросил он, оставив тщетные попытки обозначить женщину чем-либо земным.

— Я то, что дает возможность путешествовать в Путях Судьбы и творить Миры. Я Космос. Однако без отвергнутых тобой Стихий я представляю миф, невостребованную идею, я теряю целостность бытия. Посмотри: ты идешь, и не двигаешься; ты мыслишь, и не обретаешь решений, созданные тобой образы не находят воплощения. Такой Мир ты хотел построить для себя?

Каллист опустил голову.

— Я отрекаюсь и от тебя,... Космос, — глухо произнес он.

— Ты желаешь прекратить свое существование?

— Это существование?! — он поднес обнаженную до костей руку к изуверченному лицу. — Когда я проиграл первый раз, огонь дракона сжег мою плоть. Сегодня он сжег мою душу!

— О, да. Огонь умеет разрушать. Но на очищенной им почве вырастают плодоносные деревья и прекрасные цветы, а на пепелищах городов те, кто в борьбе обрел силы, выстраивают новые, еще более совершенные города. Стихии дают тебе шанс обрести себя, Каллист.

Друзья ожидали капитана, собравшись тесной группой возле покрытого иллюзорным туманом Крылатого Волка. Приближаясь к ним, Каляда чувствовала за спиной растерянный взгляд колдуна.

— Его гордыня умерла, — произнес Оливул, когда женщина вошла в тень корабля. — Он только что сломал Игру, в которой отрекался от Стихий.

— Пусть его охраняет Вода, — выпалила Юлька и, испугавшись собственной торопливости, вопросительно посмотрела на Белого князя.

— И Твердь, — поддержав подругу взглядом, добавил Бер-Росс.

— И Воздух, — улыбнулся Пэр.

— С чего он взял, что Жизнь несет боль? — Данила потрепал по холкам Аполлона и Артемиду. — Впрочем, она сама его разубедит.

Ви-Брук хмыкнул и демонстративно вложил Меч в ножны. Возникло ощущение какого-то неудобства. Некая мысль, не то своя, не то пришедшая извне, плутала между пластов сознания.

— Донай, — Белый князь прямо посмотрел брату в глаза.

Тот понял, что от него, Витязя Смерти, ждут слова.

— Ладно, — бросил он. — Но я делаю это лишь потому, что ты так хочешь, Оливул. Смерть да прибудет с ним.

Гай-Росс сделал шаг вперед.

— Именем Племени Драконов! Отпусти его, Огонь!

Марево Надмирий прорезала огненная струя. Пылающий туннель захватил в себя Каллиста и понес сквозь пространство к далеким Мирам.

— Куда ты отправил его, Грег-Гор? — Оливул тревожно следил за нескончаемым мостом, окруженным языками пламени.

— В Мир, где его постигло проклятие Матери Драконов, — ответил Черный князь слившимся воедино голосом.

“Теперь ему решать, как править колесницей своей судьбы, чтобы Племя посчитало его достойным и избавило от проклятия”.

Юльке показалось, что это последнее произнес кто-то из друзей. Но после ответа Грег-Гора никто не проронил ни слова. Девушка обеспокоено посмотрела на Оливула и вдруг обнаружила, что знает все, что с ним произошло с момента, как Донай заметил на подоконнике зеленоглазых ящериц. Она вздрогнула. Ведь ящерок видел не Оливул, а Донай, значит... Бездна смерти, изнурительный подъем по отвесной стене. Перед глазами замелькали проносящиеся под крыльями ветра поля и леса, скалистая гряда с тенью дракона на камнях, выжженный солнцем двор и толпа разгневанных людей.

— Серафима, что это?

Поток образов, хлынувших на Юльку, был прерван возгласом Данилы. Девушка часто заморгала, испуганно огляделась и поняла: каждый из семерых испытал сейчас то же. Каждый, в том числе и Каляда.

— Ты сцепила наши мысли, капитан? — быстро спросил Донай.

— Единение... — пробормотала она и, спохватившись, ответила. — Это вызвала не я. Семь Стихий составляют одно нерушимое целое, и мы принадлежим им всем, как они принадлежат всем нам.

Наступило молчание. Серафима видела, что ее слова обрушились на друзей отнюдь не долгожданым подарком. Она знала, как тяжело Пэру, считавшему себя виновником свалившихся на команду бед; как бояться показать пережитую боль Оливул и Донай; как старается замкнуться Данила, чтобы никто не рассмотрел его нежной привязанности к брату, казавшейся, по его мнению, сентиментальной. Все они были людьми со своими мерками и принципами, с укрепившимися взглядами на жизнь. И пока ничто не посягало на сокровенные уголки разноликих душ. Но когда придет время раскрыть себя Первому Экзистедеру Великих, когда Судьба руками Избранников Стихий приведет в исполнение свой приговор, тогда им придется стать тем единым, что являют собой силы Мироздания. И, возможно, навсегда.

— Пора в Путь, — сказала Серафима, снимая сковавшее друзей напряжение. — Кочевники идут к Первому Экзистедеру. Наш долг защитить Структуру. У меня есть план, мы обсудим это в кают-компаниях.

Волк переступил через Надмирье. Близился час, когда он исполнит волю Великого, и с чужаками Судьбы будет покончено. Он смотрел на Избранников. Сомнение. То самое, зароненное словами Возничего Воздуха. Чужаки Судьбы? Он позволил существовать одному, через боль и страдания нашедшему себя. Масса должна быть уничтожена — это окончательная цель. Но почему Стихии не отвечают ему бесспорным согласием?

Космос смыл остатки фантомного образа, висящего над кораблем-Экзистерedom, и Крылатый Волк предстал перед внемиренцами в облике звездолета. Загудели генераторы, поднялись купола дистантерских башен, активизировались системы жизнеобеспечения, зажглись сигнальные бортовые огни.

— Моя очередь, — развел руками Пэр и начал рассеивать контуры.

Данила тревожно следил, как брат превращается в невесомую дымку. Зеленое облако за клубилось над обшивкой, растеклось по смотровой площадке, но не проникло в недра Волка.

— Он определил себя человеком, — произнес Оливул.

— Пэр! Довольно, Пэр! — крикнул Данила.

Призрак исчез из поля зрения и в следующую секунду оказался возле друзей. Блеклая пленка оттеняла застывшее в недоумении лицо.

— Я не сомкнулся с ним, — выговорил он. — Я даже не влился в бортовое покрытие!

— Ты нашел себя, Пэр, — Серафима ласково тронула его руку. — А Волк — он был только твоим вместилищем какое-то время. Не беспокойся об этом. Грег, Гор, спускайте трап!

➤20◀

Бортовой хронометр в кают-компаниях показывал четыре утра.

— Ну и денек, — пробормотал Донай, откинувшись на спинку кресла.

С трудом укладывалось в голове, что весь круговорот событий произошел за какие-то сутки.

Серафима присела на край стола. Надо было бы дать друзьям несколько часов отдыха, но Кочевники там, в глубинах Судьбы, не станут ждать, когда команда Крылатого Волка наберется сил.

— У нас серьезная проблема, — негромко заговорила Каляда. — На Совете Архивариусов стало известно, что Кочевники стремительно приблизились к Изначальной Точке. Времени нет. Обманувшие Смерть ожидают нас на границе Темных Миров, чтобы перенести Волка к Зеркалу Судьбы.

Оливул поднял голову.

— Стремительно приблизились? — переспросил он. — Каким образом?

— Этого никто не смог объяснить. Остается предположить, что они нашли некий особый способ Игры.

— Ага, или Великий привел их к Первому Экзистедеру за ручку, чтобы мы бросили всё и помчались следом, — бухнула Юлька и, когда Каляда устремила на нее почти ошарашенный взор, смущенно пожала плечами и добавила. — Но он ведь всячески изощрялся, чтобы заставить нас вступить в бой с Кочевниками. Вот мне и пришло на ум... Серафима, ты что, всерьез меня поняла?

От вида застывшего лица капитана у девушки по спине пробежал неприятный холодок.

— Более чем всерьез, — обронила Каляда.

— Ортский не стал бы рисковать в такой степени! — запротестовали Грег и Гор. — Он создал нашу Судьбу — столько Миров, Путей, жизней! Поставить все сущее на карту, и ради чего?

Серафима раздумывая прошлась по каюте.

— От Архивариусов, — начала она глухо, — я узнала о Репликанте, который получил задание изыскать улики, подтверждающие, что в начале начал Орт-лидер Великих допустил ошибку и, чтобы скрыть ее, вопреки правилам Творцов повторил Игру, фактически не завершив первую. При этом в обновленной Судьбе остались не замеченные им мизерные гранулы пустоты, хранящие память старой Игры. За отступление от кодекса Великого ждет забвение, вот почему он готов рискнуть самой Структурой, лишь бы уничтожить это единственное доказательство — Кочевников.

— Но так неправильно! — вскричал Пэр. — Кочевники находят места в нашей Судьбе! Мы своими глазами видели, как Кочевник сливается с человеком, правда, Данила? И даже если...

Серафима не допустила продолжения.

— Мы обсудим эту тему, когда будем пересекать Зеркало Судьбы.

— Капитан, — привстал Данила, намеревавшийся поддержать брата.

— Волк слышит нас, — оборвал его Оливул.

Каляда взглядом поддержала Бер-Росса и направилась в кабину управления.

— До старта пять минут, — сказала она, открывая дверь, но кроме того каждый “услышал” внутри себя ее тайные слова — “Мы не уничтожим Кочевников. Мы создадим для них Мир. Храните молчание, чтобы Волк не просчитал наши планы”.

Корабль вырвался из переплетения Надмирий, пронесся над их беспорядочной бурлящей массой и окунулся в черноту Структуры. Спустя несколько секунд визоры дистантерских башен передали на мониторы изображение Обманувших Смерть. Друзья с любопытством ожидали, когда Волка подхватят незримые руки рыцарей Судьбы, но никто, за исключением, пожалуй, одной Каляды, этого момента не заметил. На доли мгновения Волк потерял опору, и плеяды Миров слились в блестящие ленты. Навигационные индикаторы резко зашкалили, а на пульте пилота ряд систем сигнализировал о перегрузке. Но течение Миров прекратилось так же неожиданно, как и началось, и перед центральным иллюминатором появилась матовая гладь вязкой субстанции.

Крылатый Волк стоял перед Зеркалом Судьбы. Зеркало взирало на пришельцев исполинским оком.

— Мы у цели, — среди общего молчания прозвучал голос капитана. — Грег-Гор, Юлия, Донай, поднимайтесь в кабину. Заодно впустите сюда собак. Донай, а ты захвати Меч.

— Аналитическая система не может определить, где мы находимся, — обеспокоено доложил Пэр, прекратив бесполезное щелканье тумблерами.

— Это нормально, — ответила Серафима, остановившись за креслами Гаюнаров. — Здесь нет Пути. Только Обманувшие Смерть способны привести сюда внемиренцев... Какое величие!

Команда приблизилась к иллюминатору.

Каждый, в чьей сущности жил Космос, перед экраном Судьбы — бесконечным озером энергии, независимо от самого себя, начинал собственную Игру. Он видел то, о чем думал, что желал. Невольно Каляда стала свидетелем сокровенных мыслей своих друзей. Оливул и Донай искали на живой карте Лучезарный Мир. Юлька разглядывала крошечную точку среди слитка Темных Миров, где провела вместе с другом самый прекрасный день в своей жизни. Грег-Гор тоскливо смотрел на далекую Родину, обитель Племени Драконов, где жили и погибли в бою с экзисторами его мать и

отец. А Пэр и Данила следили за черной вибрирующей лентой — непознанным разумом, заключенным в пустоту.

Серафима сосредоточилась на мысли о Первом Экзистедере. Вот он — начало всех начал. Золотая звездочка в недрах Судьбы. Трасса Кочевников направлена прямо к ней.

Внимание команды перекинулось на отраженный в Зеркале злоеущий след.

— Они почти у цели, — прошептала Юлька.

— В нашем распоряжении один Путь, — откликнулась Каляда. — Волк как Экзистедер внутри другого, более сильного, неактивен. Мы пойдем сквозь Зеркало так медленно, как только позволят двигатели, и подготовим свою Игру. Все вместе, зафиксируйте в уме нашу конечную точку... Внимание... Самый малый вперед.

Пилот потянул рычаг.

Мутная мгла окружила Крылатого Волка. Движения не ощущались. Казалось, корабль остановился в мертвом безмолвии.

— Сколько у нас времени, капитан, — голос Оливула прозвучал будто издалека.

Серафима подняла взгляд на хронометр. Секунды замерли на циферблате, но ответ вручил Космос.

— Половина бортового часа, — она не без усилий отодвинула от себя и друзей опасное оцепенение, воцарившееся в безвременье, и продолжала. — Итак, мы не уничтожим Кочевников, а изолируем их во вновь построенном Мире. Где именно, покажут Архивариусы. Наша задача — увести Волка в определенный ими пункт.

— Я так понял, — осторожно начал Донай, покосившись на панели управления, растянутые вдоль стен кабины, — наша зверюга собирается поиграть самолично.

— В этом и состоит сложность, — подтвердила Серафима. — Управление кораблем будет подчинено Игре Великого, а мы станем призмой преломления сил Семи Стихий. Другими словами, физически никаких иных функций выполнять не сможем.

Подступила растерянность. Пауза затягивалась, и на лицах внемиренцев начала сгущаться тень безысходности.

Выступая на совете, Каляда полностью отдавала себе отчет, насколько сложной в решении является поставленная задача, но поручкой ей была вера в свою команду. Она знала глубину аналитического ума Оливула и непреклонность Донай в достижении выбранной цели; тонкую интуицию Юльки и невостремованные пока способности Пэра; она знала, что для юного Грег-Гора не существует понятие “невозможно”, а молодой Гаюнар, подобно его Стихии, таит в себе огромный потенциал новаторского дерзания. Им всем предстояло поверить в эту коллективную силу, равной которой не проявлял никто, пока тропа одиночной судьбы не влилась в одну магистраль начертанную Стихиями.

— Нам нужно придумать, как управлять Волком, минуя аналитический процессор, — произнесла Каляда.

— Может быть какого-нибудь автопилота создадим? — пробормотала Юлька и посмотрела на Белого князя.

— В лаборатории есть старый компьютер, — вдруг оживился Гаюнар, — видимо, отец приволок его на борт из какого-то Мира. Подсоединим его к главному процессору Волка и в нужный момент задействуем. Тогда все управление пойдет с терминала, не принадлежащего кораблю, а так как Волк все-таки звездолет, он будет подчиняться введенной нами программе, а не Игре.

— Оливул, Грег-Гор? — Каляда тут же ухватила за эту идею.

— Чтобы перепрограммировать систему нужно время, тесты, — с сомнением проговорил Белый князь, однако мысль его уже работала в установленном направлении.

— Мы мигом всё подключим так, что комар носа не подточит! — с жаром воскликнули близнецы и один за другим выскочили в коридор.

Бер-Росс напряженно смотрел им вслед.

— Серафима, но если в программе будет хоть одна ошибка, — заговорил он вновь, — все погибнет!

— Мы исключим ошибки, Оливул, — заверила Каляда. — Я сумею оттестировать твой модуль.

— А кто все это запустит, если мы будем заняты Игрой? — задал вполне логичный вопрос Пэр и не слишком уверенно предложил. — Может быть Аполлон и Артемида?

Услыхав свои имена, собаки, послушно сидящие в сторонке, навестили уши.

— Вот это уже из области фантастики, — поморщился Донай.

— А мы сделаем иначе, — вдруг сказала Серафима. — Донай, Данила, вас заменят ваши артефакты.

Обескураженное молчание.

— Смерть и Жизнь останутся в Игре, — капитан говорила чуть быстрее обычного. — Меч Смерти и псы, наделенные силой Жизни, выполняют миссию Стихий, а вы оба в это время поведете корабль.

— Однако! — протянул Синий князь. — Решение достойное Великих!

Близнецы вернулись в кабину. Один нес процессор старого компьютера, другой монитор и дополнительные интерфейсы. Получив безмолвное одобрение капитана, Гай-Россы взялись за монтаж.

➤21◀

В кабине тишина. Только шуршание клавиатуры под проворными пальцами Белого князя да поскрипывание монтируемых Грегом и Гором кабельных разъемов. Изредка раздавались отрывочные фразы: Данила называл Пэру и Юльке номера измененных блоков для модели подключения, Каляда в полголоса корректировала операции Оливула. Донай стоял за спиной брата, следя за появляющимися на экране новыми строками кодов.

— Входят как по маслу, — сообщил Гор; Грег обернулся к пилоту: — Данила, проверяй.

Оливул, отодвинувшись от терминала, стер тыльной стороной ладони каплю пота, сползающую по виску.

— Вроде бы готово.

Серафима наклонилась к клавиатуре и запустила прокрутку текста программы. Коды помчались по монитору. Оливул отвернулся.

— Ты думаешь, я в этом разберусь? — шепотом спросил его Донай.

— Чисто, — заключила Каляда. — Друзья, у нас остается три минуты.

— Запоминай порядок запуска, — быстро сказал Белый князь.

Он успел показать Донаю особенности перекодированного модуля до того, как капитан громко объявила.

— Внимание, выходим в пространство Структуры!

Матовое озеро Зеркала Судьбы пропало, и Крылатый Волк погрузился в черную бездну. Где-то поблизости скрывался Первый Экзистедер. В преддверии таинства внемиренцы на минуту забыли о Кочевниках и все, как один, обратились к фронтовому иллюминатору, ожидая увидеть то, что дало начало Судьбе. Однако их ждало разочарование: никакой конкретной формы Экзистедер Великих не имел, и лишь необъяснимое чувство, схожее с ощущением наступающего сочельника, указывало на присутствие чего-то грандиозного и недоступного.

Корабль сам развернулся по курсу надвигающейся пустоты. Поток ее начал спешно искривляться — Кочевники заметили противника. И каждый из семи на Волке услышал внутри себя голос Стихий — пора.

Они вышли в центр кабины и встали полукругом. Центральный иллюминатор — око Крылатого Волка — стал их глазами.

Твердь. Воздух. Огонь. Вода. Смерть. Жизнь.

Над кораблем-Экзистедером начал формироваться плотный нематериальный столб. Шесть струй, светлых и темных, жестких и мягких, пышущих жаром и холодных как лед переплетались в неразделимый жгут.

Космос замкнул единение.

Энергия Стихий пронизала Волка. Он вздрогнул, как очнувшийся зверь. Развернулись прозрачные крылья, распрямились лапы-шасси, и из ниоткуда возникший сияющий белизной диск начал медленно раскачиваться над его спиной. Мнимый конус, основу которому создали раскинутые крылья, а вершиной стала неподвижная точка маятника, приобрел зеленоватый оттенок, присущий заструктурному Ничто.

Поток Кочевников устремился к Волку. Он бурлил, пульсировал и извивался, но созданное Экзистедером Великого пространство — крупца самой первой, разрушенной Судьбы — неумолимо всасывало в себя то, отважилось существовать без формы и места вопреки всем законам Игры. Это продолжалось минуту или вечность, и вот наступил миг, когда последняя капля пустоты утонула в недрах ловушки.

Маятник мерно чертил одну и ту же дугу. Но каждый взлет его был теперь чуть ниже предыдущего...

До тех пор, пока он качается, чужая Судьба существует в нашей Судьбе. Серафима смогла выделить именно это знание из несвязной массы информации, которую каждое мгновение обрушивал на нее Космос.

— Они же живут!

Взорвал натянутую тишину голос Данилы.

Пустота перед его глазами уже не была пустотой. Он видел. Видел, как мечутся в замкнутом кругу не нашедшие формы Сущности. Одних обуял ужас, безысходность сковала других, третьи в гнев слали проклятия тому, кто убивал их во второй раз.

Воздух на миг нарушил строй Стихий, и маятник взлетел ввысь. Пэр пошатнулся.

— Сохраняйте спокойствие, — глухо произнесла Каляда. — Данила, Донай, к управлению.

Гаюнар погладил собак. Жизнь послушно осталась над животными, а он вышел из круга. Юлька подтянула к себе Артемиду, Пэр положил руку на спину Аполлона. Донай передал Оливулу Меч и тревожно глянул на пустоту внутри ловушки.

— Эй, живее! — окликнул его Гаюнар, державший в руках приготовленные к подключению кабели и шины.

Ви-Брук запрыгнул в кресло бортинженера.

— Двигатели... Направляющие цепи... Энергетический распределитель... — шептал он как заученный урок, выводя в режим ожидания одну систему за другой. — Гаюнар, давай!

Данила принялся вставлять разъемы. Прошло несколько секунд, прежде чем клацнули последние клеммы, и выдавший виды старый компьютер стал ведущим органом аналитического процессора звездолета.

— Готово!

Ви-Брук вдавил клавишу пуска. Перепрограммированный модуль внедрился в управляющую систему и с изяществом змеи устремился наперерез сигналам, поступающим от центрального анализатора корабля.

— Есть! — воскликнул Данила, увидав на мониторе наспех сделанное Оливулом сообщение — “Управление локализовано”.

Донай тут же поменял дислокацию. Теперь старенькая затертая клавиатура лежала у него на коленях, а он сам сидел на полу перед допотопным тридцати двух разрядным компьютером, которому давно пора было бы отправиться на покой, но на который по иронии судьбы возлагались все надежды избранных Стихий.

Гаюнар задействовал линию пилота.

— Капитан? — он обернулся через плечо.

— Веди корабль. Ты за капитана...

Даниле в первый момент стало не по себе. Он не боялся оказаться один на один с машиной звездолета, но все же накатило волнение, похожее на то, что встречает курсанта в кабине перед первым вылетом. Ви-Брук нервно тер пальцами ребро клавиатуры. Гаюнар сделал два глубоких вдоха — обычное упражнение перед стартом. Сердце вошло в привычный ритм.

— Донай, сбалансируй энергию на двигателях и рулевых блоках... Так. Теперь стартовый бросок.

Образовалась пауза.

— Что там у тебя? — обернулся Гаюнар.

— Ничего. Он соображается медленнее, чем я спросонья!

Грег и Гор обеспокоено посмотрели на старшего брата. На лице Оливула, бледного как мел от усталости и напряжения, не дрогнула ни одна жилка, хотя он не мог не знать, что для компьютера, все время своего существования занимавшегося обслуживанием информационных справочников в каком-то далеком Море, управление космическим кораблем на Пути Структуры может оказаться непосильным.

— Поехали! — провозгласил Донай.

Крылатый Волк медленно поплыл вперед. Окончательный курс еще не был задан, но даже при минимальном перемещении Пэр, Юлька, Грег-Гор, Оливул и Каляда почувствовали, как натянулся энергетический столб, держащий на себе построенную маятником ловушку.

Где-то в кают-компании загудела предупреждающая сирена.

— Перегрузка четвертого двигателя, — бросил Донай.

— Ничего не предпринимай, — вмешался Бер-Росс, — возможно, это его Игра.

— Где эти чертовы Архивариусы! — воскликнул Данила, тщетно ища на навигационной сетке новые объекты.

— Ближе. Жди, — произнесла Серафима.

Столб, образованный силой Стихий, завибрировал. Стоящие в кругу замолчали, и воля всех семерых сжала энергию воедино. Волк нехотя полз вдоль какого-то Пути.

Напряжение достигло предела. Донай, как ни старался сосредоточиться на вверенном ему участке управления, постоянно чувствовал за спиной жгучий холод Стихии. Меч Смерти в руках Оливула дрожал и беззвучно звенел, теряя силы с каждой минутой. Твердь держала его в себе, но и ее мощь неумолимо иссякала.

— Донай, подключай навигационное сопровождение! — скомандовал Данила.

Ви-Брук ввел параметры.

Компьютер задумался.

За иллюминатором появилась одинокая звезда. Шар, похожий на идеально ровный астероид, окруженный черным до белизны свечением, медленно плыл в глубину Структуры, маня за собой Крылатого Волка.

Прошло двадцать долгих секунд, пока на пульте пилота появились коды фарватера.

— Так. Полный вперед!

Корабль ринулся за планетоидом Архивариусов.

Юлька вскрикнула и упала на колени. Нечто иное, чем тяжесть, иное, чем боль, чем давление или невесомость, и в то же время нечто общее для всех этих ощущений навалилось на внемирнцев Стихий. Жалобно завывали собаки. Меч Смерти вспыхнул грозовой синью и потянул Оливула вниз, как многопудовая гиря. Над близнецами нависла тень дракона. Пэру показалось, будто невидимые тиски норовят сжать тело до размеров теннисного мяча. Серафима впиалась пальцами в спинку кресла.

— Не теряйте связь со Стихиями, — произнесла она.

Пэр подхватил Юльку под руку.

— Вставай, вставай, сестричка... — зашептал он.

Оливул нашел в себе силы сделать шаг к подруге и приподнял ее с другой стороны. Донай хотел было подскочить к брату, но Гаюнар в этот момент запросил новый режим, и ветеран-компьютер болезненно загудел.

— Перегрузка, — заключил Синий князь, как только взглянул на диагностику.

— Сделай с ним что-нибудь!

Донай не придумал ничего лучше, как ощутимо хлопнуть компьютер по корпусу:

— Давай, старичок, не подводи нас, — попросил он, будто разговаривал с живым человеком.

В недрах допотопного процессора заурчало.

Каляда сквозь марево энергетического столба, отделявшего ее от иллюминатора, увидела, что планетоид замер посреди обширного пространства, свободного от путаницы Миров и переплетения Путей.

— Серафима, маятник, — глухо выдавил Пэр.

Колебания неотступно угасали, и вместе с тем сжималась пустота внутри конуса.

— Держитесь, друзья.

Сенсорная волна заставила Юльку прийти в себя. Поблекла и тень дракона, плавающая над Грег-Гором. Оливул крепче сжал Меч. Выпрямился и расправил плечи Пэр, вслед за ним подняли головы собаки. Блестящий диск подчинился воли Стихий и вновь взлетел на максимальный уровень.

В этот момент в кабине раздался громкий хлопок, запахло паленым и из щелей в корпусе компьютера потек дымок. Донай не долго думая отшвырнул аппарат к двери, подальше от приборных панелей и энергетического распределителя. Траектория движения корабля на навигационном табло отклонилась от обозначенного курса, однако конус и маятник над Волком остались незыблемы.

— Всё. Компьютера нет! — крикнул Ви-Брук; ему казалось, что в гудящем как натянутая струна воздухе кабины его голоса уже не слышно. — И бортовой анализатор заблокирован. Данила?

— Ничего. До Архивариусов пол-Пути. Дотянем!

Гаюнар посмотрел на Кочевников. Буйство внутри мутного зеленоватого пространства заметно угаšlo.

“Не бойтесь, ребята. Мы не бросим вас”, — подумал он.

В распоряжении пилота оставалось только ручное управление. Данила постарался отключиться от внешних звуков и движений. Цель, Путь, терминал — больше ничего рядом не существовало. Волк нехотя плыл навстречу планетоиду, окутанному необычным черным сиянием. Хронометр отщелкивал секунды медленнее, медленнее, и в конце концов застыл вовсе. Замерли индикаторы и счетчики на терминалах.

Черный шар — Дом Архивариусов — молнией метнулся в глубину Структуры и исчез среди далеких Путей. Корабль-Экзистедер, повинувшись пилоту, остановился, и Стихии, опутав призрачный конус-ловушку струями своих энергий, начали выстраивать для чужеродного пространства устойчивую оболочку...

Первой отпустила волю избранника Жизнь. За ней вышла из круга Смерть. Донай вздрогнул, когда Меч гулко ударился об пол, выпущенный Оливулом. Данила, круги перед глазами которого вдруг прекратили вращаться, и кабина предстала в обычном своем виде, увидел собак, в изнеможении повалившихся под ноги Пэра. Псы, тяжело дыша, будто после отчаянной гонки, лежали, сомкнувшись носами, и страдальческими черными глазами косились на хозяина.

От энергетического столба отделились Огонь и Вода. Маятник замедлил взмах, резко упал вниз и вяло качнулся в противоположном направлении. Воздух завершил свою роль.

Падение и следующий невысокий подъем. Оливул окунулся в уверенные сильные слои Тверди. Сознание воспрянуло из опасной туманной дали.

Связь только что рожденного Мира Кочевников с Судьбой удерживал теперь один лишь Космос. Все взоры были обращены к Серафиме.

— Нужно построить Путь. Одиноким Мир Структура отторгнет, — быстро проговорила женщина-Посредник.

Внемиренцы растерянно переглянулись. Невозможно протянуть Путь, не коснувшись точки, куда он ведет. А сможет ли существовать кто-либо из жителей Судьбы в пространстве Мира Кочевников?

Крылатый Волк содрогнулся...

Они сражались и победили. Стихии Мироздания обхитрили Великого и отняли цель, изменив условия Игры. Но зачем? Зачем понадобилось семи внемиренцам рисковать собой? Экзистедер мог бы уничтожить всех, стоило одному ослабить волю. "...Каждый, кто остался на просторах Судьбы без места бытия, способен обрести себя"... Слова Возничега Воздуха опять восстали из памяти. "Семь Стихий Мироздания во мне, в тебе, во всем сущем"... Логика компоновала обрывки суждений и толкала рассудок по ступеням вверх, к истине. Великий пришел в Судьбу, сотворил образы Стихий и остался одинок. Он, Волк, пришел и, вобрав в себя дух их, стал частью Судьбы. Экзистедер исчезает, теряя свое назначение. Он существует, значит его цель не потеряна, а изменена. Часть Судьбы — вот ответ.

— Что это?! — Данила отскочил от пульта, когда над приборной панелью возникло тусклое свечение и контуры линии стали медленно растворяться.

Распахнулся Космос. Изумленные, друзья обнаружили, что вместо кабины управления их окружает черная пелена Структуры. Серафима притянула Путь. Друзья торопливо встали на качающуюся в Черноте дорогу и огляделись. Огромный волк мерно бежал по пространству навстречу новому Миру, внутри которого жила пустота. Вот он остановился и оглянулся на Избранных Семи Стихий. Они видели его немного грустный прямой взор, чуть приоткрытую пасть, серые космы густой шерсти. Он оставался близок, но был уже неимоверно далек.

— Волк, — негромко позвал Пэр.

Заскулили Аполлон и Артемида. Крылатый Волк напрягся, будто хотел броситься назад, вытянул шею и протяжно завыл. Собаки замолчали и в следующую секунду подхватили его грустный вой. Луч света, как мимолетный взгляд, пронесся над ними и пропал, оставив в шерсти россыпь искр. Волк повернулся и не спеша пересек границу Мира Кочевников. В черноте Структуры, там, где он ступал, проявились опоры, и между ними лег Путь, конец которого терялся в зеленоватом облаке нового Надмирья.

— Волк простился? — дрогнувшим голосом спросила Юлька. — Навсегда?

Серафима взглянула на притихших собак.

— Он оставил им свою память, — и после недолгого молчания продолжала: — Не будем привлекать внимание случайных прохожих. Лучше, чтобы об этом Мире и о тех, кого Судьба приняла под свой кров, пока не знает никто кроме нас и Архивариусов.

— Думаешь, Репликант-сыщик не найдет его? — поинтересовались Грег и Гор.

— Найдет, наверное, — Серафима лукаво улыбнулась. — Но разве этот Мир не принадлежит нашей Структуре? И кто посмеет сказать теперь, что Кочевники — чужаки?

Друзья рассмеялись.

— Так. Неплохо было бы отдышаться, прежде чем мы начнем пробивать себе дорогу к Первому Экзистедеру, — предложил Данила.

С ним охотно согласились.

Аполлон и Артемида завияли хвостами, и стоило Каляде сделать шаг, помчались вперед с радостным лаем.

— Не знал, что они умеют бегать по Структурным тропам, — усмехнулся Донай, убирая Меч.

Оливул взял Юльку за руку.

— У них отныне память Волка, — отозвался он.

— А все же жаль, что Волка больше нет, — вздохнула девушка..

— Он выполнил все, что отписал ему Великий, — сказал Пэр. — Без цели он стал бы таким же вычеркнутым из Миров Структуры, как Кочевники. А теперь у него есть свое место в Судьбе!

Внемиренцы двигались по Пути. Крошечная блестящая точка среди безграничного пространства. Нити потоков, паутина каналов, сгустки Миров, сияние Истока и мрак Завершения. Структура лежала на черном экране, как в Зеркале Судьбы.

“Они сыграли свою Игру. Но как бы то ни было Игра закончилась в мою пользу. Теперь перед Кодексом я не виновен... Удивительно: я и не думал, что Экзистедер способен размышлять... Однако, Главный Экзистедер все еще существует, а значит, миссия избранных Стихиями не завершена”.

— Идеалист-одиночка, задумавший построить Счастье, затем Кочевники, пожелавшие вернуть себе то, что ушло навсегда. Что ж, посмотрим, кто начнет следующий крестовый поход к Экзистедеру.

— Простите, я не понял вас, герцог.

— Нет-нет, мой мальчик, я говорил сам с собой, — тень от широкого плаща заслонила изображение. — Видишь, Избранники Стихий изменили мой сюжет. Они обрели силу в единстве, научились творить вместе, как сами Стихии. По всей вероятности, дальнейшие поступки их даже мне нелегко будет предугадать.

